

АРМЕЙСКИЕ ЧЕКИСТЫ

Редакционная коллегия:
генерал-майор Н. Т. Середич (председатель),
генерал-майор в отставке В. П. Горбушин,
полковник в отставке Г. Г. Власов

Составители:
А. А. Богданов, И. Я. Леонов

Армейские чекисты: Воспоминания военных
А83 контрразведчиков Ленинградского, Волховского и
Карельского фронтов/Сост.: А. А. Богданов, И. Я.
Леонов. — Л.: Лениздат, 1985. — 368 с., ил.

В суровую военную пору об этих людях писали мало, но они выполняли важные и трудные задачи — срывали коварные замыслы фашистской разведки, выявляли шпионов и диверсантов. О многих делах и операциях военных контрразведчиков рассказывается в книге, которая предназначена для широкого круга читателей.

А $\frac{0505030202-120}{M171(03)-85}$ 88—85

63.3(2)722

© Лениздат, 1985

ВО ИМЯ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ

Четыре десятилетия отделяют нас от исторического Дня Победы над фашистской Германией.

Советский народ и его доблестные Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии нанесли сокрушительное поражение гитлеровской Германии и ее сателлитам, отстояли честь, свободу и независимость нашей Родины, освободили десятки миллионов людей Западной Европы от фашистского ига.

Вместе со всем советским народом и его Вооруженными Силами активно боролись против фашизма и органы государственной безопасности. В годы Великой Отечественной войны вся их деятельность была подчинена борьбе за победу над гитлеровскими захватчиками.

Стремись обеспечить осуществление своих преступных планов по разгрому Советского Союза, главарь фашистской Германии привел в действие весь огромный разведывательно-подрывной аппарат гитлеровских секретных служб. Перед ними была поставлена задача—подорвать боевую мощь советских войск, ослабить военно-экономический потенциал нашей страны, подавлять антифашистскую деятельность патриотических сил, действовавших в гитлеровском тылу.

Главным объектом подрывных акций фашистской разведки являлись соединения и части действующей Красной Армии, в расположение и на коммуникации которых противник забрасывал через линию фронта тысячи шпионов, диверсантов, террористов.

Центральное место в системе германских секретных служб занимал так называемый абвер—Управление иностранной разведки и контрразведки верховного командования вооруженных сил фашистской Германии. Во главе абвера стоял участник злодейского убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, убежденный нацист адмирал Канарис, начавший карьеру разведчика еще во время первой мировой войны.

Руководство всей разведывательной, диверсионной и контрразведывательной деятельностью на советско-германском фронте осуществлял специальный орган абвера—«штаб Валли». Подчиненные ему органы военной разведки—абверкоманды и абвергруппы—имелись при всех крупных

штабах фашистского вермахта. В дивизиях и воинских частях функционировали офицеры абвера.

Вскоре после начала войны ведомство палача Гимmlера — главное управление имперской безопасности сформировало специальный разведывательно-диверсионный орган под названием «Цепелли», который должен был вести активную подрывную деятельность в глубоком тылу нашей страны. Особая команда «Цепелина» находилась в оккупированной гитлеровцами Гатчине. Ее действия распространились от северных районов Белорусской ССР до Финляндии. Главной задачей команды являлась расправа над населением Ленинграда в случае захвата его гитлеровцами.

Стремясь парализовать активную деятельность антифашистского подполья и советской разведки в тылу гитлеровских войск, подавить широко развернувшееся партизанское движение, руководители секретных служб гитлеровской Германии создали на временно оккупированной советской территории разветвленную сеть своих контрразведывательных и карательных органов. В частности, против советских патриотов в тылу врага действовали подразделения абвера и резидентуры созданного при «штабе Вали» контрразведывательного органа «зондерштаб Россия», отделы войсковой разведки (ИЦ) и группы фронтового гестапо — тайной полевой полиции (ГФП), особые команды полиции безопасности и СД, отряды полевой жандармерии и другие.

По своим масштабам и ожесточенности подрывная деятельность секретных служб фашистской Германии в годы минувшей войны не имеет равных себе в истории. Достаточно отметить, что против нашей страны абвер сосредоточил свыше 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных органов и создал более 60 специальных школ по подготовке агенты.

Не менее четвертой части этих органов и школ действовали против Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов. В их числе были два территориальных органа абвера, три абверкоманды, 11 абвергрупп, 14 школ по подготовке шпионов, диверсантов и радистов, ряд подразделений других разведывательных, контрразведывательных и карательных органов фашистской Германии. Основными формами подрывной деятельности гитлеровской разведки являлись шпионаж, диверсии и террор.

Готовясь к войне против СССР, Гитлер и уже с ним делали ставку на свои разведывательные и карательные органы. Но, как известно, надежды гитлеровского руководства не оправдались. Фашистской разведке были противопостав-

лены хорошо организованные, подготовленные кадры советских органов государственной безопасности.

Центральный Комитет Коммунистической партии, Советское правительство, Государственный Комитет Обороны поставили перед органами военной контрразведки на период войны сложные, ответственные задачи: умело организовать и повести решительную борьбу со всеми видами подрывной деятельности фашистской разведки, сорвать ее коварные замыслы, направленные против Советских Вооруженных Сил, не допустить утечки сведений о планах и замыслах нашего военного командования, а также вести борьбу с трусами, паникерами и распространителями провокационных слухов.

В годы Великой Отечественной войны проверялась способность нашей военной контрразведки противостоять мощной разведывательно-подрывной машине фашистской Германии, парализовать ее шпионскую, диверсионно-террористическую и пную подрывную деятельность, обеспечить в разведывательном и контрразведывательном отношении проведение крупных оборонительных и наступательных операций советских войск, проводить за линией фронта разведывательную и контрразведывательную работу.

Вместе со всеми военными контрразведчиками успешно решали эти задачи чекисты Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов, защищавшие Ленинград и северо-западные районы нашей страны. По призыву нашей партии на работу в особые отделы фронтов пришли многие коммунисты и комсомольцы из числа командиров и политработников армии и пограничных войск, активисты партийных и комсомольских органов. Под руководством начальников особых отделов молодые армейские чекисты в короткие сроки успешно овладели профессией, научились разоблачать и обезвреживать вражеских агентов.

Во главе особых отделов фронтов стояли опытные чекисты. Особый отдел Ленинградского фронта возглавлял комиссар государственной безопасности 3-го ранга П. Т. Курица, в прошлом начальник Ленинградского областного управления госбезопасности. В 1942 году его сменил дивизионный комиссар А. С. Быстров. Особым отделом Карельского фронта руководил член КПСС с 1925 года дивизионный комиссар П. А. Гладков. Начальником Особого отдела Волховского фронта был дивизионный комиссар Д. И. Мельников.

Особые отделы армий возглавляли энергичные, знающие свое дело чекисты Д. Г. Гончаров, Ф. И. Гусев, А. А. Исаков, З. Л. Канторович, Д. И. Марков, М. П. Недрига, Г. В.

Утехин (Ленинградский фронт), И. С. Качалов, С. И. Никитиц, А. Ф. Паикратов, Ф. Г. Петров, В. А. Чугунов, А. Г. Шашков, И. В. Шиншлин (Волховский фронт), Н. Н. Клочев, А. В. Никитиц, А. В. Оленичев, И. С. Павлов, Ф. К. Сурмач (Карельский фронт) и другие.

Опираясь на помощь военных советов, особые отделы фронтов Северо-Западного направления умело решали возложенные на них сложные и ответственные задачи. Активно работали партийные организации особых отделов, мобилизуя и направляя коммунистов-чекистов на успешное решение стоящих перед ними задач. Сообразуясь со сложившейся оперативной обстановкой на фронтах и в их тылу, чекисты Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов развернули активную борьбу против абвера и других секретных служб фашистской Германии.

Беспредельно преданные Коммунистической партии и социалистической Родине, армейские контрразведчики глубоко сознавали опасность, нависшую над нашей страной, и делали все возможное для разгрома врага. Следуя славным чекистским традициям, сложившимся в первые годы Советской власти, при Ф. Э. Дзержинском, они всю свою работу вели под руководством Центра и партийно-политических органов фронтов и армий, опираясь на повседневную помощь армейских коммунистов и комсомольцев, всех советских воинов, строго соблюдали социалистическую законность.

В интересах успешной борьбы с вражеской разведкой чекисты трех фронтов Северо-Западного направления работали в тесном взаимодействии. Они согласовывали свои мероприятия, особенно во время подготовки и осуществления крупных наступательных операций наших войск, обменивались опытом контрразведывательной работы с особыми отделами других фронтов, с чекистами Краснознаменного Балтийского и Северного флотов, поддерживали постоянную связь с органами госбезопасности Ленинграда, Карелии, Мурманской и Архангельской областей. Все это давало возможность армейским чекистам совершенствовать свое профессиональное мастерство, обогащать его новыми формами и приемами борьбы с врагом.

В апреле 1943 года ГКО принял постановление о реорганизации особых отделов в органы контрразведки «Смерш» („Смерть шпионам“) с передачей их из НКВД в ведение Наркомата обороны СССР. Это решение привело к еще большему взаимодействию армейских и флотских чекистов с военным командованием в интересах своевременного и решительного пресечения подрывных акций вражеской разведки против советских войск, к переходу от преи-

мужественно оборонной тактики к активным наступательным методам борьбы с абвером, к усилению разведывательной и контрразведывательной работы военных чекистов в тылу врага.

Изодренность форм и методов гитлеровской разведки, ее высокая активность потребовали от советских военных контрразведчиков огромного напряжения сил и энергии, профессионального мастерства, мужества. Особенно тяжелые испытания выпали на долю чекистов и разведчиков, действовавших в тылу врага. Имена многих прославленных разведчиков широко известны советскому народу, а их подвиги отмечены высокими наградами Родины.

На счету чекистов Ленинградского, Карельского и Волховского фронтов немало умело подготовленных и успешно проведенных операций по проникновению советских разведчиков в учебные и оперативные подразделения абвера и других специальных служб гитлеровской Германии. Проявляя стойкость и мужество, наши разведчики раскрывали планы абвера, добывая сведения о шпионах и диверсантах, подготовленных к заброске в расположение наших войск. Это способствовало успешной работе армейских чекистов по своевременному обезвреживанию вражеской агентуры.

Действуя в логове врага, больших успехов добились разведчики Н. С. Андреев, Н. И. Александрова, С. Д. Гоменюк, М. Д. Каращенко, М. О. Малышев, Б. А. Соломахин, В. К. Ющенко и другие. Пройдя тяжелейшие испытания, сумел проникнуть в разведывательную школу абверовского шпионского центра группы армий «Север» замечательный советский разведчик Мелетий Олегович Малышев. Возвратившись из логова врага, он принес чекистам сведения на сто пятьдесят семь гласных и негласных сотрудников фашистской разведки.

Действовавший в центральной школе абвера близ Кенигсберга разведчик Николай Степанович Андреев не только собрал данные на более чем восемьдесят официальных сотрудников школы и агентов, подготовленных к заброске в тыл советских войск, но и сумел склонить к явке с повинной четырех выпускников разведшколы. Отважная разведчица Надежда Ивановна Александрова, действуя в течение двух лет в стане врага, принесла в армейскую контрразведку важные сведения об абвергруппе-326, о заплдагере в Вильянди, об отделе 1Ц штаба 18-й немецкой армии, о курсах пропагандистов РОА, много ценных фотодокументов.

За успешное выполнение заданий и проявленные при этом мужество и отвагу командование наградило М. О. Малышева, Н. С. Андреева, Н. И. Александрову и других наших разведчиков орденами.

Умело руководили работой по подготовке разведчиков и внедрению их в разведцентры противника начальники контрразведывательных подразделений особых отделов Ленинградского фронта — Д. Д. Таевере, затем П. А. Соснихин, Волховского фронта — С. М. Выползов, Карельского фронта — С. И. Холево.

Весьмый вклад в победу над фашистскими захватчиками внесли чекисты фронтов Северо-Западного направления в ходе подготовки и осуществления крупных наступательных операций. В период иланпирования этих операций командование и военные советы фронтов учитывали добываемую чекистами информацию о противнике, ставили перед ними задачу—не допустить проникновения шпионов и диверсантов в расположение наших войск, лишить фашистское командование возможности разгадать планы и замыслы нашего командования о нанесении главного удара. Вот один из примеров.

15 декабря 1942 года член Военного совета Ленинградского фронта, секретарь ЦК партии А. А. Жданов собрал в Смольном руководящий состав особых отделов и поставил перед чекистами задачу — не допустить разглашения данных, связанных с предстоящей наступательной операцией по прорыву блокады Ленинграда, получившей условное название «Искра». Особыми отделами Ленинградского и Волховского фронтов была проведена большая работа по ограждению готовившихся к наступлению войск от проникновения агентуры вражеской разведки. Она проводилась в сочетании с мерами командования по усилению скрытого управления войсками, ограждению работы войсковых радиостанций, проведению других маскировочных мероприятий.

Используя явившихся с повинной агентов-радистов абвера, чекисты передавали в разведцентр противника ложные данные о сосредоточении и передвижениях наших войск. Эти дезинформационные сведения подкреплялись соответствующими маневрами войсковых подразделений и боевой техники. В результате удалось ввести гитлеровское командование в заблуждение, что способствовало успешному проведению операции по прорыву вражеской блокады Ленинграда. Аналогичные мероприятия по оказанию всемерной помощи командованию проводились армейскими чекистами в ходе подготовки и осуществления всех последующих наступательных операций Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов.

В тесном взаимодействии с командованием, полнторганами, партийными и комсомольскими организациями, войсками Красной Армии, пограничными частями, охранявшими

войсковой тыл, армейские чекисты принимали действенные меры к своевременному задержанию и обезвреживанию шпионов, диверсантов и террористов, пытавшихся проникнуть в расположение наших войск.

Насколько умело и результативно работали военные контрразведчики, наглядно свидетельствует такой факт. Судя по отчетам абвера, из 150 шпионских групп, заброшенных разведкой противника за период активных боевых действий под Ленинградом, только двум удалось выполнить поставленные перед ними задачи. Остальные были обезврежены советской военной контрразведкой.

Ощутимые удары по гитлеровской разведке наносились армейскими чекистами на Волховском и Карельском фронтах. В результате фашистское командование лишалось возможности получать данные о предстоящих наступательных операциях советских войск. По показаниям взятых в плен гитлеровцев, каждое наступление наших войск для них оказывалось большой неожиданностью.

Высокая оценка деятельности армейских чекистов в годы минувшей войны дана в книге «История ордена Ленина Ленинградского военного округа», где сказано: «Успешно действовали армейские органы безопасности. В трудной и исключительно сложной борьбе с вражеской агентурой проявили себя чекисты Д. Г. Гончаров, А. А. Исаков, Н. С. Качалов, Д. И. Марков, А. А. Богданов, Ф. И. Веселов, Г. Г. Власов, С. Н. Жутяев, Б. И. Иванов, С. Г. Исаев, Н. М. Лимов, Н. Н. Кошелев, Ф. И. Гусев. Они, как и многие другие их товарищи по оружию, сорвали не один коварный замысел абвера, стремившегося подорвать оборону Ленинграда изнутри, внедрить свою агентуру в советские войска, получить подробные сведения об их численном составе и вооружении».

Военные контрразведчики фронтов Северо-Западного направления совместно с командованием проводили большую работу по дезинформации абвера, а через него — фашистского командования. В результате хорошо продуманных и умело подготовленных мероприятий был успешно осуществлен ряд акций по дезинформации врага. Образцом может служить тщательно подготовленная и блестяще проведенная операция «Возвращение» с выводом за линию фронта нашего разведчика М. Д. Карашенко. Ему было дано задание дезинформировать шпионский центр группы армий «Север» относительно планов советского командования по разгрому пестергофско-стрельнинской группировки врага и снятию блокады Ленинграда.

Благодаря мужеству и самоотверженности М. Д. Карашенко цель была достигнута. Гитлеровское военное руковод-

ство было введено в заблуждение, в результате чего последовал приказ передислоцировать два войсковых соединения СС к правому флангу Ораниенбаумского плацдарма в то время, как наступление наших войск планировалось начать на левом фланге. Эта операция способствовала успеху войск Ленинградского фронта по разгрому гитлеровских дивизий и освобождению Ленинграда от вражеской блокады.

Захваченные у врага документы свидетельствуют, что неприятельская разведка не сумела добыть достоверные данные ни об одном плане крупных наступательных операций Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов. Абвер не смог осуществить на Северо-Западном направлении ни одной серьезной диверсии. Противнику не удалось внедрить своих агентов ни в один из штабов частей и соединений, ни в один орган разведки и контрразведки наших фронтов, в то время как разведчики армейских чекистских органов действовали во многих учебных и полевых органах абвера, нацеленных против войск Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов.

Постоянно находясь в боевых порядках войск, чекисты фронтов Северо-Западного направления не только выполняли свои прямые служебные обязанности, но и непосредственно участвовали, особенно в первый период войны, в боях с фашистами. Передко в критические моменты они принимали на себя командование частями и подразделениями, потерявшими командиров. Проявляя мужество, стойкость и героизм, армейские чекисты А. С. Русяев, Ф. М. Шамшин, В. В. Каретин, Н. В. Жуйков, А. Ф. Калмыков, Ф. П. Бирев и другие умело руководили боевыми действиями против захватчиков.

Многие из чекистов фронтов Северо-Западного направления пали смертью храбрых на полях сражений, при выполнении оперативных заданий непосредственно в действующих частях и за линией фронта. Они отдали свои жизни в борьбе за свободу и независимость нашей священной Родины, за счастье советских людей.

Очень хорошо оценил деятельность советских чекистов Ю. В. Андронов в докладе «Пятьдесят лет на страже безопасности Советской Родины». Он сказал: «В годы Великой Отечественной войны служба государственной безопасности была подчинена борьбе за победу над фашистскими захватчиками... С помощью командования Советской Армии, политических органов Советской Армии и Флота военные контрразведчики ограждали наши Вооруженные Силы от вражеских шпионов, диверсантов, террористов, оберегали от противника оперативные планы советского командования.

Бесстрашно боролись с врагом чекисты-разведчики, действовавшие во вражеском тылу...

Выполняя свой священный долг перед Родиной, немало советских чекистов в борьбе с врагами отдали свои жизни. Но их имена живут и будут вечно жить в народе».

Советская Отчизна по достоинству оценила подвиги чекистов Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов, наградив многих из них орденами и медалями. нынешнее поколение армейских чекистов свято чтит память погибших товарищей и в своей повседневной работе следует славным традициям чекистов-фронтовиков.

Совет ветеранов-чекистов Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов ведет большую работу, воздавая должное армейским чекистам, активно сражавшимся в годы войны с гитлеровским фашизмом. О подвигах армейских чекистов собрано много материалов, которые помещены в школьном музее «Чекисты» в Ленинграде. Музей посещают представители рабочей и учащейся молодежи, воины Советской Армии и Флота, делегации из других городов. На примерах героических дел армейских чекистов в годы войны молодое поколение учится, как надо любить и защищать свою Родину от проносов империалистических разведок.

Сорок лет советские люди живут под мирным небом. И это—великое счастье не только для народов нашей страны, но и для всего человечества.

Однако агрессивные круги США и других стран НАТО всячески обостряют международную обстановку, усиливают гонку вооружений, активно готовятся к войне. Это обязывает всех нас быть всегда на чеку.

На мартовском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось: «Мы будем твердо следовать ленинскому курсу мира и мирного сосуществования. На добрую волю Советский Союз всегда ответит доброй волей, на доверие — доверием. Но все должны знать, что интересами нашей Родины и ее союзников мы не поступимся никогда»¹.

Администрация США в своих агрессивных планах отводит большое место специальным службам. На подрывную деятельность против СССР и стран социалистического содружества расходуются огромные средства. Особая роль в подрывной деятельности отводится военному шпионажу и идеологическим диверсиям с использованием всех имеющихся для этого средств, включая техническую разведку. Империалистические круги пытаются ослабить могущество нашей страны, нарушить интернациональное единство друже-

¹ Правда, 1985, 12 марта.

ственных с СССР государств, используя в этих целях провокации и шантаж, распространение провокационных слухов и клевету на социалистический строй.

Объектом первоочередных устремлений противника являются наши Вооруженные Силы — оплот мира и безопасности всех народов. Основные усилия спецслужбы направляют на сбор информации военного характера.

Проводя идеологические диверсии, противник делает ставку на буржуазную пропаганду, паправленную на то, чтобы подорвать социализм «изнутри», дискредитировать его в глазах идейно нестойких людей, посеять в их душах семена мещанской психологии, нигилизма и космополитизма. В этой обстановке от всех советских людей требуется высокая политическая бдительность. Борьба с империалистическими разведками является функцией не только органов государственной безопасности, но и делом чести каждого советского человека.

Армейские чекисты в настоящее время решают сложные и ответственные задачи. Они продолжают нести боевую вахту по защите мирного труда советских людей. Чекисты делают все, чтобы оправдать высокое доверие партии и народа, с честью выполнить возложенные на них задачи по обеспечению государственной безопасности социалистической Родины, наших славных Вооруженных Сил.

Настоящий сборник подготовлен ветеранами-чекистами Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов. В основе его подлинные факты, документальные данные. Лишь некоторые фамилии по ряду причин изменены.

Включенные в сборник материалы представляют лишь незначительную часть того, что сделали чекисты фронтов Северо-Западного направления в годы минувшей войны во имя победы над фашизмом. Но и это немного дает читателю представление о той напряженной, самоотверженной борьбе, которую вели армейские чекисты против опытной и коварной фашистской разведки.

Несомненно, что сборник «Армейские чекисты» будет способствовать воспитанию советских людей, прежде всего нашей молодежи, в духе беззаветной преданности своей социалистической Родине, высокой политической бдительности и непримиримости к врагам Советского государства.

Генерал-майор Н. Т. Середин

ПЕРВЫЕ УДАРЫ ПО АБВЕРУ

Н. С. ПАВЛОВ,

ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ

ГДЕ-ТО ПОД ЛУГОЙ...

После яростных танковых атак противника и много-часовых артиллерийских дуэлей в предшествующие дни с утра 16 июля 1941 года на Лужском оборонительном рубеже воцарилась пасторуженная тишина.

Ожидая вызванных на совещание начальников особых отделов дивизий, входивших в состав Лужской оперативной группы, майор Ф. Н. Парфенов перебирал в памяти события последних дней.

5 июля, когда гитлеровские бропированные полчища рвались к Пскову, Военный совет Северного (позднее Ленинградского) фронта принял решение создать Лужскую оперативную группу, поставив перед ней задачу — остановить врага. В тот же день майор Федор Нилович Парфенов, член большевистской партии с 1929 года, один из старейших чекистов Ленинградского военного округа, получил приказ начальника контрразведки фронта выехать в район Луги, сформировать, а затем возглавить Особый отдел Лужской оперативной группы.

Сотрудники вновь созданного отдела должны были организовать эффективную борьбу против вражеской разведки, оказать помощь командованию и войскам, призванным задержать противника на дальних подступах к Ленинграду и нанести ему максимальный урон в живой силе и технике.

9 июля, захватив Псков, гитлеровцы развернули наступление в направлении Луги, стремясь кратчайшим путем прорваться к берегам Невы. 12 июля две танковые, моторизованная и пехотная дивизии противника достигли реки Плюсы и завязали бой с войсками прикрытия Лужской оперативной группы. В это время еще продолжались работы по строительству Лужской оборонительной позиции. В них участвовали десятки тысяч ленинградцев и местное население.

Наступавшие немецкие дивизии натолкнулись на упорное сопротивление советских воинов. Днем и ночью не утихали горячие бои. Важные населенные пункты и узлы сопротивления по нескольку раз переходили из рук в руки.

...Окинув внимательным взглядом собравшихся, майор Парфенов открыл совещание.

— Наши доблестные воины, — сказал он, — остановили противника, пытавшегося с ходу овладеть Лугой, и выпудили командование группы армий «Север» искать обходные пути. Чекисты воинских частей Лужской оперативной группы, ведя решительную борьбу с паникерами и распространителями провокационных слухов, оказали нашему командованию существенную помощь в укреплении боеспособности войск. Некоторые оперативные работники, находясь в частях переднего края, с оружием в руках принимали участие в отражении ожесточенных атак противника. Будем считать, что на этом этапе борьбы с врагом мы достойно выполнили свой долг. Но сегодня на первый план выдвигается наша главная и более сложная задача — пресечь шпионские акции абвера на нашем участке фронта.

Далее майор Парфенов разъяснил, что в связи с вынужденной остановкой вражеских дивизий у Лужского оборонительного рубежа командование группы армий «Север», несомненно, потребует от приданных ему органов абвера проведения глубокой разведки войск, защищающих Лугу.

— Поэтому все наши оперативные работники, — продолжал майор, — должны быть готовы к своевременному задержанию и разоблачению агентов абвера. Вместе с командирами и политработниками следует принять меры к повышению бдительности бойцов, особенно находящихся на переднем крае, всемерно усилить патрульную и заградительную службу. Верю, что, опираясь на активную помощь бойцов и командиров, мы, безусловно, справимся со стоящей перед нами нелегкой задачей.

Прошло немного времени, и жизнь подтвердила правоту старого армейского чекиста.

...По обочине шоссе Луга — Ленинград беспешно шел военный патруль — сержант и два красноармейца. Временами наряд останавливался, прислушивался. Допоспели звуки ружейно-пулеметной стрельбы: линия фронта находилась невдалеке.

На повороте дороги старший патруля комсомолец Николай Козелков заметил низкорослого чернявого бойца, выпедшего из леса. За плечами у него были винтовка и объемистый вещевой мешок. Сотрудник Особого отдела, беседовавший накануне с патрульными, посоветовал главное внимание обращать на одиночек и небольшие группы военнослужащих. Сержант Козелков помнил об этом.

Поровнявшись с незнакомым бойцом, он негромко окликнул его:

— Остановись-ка, товарищ!

Солдат продолжал идти не оборачиваясь. Козелков догнал его и уже требовательно:

— Ты что же? Гонорит — стой, значит, стой.

— А я не слышал, — сощурил тот узкие темные глаза.

— Куда идешь?

— В свою часть.

— В какую?

— А вам что?

— Патруль. Предъяви документы!

— Это другое дело, — сказал неизвестный. — А то куда, да зачем, да в какую часть... Нас тоже бдительности учат.

Шаря по карманам и продолжая еще что-то говорить, он вытащил и поспешно спрятал обратно толстую пачку денег. «Откуда у него столько?» — подумал Козелков.

— Пойдем-ка с нами. — Он взял бойца за руку.

— Не трогай. Никуда я не пойду. Командирское добро нес, — заупрямился тот.

— Разберемся, чье добро.

Патрульные доставили неизвестного в Особый отдел Лужской оперативной группы. Здесь у него были обнаружены сорок тысяч рублей, рассованные по карманам, а в вещевом мешке — рация и шифр.

Начальник Особого отдела опергруппы майор Ф. Н. Парфенов стал допрашивать задержанного.

— Фамилия моя Романчуков, — говорил тот. — Служу в роте связи тридцать первой стрелковой дивизии. Родом из-под Минска. Отстал от своих, товарищ майор. Вот догоняю. Патрульные задержали.

— А деньги? Все ваши?

— Виноват. Польстился... Когда проходили Струги Красные, снаряд попал в банк. Деньги валялись на улице. Я и подобрал...

— Деньги-то государственные. Расхищать их — преступление.

— Виноват. Все отдам... Виноват, товарищ майор.

«Обычная уловка, — подумал Парфенов, — признаться в небольшом преступлении, убедить чекистов, что не совершил ничего более серьезного и поэтому не представляет для них интереса. И деньги открыто демонстрирует с той же целью. Пусть, дескать, считают жадным и глуповатым парнем».

На рацию и шифр Романчуков смотрел удивленно, делая вид, будто ничего о них не знает.

— Мешок командира взвода. А что в этом мешке, я не спрашивал.

— Так-таки и не спрашивали?

— Ей-богу, товарищ майор. Командир сказал: «Понеси пока, Романчуков, я схожу к начальству...» Он ушел, я в суматохе потерял его из виду. А мешок бросить побоялся. Вот и таскаюсь с ним. А что в нем — откуда мне знать?

Сведения, которые сообщил о себе задержанный, было трудно проверить: Струги Красные и Минск заняты врагом. О 31-й стрелковой дивизии Парфенов впервые слышал. Опытный чекист, он понимал, что для изобличения вероятного агента фашистской разведки нужны улики. Улики, которые было бы невозможно опровергнуть.

Парфенов пригласил к себе сержанта Николая Козелкова и долго беседовал с ним. Майора интересовало, как вел себя боец, когда его задержали, что он говорил. Снова и снова вчитывался Парфенов в протокол допроса, изучал красноармейскую книжку, изъятую у Романчукова. Потом пригласил к себе работника штаба, выдавшего выдачей военнослужащим личных документов. Они вместе внимательно рассматривали книжку задержанного.

Уже ночью Парфенов побывал у шифровальщиков и радистов штаба оперативной группы, которые изучали снаряжение Романчукова.

— Разобрались с шифром? Наш или немецкий?

— Чей — точно не знаем, но что не наш — ручаемся. Не те принципы.

— А как с рацией?

— Не паша. Номера нет. Скорее всего, немецкая.

Под утро они опять сидели один против другого — советский контрразведчик и вражеский агент.

— Вы продолжаете утверждать, что служили в тридцать первой стрелковой дивизии?

— Да. А те как же?

— Нами получена официальная справка, что в составе советских войск Северо-Западного направления такой дивизии никогда не было и нет. Что вы на это можете сказать?

Романчуков пожал плечами.

— При задержании у вас отобрали красноармейскую книжку. Где вы ее получили?

— У себя в роге.

— Неправда. Нами установлено, что это фальшивка, изготовленная в абвере. У всех подлинных красноармейских книжек скрепки железные, а у вашей — из нержавеющей стали. Найдены также различия в оттисках типографских знаков. Все это отражено в акте, с которым вы можете ознакомиться.

Романчуков пробежал глазами текст акта и тут же вернул его майору. Руки у него слегка дрожали.

— А теперь о радиостанции и шифре. Для участия в допросе я намерен пригласить специалиста-шифровальщика и квалифицированного радиста. Они выяснили происхождение рации и шифра, которыми вы пользовались, и готовы в вашем присутствии дать необходимые пояснения.

Романчуков молчал. Лицо его вытянулось, голова ушла в плечи.

— Не надо, — хрипло произнес он. — Я скажу все.

И он начал рассказывать...

Его настоящая фамилия не Романчуков, а Исмаилов. Он русский по национальности, но румынский подданный. Его отец, офицер царской армии, во время гражданской войны сражался против большевиков на Украине. После разгрома белогвардейцев бежал за границу и поселился в Румынии.

— В сороковом году меня призвали в румынскую армию, — рассказывал Исмаилов. — Служил в шестой пехотной дивизии, затем обучался в радиоразведывательной школе в Яссах. Перед началом войны с Советским Союзом как хорошо говорящий по-русски был передан в распоряжение абвера.

Исмаилов показал, что в первые дни войны его определили в абвергруппу-111, приданную 16-й немецкой армии (она наступала на Ленинград в составе группы

армий «Север»). Когда советские войска остановили фашистов под Лугой, абверовцы переправили Исмаилова вместе с другими агентами в наш тыл со шпионским заданием.

— Лицию фронта,— продолжал он рассказывать,— мы перешли двумя группами. Одна должна была действовать в тылу Лужской укрепленной линии, вторая — пробраться в район Пулкова. Со мной было двое, оба в гражданской одежде. Пупкару, румын, черный такой, усатый, с большими глазами, и Тихота, славянин, высокий, очень худой. Тихота — старший, а я только радист. Со второй группой шел лейтенант Пиртнисс. Там тоже двое в гражданском, двое в вашей армейской форме. Все они из русских эмигрантов, а лейтенант Пиртнисс — из абвер-группы. Немец, фашист.

— А вы? Не фашист?

— Я? Нет, нет! Не фашист. Я просто...

— Вы просто шпион,— помог ему Парфенов.

— Меня заставили,— пытался оправдаться Исмаилов. — Я не по убеждению шел сюда.

Он рассказал, что должен был встретиться с Тихотой и Пупкару только через три дня. Где они находятся сейчас, Исмаилов не знал.

Должив о показаниях Исмаилова руководству Особого отдела фронта, майор Парфенов срочно снарядил несколько поисковых групп из солдат-пограничников. Одну из них возглавил оперативный работник старший лейтенант Б. Н. Петров.

Двое суток поисковые группы обследовали прифронтовые окрестности. Наконец близ деревни Александровки пограничники встретили двоих, внешне похожих на тех, кого они разыскивали. Незнакомые были в штатском. Они пытались выдать себя за советских партизан, якобы направлявшихся в тыл противника, и предъявили документы, подтверждающие это. Впрочем, тот и другой плохо ориентировались в окружающей обстановке и говорили с заметным иностранным акцентом. Обыскивая задержанных, пограничники обнаружили компасы, листы топографической карты центральной и юго-западной частей Ленинградской области, револьверы, гранаты и крупные суммы денег.

— Значит, партизаны? — насмешливо сказал старший лейтенант Петров, обращаясь к одному из задержанных, рослому, худоцавому блондину. — А может быть, фашистские агенты? Что вы на это скажете, господин Тихота?

Тот слегка изменился в лице, но продолжал утверждать, что он и его напарник — советские партизаны. Пограничники доставили задержанных в Ленинград, в Особый отдел фронта. Между тем бойцы, возглавляемые старшим лейтенантом Петровым, продолжали поиск. Однако поймать шпионскую группу лейтенанта Пиртинса им не удалось. Она сумела ускользнуть от них и, опасаясь провала, ушла в расположение своих войск.

Майор В. И. Горбушин, руководивший следственной частью Особого отдела фронта, поручил дело немецких шпионов молодым следователям Г. П. Дубровину, В. В. Чернигину и Б. Я. Рыбакову.

— Задание ответственное, — сказал он. — Фашистская разведка ведет массовую заброску агентуры в тыл наших войск. Наиболее квалифицированные агенты прошли обучение еще до начала войны в разведывательных школах абвера. Похоже, что задержанные окончили такую школу. Выясните, кто конкретно работает против нас, где размещаются разведывательные органы группы армий «Север».

Следователи изучили документы задержанных, показания Исмаилова в Особом отделе Лужской опергруппы, осмотрели изъятое у вражеских агентов оружие, карты, компасы, рацию, шифр.

И вот начался допрос.

Перед недавним ленинградским студентом Владимиром Чернигиным сидел недавний студент из Праги Ярослав Тихота.

— Расскажите, как вы стали фашистским шпионом.

— Я не шпион.

Тихота продолжал заперяться. Тогда следователь позначкомил его с показаниями Исмаилова. Вражеский лазутчик понял, что его карта бита. Да и вещественные доказательства выдают агентов абвера с головой.

И Ярослав Тихота рассказал, что был арестован в Праге в начале 1941 года по обвинению в принадлежности к коммунистической партии, хотя никакого отношения к ней не имел. Сидел в тюрьме Папкрад.

— Это самая страшная тюрьма. Побой, издевательства, пытки. После нескольких допросов мне предложили: или в концлагерь, или в разведшколу. Я относительно хорошо знаю русский язык.

— И вы решили стать шпионом?

— Да. Во-первых, потому, что били, а в концлагере пришлось бы еще хуже...

— А во-вторых?

— Во-вторых, мои пражские друзья из русских...

— Из русских белогвардейцев?

— Эмигрантов, если позволите. Так вот, мои друзья из русских эмигрантов нелестно отзывались о большевиках. И мне показалось тогда, что не будет ничего плохого, если я стану работать против вас. Но я не фашист, поверьте мне. Так я оказался в разведшколе абвера под Келигсбергом.

Второй задержанный, Кондратий Пункару, наполовину румын, наполовину украинец, был просто уголовником. Он тоже говорил по-русски, и гитлеровцы обучили его шпионскому ремеслу. Однако Пункару признался в этом не сразу. Старый уголовник, он знал, как вести себя на допросе. Пункару охотно рассказывал чекистам о своем бандитском прошлом и упирал на то, что является жертвой социальной несправедливости.

— Перестаньте запыряться. Ваши коллеги уже во всем признались,— сказал ему немного мрачноватый с виду следователь Рыбаков. — Я приглашу их на очную ставку с вами.

— Пожалуйста.

— Вы говорите, что не знаете Исмаилова?

— Не знаю. Не видел никогда.

— Компас, изъятый у вас, имеет номер 2873С?

— Не запомнил.

— Вы расписались под протоколом обыска, а там записано, что у вас изъят компас, и помечен его номер.

— Возможно.

— Значит, это ваш компас?

— Выходит, мой.

— А у Исмаилова компас 2874С. Как это понять?

— Не знаю.

— Тогда я скажу. Он получен вами там же, где получал компас Исмаилов. Плохо позаботились о вас хозяева.

На очной ставке Пункару сдался.

В ходе следствия по делу шпионской группы Тихоты чекисты Ленинградского фронта получили важные данные о разведшколе и подразделениях абвера, действовавших против советских войск на дальних подступах к Ленинграду.

— Разведывательная школа абвера,— рассказывал Тихота,— размещается в местечке Гроссмишель близ Келигсберга. Возглавляют ее подполковник Шиммель и его заместитель майор Моос. В середине мая сорок первого года в школе обучалось около ста человек. Тут были и выходцы из семей русских эмигрантов, и члены национа-

листических организаций Западной Украины, Прибалтики, Польши, балканских стран, и даже уголовники. Все они в той или иной мере владели русским языком.

По показаниям Тихоты, которые подтвердил Пункару, в течение трех недель слушателей школы обучали радиоделу, топографии, способам сбора шпионских сведений о советских войсках. Как только началась война, майор Моос выехал на фронт в абвергруппу-111, взяв с собой двадцать агентов, окончивших разведшколу. Здесь Тихота и Пункару познакомились с Исмаиловым. Вскоре майор Моос переправил их в тыл советских войск. Они должны были собирать и передавать по радио сведения о составе войск, оборонявших Лужскую укрепленную позицию, о размещении танков и артиллерии, о прибытии пополнения.

— Что вы успели сделать для выполнения полученного задания? — спросил у Исмаилова майор В. И. Горбушин.

— Ничего. Меня задержали. Но я убежден, что это чистая случайность. Если бы я не оказался на дороге, которая охранялась патрулями, мне бы не пришлось отвечать на ваши вопросы.

Майор улыбнулся:

— Это глубокое заблуждение. Как видно, и вы, и тот, кто вас сюда послал, недооценили своего противника. Наши люди встретили бы вас и на другой дороге...

С. Г. ИСАЕВ

65 ДНЕЙ НА НЕВСКОМ «ПЯТАЧКЕ»

В конце августа — начале сентября 1941 года под Ленинградом сложилась чрезвычайно напряженная обстановка. Несмотря на массовый героизм защитников города на Неве, линия фронта все ближе подступала к Ленинграду.

30 августа противник захватил станцию Мга, деревни Покровское, Ивановское и перерезал последнюю железную дорогу, связывающую Ленинград со страной. В первых числах сентября после упорных боев фашистским войскам удалось подойти к городу. 4 сентября гитлеровцы начали обстреливать жилые кварталы Ленинграда из дальнобойных орудий.

115-я стрелковая дивизия, в которой автор этих строк был начальником Особого отдела, в начале сентября находилась в резерве Ленинградского фронта.

После взятия Мги противник рвался к Неве и Шлиссельбургу. Вызванный к командующему фронтом командир дивизии генерал-майор В. Ф. Копыков получил приказ сосредоточить соединение в районе Невской Дубровки, подчинить себе находящиеся там части народного ополчения и вместе с ними занять прочную оборону на правом берегу Невы от Овцына до Ладожского озера. Главная задача — не допустить форсирования Невы противником.

В начале сентября дивизия была переброшена из Ленинграда в район Невской Дубровки. Ее бойцы и ополченцы начали рыть окопы, траншеи по правобережью реки, сооружать огневые точки, блиндажи.

Имея значительное превосходство в живой силе и технике, гитлеровцы 8 сентября захватили Шлиссельбург. Части 1-й дивизии НКВД, сдерживавшие противника на подступах к Ладоге, переправились на правый берег Невы и заняли оборонительные позиции от Ладожского озера до платформы Теплобетон.

О последующих событиях на этом участке фронта в «Истории ордена Менина Ленинградского военного округа» сказано: «Выйдя к южному берегу Ладожского озера и к Неве от Шлиссельбурга до Усть-Тоспа, немецко-фашистские войска пытались форсировать реку, чтобы развить наступление в Северо-Западном направлении, навстречу частям финской армии, отстоявшим от них по прямой на расстоянии шестидесяти километров. Однако все попытки гитлеровцев переправиться через Неву были отбиты 1-й дивизией НКВД и частями 115-й стрелковой дивизии генерал-майора В. Ф. Копыкова».

Мы, чекисты, хорошо понимали, что, не сумев форсировать Неву с ходу, фашистское командование попытается организовать разведку правобережья, собрать сведения о находящихся здесь советских войсках, их численности и вооружении, состоянии обороны. Засылка шпионов в расположение частей дивизии и на их коммуникации облегчалась для вражеской разведки тем, что в это время с левого берега Невы переправлялись через реку выходявшие из окружения группы советских воинов и отдельные бойцы, а также гражданские лица, не желавшие оставаться на занятой гитлеровцами территории. В этих условиях от оперативных работников Особого отдела требовались максимальное напряжение сил и умение

так организовать дело, чтобы надежно оградить части дивизии от проникновения шпионов и диверсантов.

Опираясь на тесное взаимодействие с командованием дивизии, чекисты приняли ряд мер, направленных на успешное решение этой задачи. Была усилена охрана складов, пищеблоков, огневых позиций артиллерийских батарей и других уязвимых в диверсионном отношении объектов. Совместно с командирами и партийно-политическими работниками чекисты проводили в подразделениях беседы, направленные на повышение бдительности личного состава. Более тщательно инструктировались бойцы, выделяемые для несения патрульной службы и на посты воздушного наблюдения. Устанавливались контакты с местным населением.

Результаты принятых мер не заставили себя долго ждать. Примерно через неделю после прибытия дивизии в район Невской Дубровки мы получили сообщение о том, что два местных подростка встречаются в уединенном месте на берегу Невы с какими-то военнопослужащими, называющими себя советскими разведчиками. С помощью представителей местных властей подростки были установлены и опрошены.

Они рассказали, что несколько дней назад рано утром ходили на рыбалку и увидели лодку, подплывавшую с противоположной стороны реки. В ней находились двое в советской военной форме. Когда лодка причалила, военные стали расспрашивать подростков, из какой они деревни, есть ли поблизости воинские части. О себе рассказали, что являются советскими разведчиками, выполняющими важное задание командования Ленинградского фронта, и что поэтому им нежелательны встречи с посторонними людьми. Затем, укрыв лодку в прибрежных кустах, попросили подростков провести их по безлюдным местам. При этом интересовались, как ведут себя фашисты, находящиеся на левом берегу Невы. Угостив ребят сахаром, военные поручили им вести наблюдение за противоположным берегом реки и договорились о месте и времени следующей встречи, которую обусловили паролем и отзывом. Отплывая, «советские разведчики» взяли с ребят слово, что ни о сегодняшней, ни о предстоящей встрече они никому ничего не скажут, так как это является «военной тайной».

Вначале мы не поверили подросткам. Наивно звучал их рассказ о пароле и отзыве, о «военной тайне». Мнения чекистов разошлись. Одни считали, что все это плод досужей фантазии детей. Другие предлагали откестись к

сообщению подростков с большей серьезностью. В конце концов было принято решение проверить достоверность их рассказа о назначенной им встрече на берегу реки.

Руководство Особого отдела дивизии поручило возглавить предстоящую операцию оперативному работнику политруку И. А. Буню, обладавшему решительностью и выдержкой. В помощь ему был выделен командир взвода охраны Особого отдела лейтенант Ф. М. Строкаш, бывалый пограничник, имевший на своем счету не одного задержанного нарушителя границы.

Вместе с подростками чекпсты паправились для осмотра места обусловленной встречи. Оно оказалось примерно в трех километрах от Невской Дубровки ниже по течению реки на берегу, покрытом густыми зарослями. Никакого жилья и воинских подразделений поблизости не было.

Мы решили организовать засаду в районе причала лодки с «советскими разведчиками». Отобрать бойцов для выполнения этой задачи не представляло большого труда. Взвод охраны Особого отдела был укомплектован пограничниками, которым умения для проведения подобной операции не занимать. В группу захвата включили опытных, физически сильных бойцов, тщательно их проинструктировали. Предусмотрели действия на случай преждевременного отхода лодки с «разведчиками» от берега.

За два часа до назначенного времени группа захвата вместе с подростками двинулась в путь. Стоял теплый сентябрьский вечер. Ветра не было. Солнце клонилось к закату. Подойдя к месту встречи, группа пробралась через кусты к берегу Невы, обосновалась в густых зарослях. Ребята закинули удочки.

Противоположный берег в этом месте реки хорошо просматривался. Прошел час. Затем пошли минуты, казавшиеся часами, по ожидаемая лодка не появлялась. Время тянулось томительно долго. Уже начало возникать сомнение в правдоподобности рассказа ребят. Но вдруг они оживились, устремив взгляд вверх по течению реки. Условленными заранее знаками дали сигнал пограничникам, находящимся в засаде: «Лодка приближается».

Вскоре она причалила к берегу, где стояли подростки. Двое неизвестных — один в форме сержанта, второй — рядового красноармейца — спокойно вышли из лодки, спросили, нет ли поблизости посторонних людей. Получив отрицательный ответ, неизвестные втащили лодку на берег. Дети собрали удочки.

— Фашистов на том берегу видели? — спросил сержант.

— Сегодня нет.

— Это хорошо. Позднее мы отправимся в разведку на тот берег, — пояснил сержант, — а пока нам надо побывать в штабе части, которая стоит рядом с вашей деревней. В пути расскажете нам, как лучше туда пройти. А теперь, как говорят военные, шагом марш!

Дети пошли вперед, «разведчики» за ними. Когда они поравнялись с засадой, пограничники без шума задержали неизвестных. Те не успели вымолвить ни одного слова, как были окружены нашими бойцами и вскоре доставлены в Особый отдел дивизии.

Оружия у задержанных не было. Личные документы не вызвали сомнения: судя по записям в красноармейских книжках, оба они служили в стрелковом полку, который, как нам было известно, оказался в окружении гитлеровских войск. Некоторые из бойцов этого полка небольшими группами выходили из окружения, в том числе и через участок фронта по правому берегу Невы, где располагались подразделения нашей дивизии.

Оба задержанных в один голос доказывали, что они «вырвались» из окружения, в котором находились более недели, и настаивали, чтобы мы, чекисты, направили их в штаб полка, в котором они служили ранее. Но мы не спешили. В наших руках имелись улики, которые следовало использовать для разоблачения вероятных агентов гитлеровской военной разведки.

Мы начали отдельный допрос задержанных, задавая и сержанту Борисенко, и рядовому Судакову одни и те же вопросы:

— Выходящие из окружения военнопленные вашего полка выглядят изнуренными, давно не бритыми. Они в сильной степени истощены. Чем объяснить, что у вас вполне здоровый вид и вы довольно чисто выбриты?

— В вашем вещевом мешке обнаружены небольшой кусок сала, кусочек сливочного масла, немного колотого сахара и буханка свежего хлеба не нашей выпечки. Откуда у вас эти продукты?

— По вашим словам, вы более недели находились в окружении фашистских войск. Назовите фамилии военнопленных вашего полка, которые могли бы это подтвердить.

— Вы заявляете, что, выйдя из окружения, первый раз переплыли на лодке Неву, чтобы прибыть в штаб своего полка. Это было якобы в день вашего задержания.

Мы располагаем точными данными, что несколько дней назад вы также переплыли на лодке Неву с левого берега на правый. Объясните, с какой целью вы совершали эти рейсы?

Дать вразумительные ответы на заданные вопросы ни Борисенко, ни Судаков не смогли. Улики были неопровержимыми. И тот и другой признались, что являются агентами немецко-фашистской разведки.

На вопрос, при каких обстоятельствах он стал вражеским агентом, сержант Борисенко сообщил:

— В августе сорок первого года я попал к фашистам в плен. Меня допрашивал немецкий офицер, владевший русским языком. Он записал данные обо мне, о моих родственниках, проживающих на Украине. После этого предложил перейти линию фронта для сбора разведывательных сведений о советских войсках. Я отказался. Тогда фашист сказал: «За отказ от выполнения задания мы расстреляем твоих родственников. Если же ты при выполнении нашего задания за линией фронта явишься к своим с повинной, то мы все равно найдем тебя, так как война будет нами выиграна. Скоро падет Ленинград, а за ним Москва. Если же ты будешь честно работать на немецкое командование, то получишь большое вознаграждение». Опасаясь за судьбу своих родственников, я согласился с предложением гитлеровского офицера. Он отобрал у меня подписку о сотрудничестве с фашистской разведкой. После этого офицер беседовал с Судаковым, который попал в плен вместе со мной. На следующий день он свел нас вместе, изложил разведывательное задание и разъяснил, как его выполнить.

— Расскажите об этом подробнее.

— Задание заключалось в следующем: мы должны были перебраться через Неву на ее правый берег и разведать, какие советские воинские части находятся в районе Невской Дубровки, их численность и вооружение, фамилии командиров, места расположения штабов и артиллерийских батарей, систему оборонительных сооружений. Собирая эти сведения нам следовало путем личного наблюдения и в разговорах с красноармейцами. В случае проверки документов — предъявлять сохранившиеся у нас красноармейские книжки. Когда мы первый раз переплыли на лодке Неву и увидели на берегу двух подростков, решили обманным путем использовать их для сбора сведений, интересующих фашистскую разведку.

Показания шпиона Борисенко в полной мере подтвердил его напарник Судаков. Материалы о разоблачении

вражеских агентов мы передали в Особый отдел Ленинградского фронта для окончания следствия и предания виновных суду военного трибунала.

Через несколько дней после прибытия к Неве 115-й стрелковой дивизии и частей 1-й дивизии НКВД командование фронта для усиления обороны правобережного рубежа направило 10-ю стрелковую бригаду и 4-ю отдельную бригаду морской пехоты, снятую с островов Ладожского озера. Командиры этих соединений получили задачу — ни в коем случае не допустить переправы гитлеровцев через Неву, усилить разведку, особенно на направлениях вероятных ударов противника.

Командование 115-й стрелковой дивизии направляло в те дни своих разведчиков на левый берег Невы для сбора сведений о движении вражеских частей, местах их расположения. В одной из разведывательных операций принял участие помощник оперативного уполномоченного Особого отдела дивизии политрук Георгий Громовой. Возвратившись, разведчики доложили, что им удалось собрать данные о частях противника, уничтожить несколько гитлеровских солдат, удалившихся от своего подразделения.

18 сентября командир 115-й стрелковой дивизии генерал-майор В. Ф. Коньков получил приказ за подписью командующего Ленинградским фронтом генерала армии Г. К. Жукова о высадке десанта на левый берег Невы. Опираясь на прочную оборону правого берега, дивизия совместно с подразделениями 4-й бригады морской пехоты должна была захватить плацдарм на рубеже Ивановское — Московская Дубровка, чтобы с утра 20 сентября начать наступление в направлении на Мгу.

После тщательной подготовки, в ночь с 19 на 20 сентября 1941 года части нашей дивизии начали форсирование Невы. Первыми, умело используя местность, зацепились за левый берег бойцы одного из батальонов 576-го стрелкового полка. Батальоном командовал старший лейтенант В. П. Дубик.

Гитлеровцы не оказали сильного сопротивления, и командир 638-го полка полковник А. Е. Калашников перебросил на плацдарм в район Московской Дубровки еще несколько подразделений. Но днем противник силой до пехотного полка, поддержанного танками и авиацией, перешел в контратаку. Наши бойцы отразили ее и продолжали закрепляться на плацдарме. Вместе с 638-м полком успешно форсировал Неву батальон 4-й бригады морской пехоты генерал-майора Б. Н. Ненашева. Левее плацдарма

отважно действовали подразделения 1-й дивизии НКВД полковника С. И. Донскова.

Военный совет фронта высоко оценил мужество воинов, переправившихся через Неву, объявив им благодарность.

Части нашей дивизии и 4-й бригады морской пехоты перерезали шоссе Ленинград — Шлиссельбург, приблизились к 8-й ГРЭС. На правом фланге развернулись бои за поселки Арбузово и Аппенское. Со стороны Волхова к плацдарму, названному за свои небольшие размеры (два километра по фронту и 800—900 метров в глубину) Невским «пяточком», пробивались войска 54-й армии.

Руководство частями, которые вели упорные бои за расширение плацдарма, осуществляло командование Невской оперативной группой (НОГ), образованной 22 сентября. Командующим НОГ был назначен командир нашей дивизии генерал-майор В. Ф. Коньков.

В тот же день на левый берег Невы переправилась группа штабных работников во главе с начальником штаба дивизии подполковником Н. В. Симоновым, который временно принял командование дивизией. Через несколько дней прибыл новый командир 115-й стрелковой дивизии — полковник А. Ф. Машошин.

Одновременно со штабными командирами 22 сентября на плацдарм переправилась возглавляемая мною группа оперативных работников Особого отдела дивизии. Вместе с нашими сотрудниками И. А. Бушем и другими на левый берег прибыли переводчица В. Г. Хенина, связной Н. Ш. Хамзин и несколько бойцов из взвода охраны отдела. Для укрытия от осколков мин и снарядов мы вырыли углубления в обрывистом берегу реки. Бойцы называли их «лисьими норами». Оперативные сотрудники Особого отдела дивизии В. И. Кулаков, А. В. Коновалов, И. А. Корнюхин, Ф. А. Иванчик и другие переправились на левый берег в первый день форсирования Невы вместе с бойцами подразделений 576-го и 638-го стрелковых полков, в которых они работали.

Хорошо понимая, что успех боевых действий советских войск в районе Мге может привести к прорыву блокады Ленинграда, гитлеровское командование начало спешно перебрасывать к Мге и Синявину свежие части с задачей ликвидировать советский плацдарм на левом берегу Невы. С каждым днем положение на плацдарме становилось все напряженнее. Гитлеровцы бросали в контратаки все новые и новые батальоны. На защитников Нев-

ского «пяточка» обрушивались тысячи мин, снарядов и авиабомб. Но советские воины не только отбивали атаки неприятеля, но и сами наносили по врагу чувствительные удары. Вместе с бойцами действовали против фашистов и армейские чекисты.

Помощник оперативного уполномоченного В. И. Кулаков, работавший в батальоне 576-го стрелкового полка, в ночь на 20 сентября в одном строю с бойцами батальона форсировал Неву и участвовал в захвате плацдарма. Позднее, когда противник превосходящими силами перешел в контратаку, на долю молодого чекиста выпало немало испытаний. Фашистам удалось потеснить батальон с занимаемых им позиций и расчленил его на две части. Одна из частей батальона, в которой находился В. И. Кулаков, оказалась отрезанной от основных сил и вела бой в окружении. В сложной обстановке чекист личным примером воодушевлял бойцов на решительный отпор наступавшим гитлеровцам. Бой продолжался в течение суток, пока не подошли на помощь бойцы батальона 638-го стрелкового полка. Совместными усилиями наши воины оттеснили фашистов. Враг понес потери и отступил.

Написк противника все усиливался. Обстрел плацдарма шел почти непрерывно. Вместо временных «лисыих нор» на Невском «пяточке» стали появляться более капитальные укрытия — землянки с пакатом из бревен. Построили себе землянку в два паката и чекисты Особого отдела дивизии, использовав для этого прибывшиеся к берегу бревна от разбитого в верховьях реки плота.

Более месяца бойцы 115-й стрелковой дивизии, 4-й бригады морской пехоты и других подразделений сдерживали яростный натиск фашистов, пытавшихся сбросить защитников плацдарма в реку или уничтожить их на месте. Временами артиллерийский и минометный огонь достигал такой силы, что казалось, ничего живого не может остаться на этом клочке выжженной земли. Но плацдарм держался, действовал.

В музее боевой славы Невского «пяточка» есть экспонат — ящик с самой обыкновенной землей. Но обыкновенной только с виду. В кубометре ее содержится около десяти килограммов смертоносного металла — осколки снарядов, мин, бомб, гранат, 38 пуль. Специально их никто не собирал. Эту землю с ее содержимым доставили в музей пионеры-следопыты с места ожесточенных боев на левом берегу Невы.

Находясь на плацдарме, армейские чекисты тесно взаимодействовали с командованием и партийно-политиче-

ским аппаратом дивизии, полков, батальонов, оказывая им всемерную помощь в решении поставленных перед ними боевых задач. С новым командиром 115-й стрелковой дивизии полковником А. Ф. Мапошиным и комиссаром дивизии старшим батальонным комиссаром Л. П. Федецовым сложились хорошие, деловые отношения. Командование дивизии регулярно получало от Особого отдела информацию о недостатках в организации обороны на том или ином участке плацдарма, в материально-техническом обеспечении частей дивизии, об отдельных фактах проявления трусости, паникерства и отрицательных настроений со стороны некоторых малоустойчивых бойцов. По всем этим сообщениям командование принимало необходимые меры, направленные на укрепление боевой готовности действовавших на плацдарме частей и подразделений.

Оперативные сотрудники Особого отдела проводили свою работу на Невском «пяточке» в исключительно трудных условиях. Постоянно находясь в частях переднего края под огнем противника, чекисты успешно решали возложенные на них служебные задачи, а в критические минуты участвовали в отражении контратак противника.

Оперативный уполномоченный Особого отдела политрук А. В. Коповалов, бывший учитель русского языка и литературы, при форсировании Невы был в составе десантного батальона. В начале октября при отражении одной из многочисленных контратак противника Андрей Васильевич Коповалов заменил убитого в бою командира роты и, приняв командование на себя, организовал отпор фашистам. В этом бою он был тяжело ранен. За героизм и отвагу Родина наградила чекиста Коповалова орденом Красного Знамени.

Работавший в одном из батальонов 576-го стрелкового полка помощник оперативного уполномоченного лейтенант Ф. А. Иванчик во многом брал пример со своего старшего товарища. Как и А. В. Коповалов, Федор Агафонович Иванчик постоянно находился в боевых порядках части и, когда требовалась обстановка, вместе с бойцами батальона не раз участвовал в рукопашных схватках с противником. За храбрость и мужество удостоен медали «За отвагу».

Взамен выбывшего по ранению А. В. Коповалова в 576-й стрелковый полк прибыл опытный армейский чекист политрук Д. Д. Рымарь, в прошлом политракторщик. С первых дней пребывания на Невском «пяточке» про-

явил себя стойким, волевым контрразведчиком. Он словом и делом помогал оперуполномоченным, работавшим в батальонах. Демьян Денисович пользовался авторитетом у солдат и командиров полка. Неоднократно с оружием в руках отражал контратаки фашистов. В бою был тяжело ранен. Награжден орденом Красной Звезды. Войну закончил в Праге. В настоящее время возглавляет совет ветеранов 115-й стрелковой дивизии. Ведет большую работу по патриотическому воспитанию молодежи.

Многочисленные попытки противника уничтожить защитников плацдарма потерпели крах. Тогда гитлеровцы сделали ставку на то, чтобы оставить воинов Невского «пяточка» без пополнения живой силой и техникой, без пищи и боеприпасов, без связи с правым берегом. Они усилили артиллерийский и минометный огонь по переправам. С наступлением темноты каждую минуту с вражеской стороны в воздух взрывались осветительные ракеты, озаряя близлежащую местность. Пока ракета горела, становилось светло, как днем. Пользуясь этим, фашисты вели прицельный огонь по переправлявшимся на плацдарм или готовившимся к переправе бойцам. Довольно часто противник обстреливал и бомбил правый берег Невы напротив плацдарма, где размещались части и подразделения второго эшелона дивизии.

Доставка людей и грузов на плацдарм стала весьма трудным делом. Несмотря на это, переправы действовали днем и ночью, обеспечивая защитников «пяточка» всем необходимым. Переправлялись через реку и оперативные работники Особого отдела дивизии. В частности, не раз бывал за Невой под огнем противника для выполнения контрразведывательных заданий на плацдарме оперативный уполномоченный Особого отдела старший политрук П. Ф. Ладапов, призванный в начале войны из запаса. Старый член ленинской партии, образованный человек, Петр Федорович пользовался большим уважением товарищей по работе. Его отличали партийная принципиальность, скромность, чуткое, доброжелательное отношение к людям. Пройдя всю войну в качестве армейского чекиста, П. Ф. Ладапов был награжден многими орденами и медалями. По окончании войны находился на ответственных постах в партийных и советских органах, избирался кандидатом в члены ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР двух созывов.

Заслуживает добрых слов оперативный уполномоченный отдела С. М. Ардышев, работавший в артиллерийском

полку. Грамотный, исполнительный, трудолюбивый контрразведчик, он не раз, рискуя жизнью, переправлялся через Неву на плацдарм вместе с личным составом артиллерийских подразделений.

Оперативные работники Особого отдела 115-й стрелковой дивизии, постоянно находившиеся во втором эшелоне, — заместитель начальника отдела майор И. А. Гнездиц, следователь М. Н. Михлин и другие неоднократно бывали на плацдарме по вопросам контрразведывательной работы. Не раз довелось переправляться через Неву и автору этих строк, главным образом для доклада о положении дел на плацдарме начальнику Особого отдела Ленинградского фронта комиссару госбезопасности 3-го ранга П. Т. Куррину, который внимательно следил за событиями на «пяточке» и оказывал большую помощь коллективу нашего отдела в решении поставленных перед ним задач.

Сотрудники Особого отдела 115-й стрелковой дивизии воевали с врагом, не щадя своей жизни. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых пали чекисты лейтенант С. И. Андреев, лейтенант В. Н. Виноградов, капитан В. И. Костин.

В середине октября 1941 года, когда гитлеровским войскам удалось выйти на ближние подступы к Москве, обстановка на Невском «пяточке» усложнилась. Противник засыпал плацдарм листовками провокационного характера, призывавшими наших бойцов переходить на его сторону. Среди защитников «пяточка» нашлось несколько отщепенцев из числа украинских буржуазных националистов, которые вынашивали изменнические намерения, но чекисты дивизии своевременно разоблачили и обезвредили их.

Чтобы дивинг гитлеровское командование возможности перебросить часть своих сил из-под Ленинграда на Московское направление, бои на рубежах Невского «пяточка» уселились. Этому способствовало прибытие на плацдарм значительных подкреплений. 18 октября переправилась через Неву 265-я стрелковая дивизия. Для ознакомления с обстановкой на плацдарме ко мне, как к старожилу «пяточка», пришел начальник Особого отдела дивизии С. Ф. Петров. Мы наметили мероприятия по совместной контрразведывательной работе. Для связи между нашими отделами С. Ф. Петров выделил оперативного работника дивизии лейтенанта Н. Н. Кошелева, знакомого мне по боям на Карельском перешейке летом 1941 года. За период пребывания Николая Николаевича Кошеле-

ва на плацдарме, где он проявил себя грамотным, смелым чекистом, у меня сложились с ним хорошие отношения, которые были продолжены в послевоенное время. Н. Н. Кошелев прошел через всю войну, награжден многими орденами и медалями. В органах госбезопасности проработал свыше сорока лет, занимал ответственные должности. В настоящее время контр-адмирал запаса Н. Н. Кошелев активно участвует в работе совета ветеранов-чекистов.

20 октября на Невский «пяточок» прибыла 86-я стрелковая дивизия. Через шесть дней в состав защитников плацдарма влились бойцы 20-й дивизии НКВД. Начальник Особого отдела этой дивизии старший политрук А. П. Кабанов, как и другие руководители чекистских коллективов соединений, прибывших на плацдарм, установил со мной деловую связь.

В начале ноября на «пяточок» была переправлена 177-я стрелковая дивизия. Особый отдел дивизии возглавлял находчивый, мужественный чекист старший политрук С. М. Алексеев. Летом 1942 года он был назначен заместителем начальника Особого отдела 8-й армии, а через год переведен на ту же должность в отдел контрразведки 59-й армии, в составе которой в 1944 году принимал участие в наступательной операции по освобождению Новгорода. В первой половине ноября на Невский плацдарм прибыли 168-я стрелковая дивизия, три добровольческих полка и 40 тапков.

По решению Военного совета фронта войска, сосредоточенные на «пяточке», в начале ноября были подчинены командованию 8-й армии. В связи с этим в нашу дивизию прибыл один из заместителей начальника Особого отдела 8-й армии, взявший на себя руководство всеми чекистскими органами, находившимися на плацдарме. Документы, адресованные в Особый отдел Ленинградского фронта, направлялись нами на правый берег через моего связного рядового Н. Ш. Хамзина, отличавшегося храбростью, находчивостью и сообразительностью. Он свыше двухсот раз переправлялся через Неву в дневное и вечернее время, доставляя оперативных работников или документы с одного берега на другой. Был дважды контужен, но из строя не уходил. За мужество его наградили медалью «За отвагу». В июне 1942 года Н. Ш. Хамзин окончил курсы оперативных работников и стал сотрудником армейской контрразведки.

С прибытием новых соединений наступление на Невском «пяточке» возобновилось. С беспримерным муже-

ством сражались против гитлеровцев бойцы и командиры стрелковых дивизий. Пример бесстрашия показывали добровольцы трех коммунистических полков. Первый из них атаковал противника 9 ноября, второй — 11 ноября и наконец третий, которым командовал старый коммунист генерал-майор П. А. Зайцев, — 13 ноября.

Мне довелось быть свидетелем массового героизма защитников Невского «пяточка». До конца дней не забыть, как морские пехотинцы, сбросив шинели и каски, в бушлатах и бескозырках, с боевым кличем «Полундра!» шли в атаку на врага. Немало полегло их на поле боя, но победа осталась за ними.

Как и моряки, во весь рост атаковали вражеские позиции бойцы коммунистических полков. Цепь за цепью шли они вперед, преодолевая огневое сопротивление противника. Многие из добровольцев остались навеки в «железной» земле на берегу Невы, но слава о их подвиге не умрет никогда.

Несмотря на отвагу и героизм защитников плацдарма, прорвать вражескую оборону они не смогли. Как отмечается в «Истории ордена Ленина Ленинградского военного округа», «противник значительно укрепил свои позиции, а часть наступавших войск вводилась в бой в разное время. Кроме того, артиллерия не сумела подавить вражескую огневую систему».

Успешно завершить операцию по прорыву блокады Ленинграда войскам 8-й армии в те дни не удалось. Но своими активными действиями они лишили вражескую группу армий «Север» свободы маневра, сковали значительные силы противника, нанесли им большой урон в живой силе и технике.

В связи с угрозой выхода противника на линию железной дороги Войбокало — Волхов части 115-й стрелковой дивизии в ночь на 27 ноября 1941 года были выведены с Невского «пяточка», переброшены через Ладожское озеро и включены в состав 54-й армии. На этом героическая 65-дневная эпопея борьбы воинов дивизии на рубежах Невского «пяточка» завершилась.

Мне довелось пройти через огненные годы Великой Отечественной войны от ее начала до конца. Пришлось испытать немало трудностей, но то, что пережито за эти 65 дней, не сравнимо ни с чем.

Память о героях невского бастиона, беспримерной битвы за Ленинград будет вечно жить в сердцах советских людей.

Т. А. НАЛИВАЙЧЕНКО,

подполковник в отставке

СКВОЗНОЕ РАНЕНИЕ

До окончания срочной службы в ордена Ленина мотострелковой дивизии имени Ф. Э. Дзержинского мне оставалось несколько месяцев. Уже мечталось о возвращении домой, в Мичуринск, на прежнюю работу в редакции районной газеты.

22 июня 1941 года репродукторы в казарме разнесли страшную вест: «Войпа!» Она развеяла все наши мечты о мирной жизни.

В начале июля меня, ровесника Октября, члена ленинской партии с 1939 года, заместителя политрука роты, вместе с десятью молодыми воинами-коммунистами направили на учебу в Ново-Петергофское военно-политическое училище имени К. Е. Ворошилова.

Мы приступили к занятиям. А вскоре пришел приказ — сформировать два батальона курсантов для защиты подступов к Ленинграду. В те напряженные дни фашисты рвались к городу на Неве, не считаясь ни с какими потерями. Курсанты ВПУ имени К. Е. Ворошилова заняли оборонительные рубежи, вступили в ожесточенные схватки с врагом. Я был пулеметчиком, отражал яростные атаки гитлеровцев, не раз ходил в контратаки. Многие из моих товарищей пали в тех жестоких боях смертию храбрых.

31 августа в бою под Гостилицами я был тяжело ранен. Пролежал в госпитале около трех месяцев. За это время училище перебазировалось в Ленинград. Возвратившись в строй, вновь включился в учебу. В числе курсантов, которые, по выражению начальника училища, «выдержали выпускные экзамены на поле боя», получил воинское звание политрука. Предполагалось, что буду работать в редакции училищной газеты. Но через несколько дней, в декабре 1941 года, командование и парторганизация ВПУ вручили мне другую путевку — в чекистские органы. Так я стал сотрудником контрразведки Ленинградского фронта.

Мой первый наставник — опытный армейский чекист майор Б. И. Иванов — познакомил меня с формами и методами шпионско-подрывной деятельности фашистской разведки, обучил основам контрразведывательной работы.

После месячной стажировки я прибыл в Особый отдел 70-й стрелковой дивизии, входившей в 55-ю армию. Стрелковый полк, в который меня направили, занимал позицию на переднем крае обороны в районе Колпина, рядом с Ижорским рабочим батальоном.

Вспоминая ныне свою работу в стрелковом полку на протяжении трех суровых лет войны, не могу не согласиться с мнением одного из героев романа В. Богомолова «Момент истины» старшего лейтенанта Тамашева, который сказал: «Контрразведка — это не загадочные красотки, рестораны, джаз и всезнающие фраера, как показывают в фильмах и романах. Военная контрразведка — это огромная и тяжелая работа... Огромная соленая работа и кровь...»

Сказано точно. Мне, полковому контрразведчику, довелось испытать все это на собственном опыте. Тут и предельное напряжение ума и нервов в «тихой» работе по вскрытию хитроумных ходов пробравшегося шпиона. Тут и сопряженные с риском для жизни чекистские операции по розыску и задержанию абверовских диверсантов и боевиков-бандитов из националистического подполья. А когда требовалась обстановка, участие в боевых действиях против гитлеровцев с автоматом в руках...

В октябре 1942 года за стойкость, мужество и героизм личного состава, проявленные в боях за Ленинград, 70-я стрелковая дивизия — первая на Ленинградском фронте — была преобразована в 45-ю гвардейскую. Отважные воины нашей дивизии внесли достойный вклад в победу над врагом при прорыве и снятии вражеской блокады Ленинграда, в Выборгской и Таллинской наступательных операциях. Вместе с бойцами полка мне приходилось не раз вступать в схватки с врагом. Так случилось в июне 1944 года в районе станции Тали на Карельском перешейке при отражении контратаки противника, а затем дерзкой попытки группы вражеских солдат захватить полковое знамя. В сентябре того же года довелось участвовать в составе боевых подразделений полка в форсировании реки Эмайыги в Эстонии.

Но это были лишь попутные эпизоды в нелегких делах полкового контрразведчика. Главной заботой у нас, армейских чекистов, была борьба против коварных происков вражеской разведки.

В начале лета 1942 года в дивизию поступило новое пополнение личного состава. Среди прибывших через Ладогу бойцов оказались новобранцы с территории, освобожденной от фашистских захватчиков в ходе наступления.

тельной операции советских войск под Москвой зимой 1941/42 года.

Один из них, низкорослый быстроглазый солдат Финьков, ухитрился за несколько дней познакомиться со всеми бойцами стрелковой роты, в которую его зачислили. А вскоре его имя стало известно далеко за ее пределами.

Начало этому положил боевой листок, оформить который Финьков вызвался по собственной инициативе. Оказалось, что боец хорошо рисует. Финьковым заинтересовались в штабе полка. Кое-кто даже предложил привлечь его к работе по оформлению штабных оперативных карт. Рядового Финькова перевели из стрелковой роты в хозяйственное подразделение, размещавшееся рядом со штабом.

Узнав об этом, я посоветовал командиру и комиссару полка до поры до времени не допускать Финькова к работе в штабе. Разумеется, у меня имелись на то основания. Хотя на первый взгляд могло показаться, что я их явно переоцениваю.

В самом деле, стоило ли придавать значение тому, что Финьков кое-когда вставлял в свою речь отдельные словечки из уголовного жаргона? Или тому, что изредка наведывался к бойцу стрелковой роты Жомову? А рядовой Жомов в разговорах с сослуживцами иногда сетовал на свою судьбу, говоря, что «живым из этих окопов не выберешься». Но ведь и обстановка на фронте под Ленинградом была не из легких.

Размышляя о полученных сигналах в отношении Финькова, я ни на минуту не забывал наставлений майора Б. И. Иванова: «В чекистской работе мелочей не бывает. Главное как раз и заключается в том, чтобы, решая задачу пресечения подрывной деятельности врага, правильно оценить первый сигнал, первую ниточку. В большинстве случаев, умело разматывая ее, чекисты и доводят дело до логического конца, разоблачают вражеских агентов».

В мелочах, которыми я располагал, предстояло разобраться. И чем скорее, тем лучше. Я направил запрос по месту призыва Финькова в Красную Армию, стал интересоваться поведением бойца.

Не прошло и недели, как мне стало известно, что Финьков познакомился с писарем штаба полка, угощает его табачком, ведет беседы на различные темы. Не забывает навещать и своего дружка Жомова. После одной из таких встреч Жомов подал командованию рапорт с просьбой перевести его в полковую разведку. На мой вопрос,

высказывал ли Жомов ранее намерение стать разведчиком, командир роты дал отрицательный ответ. «Все ли здесь чисто? — задумался я. — Может быть, за этим что-то кроется?»

Как раз в то время над районом расположения штаба стрелкового полка гитлеровцы сбросили с самолета большое количество листовок. Вместе с другими солдатами собирал их и Финьков. Мне удалось узнать, что одну листовку Финьков оставил у себя. Это была листовка, служившая пропуском для перехода на сторону немецких войск.

Через несколько дней прибыл ответ на мой запрос в отношении Финькова. Чекисты Управления госбезопасности по Калининской области, проводившие проверку по месту призыва его в армию, выяснили, что Финьков — уголовник, носивший кличку Шустрик. Перед войной содержался в исправительно-трудовом лагере, отбывая срок наказания за серьезное преступление. В период временной оккупации Калининской области посещал с неизвестной целью немецкую комендатуру. После освобождения от гитлеровских захватчиков районного центра, в котором он проживал, Финьков, не ожидая повестки, сам явился в военкомат с просьбой отправить его на фронт. Обо всем этом я доложил заместителю начальника Особого отдела дивизии майору А. В. Доброву, который многому научил меня.

— У нас, конечно, есть основания подозревать Шустрика в принадлежности к вражеской разведке, — заметил майор. — Однако, кроме фашистской листовки, прямых улик о его преступных делах и намерениях мы не имеем. Следовательно, арестовывать его преждевременно. С другой стороны, оставляя Финькова на свободе, мы вольно или невольно предоставляем ему возможность перейти на сторону врага. Разве это исключено? Как видите, положение не из легких. И выход из него надо найти. Думаю, что следует посоветоваться со старшими товарищами из Особого отдела армии.

— А я тем временем приму необходимые меры, чтобы Шустрик не ушел из поля зрения.

Майор Добров одобрил мое решение.

Особый отдел 55-й армии, войска которой защищали подступы к Ленинграду на Колпинском направлении, возглавлял полковник А. А. Исаков. Майор Добров, как и другие чекисты армии, с большим уважением относился к своему начальнику — члену партии с 1919 года, старейшему ленинградскому чекисту, человеку высокой куль-

туры. В начале тридцатых годов Алексей Алексеевич Исаков окончил Артиллерийскую академию РККА, затем снова был на ответственной работе в органах военной контрразведки. С первых дней войны стал руководителем большого коллектива армейских чекистов.

Внимательно выслушав сообщение майора Доброва о Финькове, полковник Исаков задумался.

— Положение действительно серьезное, — подтвердил он мнение дивизионного контрразведчика. — Я согласен с вашей оценкой. вполне вероятно, что Финьков — агент вражеской разведки. Не исключено и то, что он, общаясь с писарем штаба, уже сумел кое-что разузнать о намерениях нашего командования. По данным, полученным штабом фронта, ставка Гитлера планирует с приближенным лета провести новую наступательную операцию с целью захвата Ленинграда. Скорее всего, это будет в полосе нашей и соседней с нами 42-й армии. В связи с этим получен приказ — на ряде участков атаковать вражеские позиции, выбить противника из сильно укрепленных опорных пунктов Старо-Паново, Путролово, Ям-Ижора, нанести ему урон в живой силе и технике. Естественно, что мы не имеем права допустить, чтобы вражеский агент предупредил своих хозяев о предстоящих действиях наших войск. Именно этими соображениями и следует руководствоваться при решении вопроса о Финькове и ему подобных.

— У нас имеются основания для ареста Финькова, — заметил майор Добров.

— Спору нет. Но думаю, что для получения санкции на его изоляцию вам надлежит представить прокурору более обстоятельные материалы. Побеседуйте с писарем штаба полка. Если ему известны какие-либо факты проявления интереса со стороны Финькова к замыслам нашего командования или другим вопросам, представляющим интерес для разведки противника, оформите протокол его допроса в качестве свидетеля.

— Может быть, стоит допросить и Жомова?

— Думаю, пока не надо. Следует иметь в виду, что отношения Финькова с Жомовым могут носить характер преступного сговора. В таком случае он ничего существенного вам не покажет. Более того, попытается предупредить Финькова. Значит, вызывать Жомова на допрос как свидетеля сейчас нельзя. А вот по договоренности с командованием организовать ему под благовидным предлогом командировку в тыл полка — самое время. Зачем рисковать, оставляя его на переднем крае? Вы согласны?

— Безусловно. Сегодня же все организуем,— заверил Добров пачальника контрразведки армии и, заглянув в свои записи, добавил: — Есть еще одно предложение: послать телеграмму в Калинин с просьбой к нашим коллегам выяснить характер отношений Финькова с сотрудниками немецкой комендатуры.

— Подготовьте текст телеграммы.

Прошли считанные часы, и рядовой Жомов уже следовал на «неотложные» хозяйственные работы в тыл полка, а мы, чекисты, продолжали выполнять то, что наметили.

...Когда я предложил писарю штаба полка спокойному рассудительному сержанту Ильину зайти ко мне на беседу, тот слегка смутился:

— Я сам собирался зайти к вам сегодня вечером.

— Думаю, ничего не изменится, если мы побеседуем чуть раньше,— успокоил я его.

Разговор с Ильиным происходил в землянке, служившей мне и рабочим кабинетом, и местом отдыха.

— Вы хотели зайти ко мне и, видимо, собирались что-то сообщить,— обратился я к сержанту.

— Я хочу рассказать о Финькове. Это расторопный, смекалистый солдат. Как только его перевели в хозяйственное подразделение, в числе многих он познакомился и со мной. По фотокарточке Финьков нарисовал мой портрет, подарил его мне. Часто делится со мной махоркой. Как-то раз попросил меня помочь ему устроиться в штаб полка. До недавнего времени я считал все это в порядке вещей. Но в последние дни Финьков повел себя подозрительно.

И сержант Ильин рассказал, что, ссылаясь на «слухи», которые якобы распространяются среди солдат, Финьков уже несколько раз расспрашивал его о подготовке наступательной операции по овладению Ям-Ижорой.

— А сегодня утром,— продолжал сержант,— Финьков настойчиво добивался разрешения посетить стрелковую роту, в которой служил раньше, но командир подразделения ему в этом отказал.

Встретив Ильина, Финьков в порыве раздражения раскрыл свои намерения: «Несмотря на запрет, я все равно побываю в роте. У меня там фартовый дружок есть. Мне его хоть кровь из носа, а повидать надо».

Вскоре из Управления госбезопасности по Калининской области поступила телеграмма. Она гласила: «Являясь агентом немецкой комендатуры, проводившей контрразведывательную работу в тылу фашистских войск,

Финьков занимался выявлением советских разведчиков, партизан и других советских патриотов».

С протоколом допроса Ильина и другими материалами на Финькова майор Добров направился к военному прокурору дивизии. Получив санкцию на арест Финькова, он возвратился в полк.

При обыске, проведенном в присутствии понятых, мы обнаружили у Финькова фашистскую листовку с пропуском для перехода на сторону немецких войск. Началось следствие.

Бывалый уголовник, Финьков поначалу отвергал все предъявленные ему обвинения. Однако, когда следователь ознакомил его с содержанием телеграммы, прибывшей из Калинина, Финьков опустил голову.

— Все кончено,— произнес он.

Большую помощь следствию в раскрытии истины оказал сержант Ильин. Удочкой была и обнаруженная у Финькова фашистская листовка. Изобличенный неопровержимыми доказательствами, Финьков признался в своей причастности к гитлеровской разведке. Рассказал и о своем преступном сговоре с Жомовым. Вскоре этот «удачливый» дружок Финькова также оказался в следственном изоляторе. Как и ожидалось, на первых допросах он упорно отрицал свою вину, но после очной ставки с Финьковым прекратил сопротивление.

Майор Добров рассказал мне о ходе следствия, предложил вместе со следователем допросить разоблаченного вражеского агента.

Вот он сидит перед нами, маленький белесый Шустрик, и, бросая на нас колючие взгляды, изливает обуревающие его чувства злости и горькой досады:

— Да, да, так и запишите: Финьков — сознательный и давний враг Советской власти. Еще в молодые годы я сошелся с фальшивомонетчиками. В подробности их преступной деятельности винкать не буду. Мечтал пмечь все, что захочу. Я уже был близок к цели. Но чекисты выследили меня, и все рухнуло...

Финьков резко махнул рукой и, скрипнув зубами, продолжал:

— К началу войны я оказался на свободе. Восвать за власть, которая упрятала меня в гурьму, не хотел. Укрылся от мобилизации в Красную Армию. А когда пришли немцы, сразу же заявился в комендатуру. Рассказал им все. Мне дали задание: искать подпольщиков, партизан, советских разведчиков. Но развернуться не успел. Началось наступление под Москвой. Тогда меня отвезли

в абвергруппу. Там я получил новое задание: пробраться в Красную Армию, где, используя свои способности рисовальщика, проникнуть в штаб, а для передачи в абвер собранных разведанных подобрать подходящего человека. Я сделал все, что мог. Пошел в военкомат, попал в армию. И снова был у цели. Собрал сведения о части, в которой служил. Узнал о планах командования по подготовке наступления войск пятьдесят пятой армии в районе Ям-Ижоры. Нашел Жомова, мечтавшего любой ценой сохранить на войне свою жизнь. Подготовил его к переходу через линию фронта, предложив перевестись в разведку. Достал для него пропуск на ту сторону. Правда, до срока хранил его у себя. Но чекисты снова обошли меня, перехитрили. Помешали мне передать Жомову листовку с пропуском. Знаете все о моих прошлых делах, даже мою довоенную кличку...

Зло сверкнув глазами, Шустрик грубо выругался.

Военный трибунал вынес бывшему фальшивомонетчику, агенту абвера Финькову суровый приговор. Получил по заслугам и его помощник Жомов.

Утром 12 января 1943 года тяжело дрогнул морозный воздух над скованной льдом Невой. Раскаты оглушительного залпа более четырех с половиной тысяч орудий и минометов Ленинградского и Волховского фронтов и Краснознаменного Балтийского флота докатились до Ленинграда, возвестив о начале наступательной операции «Искра» по прорыву вражеской блокады города. Этого дня давно ожидали защитники Ленинграда, все его жители.

После мощного артиллерийского удара, длившегося 2 часа 20 минут, войска 67-й армии Ленинградского фронта форсировали Неву и взломали передний край обороны противника. С Невского «пяточка» вступила в ожесточенное сражение с фашистами, засевшими в долговременных оборонительных сооружениях, наша 45-я гвардейская дивизия. Со стороны Волховского фронта развернули активные наступательные действия войска 2-й ударной армии. Преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, бойцы Ленинградского и Волховского фронтов по снегу настойчиво продвигались навстречу друг другу.

На шестой день боев я получил распоряжение прибыть на сортировочный пункт медико-санитарного батальона, встретиться с тяжело раненым офицером контрразведки из соседнего полка нашей дивизии и взять находившиеся при нем служебные документы. Мне и ранее не раз

приходилось бывать в медсанбате по служебным делам. Знал многих врачей, медицинских сестер, санитарных инструкторов. Вот и сейчас, войдя в палатку, встретил знакомого врача, сказал ему о цели своего визита. Врач подвел меня к бледному, без кровинки в лице, старшему лейтенанту, по пути шепнув на ухо: «Не задерживайтесь, у него очень тяжелое ранение».

Старший лейтенант Дробот узнал меня. На его лице мелькнуло подобие улыбки. Он попытался поднять руку, которой придерживал планшет с документами. Но не смог. Я наклонился, осторожно взял у него планшет и, коснувшись кисти его руки, тихо сказал:

— Не беспокойся, Миша. Все документы передам начальнику. А ты не падай духом. Крепись. Выздоровлявай. У нас с тобой впереди немало дел. Ведь до Берлина еще далеко.

В знак согласия старший лейтенант прикрыл глаза.

Когда я покинул палатку, вслед за мной вышла медсестра, которая была известна мне как активная комсомолка.

— Хорошо, что я увидела вас, — обратилась она ко мне. — Дело в том, что к нам в медсанбат поступил раненый по фамилии Будилин. Ранение у него пушечное, а он настойчиво добивается направления в эвакогоспиталь. Говорит, что чувствует себя плохо. А я заметила, что он чего-то опасается, хочет, чтобы его поскорее отправили отсюда. Думаю, что это неспроста...

Поблагодарив медсестру, я зашел к дежурному хирургу, попросил его тщательно осмотреть Будилина, определить, насколько серьезно его ранение. Уходя, пообещал зайти на следующий день.

Я пришел в медсанбат, когда по всем частям 67-й и 2-й ударной армий разнеслась радостная весть: вражеская блокада Ленинграда прорвана! Несколько часов назад произошла знаменательная встреча войск Ленинградского и Волховского фронтов. То, к чему на протяжении долгих 16 месяцев стремились воины двух фронтов, свершилось! Ликование охватило всех участников операции «Искра», всех защитников города на Неве.

С небывалым восторгом встретили сообщение о прорыве блокады и находившиеся в медсанбате раненые, пролившие свою кровь в боях за эту замечательную победу. Только один из них держался как бы особняком. Это был худощавый угрюмый солдат Будилин. Он лежал на койке, укрыв голову одеялом, не обращая внимания на царившую вокруг него обстановку всеобщего подъема.

Врачи, медсестры, санитары, раненые — все были возбуждены, делились друг с другом радостной новостью. Не сразу удалось мне завести с хирургом деловой разговор. Наконец мы уединились.

— У Будилина сквозное пулевое ранение, — сообщил врач. — На руке у входного отверстия следы ожога. Как видно, он был ранен с очень близкого расстояния.

«А может, самострел?» — подумал я. И высказал свое мнение хирургу. Тот ответил:

— Не исключено. Скорее всего, так и есть.

Но это предположение следовало подтвердить. Надо было доказать, что Будилин действительно совершил тяжкое преступление, что в результате саморанения он уклонился от участия в боевых действиях. Я сообщил об этом командованию полка. Было назначено военное дознание.

Экспертиза вынесла заключение, подтверждавшее мнение хирурга: Будилин получил пулевое ранение с близкого расстояния. Казалось, сомнений нет: Будилин — членовредитель. Однако тщательное изучение направления полета пули показало, что из имевшегося у него оружия он не мог сам себе нанести такое ранение. Значит, Будилин получил его со стороны.

— Расскажите, как и при каких обстоятельствах вы были ранены, — обратился к нему военный дознаватель.

Из ответа Будилина следовало, что он находился в рядах бойцов, наступавших на вражеские позиции. Когда огонь противника усилился, Будилин прыгнул в окоп, на дне которого лежал, как ему показалось, убитый фашист. Но оказалось, что он был жив. Более того, гитлеровец сумел достать из кобуры пистолет и ранил Будилина, который тут же прикончил его.

— Кто это может подтвердить?

— Никто. Я был в окопе один.

— Перечислите фамилии бойцов, вместе с которыми вы шли в наступление.

— Иванов, Соколов, Тарасюк, — хмуря брови, без запинки ответил Будилин. — Но все они убиты.

Когда военный дознаватель поинтересовался фамилиями командиров отделения, взвода, роты, где Будилин, по его словам, проходил службу, четкого ответа получено не было.

— Я служу в стрелковом полку всего две недели. Это записано в моей красноармейской книжке. Командир полка — майор Шевченко. Фамилий других своих командиров не запомнил, — заявил Будилин, исподлобья поглядывая на военного дознавателя.

«Чужой,— решил тот, хорошо зная, что майер Шевченко уже более месяца не командует стрелковым полком. — Надо передать это дело в контрразведку».

Об этом же думал и я, направляясь в медсанбат. Только что из Ленинграда поступило сообщение: по данным экспертизы, красноармейская книжка, выписанная на имя Будилина, судя по ряду признаков, изготовлена в абвере.

Следователь Особого отдела дивизии тщательно проверил показания, данные Будилиным военному дознавателю. Выяснилось, что его рассказ об обстоятельствах ранения является вымыслом. Фамилии бойцов, с которыми Будилин будто бы шел в наступление, были им просто-напросто придуманы. На проведенных следователем четырех очных ставках ни один из военнослужащих стрелкового взвода, в котором Будилин, по его заявлению, проходил службу, не опознал его. Однако, несмотря на неопровержимые улики, Будилин продолжал стоять на своем. Он изворачивался, лгал, менял показания. И лишь знакомясь с актом экспертизы о том, что изъятая у него красноармейская книжка изготовлена гитлеровской разведкой, глубоко задумался.

Глядя на следователя из-под насупленных бровей, спросил:

— Если я скажу правду, суд учтет мои откровенные признания?

— Да, учтет.

— Хорошо. Записывайте...

Будилин вырос в неблагополучной семье. Отец, работавший грузчиком, много пил, избивал жену, детей. Перед призывом в Красную Армию Будилин пристрастился к водке, несколько раз задерживался милицией за хулиганство. Проходил службу в Прибалтийском особом военном округе. Когда началась война, полк, в котором он служил, вступил в бой с гитлеровцами. Наши бойцы держались стойко, дрались упорно, но их обошли фашистские танки. Полк попал в окружение, многие бойцы оказались в плену. Среди них и рядовой Будилин.

Как и других военнопленных, его допрашивал офицер гитлеровской разведки. Когда Будилин рассказал, что он до войны не раз задерживался органами милиции за нарушение общественного порядка, офицер проявил к нему повышенный интерес.

— Выбирайте,— в заключение беседы заявил он,— или лагерь, где вам при вашем худосочии долго не продержаться, или честная служба в интересах великой Германии.

Будилин, который и ранее высказывал недовольство действиями органов Советской власти по отношению к своей персоне, дал согласие на предложение фашистского разведчика. Его доставили в Псков, где он более года находился в подразделении обслуживания абверкоманды.

В начале 1943 года Будилина неожиданно отправили в район Мги, а затем под Сиявино. Здесь он узнал, что советские войска перешли в наступление на вражеские позиции и шаг за шагом освобождали захваченную врагом территорию.

Прибывший с Будилиным в район боев рыжеволосый лейтенант из военной разведки, прислушиваясь к дальним разрывам крупнокалиберных снарядов, объявил ему: — Вся война еще впереди. Твой отдых в тихом Пскове кончился. Пришло время заняться настоящим делом. Цель — внедриться в войска русских для выполнения разведывательного задания...

Следователь Особого отдела, внимательно слушавший Будилина, спросил:

— Какого именно?

— Собирать всевозможные сведения о советских войсках, особенно о подготовке наступательных операций. Кроме того, искать среди сослуживцев тех, кто вроде меня обижен Советской властью или не верит в победу Красной Армии над Гитлером, склонять их к переходу на сторону немецких войск. А потом вместе с ними перейти линию фронта, принести собранные сведения в абверкоманду.

— Что вам удалось сделать для выполнения полученного задания?

Будилин криво усмехнулся:

— Ничего. Хотя у меня была отлично изготовленная красноармейская книжка и лейтенант из абвера три дня учил меня, как вести себя на вашей стороне, как собирать нужные сведения.

— И маскировка под рапеного не помогла?

— Нет,— упавшим голосом произнес Будилин и опустил голову.— Хотя офицер собственноручно и весьма удачно прострелил мне руку прямо на позиции, которую немцы оставляли.

— Значит, и сквозное ранение не помогло?

— Как видите. Не помогло...

Майор Добров, выслушав мою информацию о приговоре, вынесенном военным трибуналом вражескому лазутчику, сказал:

— Сначала Финьков, теперь Будилин... Обратите внимание, Тимофей Андреевич: каждый предатель начинает по-своему, а кончают все одинаково.

После участия в наступательной операции «Искра» мне довелось и дальше шагать по дорогам войны в одном строю с бойцами 45-й гвардейской стрелковой дивизии. В составе сформированного в апреле 1943 года 30-го гвардейского стрелкового корпуса наша дивизия вела ожесточенные бои за Синявинские высоты и овладела ими. Она принимала активное участие в разгроме петергофско-стрельнинской группировки прогивника и снятии вражеской блокады Ленинграда, в беспримерном штурме «Карельского вала» и освобождении Эстонии.

Еще до изгнания фашистов с территории Прибалтики органы гитлеровской военной разведки, действовавшие против Ленинградского фронта и КБФ, получили директиву — всемерно усилить подготовку агентуры из числа эстонских буржуазных националистов и оставлять ее на территории Эстонии при отступлении немецких войск. Агенты, вербовавшиеся в первую очередь из членов полувоенной фашистской организации «Омакайтсе», получали задание проводить шпионскую, диверсионную и террористическую деятельность против советских войск и эстонских патриотов.

Армейские чекисты, находившиеся на территории Эстонской ССР в составе войск Ленинградского фронта, развернули борьбу с этими ставлениками фашистской разведки, а также с безавшими от правосудия пособниками гитлеровских оккупантов.

Задержанный чекистами районный руководитель «Омакайтсе», резидент абвера Роотс на допросе показал, что по заданию немецкой разведки он отобрал для абверкоманды-204 из числа членов «Омакайтсе» тридцать девять человек, которые были направлены в диверсионную школу в местечко Улброк в Латвии. В розыске и задержании некоторых из этих диверсантов, окончивших школу абвера и возвратившихся в Эстонию, приняла участие наша оперативная группа. Возглавить ее было приказано мне, старшему оперативному уполномоченному Отдела контрразведки «Смерш» гвардейской стрелковой дивизии.

Шел ноябрь 1944 года. Ранним погожим утром мы прибыли в город Раквере. Предстояла встреча с местной жительницей по имени Эльза, которая могла помочь нам в розыске опасного диверсанта, известного чекистам лишь

по кличке. У нас была уверенность, что Эльза отнесется к нашей просьбе с пониманием: ее отец и брат, активные сторонники Советской власти, пали от рук бандитов-националистов.

Эльза проживала в небольшом уютном домике на окраине Раквере. Любезно встретив советских офицеров, молодая вежливая блондинка пригласила нас в дом. Она плохо говорила по-русски, но быстро поняла, что нас интересует. И, не раздумывая, назвала имя и фамилию диверсанта, его приметы, район, где он может скрываться. Более того, сообщила нам фамилию и адрес рыбака, который ранее поддерживал связь с «лесными братьями» и наверняка знает, где прячется разыскиваемый преступник.

Возвратившись в Таллин, я доложил руководству о полученных от Эльзы сведениях. Был вызван на допрос резидент фашистской разведки Ротс. По названным ему приметам он подтвердил свои ранее данные показания о диверсантах. К тому же добавил, что тот никогда добровольно «не сложит оружия против красных».

Медлить было нельзя. Оперативная группа, в состав которой входили офицер контрразведки и два солдата из отделения охраны нашего отдела, направилась к западному побережью Чудского озера. Добирались туда на товарном поезде, пешком, в повозке.

Еще в Таллине нас предупредили, что дорога будет небезопасной. Бандиты из националистического подполья отсиживались днем в бункерах, а ночью, как правило, нападали на военнослужащих Красной Армии, представителей власти, местных активистов.

К городу Каллисте мы подъехали на повозке уже глубокой ночью. С трудом нашли ночлег. Отдыхали попеременно. Один из нас все время был начеку.

На другой день установили контакт с местными властями, представителем милиции. Начали интересоваться рыбаком, о котором нам рассказала Эльза. Мы имели намерение с его помощью узнать, где укрывается диверсант. Неожиданно нас постигло жестокое разочарование. Выяснилось, что за несколько дней до нашего приезда «лесные братья» убили рыбака, обвинив его в «отступничестве».

Нам пришлось потратить немало времени и сил, чтобы, опираясь на помощь активистов, установить, в каком хуторе скрывается преступник. В итоге получили сведения, что разыскиваемого нами диверсанта укрывает у себя одна из его любовниц.

Мы разработали маршрут и двинулись в путь, взяв с собой переводчика, рекомендованного нам работником милиции. Прошагав не менее пятнадцати километров по лесным тропам, приблизились наконец к цели нашего изрядно затянувшегося рейда.

На большой поляне — окруженный забором дом с надворными постройками. Подойти к нему незамеченными можно только с наступлением темноты. Решили ждать вечера. Наблюдение за домом вели из леса. Никаких признаков жизни. Тишина. «Где же диверсант? В доме или в бункере? — напряженно размышлял я. — По полученным данным, он не расстанется с оружием ни днем ни ночью. Как же его перехитрить и задержать без потерь с нашей стороны?»

Наступили сумерки. Мы собрались вместе, посоветовались. Решили провести операцию перед рассветом, брать диверсанта только живым. Дежурили по очереди, чтобы каждый из нас хотя бы немного отдохнул. Но заснуть не удалось: ночь выдалась холодной.

Забрезжил рассвет. По моему сигналу все быстро двинулись к дому. Своего расторопного бывалого ординара рядового Власенко я оставил во дворе, жестом указав ему на выходящую из подвала дверь.

Поднявшись на крыльцо, мы постучали. Ответа нет. Начали стучать сильнее, настойчивее. Стоять против двери небезопасно, можно нарваться на автоматную очередь. Отодвинулись, стали слева и справа.

— Кто там? — наконец услышали женский голос.

— Свой, — ответил переводчик.

Как только дверь приоткрылась, мы мгновенно оказались в доме. Обошли все комнаты. Кроме молодой хозяйки, никого не было. Начали тщательно, шаг за шагом осматривать помещения. В одной из комнат под половиком обнаружили замаскированную квадратную крышку. Я взглянул на хозяйку дома. Было видно, что она не в силах скрыть тревоги.

Стали поднимать крышку. В этот момент во дворе загремела автоматная очередь. За ней вторая. Мы выскочили из дома во двор.

— Товарищ гвардии капитан, — доложил мне ординарец, — диверсант в подвале. Он приоткрыл дверь и дал очередь в мою сторону. Мне пришлось ответить очередь выше подвальной двери.

Я потребовал от диверсанта сложить оружие и сдаться. Переводчик повторил мои слова по-эстонски. Воцарилась тишина. Через минуту подвальная дверь

широко распахнулась. Пригнув голову, из подвала вышел рослый молодой мужчина. Окинул пас колючим взглядом.

— Где автомат?

Он кивнул в сторону подвала. Мы обыскали диверсанта. Другого оружия при нем не было.

— Меня расстреляют? — спросил он.

— Вас будет судить военный трибунал, — последовал ответ.

Так был обезврежен еще один опасный агент абвера.

А впереди виднелись новые, еще не пройденные дороги войны, требовавшие от армейских чекистов «огромной солевой работы».

А. М. НЕСТЕРОВ

ГОРБУН И ЕГО КОМАНДА

Хорошо помню, что решающие события, которые привели к разоблачению первой в моей практике шпионской группы абвера, произошли в один из январских дней самой тяжелой, самой суровой военной зимы. Архивные документы помогли уточнить дату: это случилось 3 января 1942 года.

В то пасмурное утро мне, оперативному уполномоченному Особого отдела 25-й кавалерийской дивизии, удалось до полудня обойти все подразделения полка, выдвинутые на исходные позиции для наступления. Когда я возвращался в поврежденную вражеским снарядам избу, несколько дней назад ставшую местом моей работы, началась поземка.

— Товарищ старший лейтенант, — встретил меня ординарец, — недавно звонили из отдела, спрашивали вас.

Я покрутил ручку полевого телефона и уже через минуту знал, что в расположение кавалерийской дивизии выехал начальник Особого отдела 2-й ударной армии бригадный комиссар А. Г. Шашков. «Все время в войсках», — с чувством уважения подумал я о бригадном комиссаре. Мне было известно, что А. Г. Шашков прибыл на только что созданный Волховский фронт вместе с управлением недавно сформированной 2-й ударной армии всего лишь две недели назад. Но за это время сумел уже не раз побывать у контрразведчиков 25-й кавдивизии, включенной в состав армии. В беседах с нами А. Г. Шаш-

ков особенно интересовался, как чекисты дивизии организовали контрразведывательную работу в условиях боевых действий наших войск по освобождению Тихвина и изгнанию гитлеровцев с правобережья Волхова.

С момента прибытия 2-й ударной армии на Волховский фронт нам, контрразведчикам кавдивизии, стало известно, что бригадный комиссар Александр Георгиевич Шашков — член партии с 1919 года, активный участник гражданской войны, пришедший в чекистские органы еще при жизни Ф. Э. Дзержинского. В предвоенные годы, находясь на руководящей работе в органах госбезопасности Украины, он принимал активное участие в разоблачении преступной деятельности буржуазных националистов, многие из которых уже в то время выполняли шпионские и диверсионные задания абвера.

Думая о предстоящей встрече с бригадным комиссаром, я вспомнил, как незадолго до нового, 1942 года, собрав чекистов кавдивизии, А. Г. Шашков сообщил нам, что 2-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта Н. К. Клыкова получила приказ Верховного Главнокомандования во взаимодействии с другими войсками Волховского и Ленинградского фронтов прорвать вражескую блокаду Ленинграда.

— Бойцы нашей армии, — продолжал бригадный комиссар, — идут в бой ради высокой, благородной цели — облегчить положение защитников, всех жителей блокированного врагом Ленинграда. Мы, армейские чекисты, призваны оказать войскам, готовящимся к проведению наступательной операции, всемерную помощь.

Анализируя складывавшуюся на фронте обстановку, А. Г. Шашков отметил, что противник, несомненно, примет самые энергичные меры к усилению шпионажа на наиболее угрожающих ему участках Волховского фронта.

— Отсюда, — подчеркнул он, — вытекает наша главная задача: опираясь на помощь командиров и политработников, всех бойцов армии, парализовать подрывные акции вражеской разведки. Мы обязаны поставить на пути лазутчиков противника такой непреодолимый барьер, чтобы ни один из них не сумел собрать и передать фашистскому командованию интересующие его сведения.

С этого дня, готовясь к наступательной операции, контрразведчики 25-й кавалерийской дивизии и других соединений 2-й ударной армии всемерно активизировали свою работу в войсках. Чекисты установили постоянную связь с пограничниками, охранявшими тыл армии, с постами воздушного наблюдения. Совместно с командирами

и политработниками проводили в подразделениях беседы о бдительности, инструктировали бойцов, шедших в боевое охранение и на патрулирование прифронтовой полосы.

После разговора по телефону с Особым отделом дивизии, я заглянул в блокнот с записями, внимательно прочитал их. «Все, что было намечено, выполнено», — с удовлетворением подытожил свою работу за последние дни. Достав из полевой сумки топографическую карту с нанесенной обстановкой, положил ее на стол. Но раскрыть не успел: в дверь постучали.

— Старший патруля сержант Зубцов, — войдя в комнату, доложил рослый боец. — На подходе к расположению полка нами задержаны трое неизвестных. Как видно, за главного у них горбун. По его словам, они бежали с той стороны, с фашистской каторги. А может, и не так...

Невольно улынувшись, я вскинул на сержанта одобрителный взгляд:

— Разберемся. А за службу вам спасибо. Молодцы!

На мой вопрос, при каких обстоятельствах они задержали неизвестных, старший патруля дал обстоятельный ответ. В первой половине дня 3 января он, сержант Зубцов, с двумя красноармейцами следовал по лесной тропе. Внезапно за крутым поворотом показались трое. Впереди — тщедушный горбун в ватной фуфайке и шапке-ушанке. За ним — стройный южанин с черными усиками, позади — коренастый брюнет, оба в поношенных шинелях и шапках.

— Кто вы? — приблизившись к путникам, спросил сержант. — Прошу предъявить документы.

— Документов нет. Оружия тоже. — ответил за всех горбун. — Мы бежали с фашистской каторги. Ночью прошли мимо позиций немецких войск и по льду Волхова добрались до своих. Ищем представителей Советской власти.

— Все ясно. Представителей власти мы вам найдем, — заверил неизвестных сержант и решил доставить их к полковому уполномоченному, который накануне рассказывал патрульным о коварных методах фашистской разведки, рекомендовал обращать внимание на одиночек и небольшие группы военнослужащих, а также на гражданских лиц, оказавшихся в прифронтовой полосе.

Поблагодарив сержанта, я вместе с ним вышел из помещения, подошел к неизвестным, проверил, нет ли у них оружия. Затем, оставив горбуна и южанина в се-

нях под наблюдением ординарца, предложил бронету войти в избу.

— Расскажите, кто вы и как оказались в расположении советских войск,— обратился я к задержанному.

— Моя фамилия Ершов, родился в тринадцатом году,— внешне спокойно начал он. — Служил в Красной Армии, в автомобильном полку. В сентябре сорок первого года, во время наступления немцев на Петергоф, попал в плен. В ноябре в составе группы военнопленных был отправлен на северную окраину Новгорода на дорожные работы. Это была настоящая каторга. Фашисты всячески издевались над нами, заставляли ломami и лопатами рыть замерзшую землю по двенадцать — четырнадцать часов в сутки, а кормили хуже, чем скот. Так продолжалось около месяца. Мы не знали, как вырваться из этого ада.

— Что же было дальше?

Ершов рассказал, что он и его спутники познакомились друг с другом на дорожных работах. По предложению горбуца, самого бывалого из них, решили при первом удобном случае бежать к своим. В ночь на 3 января, воспользовавшись халатностью часового, сумели незамеченными выйти из барака и через лес направились на восток, к Волхову, откуда доносились раскаты артиллерийской канонады. Обошли стороной позиции гитлеровцев и ползком по льду реки двинулись на правый берег. Достигнув его, укрылись в какой-то траншее. Подкрепившись взятым с собой вареным картофелем, пошли вдоль берега на север, надеясь увидеть кого-либо из советских людей. Встретив патрульных, рассказали им о бегстве с фашистской каторги.

Вызванный на беседу южанин, назвавшийся бывшим красноармейцем Ибрагимовым, уверенно, почти слово в слово, повторил рассказ Ершова. Так же свободно держал себя и горбун. Он сообщил, что является жителем Пскова, фамилия — Янковский. Несмотря на то, что ему не по силам выполнять тяжелую работу, гитлеровцы принуждали его копать землю, носить и укладывать камни.

Передо мной, имевшим за своими плечами немногим более двух лет службы в чекистских органах, встал нелегкий вопрос: кто они, эти задержанные, в действительности — советские патриоты или умело маскирующиеся под них агенты противника?

Данные ими объяснения, в которых не усматривалось никаких противоречий, выглядели вполне правдоподобно. Тем более что мне были известны подобные факты выхода честных советских людей с оккупированной захват-

чиками территории. И все же показания задержанных вызвали у меня сомнение. «Уж очень легко все это у них получается», — подумал я и предложил Янковскому еще раз, но более подробно рассказать, как он и его спутники оказались в расположении советских войск.

Янковский четко, не сбиваясь, повторил свои показания. Закончивая их, он с хитринкой в глазах промолвил:

— Немцы могли дважды задержать нас — при бегстве с дорожных работ и во время перехода линии фронта. Но этого не случилось. Считайте, что нам просто повезло.

«В самом деле, мало ли как в жизни бывает», — мысленно согласился я с мнением горбуна.

Вслушиваясь в речь Янковского, я заметил, что он говорит по-русски с легким акцентом. На мое предложение объяснить это явление горбун спокойно ответил:

— Ничего удивительного. Влияние отца, уже покойного. Моя мать — ее тоже нет в живых — по происхождению русская, а отец — выходец из Польши. Он настойчиво учил меня польскому языку. Я могу свободно изъясняться на нем. Отсюда и акцент.

«Все может быть, — решил я. — Да и проверить это сейчас невозможно: Псков занят гитлеровцами».

Смущало меня и еще одно обстоятельство: неужели разведка противника могла направить в разведывательный рейд это убогое существо, невольное вызывающее чувство жалости к себе? Мало вероятно. Правда, от меня не укрылось, что в глубоко сидящих глазах Янковского светились живой ум и незаурядная воля. Но это, разумеется, не могло помочь мне получить ответ на вопрос, с кем в действительности я имею дело. Одним словом, каких-либо, даже самых незначительных, улик, свидетельствующих о причастности задержанных к вражеской разведке, в ходе их опроса пайти не удалось. И я решил отправить их для проверки в тыл.

В это время дверь отворилась и в комнату вошел одетый в полушубок и папаху бригадный комиссар Шашков. Приняв мой краткий рапорт о проводимом опросе задержанного, пачальник Особого отдела армии окинул Янковского внимательным взглядом, задал ему несколько вопросов, а затем распорядился вывести его из помещения.

По предложению бригадного комиссара я доложил о результатах опроса Янковского и его спутников. Когда закончил, Шашков заинтересовался:

— Если не ошибаюсь, вам еще не приходилось разоблачать шпионов?

— Пока нет, — подтвердил я.

— Скоро придется, — уверенно пообещал бригадный комиссар. — А что вы намерены делать с задержанными?

— Собираюсь отправить их в тыл.

— Стоит ли спешить, — с оттенком ворчливости заметил Шапков. — По-моему, они не те, за кого себя выдают. Вам надо еще с ними поработать. Ну, а если ничего не выйдет, мы возьмем их к себе. У нас в отделе опытные следователи. Они, несомненно, разберутся, что представляют собой задержанные на самом деле. Но я уверен, что вы и сами с этой задачей справитесь. Советую обратить внимание на руки горбуна.

Расспросив меня о принятых мерах по пресечению возможных подрывных акций вражеских агентов на участке полка и уточнив места расположения частей дивизии, бригадный комиссар уехал.

И вот Янковский вновь передо мной. Я мельком бросил взгляд на его руки. Внезапно меня охватило чувство крайнего смущения. «Как же я, оперативный работник армейской контрразведки, — принялся мысленно отчитывать себя, — мог позволить этому «беглецу с фашистской каторги» битый час втирать мне очки? Ведь стоило только чуть-чуть внимательнее посмотреть на его руки, чтобы убедиться, что он, попросту говоря, водит меня за нос. И не только он, но и вся эта троица».

Не выдавая своих чувств, я спокойно предложил Янковскому повторить, какую физическую работу ему приходится выполнять на северной окраине Новгорода.

— Мы ремонтировали покрытую булыжником дорогу, — ответил горбун.

— Какими инструментами пользовались?

— Ломами, лопатами, кирками, — не очень уверенно произнес Янковский и вскинул на меня глаза. В них промелькнула тень тревоги. «Очевидно, догадался, что к чему», — подумал я и, не повышая голоса, приказал:

— Руки на стол! Ладони вверх!

Горбун спик, сжался в комок. Медленно поднял и положил руки на край стола. Я не спеша провел своими пальцами по его мягким, нежным, без единой мозоли ладоням.

— Может быть, вы и теперь будете утверждать, что это руки каторжника? — усмехнулся я и счел нужным представиться: — Перед вами сотрудник советской военной контрразведки старший лейтенант Нестеров. Вы проиграли, господин Янковский. Пришло время рассказать правду.

Горбун окинул меня холодным взглядом и склонил голову. Долго молчал, неотрывно глядя на свои упавшие на колени руки.

— Да, я проиграл,— наконец признал он свое поражение. — Жду ваших вопросов.

— В качестве кого вы прибыли на советскую сторону?

— Я — старший разведывательной группы абвера. Ершов, Ибрагимов — разведчики.

— Кто направил вас через линию фронта?

— Абверкоманда при группе армий «Север» в Пскове.

— Вы обучались ведению разведки?

— Да. Все трое — выпускники разведшколы абвера в городе Валге. Это на границе Эстонии и Латвии.

— Сколько выпусков произвела школа?

— Наш — первый.

— Какое вы получили задание?

Янковский задумался, повернул голову к окну, за которым набирал силу снежный буран. Переведя взгляд на меня, ответил:

— Задание состояло из двух частей. Пункт первый: собрать сведения о войсках Красной Армии, находящихся в треугольнике Валдай — Вышний Волочёк — Торжок. Места дислокации воинских частей, их вооружение. Особое внимание — местам усиленной концентрации войск. Наблюдается ли передвижение частей, в каком направлении. Пункт второй: выяснить в указанном треугольнике состояние железных дорог, характер перевозок по ним военных грузов. Попутно установить места расположения военных аэродромов.

— Как вы должны были собирать эти сведения?

— Личным наблюдением.

— Срок выполнения задания?

— В пределах десяти суток.

— Как вам рекомендовали обеспечить выполнение задания, учитывая отсутствие у вас личных документов?

— Мы получили разрешение вступать в контакты с гражданскими лицами, главным образом для приобретения продуктов питания на выданные нам советские деньги. В то же время мы должны были избегать встреч с советскими военноположенными, особенно с военными патрулями. Но мы не думали, что вы посылаете патрульных даже на лесные тропинки.

— Что вам известно о заброшенных или готовящихся к заброске на советскую сторону агентах абвера?

— В последних числах декабря были переправлены в район Грузица через линию фронта два выпускника

валговской школы. А сегодня, точнее в ночь на 4 января, из района Мясного Бора должна состояться заброска на вашу сторону еще двух агентов, которые вместе с нами окончили разведшколу.

Я прервал допрос, вывел Янковского из комнаты и, позвонив в Особый отдел дивизии, доложил своему начальнику о задержании трех агентов фашистской разведки:

— От одного из них получены сведения исключительной важности. Их необходимо срочно передать в Особый отдел армии. Прошу выслать за ними оперативного работника.

Положив трубку, я вызвал Янковского и записал с его слов фамилии, клички, приметы, а также сведения об экипировке, возрасте и национальности вражеских лазутчиков, засланных абвером в расположение частей 2-й ударной армии.

Прошло немного времени, и показания Янковского уже находились в руках бригадного комиссара Шапкова, только что возвратившегося из поездки по войскам. Как мне стало известно позднее, ознакомившись с ними, начальник Особого отдела армии сказал:

— Два агента абвера, переправленные через линию фронта в районе Грузина, задержаны нами и разоблачены. Они оказались весьма опасными шпионами, так как кроме разведки прифронтовой полосы получили задание пробраться в Ярославль. Там они должны были выяснить, прибывают ли из Архангельска эшелоны с английскими воинскими грузами, а также собрать сведения о наличии в Ярославле военных заводов и воинских частей, направляющихся на фронт. Что касается шпионов, которые должны появиться на нашей стороне, то постараемся встретить их сегодня ночью как положено.

И он тут же отдал соответствующий приказ начальникам особых отделов дивизий, занявших исходные рубежи для наступления у Мясного Бора. Одновременно были извещены о предстоящей акции вражеской разведки все контрразведчики армии.

Между тем допрос старшего шпионской группы абвера шел своим чередом. Меня интересовало прошлое Янковского, обстоятельства привлечения его к сотрудничеству с фашистской разведкой.

— Я родился в семье дворянина Лобачевского, до семнадцатого года занимавшего должность мирового судьи в одном из городов Украины. Янковский — это мой псевдоним, — начал свою исповедь горбун. — Октябрьскую

революцию наша семья встретила враждебно. В двадцать четвертом году, когда мне исполнилось двадцать лет, я нелегально с помощью контрабандистов бежал через границу СССР в Польшу. Как и многим эмигрантам из Советской России, жить в Польше мне было нелегко. Правда, я сумел закончить вечерние строительные курсы в Варшаве. Но даже наличие диплома техника не избавило от неоднократных и длительных периодов безработицы. Во всех своих бедах я винил только установленный в России советский строй. На этой почве я сошелся в Варшаве со многими белоэмигрантами, активными участниками различных антисоветских центров.

Лобачевский рассказал, что он был близок к руководителям варшавского филиала «Российского общевойскового союза» (РОВС) — военизированной антисоветской организации, созданной на Западе на деньги иностранных разведок из бежавших за границу белогвардейцев. Поддерживал связь с деятелями белоэмигрантского «Национально-трудового союза нового поколения» (НТСНП) — поставщика кадров для шпионско-подрывной деятельности империалистических разведок против СССР.

В 1939 году Лобачевский вступил в члeпы так называемого «Российского фашистского союза» (РФС), главари которого обосновались в Харбине. Пользуясь доверием вожака варшавского отдела РФС белоэмигранта Шелехова, сумел войти в курс многих тайных дел этой антисоветской организации. Он, к примеру, располагал данными, что руководитель «Российского фашистского союза» Родзаевский уже давно состоит на службе японской разведки и по ее заданиям готовит из осевших в Маньчжурии белогвардейцев вооруженные формирования для войны против СССР на стороне японского империализма.

— Что касается Шелехова, то он, — продолжал Лобачевский, — в предвоенные годы поддерживал постоянный контакт с немецкой военной разведкой. С его слов мне известно, что по указанию абвера Шелехов в 1940 году направил из Варшавы в Советскую Белоруссию трех эмиссаров-белоэмигрантов с разведывательным заданием. Такое же предложение он сделал и мне, но я в то время от него отказался. Незадолго до начала войны между Германией и СССР Шелехов по заданию немецкой разведки подобрал среди эмигрантской молодежи двадцать человек и на автомашине отправил их из Варшавы в Кенигсберг в школу абвера.

Лобачевский сообщил, что, как только началась война, белоэмигранты из числа наиболее ярых противников боль-

шевистского режима стали поднимать вопрос о создании «русской национальной армии» для участия в войне против СССР. Однако руководители абвера и других фашистских секретных служб, в руках которых фактически находились РОВС, НТСНП и РФС, решили иначе. Они сочли более выгодным для себя привлечь членов этих антисоветских организаций к борьбе против СССР и его Вооруженных Сил в качестве шпионов и диверсантов, в которых гитлеровцы, безусловно, очень нуждались. В конце августа 1941 года, выполняя задание абвера, руководители антисоветских организаций в Варшаве развернули среди белоэмигрантов активную вербовочную работу.

— Расскажите, как вы стали агентом военной разведки гитлеровской Германии.

— В один из последних дней августа, — начал излагать историю своего падения Лобачевский, — меня пригласил к себе секретарь варшавского отдела «Российского фашистского союза» эмигрант Бондаревский, которого я хорошо знал по совместной работе в РФС. В разговоре он сообщил мне, что вопрос о создании «русской национальной армии» еще не решен. «Чтобы сдвинуть его с места, — сказал Бондаревский, — мы, русские эмигранты, должны доказать нашим германским шефам, что не на словах, а на деле готовы участвовать в войне против большевиков. В целях осуществления этой готовности нам предоставляется возможность выехать на Восточный фронт для работы в немецкой военной разведке». Не откладывая дела в долгий ящик, Бондаревский предложил мне дать свое согласие на зачисление в разведывательную школу абвера. Я не возражал. Одобрив мое «мужественное решение», секретарь варшавского отдела РФС, выступивший, как я сразу понял, в роли вербовщика фашистской разведки, сказал мне: «Будьте готовы, господин Лобачевский, к выезду в Псков, где обосновался штаб группы немецких армий «Север» со всеми своими службами. Через несколько дней мы отправляем туда первую группу эмигрантов, изъявивших желание воевать против Советов. Но имейте в виду, что многие рядовые участники наших эмигрантских организаций, особенно из молодежи, не знают, что будут обучаться в школе зафронтовых агентов абвера. Они едут в Россию с «великой миссией освобождения русского народа от большевистского ига», для чего предварительно «пройдут обучение в военной школе». На мой вопрос, чем вызван этот обман, Бондаревский ответил: «К сожалению, далеко не все наши эми-

гранты относятся к войне между Германией и Советской Россией так, как мы с вами».

Далее Лобачевский рассказал, что вскоре после его разговора с Бондаревским он был включен в состав группы эмигрантской молодежи из шести человек, которые знали, что на фронте их ждет работа в абвере. В начале сентября 1941 года эта группа на крытой тентом автомашине в сопровождении двух немецких солдат выехала из Варшавы в Псков. Здесь эмигрантов встретил офицер абвера капитан-лейтенант Шнеллер, которому, как выяснилось, было поручено формирование школы. Он представил прибывших начальнику абверкоманды, приданной группе армий «Север», подполковнику Гемприху, прикрывавшемуся псевдонимом «Петергоф», и руководителю агентурной работы абверкоманды, бывшему офицеру царской армии Смысловскому, активному деятелю РОВС, до войны работавшему резидентом абвера в Варшаве под псевдонимом фон Регенау. На следующий день эмигрантов доставили в город Валгу, в один из трех домов на улице Семинара, предназначенных для размещения формируемой разведшколы.

В течение месяца сюда прибыли из Варшавы еще две группы преимущественно молодых эмигрантов, многие из которых являлись членами РОВС, НТСНП, РФС и других антисоветских центров. Из разговоров с некоторыми из них Лобачевский понял, что в большинстве своем они не знают, какую судьбу уготовили им руководители белоэмигрантских организаций и вербовщики гитлеровской разведки. Задачу ввести прибывших в курс дела взял на себя помощник начальника абверкоманды Смысловский.

Обрисовав положение на фронтах, этот ставленник фашистского абвера призвал приехавших из Варшавы эмигрантов проявить «русский патриотизм» и заслужить доверие командования «победоносной германской армии» путем активного участия в войне против большевиков в качестве агентов немецкой разведки. Как и предвидели вожаки белоэмигрантских центров, это предложение не встретило единодушия со стороны эмигрантов.

— Мы ехали сюда, чтобы учиться в военной школе, — заявил один из них и с возмущением добавил: — А нам здесь делают великую честь, предлагая стать немецкими шпионами. И с этой целью призывают пройти курс шпионских наук в школе, для маскировки получившей название «Русская колонна». Если не будет других предложений, я завтра же уезжаю обратно.

К нему присоединились еще шесть молодых эмигрантов. На следующий день всю эту группу отправили в Варшаву.

Одновременно с прибытием эмигрантов вербовщики абвера доставляли в Валу советских военнопленных, состоявших на службе в лагерной полиции и давших согласие обучаться в школе гитлеровской военной разведки.

Вскоре учебный центр абверкоманды, включавший два отделения — разведчиков и радистов, начал активно функционировать. Лобачевский и другие участники шпионской группы были агентами первого выпуска валтовской школы абвера.

Записав показания Лобачевского, я окинул глазами его жалкую фигуру. «Можно себе представить, какую жгучую ненависть испытывает к советскому народу этот тщедушный представитель белой дворянской кости, — невольно подумалось мне. — Ведь, несмотря на смертельный риск, он без колебаний согласился стать шпионом, чтобы нанести максимальный, с учетом его возможностей, ущерб стране, в которой этот горбун родился и вырос. Ему еще не исполнилось сорока лет, а он уже дважды изменил своей родине — первый раз, когда нелегально бежал в польскую Польшу, и второй раз, согласившись выполнять задания фашистского абвера. С ним все ясно. Настал черед разобраться с другими участниками шпионской группы».

Южанин со смуглым лицом и аккуратно подстриженными черными усиками, одетый в красноармейскую шинель, держал себя с большим достоинством и выдержкой. Когда он узнал, что Лобачевский признался в принадлежности к разведке вермахта, то, не задумываясь, заявил:

— Старший нашей разведгруппы счел необходимым сказать правду. Мне не остается ничего другого, как последовать его примеру. Скажу прямо: все, что я до сих пор рассказывал о себе, — неправда. Я никогда не служил в Красной Армии. Мой отец — грузинский князь, видный чиновник департамента министерства юстиции Российской империи, статский советник Гурамишвили. Мать — попомственная дворянка, владевшая крупным поместьем в Херсонской губернии. Мой старший брат — офицер белой армии Юденича. После разгрома этой армии под Петроградом в девятнадцатом году брат укрылся в Польше. В том же году наша семья бежала из Петрограда, нелегально перешла границу и обосновалась в Варшаве. Хотя мне было тогда лишь тринадцать лет, я, как все члены нашей семьи, крайне враждебно относился к установившейся в

России Советской власти. Неудивительно, что, достигнув совершеннолетия, я стал членом антисоветского «Грузинского комитета», находившегося на содержании 2-го отдела главного штаба польской армии и разведок других капиталистических стран. После развала панской Польши, в тридцать девятом году, как мне хорошо известно, руководители «Грузинского комитета» вступили в тесный контакт с секретными службами гитлеровской Германии.

Отвечая на мой вопрос, когда и при каких обстоятельствах он стал агентом абвера, Гурамишвили сказал, что это произошло осенью 1941 года. В то время среди белоэмигрантской молодежи в Варшаве активно обсуждался вопрос об участии эмигрантов в войне против СССР на стороне Германии. Как-то раз, в начале сентября, Гурамишвили посетил эмигрантский клуб «Прометей». К нему подошел один из частых посетителей клуба по кличке Шамиль, которого Гурамишвили хорошо знал по его антисоветским выступлениям.

— Князь,— обратился Шамиль к Гурамишвили,— все мы, эмигранты, отлично знаем, чем вы дышите. Располагая соответствующими полномочиями, имею честь предложить вам командировку на Восточный фронт для поступления во вновь формируемую военную школу.

— Благодарю вас. Готов отправиться воевать против Советов в любую минуту,— с радостью согласился потомок грузинских князей.

Прошло немного времени, и Гурамишвили оказался в числе слушателей валговской разведшколы абвера, где ему присвоили псевдоним Ибрагимов. Разумеется, он не последовал примеру тех эмигрантов, которые, приехав в Валгу из Варшавы вместе с ним, не пожелали стать немецкими шпионами.

С третьим участником группы Лобачевского мне пришлось основательно повозиться. Несмотря на явные улики, Ершов долго не признавал своей причастности к вражеской разведке.

— Отрицая свою связь с абвером,— заявил я ему,— вы не облегчаете своего положения. Дело обстоит как раз наоборот. Я вызову сейчас Лобачевского и Гурамишвили, чтобы провести между вами очную ставку. Они напомнят вам кое-что о ваших делах.

Ершов помолчал и, пригладив свои черные кудри, проронил глухим голосом:

— Не надо. Я расскажу все сам. Как воевал, как попал в плен, вы уже записали. Все так и было. Только ни

на какую каторгу в райо́н Новгорода фашисты меня не посылали. Они заставляли нас, военнопленных рижского лагеря, выполнять тяжелую работу, а кормили гнилыми овощами. Люди слабели, стали умирать. Неожиданно мне пообещали хороший паек, если соглашусь быть полицаем. Кому хочется погибать? Согласился работать в лагерной полиции. Тайно, через начальников барачков вызывал эдельных военнопленных в канцелярию на допросы. В это время в лагере появился вербовщик абвера. Он хорошо говорил по-русски. Беседовал с каждым полицаем. В разговоре со мной предложил идти в шпионскую школу. Я попытался уклониться. Тогда вербовщик сказал мне: «Во-первых, ты полицай, получаешь приличный паек. Если не пойдешь к нам, потеряешь все, подохнешь в лагере с голоду. Во-вторых, ты похож на еврея. Я доложу, что скрываешь свою национальность, и мне поверят. В этом случае ты отправишься на тот свет еще раньше». Наша беседа закончилась тем, что я под диктовку вербовщика написал: «Беру на себя обязательство выполнять все требования германского командования — вести разведку на территории СССР с переходом линии фронта, выполнять другие задания по его усмотрению». Так я стал курсантом школы абвера в Вальге.

— Чему вас обучали в ней?

— Я учился на разведчика. В нашем отделении читались лекции по военной разведке, топографии, сигнализации, структуре и вооружению Красной Армии, по старой и новой истории России. Изучали методы работы советской контрразведки.

Ершов рассказал, что большая часть курсантов школы была из эмигрантов, которые плохо знали обстановку в Советском Союзе. Поэтому их знакомили с устройством Советского государства, Коммунистической партии, профсоюзов, с экономикой и бытом страны. Отделение радистов занималось по самостоятельной программе. Ершову приходилось слышать, что приемо-передающая радиостанция абверкоманды имеет условное наименование «Марс».

Школу часто навещал Смысловский. Очевидно, желая поднять моральный дух будущих шпионов, он выступал перед ними с обзорами о положении на советско-германском фронте. При этом без меры восхвалял гитлеровскую Германию, фашистский вермахт, всячески поносил советский народ, его Вооруженные Силы.

Первый выпуск школы абвера в Вальге производился в спешном порядке. Видимо, изгнание фашистских войск

с правого берега Волхова вынуждало командование группы армий «Север» всемерно ускорить получение разведывательных данных на участке только что созданного Волховского фронта.

Во второй половине декабря в школе началось формирование разведгрупп. Предполагалось, что в каждую группу наряду с разведчиками будет включен радист. Но тут выяснилось, что радисты, за исключением трех молодых эмигрантов, к выходу в разведку еще не готовы. Когда же обученные радисты получили приказ об отправке в тыл советских войск, они под предлогом болезни от выполнения его отказались. Их сразу же изолировали. Из Пскова примчались начальник абверкоманды Гемприх и его помощник Смысловский. Курсантов построили.

Обвинив радистов в нарушении данного ими обещания честно служить «великой Германии», подполковник Гемприх объявил курсантам, что эмигранты-радисты арестованы, предаются военно-полевому суду и, видимо, будут расстреляны.

— Такая же позорная участь постигнет каждого, кто откажется идти в разведку за линию фронта, — дополнил его Смысловский.

В результате «отступничества» этих агентов все три шпионские группы, заброшенные абверкомандой в тыл Волховского фронта в конце декабря 1941 — начале января 1942 года, оказались без радистов.

Подробные данные об участниках этих групп мною были уже получены в ходе допроса Лобачевского. Теперь надо было собрать как можно больше сведений об остальных выпускниках школы абвера. Мне было предельно ясно, что эти вражеские лазутчики могли появиться в любой день в расположении войск Ленинградского и Волховского фронтов, против которых действовала абверкоманда при группе армий «Север». И не только появиться, но при определенных обстоятельствах нанести значительный урон нашим войскам. Надо было предотвратить нежелательное развитие событий, вооружив армейских чекистов обстоятельными данными об этих шпионах для их активного розыска.

Я решил вызвать Лобачевского, обладавшего редкой наблюдательностью и острой памятью. Предложил ему:

— Расскажите со всеми подробностями об известных вам лицах, имеющих отношение к деятельности военной разведки и других секретных служб фашистской Германии. В первую очередь о выпускниках валговской разведшколы.

— Я расскажу все, что знаю.— заверил меня старший шпионской группы.

Фамилия, кличка (они были присвоены каждому, кто работал или учился в разведшколе), возраст, место рождения и жительства, национальность, образование, профессия, знание языков, участие в антисоветской деятельности, характерные приметы, сведения о прошлом, о поведении в настоящее время — все эти данные строка за строкой фиксировались в моих записях о каждом, кто представлял интерес для советской военной контрразведки.

Не успев закончить эту работу в течение дня, я возобновил ее ранним утром 4 января. Допросив Лобачевского, вызвал Гурамишвили, а затем Ершова. Они не только подтвердили показания старшего группы, но и дополнили их сведениями об известных им вербовщиках абвера, действовавших в Варшаве и в рижском лагере советских военнопленных.

Когда все намеченное было сделано, я, выполняя полученное указание, подготовил отправку разоблаченных шпионов под конвоем в Особый отдел 2-й ударной армии. С этим же транспортом выехал туда и сам. Двигались с трудом: разыгрался небывалый снежный буря.

Бригадный комиссар Шашков сразу же принял меня.

— Выходит, действительно, не боги горшки обжигают,— улыбнулся он, подходя ко мне. — Поздравляю с первым успехом. Уверен, что теперь от вас не укроется ни один шпион.

Просмотрев показания Лобачевского и участников его группы, начальник Особого отдела армии по телефону пригласил своего заместителя. Передав ему протоколы допросов вражеских агентов о выпускниках разведшколы, распорядился размножить их и срочно отправить в Особый отдел Волховского фронта и в подчиненные органы.

— Завтра,— повернулся бригадный комиссар ко мне,— ваши данные об агентах первого выпуска валговской школы абвера поступят в Центр. Это значит, что от нашего брата, чекиста, шпионам теперь уже никуда не уйти... А вы знаете, к каким результатам привели меры, принятые нами по полученным от вас вчера сведениям?

Я дал отрицательный ответ. А. Г. Шашков сказал:

— Считаю, что вам, виновнику немаловажных событий последних суток, об этом обязательно надо знать. И лучше всего, как говорится, из первых рук. Так вот, сегодня ночью секреты, выставленные Особым отделом 305-й стрелковой дивизии, задержали двух агентов аб-

вера. Все это произошло после того, как вы прислали нам сведения о готовящейся заброске этих агентов на нашу сторону в районе Мясного Бора.

Бригадный комиссар рассказал, что шпионы были захвачены при попытке скрыто перейти линию фронта на участке, где концентрируются наши войска для предстоящей наступательной операции и откуда будет нанесен по противнику главный удар.

— Но это еще не все,— продолжал А. Г. Шашков. — Послушайте, как были разоблачены эти шпионы. Во-первых, они были потрясены тем, как ловко и умело их взяли находившиеся в секрете бойцы. А во-вторых, и того и другого агента чуть было не хватил удар, когда следователь Особого отдела дивизии назвал не только их клички, но и подлинные фамилии. Неудивительно, что после этого они сразу же начали давать показания. И еще неизвестно, как обернулись бы события, если бы вы своевременно не получили данные о готовящейся переброске шпионов на нашу сторону. Не исключено, что они могли выполнить поставленную перед ними задачу и сообщить абверовцам о концентрации наших войск на интересующем их участке.

7 января 1942 года войска Волховского фронта перешли к активным боевым действиям. Противник, сумевший организовать прочную оборону на левом берегу Волхова, оказал упорное сопротивление. Утром 13 января наши войска вновь атаковали вражеские позиции и овладели несколькими важными узлами сопротивления.

К 25 января войска 2-й ударной армии прорвали оборону противника в районе Мясного Бора. В образовавшуюся брешь командующий армией генерал-лейтенант Н. К. Клыков ввел кавалерийский корпус. В него вошли три соединения, в том числе 25-я кавдивизия, в составе которой мне довелось участвовать в начавшейся наступательной операции. За пять дней корпус продвинулся на сорок километров и перерезал железную дорогу Ленинград — Новгород.

Развивая наступление, войска 2-й ударной армии вышли в район юго-западнее Любани, где намечалось соединение с наступавшими с севера войсками 8-й и 54-й армий Ленинградского фронта.

В марте 1942 года в распоряжение 2-й ударной армии прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Сохранилась фотография тех далеких огневых дней. На ней сняты К. Е. Ворошилов, командующий 2-й ударной

армией генерал-лейтенант Н. К. Клыков и начальник Особого отдела армии бригадный комиссар А. Г. Шашков.

Наступление советских войск продолжалось. 54-я армия прорвала фронт вражеской обороны в районе ст. Погостье и продвинулась на 20 километров в южном направлении. В марте передовые части 2-й ударной армии вышли на ближние подступы к Любани.

Стремясь любой ценой не допустить прорыва блокады Ленинграда, сорвать Любанскую операцию наших войск, гитлеровское командование стянуло в этот район крупные резервы сухопутных войск и авиации, активизировало свои действия против 2-й ударной армии. К середине мая она оказалась почти в полном окружении. Советское командование приняло решение об отводе армии на правый берег Волхова.

Немало тяжелых испытаний выпало на долю наших доблестных бойцов. Измученные недоеданием и непрерывными боями, они должны были пройти несколько километров по коридору шириной в 300—400 метров, который простреливался противником из всех видов оружия, подвергался частым ударам вражеской авиации. Фашистские автоматчики, просачиваясь мелкими группами к нашим боевым порядкам, пытались вызвать панику.

Но солдаты и командиры 2-й ударной армии упорно пробивались к Волхову. Они шли с оружием в руках, несли раненых. Отразив ожесточенный натиск врага в многодневных боях, основные силы армии сумели выйти из окружения.

Однако это удалось далеко не всем. И когда возникло безвыходное положение, они оставляли последний патрон для себя. Так поступил окруженный гитлеровцами член Военного совета 2-й ударной армии дивизионный комиссар Иван Васильевич Зуев. Принял мужественное решение уйти из жизни и его боевой друг, руководитель чекистского коллектива армии бригадный комиссар Александр Георгиевич Шашков, не пожелавший после тяжелого ранения подвергать дополнительному риску своих товарищей.

Для успешного завершения Любанской операции не хватало сил и средств. Но жертвы, понесенные в те непомерно тяжкие дни во имя освобождения города на Неве от вражеской блокады, не были напрасными. В борьбе за Ленинград Любанская наступательная операция сыграла важную роль. В первые месяцы 1942 года Волховский фронт отвлек на себя почти половину сил группы армий «Север». «Несмотря на незавершенность операции,

советские войска в ходе зимнего наступления нанесли значительные потери группе армий «Север» и лишили противника возможности организовать новое наступление на Ленинград» — так оценивает значение Любанской операции «История ордена Ленина Ленинградского военного округа».

Мне, в ходе наступательной операции назначенному заместителем начальника Особого отдела 25-й кавдивизии, удалось в конце мая с группой бойцов вырваться из окружения через огненный коридор. Вскоре я узнал, что начатое мною следствие о шпионской деятельности Лобачевского, Гурамшвили и Ершова завершило Особый отдел Волховского фронта. Агентов фашистского абвера судил военный трибунал. Судил строго, по суровым законам войны.

После выхода из окружения я работал в коллективе чекистов Волховского, а затем Карельского фронтов, принимал участие в операциях по освобождению Новгорода, Северной Карелии и советского Заполярья.

В августе 1945 года, в первые дни войны против милитаристской Японии, был участником одного из воздушных десантов в тыл Квантунской армии в Маньчжурии. Армейские чекисты задержали тогда многих агентов и официальных сотрудников японской разведки, а также активных участников антисоветских белоэмигрантских организаций, действовавших против СССР с территории Маньчжурии. В числе задержанных был известный по показаниям члена РФС шпиона Лобачевского его фюрер — вожак «Российского фашистского союза» Родзасевский. Этому последователю теории и практики гитлеровского фашизма, а вместе с ним и царскому атаману-вешателю Семенову и другим карателям-белогвардейцам советский суд воздал по заслугам.

А. А. МУРАТОВ,

подполковник в отставке

РОДИМОЕ ПЯТНО

В учебный класс, где после скудного блокадного завтрака собралась небольшая группа выпускников военно-политического училища, я вошел позже всех. Сдержан-

ный, суровый на вид начальник подразделения Особого отдела Ленинградского фронта майор П. В. Спиридопов, изредка приглаживая рукой пышную черную шевелюру, обвел внимательным взглядом серьезные, сосредоточенные лица вчерашних курсантов.

— Все вы,— начал он,— сражались против фашистских захватчиков на подступах к Ленинграду с оружием в руках, не щадя своей жизни, и с отличием сдали выпускной экзамен на поле боя. Теперь вы, молодые политработники, становитесь армейскими чекистами, чтобы продолжать борьбу с ненавистным врагом, но уже на другом, незримом фронте. Ваша ближайшая задача — в короткий срок познать приемы и методы подрывной деятельности вражеской разведки, постичь основы чекистского мастерства....

Как и все мои товарищи, я старался не пропустить ни одного слова лектора. Ведь речь шла об освоении нового для нас дела.

Вечером, когда пришло время отдыха, я лег на койку, но долго не мог выбрать удобную позу. Ворочался, крепко стискивая зубы: при каждом неловком движении перевязанную бинтами спину пропизывала острая боль.

— Сколько же ты, Алексей, еще будешь мучиться? — не выдержал мой фронтовой друг Кузьма Андрищенко. — Как прибыл из госпиталя, ни одной ночи нормально не спал. Неужели врачи не могут тебе ничем помочь?

— В самом деле, нельзя же так,— загудели товарищи по комнате.

— Врачи сделали все, что могли,— приподнявшись, объяснил я друзьям. — Они достали из моей спины немало осколков немецкой мины. А те шесть, что остались, «эвакуации» не поддаются.

— Что значит не поддаются? — возмутился Кузьма. — Выходит, теперь ты обречен всю жизнь носить в себе эту металлическую пачинку?

— Похоже на то. А пока она, эта начинка, мешает мне спокойно отдыхать. Но вы за меня не беспокойтесь. Я от вас не отстану.

...Известие о падении гитлеровской Германии на нашу Родину застало меня на срочной службе в войсках Наркомата внутренних дел. Вскоре я, заместитель политрука учебного взвода, получил приказ о направлении на учебу в Ново-Петергофское военно-политическое училище имени К. Е. Ворошилова. Курсанты приступили к заня-

тиям, но продолжались они недолго. В середине августа поднятый по тревоге батальон курсантов под командованием майора Н. А. Шорина занял рубеж обороны на дальних подступах к Красному Селу. Здесь бок о бок с товарищами по учебе я принял боевое крещение: ходил в разведку, отражал атаки гитлеровцев, рвавшихся к Ленинграду.

31 августа наш батальон, перейдя в контратаку, выбил фашистов с занимаемых ими позиций в районе Ирогонш, заставив их отступить более чем на пять километров. Гитлеровцы оставили на поле боя сотни убитых, много различной военной техники.

4 сентября, готовясь к атаке, фашисты открыли по нашим позициям ожесточенный артиллерийский огонь. За моей спиной взорвалась мина. Пробив туго набитый ранец, десятки осколков вошли в тело. На мгновение я почувствовал удар в спину чем-то тяжелым и горячим и тут же потерял сознание. Очнулся в кузове автомашины, мчавшейся по дороге, обстреливаемой противником.

Волею двух месяцев паходился на излечении в одном из госпиталей блокированного города. Когда начал ходить, с еще не снятыми бинтами отправился на улицу Дзержинского, где расположилось эвакуированное из Пестергофа училище. Вернувшиеся с поля боя и из госпиталей курсанты возобновили учебу, которая вскоре закончилась. Некоторых из нас, всего около сорока человек, командование и парторганизация училища рекомендовали в органы военной контрразведки. Я вместе с К. Л. Андрищенко, М. М. Зимбулатовым, Т. А. Наливайченко и другими фронтовыми товарищами получил путевку в Особый отдел Ленинградского фронта.

После окончания краткосрочных курсов меня направили в 12-й отдельный учебный танковый полк, размещавшийся на северной окраине города. С большой теплотой вспоминаю своего первого наставника капитана Павла Васильевича Сергеева, руководившего чекистской работой в полку в самые тяжелые месяцы блокады.

Как только я представился, капитан расспросил меня о полученной подготовке.

— Значит, за плечами у вас пятидневная академия чекистских наук, — усмехнулся он. — Негусто. Придется повыпать квалификацию в ходе работы.

Вводя меня в курс дела, капитан Сергеев рассказал, что учебный танковый полк, в одном из батальонов кото-

рого мне предстоит трудиться, формирует и готовит танковые экипажи для всех бронетанковых частей Ленинградского фронта.

— А мы призваны,— продолжал капитан,— оградить этот объект от подрывных действий врага.

Зябко поеживаясь от резких порывов студеного январского ветра, я шагал по протоптанным в снегу тропинкам от казармы к казарме, знакомясь с командирами, политработниками, бойцами. Но никто в полку, кроме моих наставников, не знал, какого напряжения сил стоил мне каждый прожитый день суровой блокадной зимы. Недостаточное питание не позволяло организму окрепнуть. Раны — уже четыре месяца! — не зарубцовывались. Я с трудом поднимался даже на второй этаж. Спать на койке не мог. Положив подушку на стол, садился возле него и, упершись грудью в край стола, прижимался щекой к жестковатой наволочке. Перед глазами вставали близкие сердцу картины: родное село Шереметьевка на лесных просторах нижней Камы, окруженное корабельными сосновыми рощами и могучими дубами; босоное, не всегда сытое и все же счастливое детство; школа, в которой учился, а потом работал преподавателем географии; добрые учителя, односельчане, сверстники... Но вот одно неловкое движение, и боль в спине напоминает: идет война, город в блокаде, надо работать, продолжать борьбу против ненавистного врага.

Как-то после ужина в комнату, где я работал, зашел молоденький лейтенант, попросил выслушать его.

— Товарищ старший лейтенант,— бойко начал он,— у меня в учебном взводе служит сержант Сальников. Требовательный, расторопный командир отделения. Но вот что смущает. Писем он получает и отправляет очень много. Прямо как полевая почта.

— Ну и что же? — искренне удивился я. — Видимо, у сержанта много друзей.

— Не знаю, друзья ли это. А вообще-то Сальников — мастер заводить знакомства. Вот вчера, к примеру, я видел его наедине со старшиной из авиационной части. Случайно ли все это?

— Мы учтем ваше заявление,— ответил я. — Может быть, вы еще что-нибудь заметили?

— Больше ничего, если не считать, что у Сальникова есть характерная примета — родимое пятно на левой щеке.

«Бдительный товарищ», — подумал я, провожая лейтенанта. Однако личностью сержанта решил поинтересова-

ться, вспомнив, как мой новый начальник, квалифицированный контрразведчик майор М. С. Истратов не раз говорил мне, молодому чекисту:

— В нашей работе нет мелочей. Любой, на первый взгляд не заслуживающий серьезного внимания сигнал должен быть проверен.

Для начала я выяснил, что сержант Сальпиков действительно получает много писем. И все с фронта. Узнал, что до войны он работал трактористом в Саратовской области. В учебный танковый полк прибыл из стрелковой дивизии.

Когда я доложил о беседе с заявителем своему начальнику и назвал номер дивизии, в которой ранее служил Сальпиков, майор Истратов оживился.

— Дивизия, о которой вы говорите, — сказал он, — вела тяжелые бои на дальних подступах к Ленинграду. Некоторые ее подразделения попали в окружение. Несмотря на постигшие их лишения и невзгоды, многие бойцы и командиры этой дивизии сумели вырваться к своим. Выходили они, как правило, группами, но были и одипочки. Вскоре выяснилось, что кое-кто из них побывал в лапах врага.

Из показаний этих лиц и других материалов, позднее оказавшихся у чекистов, стало известно, как действовал абвер в то время.

...В один из августовских вечеров 1941 года плотный, средних лет капитан-лейтенант Шнеллер, начальник абвергруппы-112, приданной командованию наступавшей на Ленинград 18-й немецкой армии, вызвал к себе обер-лейтенанта Розе. Этот сравнительно молодой энергичный офицер занимался в абвергруппе переброской агентов через линию фронта на сторону советских войск. Он пользовался особым расположением начальника.

— Есть повод выпить по рюмочке, — встретил его Шнеллер, доставая из походного чемодана бутылку коньяка. — После долгой, я бы сказал, непростительно долгой задержки наших войск перед Лужским оборонительным рубежом противника командование армии направило танки и мотопехоту в обход. Часть русских войск оказалась в окружении, захвачены пленные.

Абверовцы выжили.

— В связи с этим у меня к вам, обер-лейтенант, — продолжал Шнеллер, — есть серьезный разговор. Для нас с вами не секрет, что сроки «блицкрига» не выдерживаются. Доблестным дивизиям нашей 18-й армии впору было бы уже маршировать по Дворцовой площади Петер-

бурга, а они вместо этого никак не могут преодолеть паскоро построенный русскими оборонительный рубеж вдоль какой-то ранее никому не известной речушки. Не лучше обстоят дела и на центральном, Московском направлении. О чем все это говорит? Не о том ли, что враг, с которым мы ведем истребительную войну и которого призваны поставить на колени, оказался куда более сильным и стойким, чем мы ожидали? Следовательно, война с Советами неизбежно затянется. Какой, по вашему мнению, вывод следует сделать нам, разведчикам абвера, из этого факта?

— Чуть ли не с первых дней войны против России, — собравшись с мыслями, ответил Розе, — мы испытываем недостаток в заранее подготовленной агентуре. А учитывая ожесточенное сопротивление русских, для разведывательного обеспечения каждой наступательной операции, которые предстоит проводить нашей армии, нам следовало бы постоянно иметь под рукой группу надежных агентов.

— Весьма правильный вывод, — одобрил капитан-лейтенант мнение Розе. — Я с вами полностью согласен. И поэтому решил, не дожидаясь указаний сверху, от нашего «Марса», начать подготовку агентов непосредственно при абвергруппе... А теперь еще один важный вопрос. Какие, на ваш взгляд, меры следует принять нашей абвергруппе, учитывая факт окружения некоторой части русских войск, оборонявших Лужский рубеж?

— Как я понимаю, одним из принципов деятельности абвера является умелое использование в интересах дела изменений фронтовой обстановки, — не спеша ответил обер-лейтенант. — Что касается конкретных мер, то над этим следует основательно подумать.

— К сожалению, у нас нет на это времени, — возразил капитан-лейтенант. — Согласитесь, что засылка наших агентов в тыл русских войск в целях разведывательного обеспечения той или иной наступательной операции не решит всех стоящих перед нами задач. Разведка должна смотреть вперед. Если война затягивается, мы обязаны активизировать внедрение надежных агентов в штабы и войсковые части противника, с тем чтобы с их помощью получать необходимые сведения, интересующие наше командование. Для этого следует использовать любые открывающиеся перед нами возможности. Сегодня речь идет о том, какую пользу мы можем извлечь для себя из факта окружения русских войск севернее Луги. Нам нужно вместе обсудить эту проблему, тем более что я намерен

возложить практическое ее осуществление лично на вас, уважаемый обер-лейтенант.

— Благодарю за доверие,— скрэмпо ответил Розе.

— Внедрение агентуры в лагерь врага — дело весьма тонкое,— продолжал начальник абвергруппы. — Еще в предвоенные годы мне довелось участвовать в проведении разведывательных акций против большевистской России. Поэтому считаю необходимым высказать вам ряд соображений, которые, я надеюсь, вы используете в предстоящей работе. Поступают сведения, что небольшим группам русских военнослужащих и отдельным солдатам удастся прорываться из окружения к своим войскам. По моему замыслу, наши агенты должны быть в их числе. Для этого вам надлежит среди взятых в плен русских солдат найти противников большевистского режима.

— Это не просто,— вырвалось у обер-лейтенанта.

— Знаю, что не просто,— резко оборвал его начальник. — Но ведь вы служите в абвере, который к началу второй мировой войны сумел создать во многих странах многочисленную разведывательно-диверсионную агентурную сеть и, опираясь на ее активную деятельность, помог фюреру завоевать чуть ли не всю Западную Европу. Мы, работники абвера, призваны преодолеть любые трудности, возникшие на нашем пути, обеспечить наше военное командование необходимыми сведениями о противнике и тем самым помочь вермахту разгромить Россию. Итак, первая задача — найти среди пленных солдат недовольных советским строем. Вторая, наиболее трудная задача, — внедрить их как наших агентов в войска противника, попавшие в окружение, не вызвав подозрений со стороны русской военной контрразведки.

— Вы думаете, она действует и в окруженных нами войсках?

— Вполне возможно. Кроме того, рекомендую учесть, что большевистским комиссарам удалось привить своим солдатам чувство высокой политической бдительности. Поэтому любой русский военнослужащий, выходящий из окружения в одиночном порядке, может быть взят на подозрение. Если это коснется нашего агента, то провал его почти неизбежен. Следовательно, нужно сделать так, чтобы агенты, введенные нами в кольцо окружения, избежали этой участи. Выход один: они должны иметь такой внешний вид, чтобы при встрече со своими верх взяло чувство сострадания к ним. А русские, как мне хорошо известно, по натуре своей — сардобольные люди. Я узнал

это, когда находился в плену в России еще во время первой мировой войны...

...Выслушав мое сообщение о том, что, по проверенным данным, Сальников летом 1941 года находился в окружении, майор Истратов заинтересовался, имеются ли какие-либо сведения о поведении его в то время.

— К сожалению, пока ничего,— последовал ответ.

— Надо обязательно выяснить!

Однако, как я ни старался, в течение нескольких дней ничего существенного о Сальникове узнать не удалось. Возможно, кое-что о пребывании его в окружении мог знать ефрейтор Маринич, с которым сержант находился в близких отношениях, часто вел с ним уединенные беседы, но ефрейтора в полку не было: выучившись на тапкста, он выбыл на фронт.

Вскоре мне стало известно, что Сальников обратился к командованию с просьбой дать ему увольнительную на одни сутки за пределы части. Мотив простой: «завел роман» с работницей батальонной столовой Ольгой Никольской, отец которой погиб на фронте. Мать проживает в пригородном поселке, одна. По словам Сальникова, она очень пуждается в помощи по хозяйству. Вот он и обещал Ольге, что поможет ее матери, если дадут увольнительную.

В тот же день я навел справки и узнал, что мать Ольги Никольской проживает недалеко от военного аэродрома, а брат — старшина-сверхсрочник — служит в части, которая обслуживает этот аэродром. Доложил эти факты начальнику отдела.

— Ваши выводы? — спросил майор.

— Можно предположить,— ответил я,— что Сальников стремится не без цели побывать в районе военного аэродрома. А чтобы его появление в тех местах не вызвало подозрений, он добивается официального разрешения и даже предлог для увольнения, как видите, придумал.

— Может быть,— согласился майор. — Но это не дает нам оснований считать, что Сальников действует по заданию врага. Во всяком случае, надо все тщательно проверить. Задача не из легких. Один непродуманный шаг — и возможного шпиона можно спутать или невиновного обидеть, а это недопустимо. Запомните, с сего дня Сальников — ваша главная забота.

Обсудив возможные действия по проверке Сальникова, мы остановились на том, что в связи с предстоящей поездкой его в район военного аэродрома нам следует обратиться в соответствующий Особый отдел авиацион-

ного базирования. Начальник отдела капитан И. Ш. Хамидуллин внимательно выслушал мое сообщение о Сальникове и его намерениях.

— Сделаем все возможное. Посмотрим, как поведет себя ваш тапкист при встрече с нашими авиаторами, — заверил он меня. — Тем более что нам уже приходилось иметь дело с подобными любителями совать нос в чужие дела.

Капитан рассказал мне, как чекисты района авиабазирования разоблачили агента фашистской разведки, собиравшего шпионские сведения об одном из военных аэродромов, на котором находились самолеты, защищавшие Ленинград от налетов вражеской авиации.

Прошло всего лишь несколько дней, и мы уже имели материалы, поступившие от капитана Хамидуллина. Выяснилось, что, представившись «женихом» Ольги Никольской, Сальников познакомился с ее братом — старшиной из подразделения авиационного базирования. После этого они дважды встречались, и каждый раз Сальников в очень осторожной форме, как бы между прочим, проявлял интерес к маркам самолетов, находившихся на аэродроме, их численности, способам маскировки. А в последний раз, прежде чем зайти в дом матери Ольги, Сальников прошел вдоль всего аэродрома. Когда его останавливали, предъявлял увольнительную и заявлял, что разыскивает своего родственника. Эти данные капитан Хамидуллин оформил по нашей просьбе в качестве свидетельских показаний старшины Никольского.

Теперь мне предстояла поездка в танковую часть, куда выбыл ефрейтор Маринич, чтобы побеседовать с ним о Сальникове. Но неожиданно выезд пришлось отложить. Выяснилось, что сержант Сальников подал заявление в партийную организацию батальона с просьбой принять его в партию.

Как только я доложил об этом майору Истратову, он, пригласив меня с собой, направился к комиссару полка и подробно проинформировал его о проводимой нами проверке Сальникова.

— Это хорошо, что вы глубоко и тщательно проверяете такие сигналы, — одобрил полковой комиссар В. И. Михеев наши действия. — Что касается Сальникова, то контроль за ходом рассмотрения его заявления о вступлении в партию я возьму на себя, а вас попрошу ускорить проведение мероприятий по его проверке.

В тот же день я выехал в часть, где служил ефрейтор Маринич, считавшийся другом Сальникова. Однако с

первых же слов Марипича понял, что это не так. Рослый, широкоплечий ефрейтор, узнав, кто меня интересуется, заявил резко и прямо:

— Скажу, как думаю. Подозрительный тип. Рьяный службист, но все делает для видимости, не от души. Перед начальством угодничает. Закрутил любовь с Олей-поварихой, но, как видно, с дальним прицелом. Я знаю, что из кухни она ничего не выносила. Так он в блокадную зиму заставлял ее приносить ему от матери картофель, овощи. Он и меня не раз подкармливал. Думаю, не без корысти. Как-то я водил учебный танк на завод для ремонта. Когда вернулся, Сальников спрашивал у меня, где этот завод находится, много ли там рабочих, много ли танков. Раздобыл где-то командирский компас, хранит его у себя. И еще я видел у него записную книжку, в которую занесены номера многих полевых почт.

— Каких полевых почт?

— Сейчас скажу. Дело в том, что Сальников чуть ли не от каждого, кто обучался в батальоне, брал слово при-слать ему письмо, обещал ответить. Многие писали ему, а номера полевых почт танковых частей фронта он записывал в свою книжку...

Обо всем этом майор Истратов доложил в Особый отдел Ленинградского фронта. Через несколько дней к нам в полк приехал П. В. Спиридонов, с которым я впервые познакомился как с лектором на краткосрочных курсах начинающих армейских чекистов в декабре 1941 года. Возглавляя одно из подразделений Особого отдела фронта, майор Спиридонов непосредственно руководил работой чекистских коллективов в специальных частях фронтového подчинения.

Мы знали, что Павел Васильевич Спиридонов работал инженером на Кировском заводе, откуда по рекомендации парткома за три года до начала войны пришел в органы военной контрразведки. Он был принципиальным коммунистом, хорошим организатором, отзывчивым товарищем, и не случайно коммунисты Управления контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта в 1944 году избрали его секретарем своей партийной организации. Знающий армейский чекист, майор Спиридонов рассмотрел данные о Сальникове и предложил в ходе его дальнейшей проверки обращать особое внимание на сбор нужных материалов.

Случилось так, что как раз во время пребывания П. В. Спиридонова в полку поступил документ, запрошенный нами из Особого отдела стрелковой дивизии, в ко-

торой ранее служил Сальников. Это была объяснительная записка командира, возглавлявшего группу бойцов, вышедших из окружения. В ней говорилось: «Наша группа, за редкими исключениями, не меняла своего состава. Хорошо помню, что красноармеец с весьма заметной приметой (родимое пятно на щеке) присоединился к нам в одиночном порядке. Я спросил его, из какого он полка и где находился до того, как пошел нас. Он назвал номер части и рассказал, что при отступлении в первую же ночь потерял своих сослуживцев и больше недели плутал по лесу, питаясь ягодами. Мне запомнился его крайне изможденный вид. Сапоги и одежда его были изношены до предела. Хотя у бойцов нашей группы продукты были на исходе, они все же нашли возможным поделиться своими скудными запасами с этим красноармейцем».

— Что вы об этом скажете? — поинтересовался майор Спиридонов, глядя на меня.

— Родимое пятно на щеке... А ведь у Сальникова оно действительно есть. Все это очень важно. Однако объяснительная записка не дает ответа на главный вопрос: был ли Сальников в руках врага? Выходит, дело не доведено до конца.

— Я такого же мнения,— поддержал меня майор Истратов.

Согласившись с нашей точкой зрения, майор Спиридонов заметил:

— Собранные вами улики — показания свидетелей Никольского и Маринича, наличие у Сальникова записей о полевых почтах танковых частей фронта — говорят о том, что он, несомненно, собирает сведения разведывательного характера. Разумеется, мы оказали бы следствию большую помощь, если бы сумели документально подтвердить наши вполне обоснованные предположения о пребывании Сальникова у гитлеровцев. Видимо, следует найти его сослуживцев по стрелковой дивизии, когда их часть оказалась в окружении, узнать у них, как вел себя Сальников в то время.

Утром мне стало известно: неожиданно для всех Сальников подал командованию рапорт с просьбой отправить его на фронт. Обстановка потребовала от нас незамедлительных действий.

Через день последовал приказ командира полка о направлении Сальникова в танковую часть действующей армии. Однако добраться до нее сержанту не удалось. Когда он, находясь в отличном расположении духа, со-

брался в дорогу, ему в присутствии понятых был предъявлен ордер на обыск, выписанный с санкции военного прокурора. Найденные у него улики превзошли ожидания. Кроме записной книжки с номерами полевых почт у Сальникова во время обыска обнаружили лист бумаги, аккуратно вшитый в подкладку шинели. На одной стороне листа была вычерчена схема расположения подразделений учебного танкового полка, на другой — схема военного аэродрома с указанием его размеров и находящихся на нем самолетов. На схеме были указаны ориентиры, по которым фашистские летчики без труда могли обнаружить объекты для бомбометания. Чуть ниже — адрес завода по ремонту танков.

Сальников был изолирован. В Особом отделе фронта началось следствие по его делу. Несмотря на явные улики, свидетельствовавшие о шпионской деятельности обвиняемого, он упорно отрицал какую-либо связь с вражеской разведкой.

Я выехал в стрелковую дивизию, в которой Сальников служил летом 1941 года. Пришлось основательно потрудиться. После долгих поисков с помощью сотрудников Особого отдела дивизии удалось найти красноармейца, который в первые месяцы войны служил в одном взводе с Сальниковым. Этот боец рассказал:

— Во время жестокого боя с фашистами наше подразделение понесло большие потери. Когда поступил приказ об отступлении, я заметил, что Сальников немного задержался на огневой позиции. В это время немцы всю поливали нас огнем из автоматов. Оглянувшись, я увидел, что Сальников лежит возле окопа, раскинув руки, а немцы совсем близко от него. Выйдя из окружения, я сообщил о его гибели. В ответ мне было сказано: «Ты обознался, Сальников даже не был ранен и вышел из окружения, но в составе другой группы». А я уверен, что он побывал в руках врага.

Эти важные свидетельские показания были доставлены следователю вместе со справкой, прибывшей по нашему запросу из Саратовской области. Справка гласила: Сальников происходит из семьи кулака, осужденного за поджог колхозной риги.

Теперь все стало на свои места. Собранные нами улики обвиняемый опровергнуть не смог. Под их тяжестью он полностью признал свою вину.

Еще в юные годы Сальников впитал от своего отца, деревенского богатея, ненависть к Советской власти. В первые дни войны, став бойцом Красной Армии, он ре-

шил, что пришло его время. При наступлении фашистов прикинулся убитым и добровольно сдался им в плен. На допросе заявил немецкому офицеру, что является противником советского строя и готов служить германскому командованию. Его сразу же отвезли в абвергруппу. Там сфотографировали, отобрали подписку о сотрудничестве с немецкой разведкой. Ober-лейтенант абвера дал своему новому агенту задание — пропикнуть в лесной массив, где находятся окруженные немецкими войсками бойцы его дивизии, разыскать их и вместе с ними выйти из окружения. Затем ober-лейтенант разъяснил Сальникову, в каком виде он должен предстать перед однополчанами и, несмотря на якобы перенесенные им лишения и невзгоды, стремиться любой ценой вырваться из окружения противника к своим войскам. «Все это поможет тебе создать выгодное впечатление о себе у твоих сослуживцев», — наставлял ober-лейтенант. В дальнейшем, находясь в рядах Красной Армии, Сальников должен был войти в доверие к командованию, вступить в партию и таким образом создать более благоприятные условия для выполнения задания по сбору сведений о советских войсках с последующей передачей их в абвер. С этой целью ему следовало изыскать способ попасть на передний край и перейти на сторону немецких войск.

Разоблаченный враг не скрывал ни переполнявшей его злобы, ни досады. Исподлобья глядя на следователя, державшего в руках изъятый у него при обыске листок со шпионскими данными, Сальников подвел итог своему позорному падению:

— Эти сведения собраны мною по заданию абвера, и я очень сожалею, что не смог передать их по назначению.

Изменника Родины, агента фашистской разведки судил военный трибунал фронта.

По вполне понятным причинам в исключительно трудных условиях вражеской блокады Ленинграда борьбе с фашистскими лазутчиками, стремившимися проникнуть в ряды защитников осажденного города, придавалось особое значение. За разоблачение агента абвера в 12-м отдельном учебном танковом полку меня по представлению командования наградили орденом Красной Звезды.

Впереди были новые дела. Были потом и новые награды. Но орден, полученный в тяжкие дни вражеской блокады, был и остается для меня самой дорогой, самой памятной наградой Родины.

Т. А. ЧИЖЕВСКИЙ,

полковник в отставке

ПРОСЧЕТ КАПИТАНА РОЙТЕРА

Наступил последний день обильного на снегопады января 1942 года. В кабинете капитана фон Рейнгардта, начальника разведывательно-диверсионной школы абвера, располагавшейся в бывшем баронском имении Вихула на эстонском берегу Финского залива, раздался телефонный звонок. Капитан поднял трубку. Звонил его шеф, начальник абверкоманды-204 полковник фон Эшвингер из Пскова:

— По распоряжению центра вам надлежит незамедлительно нанести деловой визит фрегат-капитану Целлариусу. Он передаст вам указание вышестоящего руководства.

Через час фон Рейнгардт выехал на машине в Таллин. Капитан знал, что Целлариус, начальник территориального органа военной разведки и контрразведки вермахта «Абвернебенштелле-Ревал», пользуется особым расположением шефа абвера адмирала Канариса. Работая в Таллине, Целлариус руководил разведывательным и контрразведывательным органом абвера «Кригсорганизацион Филяндия» в Хельсинки, исполнял обязанности военноморского атташе гитлеровского рейха в Швеции и Финляндии.

Фрегат-капитан принял фон Рейнгардта подчеркнуто вежливо. Усадил его в кресло. Осведомился о состоянии дел с подготовкой разведчиков-диверсантов для заброски в тыл русских войск, защищающих Петербург. Затем сообщил, что несколько дней назад адмирал Канарис в сопровождении руководителей первого и третьего отделов абвера совершил деловую поездку в Финляндию, посетил ставку маршала Маннергейма. Этот выезд преследовал цель вскрыть причину явного неуспеха германских войск в Заполярье. Сказал по секрету, что фюрер недоволен, более того, раздражен тем, что горнострелковый корпус вермахта «Норвегия», состоявший из отборных егерских стрелков, не выполнил его приказ по захвату Мурманска. Не удалось германским войскам решить и вторую важнейшую задачу — овладеть Кандалакшей и перерезать железную дорогу, соединяющую Мурманск с центром России.

Отметив, что сложившаяся в Заполярье обстановка требует усиления агентурной разведки русских войск, действующих на Мурманском и Кандалакшском направлениях, Целлариус передал фон Рейнгардту указание руководства абвера. Суть его состояла в том, что ему, капитану фон Рейнгардту, начальнику разведывательно-диверсионной школы в Вихуле, подлежало часть выпускников направлять в распоряжение капитана Ройтера, начальника абвергруппы-214, приданной командованию армии «Норвегия», перед войсками которой не снята задача взятия Мурманска и Кандалакши.

— Агенты, окончившие вашу школу, — сказал Целлариус, — пройдут в Рованиеми, в учебном пункте абвергруппы-214, дополнительное обучение и будут в полной мере подготовлены к выполнению разведывательно-диверсионных акций против русских войск в сложных условиях Заполярья.

Выяснив у капитана фон Рейнгардта, что очередной выпуск агентов школы состоится в конце февраля, фрегат-капитан Целлариус перешел на приказной тон:

— Лично подберите из этого выпуска трех-четырех отлично подготовленных, а главное, абсолютно надежных агентов, и мы отправим их отсюда, из Таллина, к капитану Ройтеру в Рованиеми. Надеюсь, вы прекрасно понимаете, что ваше усердие не пройдет мимо нашего внимания и, безусловно, будет замечено.

Ставленник адмирала Канариса в оккупированной Эстонии, в нейтральной Швеции и маннергеймовской Финляндии Целлариус знал, какое впечатление произведут на капитана его слова. Фон Рейнгардт стремительно подылся.

— Прошу передать руководству абвера, что я приложу все свои силы для успешного выполнения данного мне поручения, — заверил он фрегат-капитана.

Возвращаясь из Таллина в Вихулу, фон Рейнгардт пересматривал в памяти лучших курсантов школы, заранее определяя, кто из них подойдет для выполнения ответственных заданий абвера в Заполярье. В первую очередь для этого по всем статьям подходил курсант Коршунов. Он старательно учился. Свою преданность абверу доказал на деле. Хорошее впечатление производил и курсант Воронов. Об остальных капитан решил подумать на месте.

В первых числах марта 1942 года в абвергруппу-214 прибыли четыре выпускника школы абвера в Вихуле. Ожидался приезд нескольких агентов из школы Вяцати, что находилась на Рижском взморье.

Познакомившись с питомцами фон Рейнгардта, начальник абвергруппы-214 капитан Ройтер остался весьма доволен ими. Для него это была реальная помощь, которую обещал представитель адмирала Канариса, недавно инспектировавший работу абвергруппы. Может быть, эти агенты сумеют наконец-то добыть сведения о противнике, которые с таким нетерпением ожидает командующий армией «Норвегия». Начальник абвергруппы-214 знал, что генерала особо интересовали данные о положении в Мурманске, который, согласно плану фюрера, давно пора было захватить.

Убежденный нацист, кадровый офицер абвера, капитан Ройтер никак не мог смириться с тем, что и военное командование, и служба абвера вместо ожидаемого триумфа терпели здесь, в Заполярье, одно поражение за другим. Ему припомнился день 28 июня 1941 года, когда перед командирами соединенной армии «Норвегия» и старшими штабными офицерами выступил сам командующий генерал фон Фалькенхорст.

— Сегодня в полночь, — заявил он, — согласно утвержденному фюрером плану «Голубой песок», мы начинаем наступление на Крайнем Севере, имея задачей не позднее четвертого июля захватить Мурманск. Одновременно мы рассчитываем взять Кандалакшу, перерезать единственную в этих местах железную дорогу и, отрезав Кольский полуостров, устроить русским «большой заполярный котел», в результате чего все богатства края — никель, апатиты, лес — окажутся в наших руках.

Вместе с армейским командованием на исходные позиции прибыл и капитан Ройтер. В ночь на 29 июня горнострелковый корпус «Норвегия» перешел государственную границу СССР. Но ожидаемого молниеносного наступления не получилось. Советские пограничники и бойцы частей 14-й армии при поддержке кораблей Северного флота оказали наступающим упорное сопротивление. Несмотря на почти трехкратное превосходство в живой силе и технике, корпус «Норвегия» ценой огромных потерь сумел лишь к исходу третьего дня наступления продвинуться на Мурманском направлении на тридцать — тридцать пять километров.

На рубеже реки Западной Лицы пятнадцать дней шли ожесточенные бои. Солдаты горнострелкового корпуса прилагали все усилия, чтобы прорваться к Мурманску, но дальше пробиться не смогли. Не сумел захватить Кандалакшу и перерезать железную дорогу Мурманск — Москва и 36-й корпус армии «Норвегия», начавший

наступление 1 июля. Имея численное превосходство, он шесть дней вел бои с частями 14-й армии, которые стойко держали оборону. Только угроза окружения вынудила их отойти на заранее подготовленный рубеж в девяносто километрах от Кандалакши. В течение сорока дней части 36-го корпуса пытались любой ценой прорвать оборону советских войск на этом рубеже, но так и не смогли ничего сделать.

Начальнику абвергруппы-214 капитану Ройтеру было известно, что гитлеровское командование негодовало: 14-я армия Карельского фронта сорвала выполнение плана «Голубой песец». Офицер абвера знал, что в сентябре — октябре 1941 года Гитлер приказывал командованию армии «Норвегия» повторно начать наступательные операции. Анализируя ход боевых действий, предусмотренных на этом участке фронта последними директивами Гитлера, но не изменивших положения воюющих сторон, капитан Ройтер вынужден был признать окончательный провал замыслов фюрера. Да и делами в абвергруппе он не мог похвалиться. Правда, в учебном пункте абвергруппы шла подготовка агентов, которые затем перебрасывались в тыл войск Карельского фронта. Но на этом все и кончалось. Агенты, как правило, обратно не возвращались. А это неизбежно приводило к тому, что командование армии «Норвегия», не получив необходимых ему разведывательных данных о противнике, обвиняло разведчиков абвера в неудачах своих войск.

— Теперь дело пойдет, — подбодрил себя капитан. — Прибыли хорошо подготовленные выпускники школы в Вихуде. Завтра же начну готовить разведчиков с задачей во что бы то ни стало проникнуть в Мурманск.

Двум корпусам немецко-фашистской армии «Норвегия», наступавшим на Мурманском и Кандалакшском направлениях, как уже отмечалось выше, противостояли части 14-й армии Карельского фронта. Особый отдел 14-й армии с довоенного времени возглавлял старый чекист полковник Николай Николаевич Ключев. За плечами этого волевого, мужественного человека — большая, полная опасностей и тревог жизнь. Сын питерского рабочего, он шестнадцатилетним пареньком в 1919 году добровольно вступил в ряды Красной Армии. Участвовал в боях против белогвардейцев на подступах к Петрограду. Через год стал коммунистом и вскоре по партийной путевке пришел в чекистские органы. Еще при жизни Ф. Э. Дзер-

жинского он начал путь армейского контрразведчика. Возглавляя чекистский коллектив 14-й армии, провел на фронте в Заполярье всю советско-финляндскую войну.

Мне, в первый день Великой Отечественной войны назначенному начальником контрразведывательного подразделения Особого отдела 14-й армии, довелось длительное время работать под руководством этого замечательного чекиста. Квалифицированный контрразведчик, умелый наставник молодежи, Н. Н. Ключев повседневно передавал нам, молодым чекистам, свой богатый опыт борьбы против агентуры вражеских разведок. Служил примером правильного понимания поставленной перед особыми отделами задачи оказания всемерной помощи военному командованию в разгроме немецко-фашистских захватчиков.

В августе 1941 года Особый отдел 14-й армии получил сообщение своего зафронтного разведчика о ведущейся подготовке крупного десанта противника через Топозеро для захвата станции Лоухи с целью повторной попытки перерезать Кировскую железную дорогу. Полковник Ключев доложил эти данные командующему 14-й армией генерал-лейтенанту В. А. Фролову и предложил выбросить навстречу вражескому десанту роту охраны Особого отдела армии. Под руководством подполковника В. П. Пестунова, заместителя Н. Н. Ключева, пограничники из роты охраны, проявив отвагу и стойкость, задержали десант противника до подхода частей 186-й стрелковой дивизии. Очередной план фашистских захватчиков перерезать железную дорогу Мурманск — Москва потерпел крах. За умелую организацию и успешное проведение операции полковник Н. Н. Ключев, подполковник В. П. Пестунов и наиболее отличившиеся бойцы роты охраны Особого отдела армии были удостоены наград Родины.

С первых дней войны полковник Ключев уделял большое внимание организации работы контрразведывательного подразделения, в задачу которого входила борьба против вражеских шпионов и диверсантов.

— Совершенно ясно, — наставлял он меня, — что фашистская разведка стремится через своих агентов добывать сведения о наших войсках, в чем мы уже не раз убеждались. А сейчас, когда гитлеровцы остановлены, мы вправе ожидать активизации шпионской деятельности врага. Парализовать его подрывные действия — наша главная задача. Для этого необходимо выявить глубоко закопсированные разведывательные органы, действу-

ющие против нашей армии на Мурманском и Капдалакшском направлениях, вскрыть их планы и замыслы.

Для успешного выполнения этой нелегкой задачи мы использовали все имевшиеся в нашем распоряжении возможности, включая опрос захваченных в плен гитлеровцев.

В марте 1942 года в одном из ожесточенных боев на рубеже Западной Лицы наши бойцы взяли в плен несколько солдат и офицеров противника. При опросе в разведотделе штаба 14-й армии один из офицеров назвался командиром разведывательной роты 2-й горнострелковой дивизии обер-лейтенантом Шорнборном. Он держался надменно, демонстративно подчеркивая свою преданность Гитлеру. Назвав фамилию и воинское звание командира дивизии, на другие вопросы отвечать отказался, заявив: «Я знаю, что буду расстрелян. И я умру за фюрера, не запятнав своей чести».

Так же высокомерно обер-лейтенант Шорнборн продолжал вести себя и на следующий день, когда мы с переводчиком попытались получить у него ответы на интересовавшие нас вопросы. Выяснилось, что обер-лейтенант прошел в составе войск вермахта чуть ли не всю Европу, был награжден Железным крестом. Стараясь показать себя патриотом фатерланда, он отвечал на вопросы, не касавшиеся военной тайны, но о работе разведки говорить не хотел.

Через три дня мы провели Шорнборна по улицам Мурманска.

— Нам известно, что все установленные Гитлером сроки взятия этого города давно прошли, — сказал я обер-лейтенанту. — И посмотреть на Мурманск удалось только вам, счастливо избежавшему бесславной гибели на подступах к этому заполярному городу.

— А какой толк, что я познакомился с ним? Все равно вы меня расстреляете! — воскликнул Шорнборн.

С большим трудом нам удалось убедить этого фанатика-нациста, что все его опасения за жизнь безосновательны. Мало-помалу он стал более разговорчив. Проявленные нами выдержка и терпение получили в конце концов щедрое вознаграждение. В тот же день обер-лейтенант Шорнборн рассказал нам, что его разведроты имела непосредственное отношение к разведывательному отделу 1Ц штаба дивизии. Такие же отделы 1Ц имеются в штабах горнострелкового корпуса и армии «Норвегия». Они ведут войсковую разведку против советских войск на Мурманском направлении. Одновременно занимаются контрраз-

ведывательной работой в прифронтовой полосе. Командованию армии придана абвергруппа-214. Она занимается разведывательно-диверсионной деятельностью в тылу советских войск.

На вопрос, что ему известно о работе абвергруппы, Шорнборн ответил:

— За четыре дня до моего пленения ко мне в разведроту приезжал из Рованиemi офицер абвера. Он осмотрел участок фронта на рубеже Западной Лицы. Из разговора с этим офицером я понял, что абвергруппа готовит заброску своих агентов на советскую сторону в ближайшее время.

Это же самое обер-лейтенант Шорнборн повторил и в беседе с полковником Н. Н. Ключевым. Мне полковник сказал:

— Все чекисты нашей армии занимаются розыском вражеской агентуры. Учитывая показания Шорнборна, необходимо провести ряд дополнительных мероприятий, чтобы создать на пути агентов непреодолимый барьер, сорвать их замыслы по сбору шпионских сведений о наших войсках, действующих на мурманском направлении.

Мне и моему заместителю капитану А. И. Савченко пришлось основательно потрудиться. Ознакомившись с разработанными нами мероприятиями, начальник Особого отдела армии дополнил их своими предложениями. После этого полковник Н. Н. Ключев доложил командующему армией и члену Военного совета армии о показаниях Шорнборна и намеченных нами мерах по усилению борьбы против абвера.

— Надо сделать все необходимое, чтобы не упустить шпионов, — сказал командующий армией начальнику Особого отдела. — Для вас не секрет, что возможности по сдерживанию наступления войск противника на Мурманск находятся на пределе, особенно на левом фланге. И пока нет резервов, чтобы усилить его. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы командование армии «Норвегия» получило достоверные сведения о положении наших войск.

Военный совет армии одобрил намеченные нами мероприятия и оказал помощь в их осуществлении. В тот же день полковник Ключев разослал в особые отделы дивизий соответствующую ориентировку. На случай возможной выброски шпионов на парашютах была усилена служба воздушного наблюдения, оповещения и связи. По указанию командующего штаб армии изготовил и ввел в действие новые бланки командировочных предписаний.

Личный состав подразделений охраны войскового тыла, в первую очередь контрольно-пропускных пунктов (КПП) на дорогах, ведущих к Мурманску, получил дополнительный инструктаж. Тщательно инструктировались комендантские наряды на железнодорожном и морском вокзалах в Мурманске и в поездах, следовавших по Кировской железной дороге. На путях наиболее вероятного проникновения шпионов через линию фронта были выставлены секреты. С бойцами переднего края проводились беседы о повышении бдительности.

Первоначально начальник абвергруппы-214 капитан Ройтер планировал направить в тыл советских войск, защищавших Мурманск, разведывательную группу в составе трех агентов, окончивших школу абвера в Вихуле. Но, посоветовавшись с капитаном Райло, который занимался подготовкой агентов и переброской их через линию фронта, принял другое решение.

— Вы, пожалуй, правы, — сказал начальник абвергруппы капитану Райло. — Организуйте отправку Воронова и Прудько в тыл русских войск на одном участке, а Коршунова — на другом. Следуя по тылам противника разными маршрутами, они соберут больше сведений о частях 14-й армии русских, а затем встретятся в Мурманске, где им предстоит выполнить основную часть задания.

Начальник абвергруппы и его помощник много потрудились над составлением разведывательного задания. Они хотели через своих агентов получить как можно больше сведений по широкому кругу вопросов. Особое внимание абверовцы уделили Мурманскому порту, рассчитывая на возможности Прудько, который работал там до войны.

Разведгруппу Воронова — Прудько капитан Райло переправил в тыл советских войск на участке, где, по данным войсковой разведки, отсутствовали посты боевого охранения противника. На следующий день он проводил в разведку агента Коршунова. Это было несколько севернее, в районе оборонительного рубежа по реке Западная Лица, недалеко от того места, где советские солдаты взяли обер-лейтенанта Шорнборна. Возвратившись с переднего края, капитан Райло доложил начальнику абвергруппы-214 о благополучной переброске агентов на сторону советских войск.

— Я очень рад, что все получилось так, как мы задумали, — с довольным видом произнес капитан Ройтер.

Но это была преждевременная радость. Припятые чехистами 14-й армии меры сыграли свою роль.

Как только Коршунов перешел нейтральную полосу, находившиеся в секрете бойцы без шума задержали его. Через два часа вражеского лазутчика вместе с изъятими у него документами под охраной доставили в Мурманск.

И вот он сидит передо мной — узколицый, с рыбьими, немигающими глазами, изворачивается и лжет, лишь бы не признать, что он — агент фашистской разведки:

— Я — боец девяносто пятого стрелкового полка, что подтверждается моей красноармейской книжкой. Сегодня утром получил направление на лечение в госпиталь, но, не зная дороги, заблудился и попал на нейтральную полосу. Там и был задержан.

Действительно, среди изъятых у Коршунова документов имелись и красноармейская книжка, и направление в военный госпиталь, располагавшийся в Мурманске. Документы были выписаны в штабе 95-го стрелкового полка нашей армии.

— Служите ли вы в этом полку, мы проверим, — пообещал я задержанному. — А теперь скажите, откуда у вас незаполненный бланк командировочного предписания со штампом и печатью девяносто пятого полка?

— Сумел достать. А кто мне в этом помог, я вам не скажу.

Через два часа я объявил Коршунову, что, по данным штаба 95-го стрелкового полка, он в списках этой части не значится, а по заключению экспертизы все изъятые у него документы изготовлены в абвере. Коршунов долго молчал. Потом вскинул на меня немигающие глаза и глухо произнес:

— Пришло время рассказать правду.

— С этого и надо было начинать, — заметил я. — Советский суд учитывает чистосердечные показания как смягчающее вину обстоятельство.

Коршунов вырос на Алтае в семье деревенского богатея, имевшего мельницу и магазин. От матери, немки по происхождению, научился сносно говорить по-немецки. Перед войной Коршунова призвали в Красную Армию. Служил в воинской части на территории Белоруссии. В начале войны, не желая воевать за Советскую власть, которая раскулачила его отца, Коршунов добровольно сдался гитлеровцам в плен. Сообщил лагерному начальству о

своих родителей, о знании немецкого языка. После этого нередко использовался при допросах военнопленных.

— Когда и при каких обстоятельствах вы стали агентом абвера?

— В октябре сорок первого года в лагерь приехали два немецких офицера. Один из них, в звании обер-лейтенанта, вызвал меня в канцелярию лагеря, подробно расспросил о моем прошлом, а затем поинтересовался, желаю ли я помогать Германии в ее войне против большевиков, или же намерен отсидеться в лагере до конца войны. Я ответил, что готов служить немецкому командованию, и подписал обязательство о добровольном сотрудничестве с абвером. После этого офицер сказал, что отправит меня в разведшколу.

— В какой школе вы обучались?

— Я окончил разведывательно-диверсионную школу в Вихуле. Изучал топографию, приемы сбора разведывательных сведений, взрывчатые вещества, устройство мин, адских машин и их применение, способы совершения диверсионных и террористических актов. Учился приемам нападения на интересующие разведку объекты и их охрану, применению усыпляющих порошков, прыжкам с парашютом. Тренировался в стрельбе по неподвижным и движущимся целям стоя, лежа, на бегу, с обеих рук. Большое внимание в школе уделялось физической подготовке курсантов, особенно лыжным тренировкам.

Коршунов рассказал, что в интересах идеологической обработки курсантов им регулярно читались лекции о победах вооруженных сил Германии, демонстрировалась кинохроника на эту же тему, а также о награждениях отличившихся солдат и офицеров вермахта, о военных парадах в Берлине.

Первое время Коршунов проживал в комнате с курсантом, которого незадолго до окончания школы переселили в другое помещение. А к Коршунову поместили курсанта Воронова, который старательно учился, хорошо ходил на лыжах. Сразу же после окончания учебы Коршунова, Воронова и еще двух выпускников школы капитан фон Рейнгардт отвез в Таллин. Оттуда их на военпо-транспортном самолете доставили на север Финляндии, в город Рованиemi. Здесь их принял начальник абвергруппы-214 капитан Ройтер. Он побеседовал с каждым из питомцев капитана фон Рейнгардта. После этого Коршунова и Воронова поселили в отдельный домик, в котором стояли три койки. Третьим обитателем домика стал агент абвергруппы Прудько.

— В течение трех недель, — рассказывал Коршунов, — нас готовили к разведывательному рейду в Мурманск. С нами занимался офицер абвера капитан Райло, хорошо владевший русским языком. Тщательно отработывались задание и способы его выполнения. Изучались объекты, на которые следовало обратить особое внимание, в первую очередь морской порт и железнодорожный узел. При этом использовались карты-схемы Мурманска и его окрестностей. Большую помощь капитану Райло оказывал Прудько, знавший город.

На мой вопрос в отношении Прудько Коршунов ответил:

— По его словам, он до войны более пяти лет проживал в Мурманске, куда приехал из Николаевской области. У него, как и у меня, отец был раскулачен. Сам Прудько до призыва в Красную Армию работал в Мурманском торговом порту.

Далее Коршунов рассказал, что вначале планировали направить в Мурманск разведгруппу в составе трех агентов, но потом появилось новое решение.

— Кончилось тем, что капитан Райло переправил через нейтральную полосу меня одного, — заявил абверовский агент. — Перед этим снабдил документами и советскими деньгами — тысячей ста рублями — на текущие расходы. Послал ли капитан в разведку Воронова и Прудько и где они в настоящее время находятся, мне неизвестно.

— Расскажите о полученном вами задании.

— Я должен был проникнуть в Мурманск для сбора разведывательных данных. Надлежало узнать расположение штаба и полевого управления четырнадцатой армии, дислокацию воинских частей, находящихся в Мурманске и его окрестностях, а также складов с военной техникой и боеприпасами. Предстояло выяснить, имеются ли в Мурманске английские и американские войска, их численность и вооружение, где расположены военные аэродромы, количество и типы самолетов на них, особенно английского производства. Нужно было собрать данные о находящихся в Мурманском порту военных кораблях и судах, узнать, минирован ли вход в Мурманский залив, ведутся ли работы по углублению и расширению фарватера в заливе, где разгружаются транспортные суда, при помощи каких плавсредств производится перевозка военного имущества, материалов и войск через залив и какие для этого требуются документы. Следовало также узнать, строятся ли железнодорожные линии между станциями Кола

и Рестикенти, от Мурманска до Териберки, ходят ли пассажирские поезда по Кировской железной дороге. Если ходят, то добыть расписание их движения и выяснить, какие документы нужны для проезда военнослужащим и гражданским лицам. Предстояло также собрать сведения о разрушениях, произведенных в городе бомбардировками, об организации питания, эвакуации из города населения, расположении лагеря немецких и финских военнопленных и их охране.

Перечислив все пункты основного задания, Коршунов добавил, что перед самой отправкой его через линию фронта капитан Райло дал ему дополнительное поручение.

— Вы будете двигаться к Мурманску от оборонительного рубежа на Западной Лице,— сказал он. — Поэтому вам необходимо по пути собрать данные об укреплениях, построенных русскими в прифронтовой полосе на левом фланге, о воинских частях и военных складах, расположенных в этом районе, а также на всем протяжении вашего следования до Мурманска. Особое внимание надо обратить на возможное появление на Западной Лице новых воинских частей.

На выполнение задания капитан Райло дал Коршунову десять дней, после чего он должен был возвратиться. Для этого ему следовало заполнить бланк командировочного предписания и с ним пробраться из Мурманска к переднему краю обороны советских войск, чтобы потом перейти линию фронта.

Записав эти показания Коршунова, я задал ему несколько вопросов, касавшихся Воронова и Прудько. Меня, в частности, интересовало, будут ли они направлены в разведку и в каком районе. Коршунов ответил, что он этого не знает, как не знает и подлинных фамилий Воронова и Прудько, потому что и в разведшколе, и в абвергруппе все агенты пользовались только псевдонимами.

— А как решается в абвергруппе вопрос о фамилии агента при оформлении личных документов перед отправкой на задание?

— Иногда вносят в документ псевдоним агента, который был присвоен ему в школе или в абвергруппе. Так было, к примеру, со мной. Но чаще вписывают новый псевдоним, который, кроме агента, никому не известен.

— Снабжают ли абверовцы агентов, идущих в разведку, личным оружием?

— В большинстве случаев оружие выдают. Зачастую снабжают порошками усыпляющего действия. Но мне ни того ни другого не выдали.

Прочитав показания Коршунова, полковник Ключев резюмировал:

— Обращает на себя внимание обилие вопросов, включенных в задание. Как видно, очень хотят получить детальную информацию о положении в Мурманске. А ведь для сбора таких сведений одному агенту потребуется слишком много времени. Несомненно, что задание предназначалось для группы агентов. У меня лично нет сомнений, что одновременно с Коршуновым направлено, разумеется, по другому маршруту, еще несколько шпионов. Скорее всего, следует ожидать прибытия в Мурманск Воронова и Прудько. Не исключено, что они должны здесь встретиться с Коршуновым.

Последующие события подтвердили предвидение опытного чекиста.

Придавая исключительное значение данным о возможном появлении агентов Воронова и Прудько в Мурманске, полковник Ключев возглавил всю последующую работу чекистов армии по пресечению опасных действий шпионов. Нам с капитаном А. И. Савченко было предложено разработать мероприятия по розыску и задержанию абверовских агентов. В этой работе приняли активное участие начальники подразделений Особого отдела армии капитаны Н. М. Зверев и Ф. И. Леваков. Полковник Н. П. Ключев утвердил план намеченных мероприятий, согласовал его с командованием армии.

По нашему предложению Коршунов описал внешность Воронова и Прудько. Однако, как выяснилось позднее, скрыл от нас известный ему мурманский адрес Прудько, где ему надлежало встретиться с участниками разведгруппы. Коршунов опасался, что в случае задержания Воронов и Прудько расскажут чекистам о его «работе» среди курсантов школы абвера в качестве агента-provokatora.

В соответствии с планом розыска шпионов сотрудники контрразведывательного подразделения Особого отдела армии Г. Н. Васильев, П. И. Зайцев и М. С. Тонин направились в военную комендатуру города, на железнодорожный и морской вокзалы, в дежурную службу милиции. Розыскные мероприятия вокруг штаба армии осуществлял старший лейтенант А. К. Соловьев. Все чекисты армии получили ориентировку, в которой описывались внешние приметы Воронова и Прудько, указывалось, что агенты могут быть в форме военнослужащих Крас-

ной Армии, иметь при себе красноармейские книжки или удостоверения личности, командировочные предписания, продовольственные аттестаты, выписанные на другие фамилии, а также значительные суммы советских денег. Особо отмечались детали документов, на которые следовало обращать внимание. Говорилось, что разыскиваемые могут иметь при себе огнестрельное оружие и порошки усыпляющего действия.

Занимаясь розыском шпионов, чекисты опирались на помощь военнослужащих и гражданских лиц. Однако напасть на след удалось далеко не сразу. Попытка установить адрес, по которому Прудько до войны проживал в Мурманске, не увенчалась успехом, так как фамилия Прудько в документах не значилась. Только на шестой день розыска, 14 апреля 1942 года, начальник контрольно-пропускного пункта лейтенант Н. П. Крикунов, проверяя документы у старшины Деннсюка, обратил внимание на значительное сходство его с одним из разыскиваемых. Предъявленное старшиной командировочное предписание было выписано на старом, уже отмененном бланке.

По заранее обусловленному сигналу на КПП прибыл контрразведчик А. К. Соловьев. Старшицу задержали. У него были изъяты фиктивные документы, пистолет иностранного производства, советские деньги в сумме 3320 рублей и 16 порошков усыпляющего вещества.

На первом же допросе, проведенном полковником Ключевым с моим участием, задержанный был изобличен и признал, что является агентом абвера Прудько. Позднее он рассказал, как изменил Родине, стал фашистским агентом.

Прудько не мог смириться с тем, что Советская власть, опираясь на решение сельского схода, раскулачила его отца, пмевшего зажиточное хозяйство и постоянных наемных работников — батраков. Уехав из Николаевской области, он обосновался в Мурманске. В августе 1941 года был призван в Красную Армию и отправлен на фронт. В первом же бою с оружием перешел на сторону врага. На допросе выдал гитлеровцам сведения, составлявшие военную тайну.

— Тем самым, — продолжал Прудько, — я хотел завоевать доверие немецких офицеров и обеспечить себе хорошие условия пребывания в плену. Рассчитывал и на то, что после окончания войны, когда Гитлер установит на Украине «новый порядок», мои услуги немецкому командованию не будут забыты.

Прудько показал, что, находясь в лагере военнопленных, он выслуживался перед начальством и вскоре был назначен помощником старшины лагеря. Из попавших в плен сослуживцев выдал гитлеровцам трех коммунистов.

Далее Прудько рассказал, что в январе 1942 года в их лагерь приехал офицер абвера. Вызывал пленных на беседу. С ним завел разговор о сотрудничестве с немецкой разведкой. Уговаривать не пришлось. Прудько согласился быть абверовским разведчиком. Вскоре его доставили в Рованиemi, где под руководством капитана Райло обучили шпионскому ремеслу. В конце марта он был переброшен через границу СССР на территорию оленеводческого совхоза «Восмус». Минувя поселок Кола, пробрался в Мурманск для выполнения разведывательного задания. Рассказывая о его содержании, Прудько почти слово в слово повторил показания Коршунова.

— Удалось ли вам приступить к выполнению полученного задания? — спросил у шпиона полковник Ключев.

— Да. Кое-что я успел сделать.

— При задержании у вас изъяты порошки с усиливающим веществом. С какой целью абверовцы снабдили вас ими?

— Я попался на фиктивном документе. Капитан Райло учил меня: «Надо любыми путями добывать подлинные советские документы». Вот с этой целью он и снабдил меня снотворными порошками.

На заданный ему вопрос о напарнике Прудько ответил, что абверовцы переправили его одного.

Прервав допрос, полковник Н. Н. Ключев пригласил начальников подразделений Особого отдела армии для решения неотложного вопроса.

— По показаниям Коршунова, — сказал он, — абверовцы подготовили для заброски в Мурманск трех агентов — его, Прудько и Воронова. Глубоко убежден, что у Прудько есть напарник. Скорее всего, это Воронов. Сейчас, когда мы задержали Прудько, он может затаиться или, что для нас крайне нежелательно, попытаться уйти к своим хозяевам. Продолжая активный розыск Воронова, мы должны поставить Прудько в такие условия, чтобы он назвал своего напарника и указал возможное место его пребывания.

После обсуждения различных вариантов наших дальнейших действий было принято решение: для изобличения Прудько в даче ложных показаний провести между ним и Коршуновым очную ставку. Результат этого превзошел все наши ожидания. Ошеломленный появлением Коршунова, Прудько не только подтвердил его показания

о подготовке трех агентов абвера для направления в Мурманск, но и рассказал, что прибыл в город не один, а вместе с Вороновым, назвал адрес, где остановился его напарник.

Группа захвата во главе с капитаном А. И. Савченко немедленно направилась по указанному адресу. Воронова на месте не оказалось. Капитан Савченко оставил на квартире засаду.

Воронов появился к исходу дня. Он был в гражданском костюме. Чекисты по приметам опознали его и задержали. При обыске у Воронова были изъяты пистолет иностранной марки с патронами, 18 порошков с усыпляющим веществом, поддельные документы на имя Аистова: красноармейская книжка, справка о выписке из госпиталя в связи с излечением после ранения, паспорт с мурманской пропиской, пропуск на работу в депо железной дороги, а также незаполненный бланк командировочного предписания. В дополнение к этому чекисты обнаружили у Воронова советские деньги в сумме 1317 рублей и комплект красноармейского обмундирования.

Улики были настолько неопровержимы, что Воронов на первом же допросе, который вели капитан А. И. Савченко и старший лейтенант А. К. Соловьев, признал себя виновным в шпионаже в пользу фашистской Германии.

Воронов вырос в семье служащего, осужденного на семь лет лишения свободы за крупную растрату. В начале войны, находясь в рядах Красной Армии, он попал к фашистам в плен. В лагере, где много пленных умирало от голода, тяжелого труда и истязаний, Воронов познакомился и наладил хорошие отношения с одним военнопленным, который знал немецкий язык и пользовался доверием у лагерного начальства. Вскоре после беседы с приезжавшим в лагерь офицером абвера этот пленный куда-то исчез. Прошло не более трех недель, как офицер из военной разведки вновь появился в лагере военнопленных. В беседе с Вороновым он предложил ему выбор: либо гибель от голода и непосильного труда в лагере, либо учеба в разведывательной школе. Воронов согласился стать агентом абвера. Его отвезли в разведывательно-диверсионную школу в Вихулу, где он встретил своего знакомого по лагерю, ставшего курсантом Коршуновым.

Далее Воронов рассказал чекистам о своей учебе в разведшколе, об отъезде вместе с Коршуновым в Рованими, о подготовке трех агентов абвергруппы-214 — его, Коршунова и Прудько — для очень трудного рейда в Мур-

манск. К сказанному добавил, что он был переправлен на советскую сторону вместе с Прудько. Они благополучно добрались до Мурманска, где остановились на квартире, в которой до войны проживал его папарник.

Все мероприятия по делу шпионской группы абвера проводились в Особом отделе 14-й армии под непосредственным руководством полковника Н. Н. Ключева и при систематическом контроле военного прокурора, который нередко участвовал в допросах агентов абвера. В течение всего времени, пока шло следствие, полковник Ключев ежедневно приглашал к себе сотрудников, работавших с обвиняемыми. На этих совещаниях анализировались, сопоставлялись показания, намечались дальнейшие пути наиболее полного выявления преступной деятельности агентов абвера.

После одного из таких совещаний капитан Савченко вызвал на допрос обвиняемого Воронова и спросил у него:

— Чем вы можете объяснить, что и в лагере военнопленных, и в разведшколе в Вихуле Коршунов пользовался авторитетом у администрации?

— Среди военнопленных в лагере,— ответил Воронов,— шли разговоры, что Коршунов сообщает начальству об антифашистски настроенных солдагерниках. Я думаю, что он являлся агентом-provokатором и в школе абвера. Незадолго до выпуска нашего курса фон Рейнгардт под охраной отправил в Таллин двух курсантов. Ходили слухи, что их выдал Коршунов. Я верю этим слухам, так как в беседах со мной он часто задавал вопросы провокационного характера.

На проведенной чекистами очной ставке с Вороновым Коршунов признал, что действительно выполнял поручения администрации лагеря, а затем и разведшколы по выявлению лиц, могущих нанести ущерб разведывательным органам гитлеровской Германии.

— Вот поэтому,— объяснил Коршунов на очной ставке,— я сообщил пачальнику разведшколы в Вихуле о двух курсантах, которые доверились мне и рассказали о своем намерении после заброски через линию фронта явиться к советскому командованию с повинной. Их отвезли в Таллин, в управление полиции безопасности и СД.

Коршунов счел необходимым добавить к сказанному, что по указанию администрации он вел постоянное наблюдение и за своими папарниками Вороновым и Прудько.

После того как на очной ставке с Коршуновым Прудько признал, что некоторые его показания являются ложными, он стал часто задумываться. Я доложил об этом пачальнику Особого отдела армии.

— Похоже, что его что-то тяготит,— заметил полковник Ключев. — Видимо, он не все нам сообщил. Побеседуйте с Прудько, напомните ему о важности откровенных показаний.

Через час обвиняемый сидел передо мной.

— Как вы думаете, есть разница для советского суда, перед которым вы скоро предстанете, кто перед ним: чистосердечно признавшийся во всем или уличенный в ложных показаниях, не разоружившийся до конца преступник?

Прудько склонил голову, задумался. Потом, подняв на меня глаза, тихо сказал:

— Да, разница есть. И я хочу со всей откровенностью рассказать то, о чем до сих пор молчал и чего не знают мои напарники.

Прудько сообщил, что кроме основного задания он получил от капитана Райло еще два особых поручения. Ему было предложено отправить в Рованиemi Воропова с собранными им шпионскими сведениями. А самому остаться в Мурманске. Здесь он должен был разыскать одного своего знакомого, которого знал как приверженца нацистских взглядов, и завербовать его для работы на абвер. После этого ему надлежало приступить к выполнению второго особого задания.

— В чем его суть?

— Капитан Райло предложил мне явиться с повинной в советские органы государственной безопасности, признаться в своей принадлежности к агентуре немецкой военной разведки и заявить о своем «нежелании» выполнять полученное в абвере задание. Капитан Райло рассчитывал, что после моей явки с повинной советские чекисты сделают мне предложение стать их разведчиком и пошлют через линию фронта со своим заданием. Таким путем мне удастся внедриться в чекистские органы, узнать методы их работы, а может быть, и сведения о советских разведчиках, действующих в тылу немецких войск. — В заключение Прудько сказал, что в связи с его задержанием ни одного из заданий абвера выполнить ему не удалось.

В ходе следствия мы получили обстоятельные данные о деятельности абвергруппы-214 и ее учебного центра, о работавших в них официальных сотрудниках, а главное —

о разведчиках-диверсантах, подготовленных к заброске в тыл войск Карельского фронта. Все это помогло армейским чекистам лучше организовать работу по своевременному задержанию и обезвреживанию вражеских шпионов и диверсантов.

За успешное выполнение заданий командования по борьбе с фашистской разведкой Военный совет 14-й армии представил полковника Н. Н. Ключева и автора этих строк к награждению орденами Красного Знамени. Капитана А. И. Савченко и старшего лейтенанта А. К. Соловьева наградили орденами Красной Звезды. Несколько контрразведчиков были отмечены медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

В суровую военную пору чекисты Карельского фронта с честью выполнили возложенные на них задачи. «Героическая защита Заполярья войдет в историю нашего народа как одна из самых ярких, самых запоминающихся страниц,— писала газета «Правда» 6 декабря 1944 года.— Здесь враг был остановлен осенью 1941 года. Здесь находится участок, где врагу в течение всей войны не удалось перешагнуть линию нашей государственной границы». В победу советских войск на севере нашей страны внесли достойный вклад чекисты 14-й армии, всего Карельского фронта.

Н. С. ПАВЛОВ,

полковник в отставке

НА ЛОЖНОМ АЭРОДРОМЕ

Этот погожий июльский день 1942 года начался для нас, защитников осажденного врагом Ленинграда, как обычно — с артиллерийского обстрела жилых кварталов города. Обстрел еще продолжался, когда начальник подразделения Особого отдела Ленинградского фронта майор П. В. Спиридонов вызвал меня, своего заместителя, к себе.

— Я только что от начальника отдела. В сорок седьмом запасном артполку ЧП: похищен секретный пакет,— сообщил он мне. — Капитан Шадаров приступил к расследованию происшествия. Не исключено, что в полк проник вражеский агент.

Это предположение имело серьезное основание. Нам было известно, что в составе нового пополнения, прибывшего через Ладогу в учебные и запасные части фронта, имелись солдаты, призванные с территории, освобожденной от гитлеровских захватчиков советскими войсками в ходе битвы под Москвой. Среди них могли оказаться агенты фашистской разведки.

— Начальник Особого отдела фронта придает факту хищения секретного пакета большое значение,— продолжал майор Спиридонов. — Он считает необходимым оказать капитану Шадарову практическую помощь в проведении квалифицированного расследования ЧП. Похищенный документ не должен попасть в руки врага. Вам, Николай Семенович, предстоит выполнить эту работу. Надо выехать в полк немедленно и не возвращаться, пока не будет найден виновник преступления и похищенный им пакет. Так сказал начальник отдела.

Не прошло и часа, как сияя «эмка», миновав Литейный мост и Выборгскую сторону города, мчалась на север по покрытой булыжником дороге. Я сидел рядом с водителем и, не обращая внимания на доносившийся издали гул артиллерийской канонады, думал о том, как выполнить полученное задание.

Мне не раз приходилось бывать в 47-м запасном артополку. Я знал, какую важную для обороны города задачу решает эта часть, призванная обучать специалистов для артиллерийских формирований Ленинградского фронта. Припомнились мне и неоднократные встречи с хмурым на вид, скуным на слова полковым контрразведчиком капитаном С. И. Шадаровым, членом партии с 1932 года, пришедшим в органы госбезопасности по партийной путевке за несколько лет до начала Великой Отечественной войны. Вдумчивый чекист, Семен Иванович хорошо понимал стоявшие перед ним задачи, знал пути их решения, ответственно относился к выполнению служебного долга.

«Сумеет ли мы с капитаном выполнить требование начальника Особого отдела фронта во что бы то ни стало найти врага? — не выходило у меня из головы. — Справимся ли? Надо справиться! Надо найти!» Таково было веление времени, долга перед Родиной.

Когда меня, молодого паренька из смоленской деревни, получившего техническое образование, призвали в армию и послали в учебный танковый батальон, чтобы выучить на механика-водителя боевой машины, я знал, что такое «надо». А когда меня, уже завершившего срочную службу старшего сержанта, комсомольца, политотдел тан-

ковой бригады рекомендовал на работу в чекистские органы, я тоже знал, что это надо. Надо моей Родине.

Мой боевой путь чекиста начался на белорусской земле. Там получил направление в чекистскую школу. Окончив ее незадолго до начала войны, включился в борьбу против белорусских буржуазных националистов, многие из которых уже тогда являлись агентами разведывательных органов гитлеровской Германии.

В первые дни фашистского нашествия на нашу Родину меня направили в Гомельскую область со специальным заданием. Я продолжал выполнять его — подбирать и готовить разведчиков для будущего белорусского антифашистского подполья — и тогда, когда гитлеровские захватчики вторглись в пределы области. Рискуя быть схваченным фашистами, перешел через линию фронта на сторону советских войск лишь после выполнения поставленной задачи.

В сентябре 1941 года стал армейским чекистом. Получив назначение в Особый отдел 54-й армии, войска которой в те дни вели упорные бои с гитлеровцами, рвавшими к Волховской ГЭС и южному побережью Ладоги, принимал участие в обезвреживании агентов абвера. После разгрома фашистов под Тихвином и изгнания их с правобережья Волхова прибыл в Особый отдел Ленинградского фронта.

Это произошло в декабре, в начале первой блокадной зимы. Защитники Ленинграда получали тогда самую низкую норму питания. Беспощадный враг планомерно обстреливал и бомбил жилые кварталы города. Не ограничиваясь засылкой своих лазутчиков в расположение войск фронта и на их коммуникации, абвер стремился создать в осажденном Ленинграде постоянно действующие шпионские резидентуры, обеспечить их приемо-передающими радиостанциями.

Армейские и флотские контрразведчики, действуя в контакте с чекистами Ленинградского управления госбезопасности, срывали эти опасные акции врага. Однако искусенная в провокациях фашистская военная разведка, используя все возможности, продолжала неустанно расширять и углублять фронт тайной войны против советских войск.

Несколько забегу вперед. В начале 1945 года мне довелось участвовать в борьбе против фашистских захватчиков в Восточной Пруссии. Пытаясь во что бы то ни стало удержать за собой эту территорию, гитлеровцы оказывали наступавшим частям Красной Армии ожесточен-

ное сопротивление. А когда под ударами советских войск отходили, то оставляли законспирированные боевые подпольные группы. Эти группы должны были взрывами, поджогами, убийствами и бандитскими налетами загормозить продвижение советских дивизий на запад. Группы формировались из сотрудников и агентов секретных служб гитлеровского рейха, карателей, полицейских и других пособников фашистских захватчиков. Для них создавались тайники с оружием, взрывчаткой и продовольствием. Агенты обеспечивались фиктивными советскими документами, деньгами, средствами связи, медикаментами.

В то время я по приказу Центра возглавлял одну из оперативных групп. В нашу задачу входила очистка территории Восточной Пруссии от гитлеровских диверсантов.

Одна из наших оперативных групп обнаружила тщательно замаскированное укрытие для подпольных диверсантов и террористов на территории восточно-прусского охотничьего хозяйства Геринга. В специально бетонированных блиндажах хранилось несколько пулеметов, около 40 автоматов, свыше сотни гранат, 100 килограммов взрывчатки и большой запас продуктов питания. В числе задержанных нами фашистских диверсантов оказался сотрудник ведомства Гимmlера, в конце 1941 — начале 1942 года служивший в одном из подразделений абвера, действовавшего на Московском направлении. Я обратил внимание на то, что он был в фуражке с наушниками.

— Предложите этому диверсанту, — обратился я к переводчику, — дать подробные показания о его работе в абвере.

Гитлеровец, не возражая, со всеми подробностями рассказал о первом периоде своей деятельности в специальных службах. Он прибыл на Восточный фронт в звании лейтенанта «в самое подходящее время». Так, во всяком случае, выразился, принимая нового сотрудника, тучный капитан из «Сатурна» — разведоргана абвера, приданного командованию группы армий «Центр». Лейтенанту сказал:

— Мы отправим вас в абвергруппу-109, приданную командованию 9-й армии, к подполковнику Шиммелью. Вы, несомненно, получите там все, о чем только может мечтать молодой офицер абвера. Пример для вас — начальник абвергруппы подполковник Шиммель. Он начал свою карьеру еще в годы первой мировой войны, в одно время с нашим шефом адмиралом Капарисом. Но если Капарис был тогда в Испании, то Шиммель действовал на

русско-германском фронте. Затем он организовывал разведывательные акции против большевистской России, находясь в составе крупного органа абвера в Кенигсберге. Не случайно еще до возникновения Восточного фронта шеф назначил его начальником специальной школы абвера под Кенигсбергом. В этой школе готовились разведчики и радисты для заброски в тыл русских войск. В сентябре, завершив работу в школе, подполковник выбыл на фронт.

9-я армия в составе группы армий «Центр» имела приказ овладеть Москвой. Абвергруппа-109 вместе с другими разведорганами «Сатурна» обязана была обеспечить ее командование точными разведданными о характере войск, защищающих Москву. Нелегкая задача. Вот почему во главе абвергруппы-109 шеф поставил подполковника Шиммеля.

— Наши войска,— продолжал капитан-абверовец,— находятся в двадцати семи километрах от Москвы. Один мощный рывок — и столица России будет в наших руках. А там службе абвера и ведомству Гиммлера предстоит немалая работа. Вот почему я сказал вам в начале нашего разговора, что вы прибыли на Восточный фронт в самое подходящее время.

Лейтенант появился в абвергруппе-109 в конце ноября. Энергичный, рассудительный подполковник Шиммель лично ввел его в курс дела. Абверовцы спешно готовили очередную партию агентов для заброски в тыл противника. Но осуществить эту акцию не успели.

В начале декабря неожиданно для гитлеровского командования советские войска перешли в наступление. Через месяц ожесточенных боев основательно потрепанные части 9-й немецкой армии откатились к Ржеву.

Незадолго до этого подполковник Шиммель, собрав офицеров абвергруппы, с горечью признал, что русские сумели скрытно подготовиться к контрнаступлению. В связи с этим командование 9-й армии и руководство «Сатурна» предъявляют абвергруппе серьезные и обоснованные претензии. Но верные солдаты фюрера не имеют права опускать руки. Они обязаны использовать любую обстановку, даже временное отступление армий «Центра», в интересах службы. Затем Шиммель сообщил главное:

— Я разработал и согласовал с «Сатурном» новую разведывательную акцию. Ее цель — усилить внедрение проверенных на деле агентов специальных служб рейха в войска противника. Если проявим энергию и оперативность, то эта акция обещает дать большой эффект.

Равным зимним утром офицеры абвергруппы-109 разъехались по крупным населенным пунктам прифронтальной полосы. Среди них был молодой офицер в фуражке с нашивками...

...Прибыв в расположение запасного артиллерийского полка, я заслушал сообщение капитана Шадарова о ходе расследования, ознакомился с результатами опроса свидетелей. Картина ЧП прояснилась.

Утром писарь штаба полка получил приказ отправиться на машине с пакетом в вышестоящий штаб. Хотя он был предупрежден, что ему не следует никуда заходить, писарь из помещения штаба «на минутку» забежал в казарму, чтобы заменить подворотничок. В казарме в это время, по его словам, никого не было. Он положил сумку с пакетом на кровать, но как раз в тот момент зашел дежурный и вызвал его в кабинет командира дивизиона к телефону. Дневальный рядовой Винокур за несколько минут до появления писаря покинул свой пост, чтобы по приказанию командира батареи разыскать бойца Кротова. Когда писарь вернулся в казарму, дневального на месте все еще не было. Сумка оказалась раскрытой. Пакет исчез.

Было ясно, что нам с капитаном Шадаровым предстоит большая, сложная работа. Решили согласовать свои действия с комиссаром полка.

Рослый, с рано поседевшими висками подполковник принял нас приветливо. Обеспокоенный случившимся, без предисловия заговорил о ЧП. Капитан Шадаров изложил результаты начатого им расследования. Выслушав его, комиссар сказал:

— Надо принять самые действенные меры, чтобы найти пакет и того, кто его похитил. Есть ли у вас кто-либо на подозрении?

— Пока нет.

— Может быть, следует обратить внимание на дневального Винокура. Он призван с территории, освобожденной от оккупантов. На днях подал рапорт с просьбой направить его на передний край, в разведку.

— Проверим, — пообещал я комиссару. Затем спросил, не будут ли отправляться в ближайшие дни в действующие части обученные в полку артиллерийские расчеты.

— Понимаю вас, — ответил подполковник. — Я договорюсь с командиром части, чтобы временно, до особого распоряжения, никаких приказов об отправке личного состава из полка не отдавать.

Возвратившись в комнату Шадарова, мы сразу же приступили к делу. Надо было определить всех, кто ут-

ром заходил в казарму или выходил из нее, кто находился в это время в соседних помещениях, проверить показания писаря, дневального, бойца Кротова. Мы опрашивали бойцов и командиров, но успеха не добились. После ужина я предложил вызвать Винокура. Решили уточнить детали поведения всех тех, кто побывал в казарме утром.

Войдя в кабинет Шадарова, широкоплечий загорелый боец сразу же показал свой характер.

— Товарищ майор, — представившись, обратился он ко мне. — Говорят, вы из управления фронта. Помогите мне. Я прибыл в Ленинград с Большой земли, чтобы воевать, а меня тут усадили за парту.

— Врага надо бить не только желанием, но и умением.

— Не спорю. Но вы поймите меня, — с жаром продолжал Винокур. — Я уже воевал, был контужен, попал в плен, бежал, мыкался по родной смоленской земле, разоренной фашистами. Наши войска освободили район, где я скрывался от гитлеровских карателей. И вот теперь, когда мне снова доверили оружие и я имею возможность мстить фашистским извергам, меня держат в занасном полку.

— Не переживайте. Закончите учебу — и будете бить врага по всем правилам военной науки. У вас еще все впереди. Ведь до Берлина неблизкий путь. А сейчас садитесь и помогите нам разобраться с ЧП. Кто, по вашему мнению, мог взять из сумки пакет?

— Видимо, какой-нибудь шпион, — не очень уверенно ответил Винокур.

— Вполне возможно, — согласился я и предложил бывшему дневальному как можно подробнее рассказать обо всем, что происходило в казарме утром.

Мы с капитаном внимательно слушали Винокура, переспрашивали, уточняли, но найти ниточку, которая могла бы привести к раскрытию преступления, нам не удалось.

— Вот вы стремитесь попасть на передовую, — напомнил я Винокуру начало нашего разговора. — А враг, куда более опасный, чем фашист с автоматом, нагло действует здесь, в расположении наших подразделений. Найти и разоблачить его — дело чести не одних только чекистов, но и всех бойцов полка. Вы согласны с этим?

— Да, вполне, — твердо заявил Винокур.

Как только он вышел, Шадаров сдвинул к переносице широкие черные брови и, заметно волнуясь, сказал:

— Винокур прибыл к нам в полк недавно. Ни о его прошлом, ни о его нынешних намерениях достоверных данных у меня нет. Верить ему на слово не могу. А вот

вы разговаривали с ним так, будто он пользуется вашим полным доверием. Может быть, у вас есть основания верить ему?

— Нет. Просто интуиция,— признался я.

Позднее нам стало известно, что в то время, когда мы беседовали с Винокуром, в курилке сидел с сигаркой во рту долговязый ефрейтор. Вскоре к нему подошел коренастый сержант. Сел рядом, шепнул:

— Начало положено.

— Я сразу понял, что это твоих рук дело. Как взял?

— Несколько дней присматривался к писарю, что возит секретную почту. Сегодня утром он с сумкой в казарму зашел. Я за ним. Зашел в помещение — ни души. Сумка на койке лежит. Открыл ее, достал пакет, сунул в карман. И сразу во двор. Так меня никто и не заметил.

— Ловко! — не скрывая своего восхищения, отозвался ефрейтор. — Куда спрятал?

— Нашел место. А завтра вот эти листочки в ход пуцу,— и сержант показал собеседнику какие-то бумаги.

— Ни в коем случае! — возразил ефрейтор. — Рисковать мы не имеем права.

— Не каркай! — прикрикнул на него сержант.

...На следующий день перед отбоем, просмотрев папку с документами расследования ЧП, я решил доложить начальству, что и второй день не принес успеха.

В дверь постучали. Вошел Винокур. Достав из кармана вчетверо сложенный листок бумаги, протянул его мне:

— Фашистская листовка. Нашел в кармане шинели.

— Кто-нибудь об этом знает?

— Нет.

— Ни о самой листовке, ни о том, что она у нас, никому ни слова!

Это было обращение гитлеровского командования к советским воинам.

— Немецкий шаблон,— оценил капитан Шадаров творение геббельсовских пропагандистов. — И приписка, как всегда: «Листовка служит пропуском в расположение немецких войск».

Но в ней не было ни слова о заблокированном Ленинграде. Может быть, она попала к нам с другого фронта? Но как это проверить? Зазвонил телефон. Капитан подошел к аппарату.

— Сейчас зайдем. Да, оба,— ответил он в трубку.

Компсар держал в руках три фашистские листовки.

— Враг наглеет,— сказал он нам. — Убежден, что хищение пакета и распространение листовок — звенья од-

ной цепи. Надо найти пробравшегося в полк врага, чего бы это нам ни стоило.

Мы заверили комиссара, что приложим все силы для решения этой задачи.

На следующий день комиссар вновь пригласил нас к себе.

— Поступил приказ направить из полка команду для оборудования ложного аэродрома. Наши бойцы будут устанавливать там макеты зенитно-артиллерийских батарей. Это недалеко отсюда.

— Нам может потребоваться список личного состава команды,— сказал капитан Шадаров.

...На исходе дня Вадим Винокур вышел из казармы покурить. К нему подошел ефрейтор Куприянов. Достав из кармана кисет с махоркой, осведомился:

— Про листовки слышал?

— О них весь полк говорит.

— А тебя по этому вопросу никуда не вызывали?

— Нет, обошлось.

— Похоже, что не все листовки комиссару отдали,— предположил ефрейтор. — У кого найдут — добра не жди.

Винокур промолчал.

— Говорят, ты рапорт подавал. Верно это?

— Да,— признался Вадим. — Хотел в разведку попасть, а получил от ворот поворот.

— Выходит, что нам, кто под немцем был, веры нет...

Перебирая в памяти сказанное Куприяновым, Вадим не мог избавиться от мысли, что все это говорилось испроста. И он решил рассказать обо всем сотруднику Особого отдела.

Мы поблагодарили Винокура за сообщение. Это была та самая питочка, которую мы так настойчиво искали. Предстояло размотать весь клубок до конца. Последовал срочный запрос по месту проживания Куприянова на оккупированной территории, недавно освобожденной от захватчиков.

Капитан Шадаров выяснил, что Куприянов дружит с рядовым Мордулиным. Командир взвода рассказал контрразведчику:

— Это бывший лесоруб. Нытик порядочный. Все жалуется, что норма питания маловата.

Стало известно Шадарову и то, что Куприянов изредка по вечерам встречался с сержантом Журавкиным, проходившим службу в другом подразделении полка. Докладывая об этом, капитан подчеркнул:

— Журавкин, как и Куприянов, имел контакт с гитлеровцами.

...После беседы с Винокуром ефрейтор Куприянов встретился с коренастым, краснолицым сержантом.

— Я толковал с Винокуром,— проинформировал он сержанта. — Листовку комиссару он не отдал. Похоже, что к немцам тропку подыскивает.

— Продолжай с ним встречаться,— распорядился сержант. — А меня посылают на оборудование ложного аэродрома.

...Мы продолжали искать пути к раскрытию совершенных в полку преступлений. Капитан Шадаров узнал, что в поясе брюк ефрейтора Куприянова зашита фашистская листовка с пропуском для перехода на сторону немецких войск. Он предложил задержать Куприянова. Я не согласился. У нас не было никаких доказательств причастности его к хищению секретного пакета и распространению листовок. Нужно было поставит Куприянова в такие условия, чтобы еще до задержания он раскрыл себя сам. Но как это сделать? Что предпринять? Остановившись на одном из вариантов, мы обрагились за помощью к комиссару полка:

— В интересах расследования надо послать на ложный аэродром еще одну команду. Она должна состоять из пяти-шести солдат, но с обязательным включением в ее состав ефрейтора Куприянова и рядового Винокура.

— Раз надо, значит, надо,— согласился комиссар.

...К ефрейтору Куприянову подошел ординарец Шадарова и сообщил ему, что капитан из Особого отдела срочно вызывает его к себе. Куприянов, побледнев, проворботал:

— Я только скажу товарищу два слова.

Он отозвал в сторону собравшегося в дорогу Винокура.

— Меня вызывают в Особый отдел,— зашептал ефрейтор. — Разущи на аэродроме сержанта Журавкина и передай: пусть все сожжет.

Мы приняли Куприянова вежливо. Поинтересовались, не подозревает ли он кого-либо из бойцов в распространении фашистских листовок и не знает ли чего-нибудь о хищении секретного пакета. На все эти вопросы Куприянов дал отрицательные ответы. А когда он вышел от нас во двор, то сразу понял, что команда отправилась по назначению, не дождавшись его...

Сержант Журавкин подыскивал удобный случай поговорить с бойцом Мордулиным наедине. Как-то по окон-

чании рабочего дня увидел его на зеленом поле аэродрома. Мордулин собирал и ел щавель.

— Нагуливаешь аппетит перед ужином? — не без схицства поинтересовался Журавкин, подходя к солдату. — А вот немцев кормят до отвала. У пленных паек и то больше, чем у нас.

— Не может быть.

— Был там, знаю.

Невозмутимость Мордулина, продолжавшего спокойно жевать щавель, подбодрила Журавкина. Он начал расхваливать отношение гитлеровцев к советским военнопленным. Затем сказал:

— Неизвестно, какая здесь будет зима. Может, снова голод пачнется. Лучше всего податься туда.

Мордулин перестал жевать, сплюнул.

— Куда это туда? К фашистам? Да я тебя за такие слова отведу куда следует. — Чуть остыв, добавил: — Ладно, счастье твое, сержант, что свидетелей не было...

Подходя к землянке, Журавкин заметил сидевшего на траве Винокура. Вадим рассказал сержанту, как он попал на аэродром и что произошло с Куприяновым.

— Значит, вызвали в Особый отдел? Плохо дело, — забеспокоился Журавкин и попросил у Вадима спички.

— А может, лучше спрятать? — с невозмутимым видом обронил Винокур.

— Ты о чем? — сквозь зубы процедил Журавкин.

— Так сказал мне Куприянов, когда за ним пришли.

Журавкин вскинул на Вадима острые глазки и, буркнув: «Посиди здесь», зашагал в сторону кустарника. Усевшись на камень, снял сапог, достал из подпоротой подкладки голенища пачку каких-то бумаг. Вернувшись, тихо сказал:

— Если пронесет, снова пустим в дело...

Рядовой Мордулин никак не мог уснуть. «Имею ли я, комсомолец, советский воин, право молчать?» — все время спрашивал он себя. Наконец встал и направился к командиру подразделения. На другой день, сидя перед нами, Мордулин возмущался:

— За что купить вздумал! За миску похлебки, мерзавец!

К этому времени мы уже получили ответ на свой запрос в отношении Куприянова. Местные чекистские органы выяснили, что, являясь бойцом Красной Армии, он осенью 1941 года сдался фашистам в плен, откуда бежал и пробрался в верховья Волги, к семье. Оккупанты арестовали Куприянова. Дядюшка его, сектантский проповед-

ник, назначенный гитлеровцами старостой, выручил племянника из беды. Куприянов вышел из тюрьмы, подписав обязательство выявлять советских разведчиков, подпольщиков, партизан.

Получив санкцию военного прокурора, Особый отдел фронта арестовал Куприянова. Фашистскую листовку, извлеченную из пояса его брюк, приложили к делу.

На первом же допросе Куприянов дал показания о себе, о Журавкине, о совершенных ими преступлениях. Журавкин вскоре также оказался в следственном изоляторе Особого отдела фронта.

На вопрос следователя о задании, полученном им от фашистской разведки, Куприянов рассказал, что в феврале 1942 года его вызвали на явочную квартиру полиции безопасности и СД и представили офицеру абвера.

— Наши войска,— сказал ему обер-лейтенант,— в настоящее время выравнивают линию фронта и готовят новое наступление на Москву. Ты честно и добросовестно выполнял задания службы безопасности рейха. Мы верим тебе и ставим перед тобой новую задачу: если наши части оставят ваш район, то тебе следует пойти в военкомат и добиться зачисления в Красную Армию. Надо собирать сведения о советских войсках, их вооружении, местах дислокации. Затем с этими данными перейдешь линию фронта.

По пути в блокированный Ленинград Куприянов сошелся с Журавкиным. Тот подробно расспросил его о жизни «под немцем». О себе сказал:

— Я из-под Ржева. Моего отца, справного хозяина, большевики кулаком объявили. Обрез у него нашли, в Сибирь сослали. Я им этого никогда не прощу.

Они быстро нашли общий язык. Прибыв в запасной артполк, начали действовать в интересах фашистской разведки.

...На следствии Журавкин отрицал свою вину. Но улики опровергнуть не смог. После очных ставок с Мордулиным, Винокуром и Куприяновым рассказал все. И даже показал камень, под которым укрыл похищенный им пакет с секретным документом.

Преступный путь Журавкина был во многом схож с тем, который прошел его сообщник. Как и Куприянов, он, находясь в действующей армии, с оружием сдался гитлеровцам в плен. Сумел бежать из лагеря и добрался до места, где жил до войны. Там по рекомендации старосты, знавшего отца Журавкина, стал агентом фашистского разведоргана 1Ц, который вместе с тайной полевой полицией

вел борьбу против партизан и других советских патриотов в прифронтовой полосе.

В начале 1942 года, когда под натиском советских войск гитлеровцы откатывались от Москвы, унтер-офицер из 1Ц свел своего агента с молодым лейтенантом в фуражке с наушниками. Это был офицер абвера, специально приехавший для встречи с ним. Он поставил перед Журавкиным такую же задачу, какую получил от другого абверовца агент полиции безопасности и СД Куприянов. Правда, присутствовавший при их разговоре сотрудник 1Ц счел необходимым дополнить данное Журавкину задание. Он обязал агента склонять русских солдат к переходу на сторону немецких войск, распространять среди них листовки. Вручая Журавкину пачку листовок, унтер-офицер пообещал ему:

— Когда выполнишь задание и вернешься с разведанными, мы построим тебе новый дом, обеспечим хорошую жизнь.

Предателей и шпионов судил военный трибунал Ленинградского фронта. Судил строго, как они того заслужили.

Не ушли от ответа за совершенные преступления и задержанные чекистами выкорышки адмирала Канариса, которые в конце войны, находясь в подчинении главного управления имперской безопасности ведомства Гимmlера, пытались развернуть диверсионно-террористическую деятельность в тылу наступавших советских войск.

Так было на территории Восточной Пруссии. Так было и на других участках советско-германского фронта.

Г. Г. ВЛАСОВ,

полковник в отставке

БИТАЯ КАРТА

В ночь на 1 сентября 1942 года наземные посты службы воздушного наблюдения, оповещения и связи 7-й воздушной армии Карельского фронта зафиксировали перелет через линию фронта немецкого самолета. Через два часа линию фронта пересек еще один «юнкерс». Оба самолета следовали со стороны оккупированного противником Петрозаводска через Опежское озеро на восток. Об

этом сразу же стало известно чекистам 7-й воздушной армии, а через них — руководству Особого отдела Карельского фронта.

Подобные перелеты па различных участках Карельского фронта бывали и ранее. Противник использовал авиацию для ведения воздушной разведки в нашей прифронтной полосе, бомбардировки железных дорог. Случалось, па самолетах забрасывались в советский тыл шпионско-диверсионные группы. Поэтому Особый отдел Карельского фронта принял необходимые меры. Во все подчиненные фронту особые отделы армий и дивизий были направлены соответствующие ориентировки. О возможном появлении вражеских агентов в глубоком тылу сообщено руководителям управлений госбезопасности Карелии, Архангельской и Вологодской областей.

Выполняя полученное указание, заместитель начальника Особого отдела 7-й воздушной армии подполковник Т. А. Чижевский с помощью командования организовал авиаразведку районов возможной высадки фашистских агентов. Еще до рассвета поднялся в воздух специальный самолет. На его борту находились сотрудники разведки штаба воздушной армии и оперативный работник Особого отдела капитан П. Н. Любимов. Самолет дважды пролетел по разным маршрутам, но места выброски вражеских парашютистов не установил.

В конце дня руководству Особого отдела Карельского фронта стало известно, что утром 1 сентября радисты Центра зафиксировали почти одновременный выход в эфир двух ранее неизвестных радиостанций. Сигналы были из района Вытегры Вологодской области и из лесного массива близ Коноши Архангельской области.

В тот же вечер начальнику Особого отдела Карельского фронта сообщили из Управления госбезопасности Архангельской области: «Нами получены достоверные данные о высадке большой группы вражеских парашютистов в районе Коноши». Немного позже стали известны подробности с места приземления агентов противника.

Утром 1 сентября бригадир лесопункта Кокорин по телефону сообщил секретарю Коношского райкома партии Н. А. Германову, что ночью пад лесом кружил самолет. Он сбросил две уаковки на парашютах. Сформированный из местных чекистов, сотрудников милиции и бойцов истребительного батальона оперативный отряд выехал на указанное место. В двадцати километрах южнее Коноши, в районе лесопункта, бойцы оперативного отряда обнаружили 13 парашютов, 7 больших ящиков, папо-

ловину освобожденных от груза. В ящиках находились палатки, резиновые лодки, радиы иностранного производства, аппараты для подслушивания телефонных разговоров, яды для отравления собак, продовольствие.

Чекисты обратили внимание, что парашютисты не могли взять с собой все сброшенные для них предметы снаряжения и продукты питания, а также замаскировать ящики и парашюты и быстро покинули этот район. Позднее выяснилось, что летчик принял горящие костры, оставленные рабочими лесопункта, за сигнальные, которые должны были развести агенты, выброшенные с первого самолета. Это и привело к тому, что парашютисты оставили на месте приземления много «следов». Однако оставалось загадкой, сколько агентов выброшено, с каким заданием, где и что конкретно они намерены предпринять?

Судя по всему, противник замышлял что-то весьма серьезное. Надо было действовать немедленно. И чекисты действовали.

Из Коноши в Архангельск полетела срочная телеграмма. О выброске вражеских агентов в районе Коноши Архангельск информировал Москву. В Москве этой информации было придано исключительное значение. В Коношу и в соседние районные центры — Каргополь, Няндому, Плесецк — выехали группы чекистов Архангельского управления госбезопасности. Их возглавляли начальник управления Мальков, его заместители Песцов и Калининский.

Штаб руководства операцией по розыску и задержанию вражеских агентов возглавил комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Тихонович Куприн. Он прибыл из Москвы с группой сотрудников. Перед войной П. Т. Куприн работал начальником Управления государственной безопасности по Ленинградской области. В июле 1941 года был назначен начальником Особого отдела Ленинградского фронта, а через год переведен в Москву.

По прибытии в Коношу П. Т. Куприн ознакомился с оперативной обстановкой, осмотрел предметы шпионского снаряжения. От железнодорожников стало известно, что на участке между разъездом Тимме и станцией Шелекса подорваны рельсы, пострадали паровоз и четыре вагона, убит машинист Маклаков. Территория вокруг места аварии оказалась заминированной. На другом участке, в десяти километрах южнее, убита стрелочница и взорвана стрелка. На протяжении нескольких дней радисты фиксировали появление двух ранее неизвестных радиий в районе Каргополь — Няндомы — Коноша. Переговоры велись

при помощи цифрового кода. Связь устанавливалась с радиостанцией, находившейся в оккупированном гитлеровцами Таллине.

Комиссар госбезопасности П. Т. Куприн имел основания считать, что это дело рук военной разведки гитлеровской Германии. Он знал, что в Таллине размещается территориальный орган разведки и контрразведки вермахта «Абвернебенштелле-Ревал», условно называемый по имени его шефа «Бюро Целлариуса». Этот крупный центр абвера располагал собственной авиацией, имел суда специального назначения, мощную радиостанцию под условным наименованием «Пагар». Она поддерживала связь с вышестоящими органами абвера, резидентурами, а также с самолетами и судами. Там же, в Таллине, находилась глубоко законспирированная радиостанция для связи с агентурой, засылаемой в тыл Красной Армии. «Бюро Целлариуса» имело близ Таллина школы по подготовке разведчиков и диверсантов в Кейла-Юа, Лейтсе, Мыза-Кумна.

Кто же такой Целлариус, именем которого назывался крупный разведывательный орган абвера? Фрегат-капитан Александр Целлариус на протяжении длительного времени играл видную роль в фашистской военной разведке. Еще задолго до войны по заданию шефа абвера адмирала Канариса он поддерживал тесные связи с военными разведчиками армий буржуазной Эстонии и Финляндии, а позднее был аккредитован в Таллине в качестве военно-морского атташе фашистской Германии. Одновременно он возглавлял созданный Канарисом в 1939 году в Хельсинки разведывательный и контрразведывательный орган абвера «Кригсорганизацион Финляндия». После начала войны Германии с СССР Целлариус развернул работу по организации добровольческих диверсионно-десантных отрядов «Эрпа» из числа эстонских буржуазных националистов, проживавших в Финляндии, и засылке их в тыл Красной Армии для создания бапдитского подполья. В ходе войны «Абвернебенштелле-Ревал» вместе с финской разведкой готовил и перебрасывал в тылы Ленинградского и Карельского фронтов агентов с разведывательными и диверсионными заданиями.

Много поведала чекпстам обнаруженная на месте высадки агентов аэрофотосхема местности, где они должны были действовать. Изготовленная в июне 1942 года в масштабе 1:33 000, она позволяла распознавать даже отдельные дворы в населенных пунктах, служебные помещения на железнодорожных станциях.

Тщательно рассмотрев аэрофотосхему и сделанные на ней пометки, чекисты пришли к выводу, что центром шпионских устремлений противника является озеро Лача. Но чем оно могло заинтересовать вражескую разведку?

Озеро Лача, протянувшееся с севера на юг на тридцать три километра и шириной четырнадцать километров, расположено в юго-западной части Архангельской области, примерно в девяносто километрах к западу от Северной железной дороги. Мелководно. Наибольшая глубина около пяти метров. Не имеет глубоко вдающихся заливов. Озеро питают шесть небольших рек. Вытекающая из него река Онега впадает в Белое море. Озеро судоходно. Замерзает с ноября по май. Ближайшие железнодорожные станции Няндомы и Копоса. В пяти километрах от северного берега озера расположен город Каргополь, от которого идет на восток шоссе в сторону Няндомы, на запад — в Карелию, на север — в Архангельск.

У чекистов возникло предположение: если враг задумал перерезать Северную железную дорогу Архангельск—Вологда — Москва, то не исключено, что для осуществления этой операции или по крайней мере первого ее этапа он может гидросамолетами выбросить десант на озеро Лача.

— Теперь становится понятным, — заметил комиссар госбезопасности Куприн, — с какой целью в летние месяцы наведывались в эти края вражеские самолеты. Несомненно, велась воздушная разведка. Данные о намерении «Бюро Целлариуса» забросить в глубокий тыл Ленинградского и Карельского фронтов своих агентов поступали в наши органы еще в июне. Правда, не было известно ни района, ни времени выброски. Сейчас, когда она состоялась и аэрофотосхема в наших руках, можно со всей определенностью сказать: фашистское командование готовит в этом районе крупную подрывную акцию.

В день прибытия в Коношу П. Т. Куприн провел совещание с чекистами, сотрудниками милиции, руководителями поисковых групп, представителями войск, охранявших тыл Карельского фронта. С учетом всех полученных данных о выброске вражеских агентов была проанализирована оперативная обстановка. В целях активизации розыска шпионов и пресечения подрывных акций с их стороны рассмотрели план неотложных мер, к выполнению которого участники операции приступили незамедлительно. Была усилена охрана железной дороги, мостов,

станций и других важных объектов. На перекрестках лесных дорог, просек, речек выставили посты наблюдения. В места вероятного появления шпионов направили маршрутные группы, в состав которых в качестве проводников включили лесников, охотников, рыбаков.

...В кабинете начальника «Абвернебенштелле-Ревал» в Таллине прозвучал продолжительный звонок. Целлариус взял телефонную трубку. Адъютант Канариса сообщил, что шеф вызывает фрегат-капитана в Берлин.

Встреча Целлариуса с начальником абвера состоялась в один из декабрьских дней 1941 года. Канарис придавал ей большое значение: предстояло выполнить весьма важное задание. Развернув на столе карту Севера европейской части СССР, шеф абвера обратил внимание Целлариуса на железную дорогу Архангельск — Вологда — Москва. Пояснил, что вермахт вынашивает замысел провести в 1942 году крупную воздушно-десантную операцию, имеющую целью перерезать Северную железную дорогу на участке Няндома — Ковноша. В случае ее успеха Архангельская и Мурманская области, а также Карелия будут изолированы от центральной части страны. Поставки вооружения по программе ленд-лиза из Мурманского и Архангельского портов прекратятся.

— Время проведения операции пока не назначено, — сказал Канарис. — Нам предложено провести глубокую разведку района, где планируется высадка десанта. Военные специалисты считают, что первый десантный отряд целесообразно направить гидросамолетами на озеро Лача. Вам поручается разведать этот район.

— Благодарю за доверие, — выпрямился Целлариус. — Я сделаю все, что в моих силах.

Возвратившись из Берлина в Таллин, Целлариус взялся за разработку варианта действий. Для выполнения задачи решил привлечь эстонских буржуазных националистов. И не без оснований.

Задолго до вступления Эстонии в состав Советского Союза разведывательный отдел генерального штаба эстонской буржуазной армии, во главе которого стояли полковники Маазинг и Саарсен, фактически являлся филиалом немецко-фашистской разведки. Бывший заместитель адмирала Канариса, возглавлявший службу военной разведки абвера, генерал-лейтенант Пиккенброк, находясь в советском плену, показал, что генеральный штаб буржуазной Эстонии и специальные службы Финляндии были в предвоенные годы основными источниками разведывательной информации о советских войсках. Полковник Ма-

азинг ежегодно приезжал из Таллина в Берлин, а работники абвера наведывались в Эстонию. Часто бывал там и Целлариус. Полковник Саарсен, ставший начальником эстонской военной разведки после Маазинга, с 1940 года проживал в Берлине. Бежавший из Эстонии капитан Кристьян, работавший до 1940 года в эстонской разведке, поселился в Финляндии. Там он был принят на работу в финскую военную разведку и получил звание майора. Активно работал на немецко-фашистскую разведку и капитан Кургвель из разведотдела генерального штаба эстонской буржуазной армии. После вступления гитлеровских войск на территорию Эстонии эти верные слуги Гитлера вернулись в Таллин, были зачислены на штатные должности в «Бюро Целлариуса» и продолжали не за страх, а за совесть служить фашистской Германии.

О своей поездке в Берлин и особо важном задании Канариса Целлариус в полном объеме рассказал лишь майору Кристьяну и капитану Кургвелю, возложив на них ответственность за подготовку и выполнение полученного задания. Старшим был назначен майор Кристьян, который имел больше опыта по подготовке и заброске агентов на территорию Советского Союза.

Через некоторое время Кристьян докладывал Целлариусу, что подобрал полтора десятка преданных агентов. Все они эстонцы, хорошо владеют русским языком. Большинство из них до 1940 года служили в армии, были унтер-офицерами. Некоторые обучались в разведшколах и забрасывались со специальными заданиями в тыл Советского Союза.

— Кое-кого из них знаю лично, — сообщил Кристьян своему шефу. — Во время работы в финской разведке мне удалось разыскать Освальда Кривайна. Он был добровольцем финской армии, участвовал в войне против СССР, обучался в школе абвера и в начале 1941 года был направлен в Нарву для выполнения разведывательного задания. Дал согласие участвовать в разведке Люттер, выполнявший задание абвера против советских войск на острове Сааремаа в июле 1941 года. За успешное выполнение задания он награжден Железным крестом. Агенты Артур Рягастик, Оскар Люттер, Харальд Петерсон, Освальд Кривайн, Харальд Рооберг входили в состав диверсионной группы «Эрпа». Она была сформирована по вашему предложению на территории Финляндии и в июле 1941 года наряду с выполнением основного задания совершила акт возмездия в отношении эстонцев, ставших советскими активистами.

— Группа «Эрна» успешно справилась с поставленной перед ней задачей,— подтвердил Целлариус.

— В надежности подобранных агентов я не сомневаюсь. Проверены в делах, не подведут,— продолжал майор Кристьян. — К тому же все они спортсмены и состоят в «Кайтселите»¹.

Докладом Кристьяна Целлариус остался доволен. Когда речь зашла о тренировках агентов, Кристьян предложил организовать их на территории Карелии.

— Очень хорошо,— согласился Целлариус. — Будем проводить тренировки в условиях, приближенных к тем, в каких придется действовать.

В заключение фрегат-капитан предложил Кристьяну объявить его приказ о том, что агентам, включенным в состав разведывательной группы, за время обучения будет выплачиваться по 210 немецких марок каждому, а их семьи будут обеспечены продовольственным пайком и карточками.

На следующий день Целлариус рассмотрел и утвердил программу подготовки агентов. Вскоре она развернулась по всем линиям. «Реферат люфт» — специальное авиационное подразделение «Бюро Целлариуса» — приступило к воздушной разведке, фотографированию района предполагаемой высадки десанта и отработке аэрофотосхем. Опытные специалисты начали обучать агентов минно-взрывному и радиodelу, топографии, методам сбора и передачи разведывательных сведений, подслушиванию телефонных разговоров. Большое внимание уделялось физической подготовке, ходьбе на лыжах, ориентированию по местности.

Несколько месяцев группа занималась в Таллине, а затем базой для тренировок была избрана разведывательная школа в местечке Вазен на оккупированной территории Карелии.

Наступил день переброски агентов через линию фронта. Это было в конце августа. Накануне Целлариус и Кристьян разделили агентов на две группы, определили им задачи, дали подробный инструктаж. Общее руководство операцией на месте было возложено на унтер-офицера Рягастика. Старшим в первой группе назначили унтер-офицера Люттера, во второй — унтер-офицера Тяхасте.

В задачу первой группы входил сбор сведений о железной дороге Архангельск — Вологда — Москва. Требовалось установить интенсивность движения составов, характер грузов, состояние охраны дороги. На вторую груп-

---

¹ Полувоенная националистическая организация.

пу возлагался сбор данных о расположении воинских частей, их численности, боевой оснащенности, нахождении аэродромов и посадочных площадок, количестве базирующихся самолетов. Ей поручалось также узнать глубину, площадь озера Лача и соседних с ним озер и особенности береговой линии с целью определения возможной посадки на них гидросамолетов, а также уточнить состояние и пропускную способность шоссе на дороге Няндомы — Каргополь.

Майор Кристьян разъяснил агентам, что все сведения необходимо собирать путем личного наблюдения. Разрешалось прибегать к беседам с отдельными служащими и солдатами охраны, но при условии, что каждый опрошенный после разговора с ним будет уничтожен.

— Контейнеры с продовольствием и питанием для радий будут регулярно доставляться воздушным путем в указанные вами места. Через две недели мы вывезем вас из тыла противника специальным самолетом. По возвращении все вы получите большие деньги, награды и хорошие места в германской армии,— в заключение объявил Кристьян.

На другой день с наступлением темноты с таллинского аэродрома поднялся немецкий самолет «юнкерс» с советскими опознавательными знаками и взял курс на восток. Через несколько часов по тому же маршруту направился второй «юнкерс». Оба самолета с посланцами фрегат-капитана Целлариуса без происшествий достигли цели и вернулись в Таллин. В глубокий тыл Ленинградского и Карельского фронтов были заброшены две шпионские группы из 13 агентов абвера.

...Война наложила свой отпечаток на лесные просторы севера. Тайга стала немногочисленной. Нечасто в лесу можно было встретить охотника, услышать лай собаки.

Летом 1942 года в тихие просторы Севера зачастили самолеты с советскими опознавательными знаками. Но, похоже, не наши. Среди местных жителей поползли разные слухи: где-то самолет сбросил бомбу, повредив полотно железной дороги, в другом месте обстрелял лесорубов. Попятно, что наши летчики поступать так не могли.

С первых дней сентября слухов стало еще больше. В одной из деревень неизвестные похитили из дома продукты, в другой ограбили магазин. На переправе через речку кто-то угнал плот. У рыбаков на озере не оказалось на месте лодки. Так жители Севера, хозяева тайги, не поступают. Для всех стало ясно: в тайге появились чужие

люди. Об этом сразу же посыпались заявления в партийные и советские органы, к чекистам и работникам милиции. А когда местные жители узнали, что в тайге скрываются шпионы, для поиска которых предпринимаются активные меры, они стали предлагать чекистам свою помощь.

По просьбе комиссара госбезопасности Куприна партийные и советские органы Коношского района сообщили о выброске вражеских агентов коммунистам, комсомольцам, районному активу, всем сельским Советам. Учителя предупредили школьников о возможной опасности. В соседние районы выехали руководящие работники Архангельской области для принятия необходимых мер на случай появления там шпионских групп. Кроме чекистов и работников милиции к розыску шпионов были привлечены курьеры военного училища, пограничники, охранявшие войсковой тыл, сотни местных жителей. В тайгу двинулись вооруженные поисковые группы.

Перед всеми участниками поиска штаб поставил задачу — найти и обезвредить фашистских агентов. Большую роль в ее решении играли проводники, включенные в каждую поисковую группу. От пропизательности этих хозяев тайги, хорошо знавших местность, не ускользало то, на что другой не обратит внимания: где и как разведен костер, в каком состоянии он оставлен. Болотистые места, торф — и вдруг костер. Чужая работа. На опушке леса разворочен стог сена. Так местные жители не делают.

Поисковая группа подходит к лесной избушке. Местный охотник говорит, что в ней почевали не наши люди. Какие признаки? Не обнаружил вязанки дров, щелы для растопки, спичек. Северяне так не поступают. Переночевав, они все оставят для другого человека, которого ночь застигнет в лесу.

Вражеские лазутчики, оправившись от тревог и переживаний, вызванных не совсем удачным приземлением одной из групп, на первых порах чувствовали себя на нашей земле относительно спокойно. Об этом чекисты узнали из захваченных ими позднее дневников агентов абвера. В первой половине сентября в одном из дневников записано:

«...Железная дорога найдена. Начинаем разведку. Наблюдение ведем круглосуточно.

...Хорошо бы встретиться со второй группой».

Шпионские группы встретились только 14 сентября. В дневнике отмечено:

«...Были несколько дней все вместе, приводили в порядок снаряжение и вещи. Пробыли довольно продолжительное время без тревоги».

В разведцентр в Таллин регулярно, два раза в сутки, шпионы направляли метеосводки, но главное внимание уделяли разведывательной информации. Вот несколько шпионских донесений:

«...По железной дороге в течение суток проходит 29 поездов. Паровозы новейших образцов, некоторые 1942 года выпуска. Поезда главным образом с военным грузом, вооружением и живой силой. На железной дороге патрули».

«...Шоссейная дорога Осипова Гора — Коноша 14 метров шириной. Автомобильное движение регулярное. Перевозки воинских частей... Железнодорожная линия Вельск — Коноша построена в 1941 году».

«...Находимся на восточном берегу реки Волошки. Ведем разведку местности».

Но так продолжалось недолго. Жизнь в северной тайге оказалась намного сложнее и беспокойнее, чем рисовали ее своим агентам Целлариус и Кристьян. В дневнике Рандмяе находим такую запись:

«...Сегодня был довольно неприятный день. Началось с того, что я рано утром немного отошел от своих ребят. И это было к счастью. Я заметил, что на лесной дорожке с северной стороны двигалась группа людей, вооруженных автоматами и винтовками. Быстро отошел с дорожки, лег за кочку и следил за ними. Они прошли мимо меня. Голоса смолкли. Осторожно поднялся и стал пробираться к своим ребятам. Прибежал весь в поту, сообщил об опасности. Быстро замели следы, двинулись дальше».

«...Теперь находимся в 4—5 километрах в густом лесу. Продолжительное время была слышна русская речь. Вышли на окраину леса. Вынуждены повернуть, чтобы не нарваться на кого-либо. Вокруг слышались выстрелы пулеметов. Это вызывает дрожь. Страшен русский лес».

«...Тринадцатый день в лесу. Погода холодная. Но у нас были и жаркие дни. Они начались с выхода на железную дорогу. Нас заметили две старушки. На следующий день облава. Арни и Кийв еле спаслись. Пришлось удалиться в болота. Зашли в заросли, чтобы подождать до темноты. Облава продолжалась. Прошло до 40 человек. Удалось отлежаться в густом кустарнике».

Встреча со школьником оказалась для шпионов роковой.

В ясный сентябрьский день Коля Соловьев, школьник из деревни Ануфриево, удил рыбу на берегу речки Осповки около старой водяной мельницы. Около полудня к мельнице подошла группа вооруженных автоматами людей. Завидев подростка, они, как заметил Коля, несколько растерялись. Один из них подошел к нему и вступил в разговор.

— Что делаешь?

— Ловлю рыбу,— ответил Коля.

Расспросив Колю о том, далеко ли отсюда железная дорога и как лучше к ней пройти, неизвестный, заметив некоторое смущение подростка, дал ему сигарету и две плитки шоколада. Затем сказал:

— Мы из НКВД. Задание выполняем.

Не сходя с места, Коля Соловьев проследил, в каком направлении ушли неизвестные, и поспешил в деревню, в сельский Совет. Там находился чекист из Архангельска Щеколов. Коля рассказал ему о встрече с группой «сотрудников НКВД».

— Только я думаю,— продолжал школьник,— что это не чекисты, а шпионы, о которых вы нам рассказывали. Их было шестеро. У всех автоматы и мешки за плечами. Тот, кто подходил ко мне, говорил по-русски, но не совсем чисто. Автомат у него не такой, как у наших бойцов. Спрашивал, как пройти к железной дороге. Угостил меня папироской и шоколадом.

— Ты, Коля, очень хорошо выполнил задание. Молодец! — искренне похвалил чекист школьника, который по его поручению под видом рыбалки находился на посту наблюдения.

Рано утром сформированная из местных жителей поисковая группа с розыскной собакой направилась по следу неизвестных. Начался дождь. След затерялся. Только на рассвете следующего дня, 27 сентября, в районе Карасава удалось обнаружить замаскированную в лесу палатку. Несколько бойцов поисковой группы направились к ней. Около нее паходился часовой. Заметив приближавшихся к нему людей, он дал в их сторону очередь из автомата. Началась перестрелка. Из палатки один за другим выскакивали фашистские агенты с автоматами в руках. Один из них упал замертво, остальные разбежались. Захватить их не удалось.

Участники поисковой группы нашли в палатке автомат, три пистолета, ящик с патронами, сумку с документами. Среди трофеев оказались черновые записи радиста и аэрофотосхемы с многочисленными пометками.

Преследование скрывшихся агентов противника продолжалось. В тот же день розыскная собака привела наших бойцов к стогу сена. Там нашли тяжело раненого шпиона, который вскоре скончался.

В тот день агентам абвера связаться с таллинским разведцентром не удалось. И только на следующее утро Целлариусу доложили радиограмму, которая потрясла его. Радиограмма гласила: «На нас напали русские. Погибли Роотс и Вебель. Ранены Рягастик и Кривайн. Двигаемся в направлении озер. Длинный путь невозможен. Нельзя ли поскорее вывести нас отсюда? Нужен хирург».

Целлариус ответил не сразу. Из управления абвера уже несколько раз требовали обстоятельного доклада о результатах разведки на Севере. Напоминали, что все сроки истекли. В самом деле, собирались провести разведку в течение двух недель. Прошел месяц, а докладывать, кроме сведений о перевозке грузов по железной дороге, почти нечего. Разведчики два раза в сутки выходят на связь. Передают метеосводки, запрашивают продукты, одежду. Ссылаются на невыносимые погодные условия, частые облавы. Целлариус понимал, что дело может кончиться провалом, но отгонял эту мысль. Он вызвал к себе Кристьяна и Кургвеля, после чего продиктовал текст радиограммы: «...Впадать в панику не следует, не ослабляйте разведку железной дороги, продвигайтесь к конечной цели — озеру Лача. Идите на соединение с первой группой. Эвакуируем всех вместе. Завтра ожидайте самолет с продовольствием, питанием для батарей и ядом для собак».

После первого вооруженного столкновения с вражескими лазутчиками чекисты усилили их преследование. Дневниковые записи агентов абвера характеризуют обстановку, в которой они оказались: «...Прошли за ночь 20 км. Марш не из приятных... Как долго придется еще искать озеро, а там ждать самолет, который должен прийти за нами?»

В поиск вражеских агентов включился Особый отдел Карельского фронта. По договоренности с командованием в район их пребывания были направлены самолеты-разведчики. Частые полеты этих самолетов держали фашистских лазутчиков в постоянной тревоге. В их дневниках находим такие записи: «...Над нами кружил самолет... Вчера после обеда он опять покружился над нами. В нашу сторону была открыта стрельба».

Радиопереговоры шпионов с разведцентром перехватывались. Чекисты раскрыли применяемые абверовскими

радистами шифры и коды. В результате в штабе поиска каждый день знали, какую информацию агенты передают в Таллин, какие указания получают из «Бюро Целлариуса». В радиограммах шпионы ссылались на аэрофотосхемы района. Такие же схемы оказались в руках чекистов, что позволяло штабу Куприна более точно определять направление следования вражеских лазутчиков.

Наступил октябрь. Выпал снег. Следы не скроешь. Чтобы уйти от поисковых групп, агенты петляли по лесу, выходили на связь с разведцентром без расписания, минировали пути отхода, создавали ловушки с применением взрывчатых веществ. Позднее чекистам стало известно, как они это делали. Взрывчатка, мины и яд для собак сбрасывались с самолетов в специальных упаковках с предупредительным знаком «Красный крест», что означало «Опасный груз». Получая груз с такой пометкой, шпионы знали, как с ним обращаться. Маскируя свои базы с продовольствием и снаряжением или пути отхода, они создавали на приметных местах видимость «забытых» ими упаковок — «торпед». Проявление интереса к таким коробкам и ящикам могло привести к тяжелым последствиям. В дневнике одного из агентов абвера записано: «Хорошо, что часть торпед имеют знак «Красный крест». Это отобьет желание у русских разыскивать торпеды».

Для чекистов и пограбичников подобный прием из арсенала вражеских разведок не являлся новым. При обнаружении таких «грузов» они проявляли осторожность и призывали других участников поиска, особенно местных жителей и школьников, быть бдительными. Давали советы, как поступать в таких случаях. Однако без жертв не обошлось. Политрук поисковой группы Филонов подорвался на mine.

9 октября шпионские группы встретились вновь. Но ничего хорошего эта встреча им не принесла. В дневниках появились весьма грустные записи. Вот одна из них:

«...Вчерашний день стал самым печальным в нашей жизни. Встретили других с поникшими головами. Вместо шести увидели четырех. Вебель и Роотс при утренней облаве русских 27 сентября погибли. Рапили Кривайна и Рягастика. Группа чудом избежала полного уничтожения. Положение скверное».

Между тем из разведцентра не переставали требовать представления разведывательной информации. А как это сделать, если «русские не дают никакой возможности собирать сведения»? Вместо продолжения разведки агенты настаивали на эвакуации.

Наконец пришло время, когда лазутчики получили из Таллина долгожданное распоряжение о подготовке к эвакуации. В нем был назван и конечный пункт следования — озеро Лача.

К этому пункту шпионские группы добрались порознь. К 21 октября они подошли к восточному берегу озера. Утром ожидалось прибытие самолета. В тот день агент Рапдмяе в дневнике записал:

«...Идет снег. Земля белая. Наши волосы и бороды также белые... Утром ожидаем самолет. Вторая группа от нас отделилась ночью. Такое указание было из Таллина: ожидать в двух пунктах в 4—5 километрах друг от друга».

О прибытии самолета на озеро Лача чекисты знали из перехваченных радиogramм. 21 октября наш радиооператор дважды зафиксировал выход в эфир вражеской радиостанции с восточного берега озера. Лазутчики сообщали о готовности встретить самолет, о районе своего местонахождения. Вечером того же дня в радиogramме из Таллина шпионов предупредили: «Ждите самолет в 7.00, эвакуируем всех вместе».

Как только эта радиogramма была расшифрована, комиссар госбезопасности Куприн принял соответствующие меры. Штаб руководства операцией направил на катере и барже в район расположения шпионов роту курсантов военного училища. Им предстояло захватить агентов и самолет.

Ранним утром послышался гул самолета. Через короткий промежуток времени в воздухе показался «Хейнкель-115». Сделав круг над озером, он приводнился примерно в четырехстах метрах от места расположения одного из взводов курсантов. Едва самолет коснулся воды, как из леса выбежали вражеские лазутчики и вброд поспешили к нему. Курсанты открыли по ним огонь из винтовок, а из ручного пулемета обстреляли самолет. Группа шпионов, прикрывавшая эвакуацию, укрылась в лесу и ответила автоматным огнем. Нескольким агентам удалось забраться в самолет. Хотя «Хейнкель-115» получил повреждение, он все же поднялся в воздух. Оставшиеся на берегу шпионы поспешили скрылись в тайге. За ними устремились поисковые группы.

Через несколько часов над озером появился другой немецкий гидросамолет. Сделав круг и не заметив условных сигналов, улетел обратно. После этого сюда наведывались еще два вражеских самолета.

После схватки с советскими бойцами 22 октября на озере Лача забот у фрегат-капитана Целлариуса и майора

Кристьяна заметно прибавилось. От летчиков, побывавших в том районе и вернувшихся в Таллин, Целлариусу стало известно, что «Хейнкель» поднялся с озера Лача и сделал вынужденную посадку на Юнгозере. А дальше никакой ясности не было.

Особую тревогу в разведцентре вызывало упорное молчание радиста Пауля, явившегося старшим одной из шпионских групп. Таллин настойчиво требовал от радиста другой группы — Керри срочно сообщить, что стало с Паулем и остальными агентами. Где они? Почему молчат? Керри не сообщил ничего утешительного: «С ними расстались на озере Лача. Они добрались до самолета. Где находится Пауль и его группа, ничего не знаем».

После 22 октября наши радисты стали засекают передачи только одной вражеской радиостанции. Но следить за ними стало значительно труднее: радист Керри перешел на связь с разведцентром по свободному расписанию и выходил в эфир до четырех раз в сутки. Однако наши радиооператоры фиксировали все без исключения радиogramмы, следовавшие из северной тайги в Таллин или в обратном направлении. Шпионы уже не просили, а с отчаянием требовали от разведцентра помощи, продуктов, умоляли ускорить их эвакуацию: «Находимся на озере Белос. Холодно и голодно. Вчера было столкновение с преследователями. Вынуждены из этого района уходить. Живем грабежами».

В те дни в «Абвернебенштгелле-Ревал» царил растерянность. Ни шеф разведоргана фрегат-капитан Целлариус, ни его помощники майор Кристьян и капитан Кургвель уже ничего не могли предпринять, чтобы предотвратить провал операции. Не вернулся самолет, направленный за разведчиками. Нет никаких сведений о судьбе трех членов экипажа — военнослужащих вермахта и пяти агентов из группы Пауля.

Судьба разведчиков, которых не удалось эвакуировать из архангельской тайги, волновала Целлариуса. Но больше всего его беспокоило другое: что он будет докладывать адмиралу Канарису, как будет оправдываться? Он вспоминал встречу с шефом абвера и заключительные слова адмирала: «Вы располагаете всем необходимым для выполнения этой задачи, вам и карты в руки».

А карта-то оказалась битой. Полный проигрыш и по всем статьям.

А события после схватки на озере Лача развивались своим чередом. Подбитый самолет «Хейнкель-115» совершил вынужденную посадку на Юнгозере. Прибывшие сю-

да чекисты вместе с авиаспециалистами осмотрели гидросамолет. Маслобаки левого мотора имели пулевые пробоины. На борту самолета находились три трупa. Ими оказались: командир корабля обер-лейтенант Курт Хельг, стрелок-радист Генрих Ахерн и руководитель разведывательной группы абвера Артур Рягастик. Четыре агента во главе с радистом Паулем и третий член экипажа самолета, вооруженные автоматами, скрылись. Шпионы так спешили, что не захватили с собой радиостанцию. Агент Рандмяе позднее записал в дневнике:

«...Самолет, пролетев 20 минут, сделал вынужденную посадку. Взяли спасательные лодки. Мешки и радио пришлось оставить, потому что из отверстия самолета невозможно было вылезти, а также торопились. Здесь нас пять человек и двухдневный запас продовольствия».

Агент Тарту оставил в своем дневнике более подробную запись: «...22 октября. На озеро Лача прибыл самолет, по которому русские открыли огонь. Вскоре удалось подняться. Через 35 минут вынужденная посадка. Рягастика и двух немцев из экипажа оставили в неисправном самолете тяжело ранеными. Покидая самолет, сами их пристрелили. Теперь, как бедные черти, воруем и грабим в деревнях продукты. Двигаемся пешком по направлению к фронту. Еще идти 250 километров».

На розыск и задержание шпионской группы Пауля комиссар госбезопасности П. Т. Куприн направил разведывательно-поисковую группу из бойцов отдельного стрелкового батальона войск НКВД. Путь следования вражеских агентов бойцы поисковой группы определили не сразу. Но вскоре с помощью местных жителей вышли на их след. Колхозники из деревни Семеново, расположенной на левом берегу реки Водлы, сообщили, что на днях не оказалось лодки на переправе, а в лесу видели каких-то вооруженных людей. В другой деревне неизвестные забрали у колхозников хлеб и картофель. В одном доме отобрали полушубок. Следы шпионов вели к пустующим баракам, находившимся примерно в десяти километрах от деревни Семеново.

Командир взвода лейтенант Голуб сформировал группу захвата. В нее вошли: член партии младший сержант Василий Мищенко, пулеметчик рядовой Иван Аикин, стрелки Петр Еремкин и Иван Степин.

К баракам подходили ночью, без шума. В ходе осмотра местности Мищенко обнаружил на лесной тропинке свежие следы, ведущие к одному из барачков. До наступления рассвета бойцы наблюдали за строением. Часового

около него не было. На рассвете младший сержант уточнил действия бойцов. Оставив Степина в секрете у тропинки, группа захвата направилась к бараку.

Войти в барак Мищенко решил сам. Бойцы заняли позиции у окон. Мищенко осторожно вошел в сени и, рывком распахнув входную дверь, крикнул с порога:

— Встать! Руки вверх! Не двигаться, а то буду стрелять!

В эту же секунду в помещение полетели осколки оконных стекол. В разбитом окне показался ствол винтовки Еремкина, в другом — ствол ручного пулемета Айкина. Оба бойца громко повторили команду: «Руки вверх!»

Перед Мищенко находились четверо неизвестных в гражданской одежде. Они сидели за столом. Пятый был на скамье справа от двери. На столе лежали два автомата. От неожиданности неизвестные оцепенели и, повинувшись приказу, быстро встали с поднятыми руками. Тут же последовала команда:

— Выходить по одному, не опуская рук!

Все пятеро покинули барак и оказались в окружении наших бойцов.

— Лежись! Лицом вниз, руки вперед!

Один из задержанных, нагибаясь, выхватил из-за пазухи пистолет, поднес к виску и выстрелил. Это был бортмеханик самолета «Хейнкель-115».

Бойцы обезоружили шпионов и доставили их в штаб батальона. У задержанных оказалось четыре автомата, шесть пистолетов, две ракетницы, пять компасов и бинокль.

Командование батальона высоко оценило действия группы захвата, возглавляемой младшим сержантом Мищенко. В архивном документе по этому поводу говорится: «Весь состав группы действовал умело и решительно, проявил споровку, что обеспечило задержание большей по численности и хорошо вооруженной разведывательной группы противника... Младший сержант Мищенко В. И., красноармейцы Еремкин П. Г., Аикин И. В., Степин И. отмечены правительственными наградами».

Между тем вторая шпионская группа продолжала продвигаться в западном направлении к линии фронта, уже не надеясь на помощь своего разведцентра. Радиост Керри отправлял в «Бюро Целлардуса» полные отчаяния радиogramмы. Незваных «гостей» по пятам преследовали поисковые группы курсантов военного училища, воинов-пограничников, бойцы истребительного отряда из местного населения. В лесном массиве шпионы были окружены.

Операция завершилась захватом пяти вражеских агентов. Шестой шпион был убит. Из Архангельска в Центр пошло специальное сообщение. В нем говорилось: «...Две шпионско-диверсионные группы полностью ликвидированы. 9 разведчиков задержаны, 4 убиты при столкновениях. В ходе операции изъято пять баз с продовольствием и экипировкой, 2 радиостанции, шифры, коды, топографические карты, аэрофотокарты, дневники, 10 автоматов, 13 пистолетов, 1 винтовка, 13 тысяч боевых патронов, аппарат для подслушивания телефонных разговоров, радиоприемник, сигнальные фонари, 25 парашютов, резиновые лодки, бинокли.

Из показаний шпионов и документов установлено, что немецкое командование намеревалось высадить в Коноше крупный воздушный десант, преследуя цель перерезать северные коммуникации, изолировать Север от центральной части СССР и развить наступательные операции от станции Коноша на юг в направлении г. Вологда.

Для обеспечения этой операции разведывательными данными и был сброшен вражеский десант».

В Центре на этом документе появилась резолюция: «А получилось хорошо! Надо информировать т. Сталина». Рядом пометка: «Исполнено».

А. В. ПОПКОВ,
капитан в отставке

НОЧНОЙ БОЙ У ОЗЕРА

Несколько лет назад на наших экранах шел кинофильм «А зори здесь тихие...» Я смотрел его с особым интересом: в моей военной судьбе произошел эпизод, весьма сходный с событиями, показанными в том фильме. Как и герои кинокартины, мы преследовали группу вражеских диверсантов. И, как в фильме, это происходило в глухих карельских лесах среди озер, труднопроходимых болот и мелководных речек с каменистыми берегами.

В годы Великой Отечественной войны мне довелось работать в Отделе контрразведки «Смерш» 7-й отдельной армии, действовавшей на южном фланге Карельского фронта. Враг проявлял к занимаемому нами участку по-

вышенный интерес. Это сбъяснялось важностью задач, которые решала армия. Она сдерживала противника на подступах к Ленинграду, не позволяла соединиться гитлеровским и маннергеймовским войскам на перешейке между Ладожским и Онежским озерами и замкнуть второе кольцо блокады города.

Вражеская разведка постоянно проводила на этом участке фронта активную шпионско-диверсионную деятельность. Однако армейские чекисты, опираясь на помощь и поддержку командиров, политработников и бойцов армии, успешно срывали все коварные акции врага.

Еще зимой 1941/42 года командование разведывательной школы, находившейся в оккупированном противником Петрозаводске, решило забросить в тыл пашей армии крупную диверсионную группу. Одеты в форму военнослужащих Красной Армии, диверсанты двигались ночью на грузовой автомашине по льду Онежского озера. По расчетам вражеской разведки, наши наземные посты не должны были обнаружить грузовик с диверсантами, пока он двигался по льду озера. И действительно, какое-то время машина следовала незамеченной. Однако возвращавшиеся с задания наши летчики приметили грузовую машину, находившуюся в необычном месте, и немедленно сообщили об этом командованию.

Как только о машине стало известно в Особом отделе армии, сразу же была сформирована группа захвата. Я был включен в нее. Выехав к берегу озера, мы устроили засаду возле дороги. Когда грузовик остановился, его тотчас же окружили наши бойцы. Диверсионная группа была обезврежена.

В начале лета 1943 года, после сокрушительного разгрома фашистских войск под Сталинградом, прорыва вражеской блокады Ленинграда и успешных наступательных действий частей Красной Армии на юге, на советско-германском фронте установилось относительное затишье. Надеясь изменить ход войны в свою пользу, гитлеровцы накапливали силы для осуществления операции «Цитадель» на Курской дуге, строили планы дальнейшего наступления на Москву, не оставляли надежды на захват Мурманска и Кировской железной дороги. Наши войска готовились к большим сражениям по изгнанию гитлеровских захватчиков с советской земли. А пока Совинформбюро сообщало только о боях местного значения.

Сравнительно тихо было и на передовых позициях 7-й отдельной армии. Но мы, чекисты, по опыту знали,

что такая тишина бывает обманчивой. Используя пере­рывы в боевых действиях, вражеская разведка, как пра­вило, усиливала шпионско-подрывную деятельность про­тив наших войск. В такие периоды интенсивная работа военных контрразведчиков, вообще не знавшая пауз, ста­новилась еще более напряженной. Так произошло и в первые летние дни 1943 года.

Утром 10 июня я собирался выехать в Отдел контр­разведки «Смерш» 7-й отдельной армии для очередного доклада. Яр­ко светило солнце. Буйная зелень карельско­го леса напоминала мне лесные просторы костромского края, где я родился и вырос. Вспомнились юные годы.

У моих родителей было четыре сына. Старший, Гри­горий, унаследовал от отца профессию плотника, а затем стал столяром-краснодеревщиком. Второй, Константин, ушел работать в органы госбезопасности. Он погиб в 1933 году при проведении чекистской операции. Третий сын, Владимир, и я пошли по его стопам и по комсомоль­ским путевкам были направлены в чекистские органы. Во время Отечественной войны Владимир работал в Мурман­ском управлении госбезопасности. Мне, сотруднику ар­мейской контрразведки, довелось участвовать в освободительном походе советских войск в Западную Белорус­сию, а затем в советско-финляндской войне 1939—1940 годов.

Перед самым отъездом раздался телефонный звонок. Дежурный передал мне приказание начальника отдела срочно прибыть к нему в полном боевом снаряжении. Проверил содержание полевой сумки, убедился, что ком­пас, топографическая карта, блокнот и карандаш нахо­дятся на месте. Вынул из кобуры паган, осмотрел бара­бан. Положил в полевую сумку дополнительно несколько коробочек с боевыми патронами.

В Отделе контрразведки армии сразу же почувствовал, что готовится какая-то серьезная операция. Оторвавшись от телефона, дежурный направил меня к начальнику от­дела полковнику И. П. Добровольскому.

Выслушав мой доклад о прибытии, Илья Петрович спросил:

— Как обстановка на вашем участке?

— Все спокойно, — доложил я.

Он продолжал:

— Придется вам на несколько дней оторваться от своей части. Мы намерены поручить вам поиск диверсионной группы врага, проникшей в тыл армии. Обычно разведка противника выбрасывает своих агентов на па-

рашютах. Эта группа заброшена на гидросамолете. Как вы думаете, почему?

— Вероятно, они имеют большой груз, скорее всего, взрывчатку.

Согласившись с моим мнением, полковник Добровольский сообщил, что по ряду признаков диверсионная группа хорошо подготовлена и имеет задание подрывного характера. Это подтверждается содержанием радиogramм, которые передавались диверсантами в разведцентр. Их удалось перехватить и расшифровать. Группу возглавляет офицер разведки главного штаба финской армии. Однако в чем заключается основное задание диверсантов, установить не удалось.

Затем полковник сообщил, что посты воздушного наблюдения засекали перелет вражеского самолета через линию фронта. Вскоре был заперенгован радиопередатчик диверсантов. За истекшее время группа уже дважды обнаруживала себя. Диверсанты напали на советского командира, находившегося за пределами части. Он погиб в перестрелке. Вражеские агенты взяли его личные документы. Группа сделала попытку ночью напасть на землянку летчиков. Часовой, охранявший ее, своевременно обнаружил диверсантов и открыл огонь. Вражеские агенты поспешно отошли и скрылись в лесу.

Развернув на столе топографическую карту, начальник Отдела контрразведки армии сказал:

— Последний сеанс радиосвязи диверсанты провели из обозначенного на карте района. Они запросили самолет. Не исключено, что группа намерена провести еще какую-то подрывную акцию и вернуться на свою сторону на гидросамолете. Но может быть, учитывая, что они уже обнаружили себя, диверсанты имеют намерение как можно быстрее эвакуироваться из нашего тыла. Ваша главная задача — разыскать и обезвредить диверсантов.

Ко времени моего прибытия в отдел поисково-пострелительная группа была уже сформирована. В нее вошли два радиста и отряд моряков-автоматчиков под командованием главстаршины Алексеева в количестве около тридцати человек. Через десять минут мы уже двигались к лесу по направлению пеленга радиостанции диверсантов.

Перед тем как войти в лес, я остановил группу и поставил бойцам задачу по розыску и захвату диверсантов, гидросамолета и его экипажа. Затем каждый участник операции тщательно проверил укладку вещевого мешка, готовность оружия, подгонку снаряжения.

Направляющим двинулся главстаршина Алексеев. В середине колонны — я с радистом. В конце ее — второй радист и замыкающий колонну опытный боец, отвечающий за сохранность радиста и радиостанции. Впереди колонны — дозор, справа и слева — боковые наблюдатели.

Дистанция между бойцами четыре шага. Идем быстро, без шума. Сигналы — знаками. Цепочка поисковой группы втянулась в лес. Движение почти без привалов. Бойцы заметно устали, но на отдых нет времени: пужно засветло подойти к месту нахождения диверсантов.

Нам известно время радиосвязей диверсионной группы. Делаем остановку. Радисты тщательно записывают радиogramмы.

В вечерний сеанс радионерехвата неприятельская радиостанция заработала неожиданно сильно. Это означало, что враг находится где-то близко, может быть, в нескольких сотнях метров от нас. Я огляделся. Справа виднелось большое озеро. Лес вплотную подступал к воде. Берега озера были скрыты кустарником. Клонившееся к закату солнце ярко освещало лишь верхушки высоких деревьев, а внизу уже набирали силу сумерки. Взглянул на карту — населенных пунктов поблизости нет.

— Товарищ капитан, — негромко обратился ко мне радист и протянул листок с текстом расшифрованной радиogramмы. Руководитель диверсионной группы докладывал в центр о невозможности выполнить основное задание и просил ускорить присылку самолета для эвакуации участников группы. Я набросал текст радиogramмы в адрес полковника Добровольского, и радист сразу же передал ее: «Первая часть задания выполнена — группа диверсантов обнаружена».

Вскоре вражеские агенты получили ответ из разведцентра. Он гласил: «Самолет прибывает с наступлением темноты». Сообщая об этом полковнику Добровольскому, я в радиogramме указал, что группа готова к выполнению полученного задания.

До наступления темноты моряки затаились в кустарнике. Курить запрещено. Для установления точного местонахождения диверсантов мы с радистом направились по неленгу их радиостанции. Выяснили, что враг располагается совсем близко — примерно в трехстах метрах от берега озера, в лесу.

Когда мы с радистом возвратились, вечерние сумерки заметно сгустились. Воспользовавшись этим, я расставил вдоль берега секреты, приказав беспрепятственно пропустить диверсантов к воде, позволить им направиться к

самолету. Огонь открывать по моему сигналу. Двух моряков с ручными пулеметами, радистов и десять автоматчиков оставил при себе как маневренную группу.

Стемпело. Лес затих. Каждый из нас тщательно вслушивался в тишину ночи. Напряжение возрастало. Наконец послышался далекий монотонный гул авиационных моторов. Он нарастал. Вскоре я увидел, как по воде скользит едва различимый силуэт гидросамолета. Его двигатели сбавили обороты, но летчик не выключил их. До самолета было примерно двести метров. Неожиданно на нем зажглись габаритные огни. Очевидно, давался сигнал диверсантам.

— Пулеметчикам приготовиться к стрельбе! — шепотом отдал я приказ по цепочке. — Стрелять только по самолету. Прицел три.

Прошло несколько минут. С левой стороны от берега бесшумно отошли четыре надувные лодки.

— Огонь!

Два ручных пулемета почти одновременно ударили короткими очередями. Вслед за ними заговорил третий пулемет. И сразу же открыли огонь по надувным лодкам моряки-автоматчики. Ориентируясь на вспышки наших выстрелов, стрелок экипажа самолета открыл по берегу ответный огонь. Пули крупнокалиберного пулемета срезали ветки, с треском впиваясь в стволы деревьев.

Моряки довольно точно вели огонь по лодкам с диверсантами. Те, не отвечая на выстрелы, неожиданно повернули обратно к берегу. Очевидно, они заметили, что пулемет гидросамолета замолчал, двигатели остановились, а корпус воздушного корабля стал давать крен на правое крыло.

При подходе лодок к берегу несколько диверсантов было убито. Оставшиеся стремились как можно быстрее достичь суши. В той стороне, куда диверсанты гребли, раздались несколько наших и вражеских автоматных очередей. Но постепенно стрельба начала затихать. В это время я увидел, что гидросамолет резко закрепился и ушел под воду.

Если летчики успели покинуть самолет, а время у них для этого было, необходимо разыскать их. Эта задача и была поставлена группе моряков-автоматчиков. Полковнику Добровольскому сообщил свои координаты и то, что вражеский самолет подбит и затонул, на месте оставлена небольшая группа для розыска летчиков. С основными силами начал преследование оставшихся в живых участников диверсионной группы.

Ночью в лесу трудно искать диверсантов. И тем не менее мы упорно следовали за ними. Двигались быстрым шагом, продираясь сквозь кусты, обходя камни, перескакивая через ручьи и упавшие деревья. Впереди на фоне неба темным науком дьбились корни рухнувшей сосны. Вдруг над ними появились вспышки автоматной очереди. В тот же миг словно раскаленный металлический прут ударил меня по левой ноге. Я упал как подкошенный. Надо мной склонился моряк-автоматчик.

— Продолжайте преследовать диверсантов. Сообщите о случившемся полковнику,— с трудом произнес я.

Мне оказали медицинскую помощь, вынесли из леса к озеру. Главстаршина Алексеев с автоматчиками продолжал преследовать остатки диверсионной группы.

Заскочив в густые заросли, диверсанты сумели оторваться от морских пехотинцев и вызвали по радиации воздушный корабль на другое озеро. К утру бойцы нашей группы разыскали и взяли в плен двух летчиков с затопившего аэролапа.

Днем к месту нашего расположения прилетел гидросамолет 7-й отдельной армии с авиаспециалистами и водолазами. Они подняли затонувший самолет противника. На его борту были обнаружены полетная карта и другие документы, представлявшие интерес для нашего командования.

Допрошенные чекистами пленные летчики сообщили ценные сведения о боевой обстановке и расположении ряда важных военных объектов противника. Используя их информацию, авиация Карельского фронта нанесла несколько сильных ударов по вражеским аэродромам, складам с боеприпасами и горючим.

Полученное мною ранение было тяжелым. Меня эвакуировали сначала в Вытегру, а затем в Москву. Ногу пришлось ампутировать. После длительного лечения я как инвалид Великой Отечественной войны из органов военной контрразведки был уволен.

Освоив семейную профессию краснодеревщика, вот уже почти сорок лет работаю в Ленинградском объединении «Реставратор», с увлечением и любовью занимаюсь восстановлением уникальных памятников отечественной культуры, многие из которых были разрушены фашистскими захватчиками. Охотно встречаюсь с нашей молодежью, выступаю перед ней с воспоминаниями о самоотверженной борьбе чекистов против вражеской разведки в годы минувшей войны.

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

А. А. БОГДАНОВ,

подполковник в отставке

ТРОПИНКА К «МАРСУ»

Ожидая вызванных на совещание сотрудников, подполковник П. А. Соснихин встал из-за стола, подошел к окну. Сквозь рваные серые облака кое-где пробивались лучи скупого на тепло мартовского солнца. Ноздреватый, покрытый копотью снег, еще не убранный со двора, напомнил Петру Алексеевичу недавние дни суровой блокадной зимы.

В кабинет вошли и доложили о прибытии четыре молодых чекиста.

«Как они возмужали за эту страшную зиму», — подумал подполковник, окидывая взглядом их похудевшие, усталые лица.

Жестом указав подчиненным на стулья возле приставного столика, Соснихин подошел к черной тарелке настенного репродуктора, уменьшил громкость размеренных отсчетов метронома. Сев за письменный стол, придвинул к себе папку с документами.

— Считаю необходимым, — сказал он, не открывая папки, — еще раз напомнить вам, что против Ленинградского и Волховского фронтов активно действует крупный орган гитлеровской военной разведки — абверкоманда-104, приданная группе армий «Север». Она дислоцируется в Пскове и имеет в своем подчинении две абвергруппы. Одна из них — при 18-й немецкой армии, войска которой

блокируют Ленинград с юга. Подготовку агентов — разведчиков и радистов — для заброски в расположение и на коммуникации наших войск абверовцы ведут в разведывательных школах. Нам известно, что одна из них располагается в городе Валге, на границе Эстонии и Латвии. В распоряжении абверкоманды-104 имеется мощная приемопередающая радиостанция «Марс». Этим условным наименованием абверовцы прикрывают свой шпионский центр.

Немного помолчав, Соснихин продолжал:

— Как известно, Гитлер и его генералы любят громкие названия. Операцию по захвату Москвы, к примеру, они окрестили «Тайфуном». Адмирал Канарис назвал «Орионом» абверкоманду-102, действующую на Украине. Абверкоманда-103, приданная группе армий «Центр», именуется «Сатурном». Против нашего фронта, как я уже сказал, действует «Марс».

— С названиями все ясно, — отозвался старший лейтенант В. Н. Маковеевко. — А вот о замыслах «Марса», деятельности его шпионских школ мы почти ничего не знаем.

— Кое-что нам, конечно, известно, — ответил Соснихин. — Но для эффективной борьбы этого слишком мало. Поэтому перед нашим подразделением и поставлена задача — принять самые энергичные меры, чтобы проникнуть в тайны «Марса», иметь там свои глаза и уши.

...Новый, 1943 год Мелетий Малышев встретил на голых, грубо сколоченных деревянных нарах в бараке для больных лагеря военнопленных в Красногвардейске (Гатчина). От высокой температуры и невыносимой головной боли временами затемнялось сознание. Он почти впал в беспамятство, когда гитлеровская солдатня из команды по охране лагеря, по-своему встречая Новый год, открыла невообразимую пальбу из автоматов. «А если начну бредить и выболтаю лишнее?» — поразила Малышева острая мысль, но он тут же успокоил себя: «Язык обложен, двигается с трудом».

Сыпной тиф протекал тяжело. Наконец наступила пора медленного выздоровления. Однако душевного покоя Малышеву она не принесла: уже полгода он находится в стане врага, но ни на шаг не продвинулся к намеченной цели. Закрыв глаза, Мелетий стал — уже в который раз! — перебирать в памяти события, которые привели его в оккупированный фашистами Красногвардейск, но пока что не позволили сдвинуть порученное дело с мертвой точки.

...Все началось с того памятного весеннего дня 1942 года, когда группа разведчиков, сопровождаемая вражеским огнем, на лодке возвратилась с простреливаемого Невского «пяточка» на правый берег реки. Выполняя боевое задание, бойцы проделали проход в минометном заграждении противника, но, попяся потери, взять «языка» не смогли. Не глядя друг на друга, молча располагались они на отдых в районе Невской Дубровки. Минер Мелетий Малышев, вспоминая погибших товарищей, сидел в стороне. К нему подошел незнакомый, аккуратно одетый молодой командир. Поинтересовавшись фамилией бойца, назвал себя:

— Сотрудник военной контрразведки фронта старший лейтенант Маковеевко.

Он сел рядом с Малышевым и, всматриваясь в его открытое лицо, завел неторопливый разговор. Чекиста интересовали подробности жизненного пути собеседника, его участие в боях под Лугой, Сиверским, Пушкином, на Невском «пяточке». В заключение он пояснил, что имеет в виду привлечь Малышева, разумеется, с его согласия, к выполнению одного поручения военной контрразведки, но поговорить об этом им следует в другой обстановке.

Через несколько дней бойца 5-го отдельного запасного инженерного полка Мелетия Малышева откомандировали в Ленинград. Там его с нетерпением ожидал Маковеевко. Встретившись, они разговорились как старые знакомые. Чекист познакомил Малышева с положением на Ленинградском фронте, рассказал о попытках вражеской разведки внедрить своих агентов в наши войска.

— Чем же я могу быть полезен? — вырвалось у Мелетия.

Чекист не стал скрывать от Малышева своего мнения о том, что именно он — инициативный комсомолец, в недалеком прошлом студент Института советской торговли, а ныне умелый воин, знающий минометное дело и основы радиотехники, сносно владеющий немецким языком, вполне подходит для выполнения важного задания советской контрразведки в тылу врага.

— По для такой работы необходимо ваше добровольное согласие, — подчеркнул старший лейтенант.

Малышев задумался. Перед его мысленным взором промелькнули картины израненного города, развалины родного дома на Петроградской стороне, постаревшее до неузнаваемости лицо матери, с которой ему удалось встретиться перед эвакуацией ее из Ленинграда.

— Я — боец Красной Армии, — твердо заявил он.

Старший лейтенант объяснил Малышеву, что ему предстоит перейти на сторону противника, завоевать доверие гитлеровцев, проникнуть в школу фашистской военной разведки. А там собрать сведения о тех, кто в ней обучается, где, когда и с каким заданием будет направлен в расположение наших войск.

— Для успешного решения этой задачи,— продолжал чекист,— целесообразно несколько изменить вашу биографию. Она должна быть такой, чтобы заинтересовала вражескую разведку, помогла оказаться там, где нужно.

— А вы можете сказать, где нужнее всего?

— Безусловно. Против нашего фронта активно действует разведывательный орган абвера «Марс». Это — главный объект вашего внимания...

Сотрудник армейской контрразведки Владимир Никитич Маковеевко и будущий разведчик Мелетий Олегович Малышев сразу же нашли общий язык. Ровесники, в далеком прошлом студенты, они даже внешне походили друг на друга. Правда, у Малышева светлые волосы, а Маковеевко выделялся черной шевелюрой. Они подолгу занимались вместе, не обращая внимания на объявления о воздушной тревоге и артиллерийских обстрелах города. Они готовились к трудному рейду: в деталях разрабатывали операцию перехода разведчика к фашистам, изучали район его будущих действий на той стороне. Не советовались с подполковником Соснихиным, другими старшими товарищами.

Маковеевко не уставал повторять:

— Противник вначале будет относиться к вам с недоверием, сбивать с данных вами показаний. Не спешите с ответами, ни в коем случае не меняйте показаний. Не допускайте поспешности, навязчивости, излишнего любопытства. Фашистская контрразведка будет подсылать к вам своих осведомителей и провокаторов...

Подготовка разведчика шла к концу, когда зашел подполковник Соснихин. Поинтересовался самочувствием, настроением Малышева, проверил, как он усвоил задание. В заключение сказал:

— На пути разведчика могут встретиться такие ситуации, такие препятствия, которые заранее предусмотреть невозможно. Вот тогда потребуются проявить выдержку, находчивость, смекалку, разумную инициативу и достичь намеченной цели.

— Тропинку к «Марсу» постараюсь найти,— заверил своих наставников Малышев.

Он ушел к врагу в ночь на 9 июля 1942 года в составе группы бойцов разведроты 21-й стрелковой дивизии, направленной из района Старо-Панова для захвата «языка». Маковесенко проводил разведчика, тепло попрощался с ним. «Во время перехода линии фронта Малышев вел себя исключительно хладнокровно, с большой выдержкой», — отметил он в рапорте на имя подполковника Соснихина, вернувшись в Ленинград.

Задание предусматривало, что Малышев должен «добровольно» сдаться в плен противнику. С этим Мелетий долго не мог смириться. Еще во время подготовки к рейду он не раз говорил Маковесенко:

— Как это я — советский человек, комсомолец, боец Красной Армии — перебегаю на сторону фашистов? Это же измена своей Родине!

— Другого пути у нас нет, — спокойно убеждал его старший лейтенант. — Этого требуют интересы дела, нашей борьбы с фашизмом.

В конце концов Малышев с ним согласился:

— Раз нет другого выхода, буду перебежчиком.

Однако при переходе линии фронта этот исходный пункт задания не сработал, дал осечку. Случилось это так. Пользуясь темнотой, разведгруппа приблизилась к позиции противника. Гитлеровцы заметили ее, открыли огонь. Прикрытые огнем с нашей стороны, разведчики отошли. Малышев залег. Затем, пригнувшись, стал продвигаться вперед. Перестрелка продолжалась. Рядом разорвалась граната, поразив разведчика осколком в правую ногу. Мелетий свалился в наполненный водой старый блиндаж.

Дождавшись рассвета, стал подавать сигналы белым платком. Но гитлеровцы не заметили его. Раненая нога онемела, не позволяла двигаться. Только к вечеру Малышев с большим трудом дополз до вражеского окопа. Его подобрала солдата противника. Когда стаскивали сапог с раненой ноги, он потерял сознание.

Очнувшись, Мелетий услышал обращенную к нему русскую речь. Прибывший из штаба переводчик допрашивал его. Малышев отвечал в соответствии с заданием. Однако, когда он сказал, что сдался в плен добровольно, переводчик воспротивился:

— Нет, этого не было. Ты дрался с нами. И в плен попал только из-за ранения ноги.

С переднего края обороны Мелетия доставили в лагерь военнопленных. Подвезли к длинному бараку. С порога на него пахло тяжелым, резким запахом карболки, по-

та и гноя. Держась за стену, он добрался до нар, на которых лежали больные пленные. Но подняться на второй ярус, куда ему указали, не смог. Бросив на асфальтированный пол шинель, лег на нее.

— Ты откуда?— послышался сверху хриплый, прерывистый голос.

— Попал в плен. Ногу осколком разбило. Когда врач будет?

— Только утром. Он у нас из пленных. Другие лекари тоже. Но на них не рассчитывай: ни лекарств, ни бинтов у них нет. Не дают. Тут каждый сам себя лечит. Редкий день нет покойников.

Скоро Мелетий и сам убедился в жуткой правоте этих слов. И провалялся в бараке смертников, который гитлеровцы без тени смущения именовали госпиталем, шесть мучительно долгих месяцев. Лежа на полу, а позднее на жестких нарах барака, он старался отгонять от себя нередко посещавшие его мрачные мысли. «Неужели я так и погибну здесь, не принеся пользы сражающейся с врагом Родине? — с грустью думал он в такие минуты, но каждый раз убеждал себя: — Нет! И еще раз нет! Надо выдержать, выжить, как бы это ни было трудно. Выжить и найти тропинку к „Марсу“». А выжить было не так-то просто.

На следующий день после того, как Малышева поместили в барак для больных, санитары на носилках доставили его в кабинет коменданта лагеря военнопленных. Два офицера разведслужбы с помощью переводчика продолжили допрос. Гитлеровцы хотели знать о воинских частях, в которых служил Малышев, о нем самом и его сослуживцах, о положении в осажденном Ленинграде.

Армейские чекисты хорошо подготовили своего разведчика. Он твердо усвоил разработанную при его участии линию поведения.

— Я родился в восемнадцатом году в интеллигентной семье,— по требованию офицеров разведки начал Малышев излагать свою биографию, строго следя за тем, чтобы не опустить ни одного впесенного в нее изменения. — Коренной ленинградец. За год до начала войны поступил учиться в Институт торговли. Летом сорок первого года был в геологоразведочной экспедиции. В сентябре призвали в армию. Но при содействии знакомого профессора, работавшего в призывной комиссии, получил временную отсрочку «по состоянию здоровья». Оформился на работу в артель «Электроарматура», выпускавшую карманные фонари для фронта.

Далее в полном соответствии с заданием Мслетий сообщил гитлеровцам, что вторично его призвали в армию в мае 1942 года и направили в 5-й отдельный запасной инженерный полк, где он стал минерами. Но вскоре заболел и попал в госпиталь. 29 июня прибыл на военноперекрытый пункт и получил назначение в саперную часть стрелковой дивизии, в которой прослужил одну неделю.

Отвечая на другие вопросы, Малышев предпринял все возможное, чтобы только не выдать врагу сведений, составляющих военную тайну. По рекомендации чекистов он старался дезинформировать фашистскую разведку о работающих на оборону предприятиях Ленинграда, о введенных вокруг города оборонительных сооружениях.

После этого допроса советским военнопленным неожиданно заинтересовалась гитлеровская служба безопасности — СД. В ходе опроса говоривший по-русски молодой эсэсовец выяснял, хорошо ли Малышев знает Ленинград, в каких частях Красной Армии проходил службу.

Когда разведчик сказал, что служил в запасном инженерном полку, офицер СД, глядя в упор на Малышева и не давая ему одуматься, задал подряд несколько вопросов:

— Знаете ли вы лейтенанта Бражкина?

— Да, знаю. Он из инженерного полка.

— А старшего лейтенанта Маковеевко?

— Нет, такого не знаю, — твердо, не опуская глаз, ответил советский разведчик.

— Вы заявляете, что сдались в плен добровольно. Если это верно, что заставило вас пойти на такой шаг?

— Я убежден в бессмысленности сопротивления советских войск германским вооруженным силам.

— Какими специальностями вы владеете?

— Я минер. Знаю основы радиодела.

Эсэсовец расспросил Малышева о положении в блокированном Ленинграде. Его интересовали цены на продукты, возможность на время снять квартиру в городе, порядок работы городского транспорта, как ездят в трамваях военнослужащие — за деньги или бесплатно.

«Зачем ему нужны эти сведения? — недоумевал Мслетий. — Может быть, для шпионов?» Разведчик был близок к истине: в Красногвардейске в 1941—1942 годах действовала «Оперативная группа А полиции безопасности и СД». Она наряду с проведением карательных операций против советских патриотов засылала в Ленин-

град специально подготовленных агентов из лиц, хорошо знающих город.

После опроса в СД, возвратившись в барак, Малышев облегченно вздохнул: «Наверное, это последнее испытание». Но вскоре убедился, что плохо знает своих врагов.

Проанализировав его показания, фашистские разведчики, очевидно, пришли к выводу, что Малышев по доброй воле рассказал им далеко не все, что ему известно. И тогда они заговорили с ним на языке, о котором в характеристиках сотрудников специальных служб гитлеровской Германии отмечалось с предельной ясностью: «Беспощаден к врагам рейха».

На очередной допрос Малышева, который еще не мог самостоятельно передвигаться, сапитары доставили в здание, находившееся за пределами лагеря военнопленных. Там в отдельной комнате его ждали трое — два офицера и солдат. Офицер, говоривший по-русски, развернул карту Ленинграда и начал допрос без предисловий:

— В каких местах города расположены зепитные батареи?

— Не знаю, так как я, работая в «Электроарматуре», находился на казарменном положении, в город почти не выходил.

— Где находятся пирсы, от которых военные катера отправляются из Петербурга в Ораниенбаум и Крокштадт?

— Это мне неизвестно.

— Может быть, ты назовешь фамилию командира дивизии, в которой служил до пленения?

— Не могу назвать, не знаю.

— Врешь! Интеллигентный человек, а продался большевистским комиссарам, — злобно выкрикнул гитлеровец и прижал к лицу Мелетия горящую сигарету.

Фашисты столкнули сидевшего на табурете Малышева на пол, стали избивать его. Но цели не достигли: ни по одному вопросу разведчик не изменил своих показаний.

Стремясь сломить его волю, они решили подвергнуть Малышева еще одному, особо изощренному испытанию. Через несколько дней лагерные охранники перед рассветом грубо подняли Мелегия с барачных пар, вывели его, больного, во двор и бросили в кузов грузовой машины. Там уже находились задержанные гитлеровцами четыре советских разведчика. Малышев знал, что двое из них, выполнив задание, пытались перейти на свою сторону, но подорвались на вражеских минах. Выехав за пределы лагеря, охранники по пути бросили в кузов еще трех не-

известных Мелетию молодых людей. Миновав окраину Красногвардейска, фашисты подвезли пленных к канаве, выстроили в ряд. Раздались выстрелы. Пять советских патриотов рухнули на землю. Трех, видимо специально оставленных в живых, палачи отвезли обратно в лагерь. Среди них оказался и Мелетий Малышев.

Однако ни жестокая инсценировка расстрела, ни последовавший за ней очередной допрос не помогли гитлеровцам поставить советского разведчика на колени. Твердо следуя полученным от чекистов наставлениям, он вышел победителем из поединка с опытными, искушенными в провокациях гитлеровскими секретными службами.

Между тем рана, на которую лагерные медики ни разу не положили стерильной повязки, начала гноиться. С помощью товарищей по бараку Малышев лечил погу сам, но это принесло лишь временное облегчение. Через три месяца после ранения начался гангренозный процесс. Получив согласие Мелетия, врач из военнопленных без применения наркоза простой пилой-ножовкой ампутировал большой палец его правой ноги. Только такой ценой разведчику удалось избежать рокового исхода тяжелой болезни.

Через полтора месяца, когда, казалось, все страшное было уже позади, Малышева свалил с ног свирепствовавший в бараке сыпной тиф. Закаленный организм воина-разведчика поборол и этот опасный недуг.

Двор красногвардейского лагеря военнопленных покрыл январский снег, когда Мелетий, одолев тиф, встал на ноги. Его переселили в жилой корпус, назначили санитаром. Заметно прихрамывая, он весь день был на ногах, а вечером почти с пустым желудком в изнеможении валился на нары. Но сразу уснуть не мог. «Как видно, вопрос: «Быть или не быть?» для меня уже решен,— размышлял разведчик. — Тяжелое ранение, допросы, истязания, инсценировка расстрела, сыпняк,— все это уже позади. Впереди — «Марс». Но как найти тропинку к нему? С чего начать?»

Малышев видел, что представители секретных служб гитлеровского рейха рыскают по лагерю, подыскивая среди военнопленных охотников служить «великой Германии». Обещают хороший паек и другие льготы. Но в разговорах не до конца раскрывают свои карты. Так что можно оказаться в команде карателей или в лжепартизанском отряде. А Мелетию надо в абвер.

«Как же добиться этого, не вызывая у гитлеровцев подозрений?» — напряженно думал Малышев. На память

пришли слова подполковника Соснихина о смекалке, находчивости, разумной инициативе разведчика. «Действовать напрямик, открыто предлагая свои услуги абверу, разумеется, нельзя. Лучше всего идти в обход. Но как?» — уже не раз спрашивал себя Малышев, однако ответа не находил. Неожиданно ход его мыслей прервал сосед по парам.

— Сегодня, когда тебя не было, — обратился он к Мелетию, — заходил сюда один. Видать, бывший военный. Наверно, из белогвардейцев. Назвался Зориным. Спрашивал, есть ли у нас пленные из Петрограда. Приглашал в канцелярию лагеря на беседу.

— А чем он еще интересовался?

— Спрашивал, кто знаком с радиоделом, — ответил сосед и, немного помедлив, добавил: — Похоже, собирается вербовать нашего брата в шпионы.

— Не исключено, — равнодушно согласился с ним Малышев, а для себя решил: «Завтра же пойду к нему».

Кое-что о настроениях русских белоэмигрантов, присоединившихся к походу Гитлера на Восток, Малышев уже знал: некоторые из них в качестве вербовщиков не раз бывали в лагере, беседовали с пленными.

— Я уроженец Петрограда, — начал Мелетий, когда Зорин, рослый, узкоглазый брюнет в военном френче без погон, любезно усадил его напротив себя. — Ищу правду. Перенес много испытаний, по где правда, не вижу. Скажу честно: немцев не люблю. Считаю их только временными союзниками по борьбе с большевизмом. Хочу видеть Россию национальной, русской державой.

— Вы наш человек, — обрадовался Зорин. — Наш единомышленник. И я хочу, чтобы вы сразу же поняли: мы, истинные патриоты России, мечтающие о восстановлении закона и порядка на родной земле, вынуждены пока, до поры, помогать Гитлеру сокрушить большевиков. С этой целью я подбираю настоящих русских патриотов, готовых идти туда, куда их пошлют. Вы согласны быть в их числе?

— Да, лишь бы сражаться за счастье русских людей.

— Отличный ответ! — воскликнул Зорин, и на его длинном лице появилось подобие улыбки. — Я помогу вам стать в ряды бойцов переднего края.

«Истинный патриот» России сдержал свое слово. Малышева переселили в комнату Зорина, назначили уборщиком кабинетов канцелярии лагеря. Но уже через два-три дня разведчик понял, что это сделано не без цели. Убирая кабинет коменданта лагеря, Мелетий неожиданно об-

наруживал то «забытую» на столе депежную купюру, то недопитую бутылку пива, а один раз даже оставленный «по ошибке» в незапертом ящике стола пистолет с патронами. Его явно проверяли.

Но главную проверку фашисты устроили, когда в лагерь прибыли для знакомства с пленными, отобранными Зоринным, два немецких обер-лейтенанта, хорошо владевшие русским языком. Вызвав Малышева в отдельную комнату, офицеры посадили его перед ярко горевшей лампой. Один из них сел напротив Мелетия, второй — сбоку. Гитлеровцы задавали ему вопросы на русском языке, а выслушав ответ, делились своими впечатлениями по-немецки. Несколько раз, не отрывая глаз от освещенного лампой лица Малышева, допрашивавший говорил своему коллеге:

— У меня нет никаких сомнений: это явный агент русской контрразведки.

Мелетий понимал все до единого слова: знание немецкого языка давало разведчику немалое преимущество перед противником. Однако сейчас оно повернулось к нему оборотной стороной. Огромным усилием воли Малышев сумел сохранить хладнокровие и, не выдав себя, с невозмутимым видом отвечал на задаваемые вопросы. А они сыпались один за другим.

Малышева спросили о положении в «осажденном Петербурге», о членах его семьи и других родственниках, интересовались, есть ли среди них военнопленные Красной Армии, офицеры, штабные работники. Был вопрос и о состоянии здоровья Мелетия. Один из немецких офицеров спросил его, имеет ли он желание участвовать в борьбе против большевизма. Получив положительный ответ, гитлеровец продолжал:

— Как вы намерены бороться с большевиками — с оружием в руках или же работая по специальности на территории Германии?

— Только на фронте, с оружием в руках, — не задумываясь ответил Малышев.

Этот ответ решил судьбу разведчика. Закончив опрос, гитлеровцы предложили Малышеву выйти из комнаты по через ту дверь, в которую он вошел, а через другую, заднюю. Как вскоре выяснилось, это означало, что, несмотря на хромоту, Малышев был зачислен в группу военнопленных, отобранных для обучения в школе военной разведки.

Вскоре эту группу фашисты отвезли в Эстоцию, в местечко Вапа-Нурси, где располагалась диверсионная шко-

ла абвера. Прибывшие прошли медосмотр, а через день один из приехавших в Красногвардейск обер-лейтенантов повез их на грузовой машине дальше. Окинув взглядом сидевших в кузове, Мелетий подсчитал: «Всего нас двенадцать, плюс три конвоира». И снова погрузился в раздумья. «Итак, Вана-Нурси — первый объект абвера, встретившийся на моем пути. Жаль, что не удалось основательнее познакомиться с ним и с теми, кто здесь обучается», — посетовал Малышев. Взгляд его машинально скользил по раскинувшимся вдоль дороги полям, местами покрытым тающим мартовским снегом, а в памяти всплывали слова старшего лейтенанта Маковеевко: «Нельзя забывать, что абверовцы не доверяют своим агентам и постоянно проверяют их. Провокаторы, осведомители, взрывчатые проверки и обыски — обо всем этом надо помнить каждую минуту».

Из состояния задумчивости Мелетия вывел его шустрый сосед, называвшийся Васпем из Харькова.

— Я заметил, ты прихрамываешь. Что у тебя с ногой? — спросил он.

Малышев насторожился: «Зачем ему это знать?» И, не мешкая, ответил: «Ушиб немного, пройдет».

— Удивительно, что тебя не отчислили, — продолжал Василь, щуря хитрые глаза. — Ведь в Вана-Нурси врачи очень придирчиво проводили медосмотр.

— Очевидно, я им понравился, — усмехнулся Мелетий, стремясь скрыть от назойливого соседа то, что произошло на самом деле: опасаясь, что врачи не пропустят его в школу, Малышев уклонился от медосмотра.

Машина мчалась по улицам Валги — небольшого городка, разделенного границей между Эстонией и Латвией, в южной, латвийской части которого, как слышал Малышев еще в Вана-Нурси, располагалась разведывательная школа абвера.

Въехавшую во двор школы машину встретил тучный немецкий офицер в форме капитан-лейтенанта. На сравнительно чистом русском языке он объявил прибывшим, что с сего дня они — курсанты школы «Марса» и обязаны подчиняться установленным в ней порядкам.

Через полчаса, уже в курсантской форме — полувоенном френче с накладными карманами, — Мелетий предстал перед старшиной школы. Тот с немецкой пунктуальностью выполнял данное ему поручение — присваивал каждому курсанту псевдоним, сопровождая эту процедуру кратким, но выразительным наставлением:

— Отныне положено забыть свою настоящую фамилию и называть себя только по кличке. За нарушение — штрафной лагерь, откуда еще никто не возвращался.

Малышев стал Маговским. Под этим псевдонимом он и значился во всех абверовских документах. Правда, через некоторое время у него появилась еще одна кличка.

Однажды между курсантами школы, когда они уже всю осваивали шпионские науки, возник спор о достижениях электротехники. Отстаивая свою точку зрения, Малышев сослался на физика Фарадея. Один из курсантов, полемизируя с Мелетием, воскликнул:

— Эх ты, Фарадей!

С того дня однокашники по школе уже не называли его Маговским, он стал для них Фарадеем.

Произошло это позднее, а пока Малышев, на второй день по прибытии в Валгу, был вызван, как и другие новички, на беседу к начальнику строевой части школы Шуберту, который одновременно выполнял обязанности переводчика. На столе перед ним лежала пухлая книга регистрации курсантов, в которую кроме демографических данных он записывал приметы каждого из них. Позднее Мелетий узнал, что Шуберт — русский белоэмигрант, добровольно поступивший на службу в абвер.

На большинство вопросов начальника строевой части Малышев дал удовлетворившие его ответы. Но когда очередь дошла до сведений об особых приметах, произошел инцидент.

— Разувайтесь! — неожиданно приказал Шуберт, очевидно, заметивший, что Мелетий прихрамывает. Пришлось подчиниться.

— У вас нет пальца на ноге! Как же врачи пропустили вас в нашу школу? — обрушился он на Малышева.

— Они вынуждены были сделать это, так как имеются серьезные основания в пользу зачисления меня в разведшколу, — спокойно отпарировал Мелетий наскок абверовского служаки. Тот вскинул на него удивленный взгляд, пожал плечами и, подтянув к себе книгу, принялся заполнять графу «Особые приметы». Затем молча взял у Малышева отпечатки пальцев.

Через несколько дней, в течение которых в Валгу прибыли еще две группы агентов, администрация собрала всех зачисленных в школу курсантов очередного набора. Наставления давали седовласый сутулый начальник школы подполковник Рудольф и его помощник капитан-лейтенант Шнеллер, встречавший агентов из группы Зорина. Новички, разумеется, не знали, что их новые начальники

скрывали от окружающих свои подлинные фамилии. Псевдонимом Рудольф прикрывался родившийся в России видный абверовский офицер Адольф фон Ризец, а под кличкой Шпеллер маскировался опытный абверовец фон Шиллинг, в первую мировую войну находившийся в русском плену. Позднее он стал доктором сельскохозяйственных наук. Однако эта далекая от шпионского ремесла ученая степень не помешала ему еще в довоенные годы заниматься подрывной деятельностью против Советского Союза, а в первые месяцы фашистского нашествия на нашу Родину возглавлять входившую в систему «Марса» разведывательную абвергруппу-112, которая была придана командованию наступавшей на Ленинград 18-й немецкой армии.

Обращаясь к курсантам на русском языке, подполковник Рудольф объявил, что завтра, 1 апреля 1943 года, в школе начинаются регулярные учебные занятия и предоставил слово своему помощнику. Капитан-лейтенант Шнеллер сказал:

— Нам доложили, что все вы — противники большевистского режима. Это главное условие ваших будущих успехов как разведчиков абвера. Но этого мало. Нужно умение, которое вы приобретете здесь. Мы научим вас, как переходить линию фронта и приземляться с парашютом, как вести себя в тылу противника, особенно при возникновении опасности, как собирать разведывательные сведения.

Перечислив возлагаемые на курсантов обязанности, Шнеллер призвал их добиться осуществления на практике девиза школы: «Разведчик должен все видеть, замечать и слышать, сам оставаясь незамеченным». Затем он разъяснил курсантам требования установленного в школе режима. В заключение сказал:

— Запомните, что вам категорически запрещается рассказывать друг другу что-либо о своем прошлом, называть кому-либо свою настоящую фамилию, самовольно вступать в контакт с местным населением. В соблюдении этих правил заинтересованы вы сами как будущие разведчики абвера. Но, поскольку не исключены случаи их нарушения, предупреждаю: за невыполнение требований администрации последует строгое наказание.

Началась учеба. Малышев внимательно слушал лекции абверовских преподавателей, старался на практических занятиях. Прошло немного времени, и он воочию убедился, что руководящий состав, преподаватели и инструкторы школы «Марса» являются откровенными нацистами или

их пособниками. Были тут и недобитые в гражданскую войну белогвардейцы, в свое время вышвырнутые Красной Армией за пределы родной земли, и представители буржуазно-националистических бандитских формирований. По внешнему облику и по своим воззрениям они отличались один от другого, но всех их объединяла жгучая ненависть к Советской власти. Общаясь с курсантами школы, они обрабатывали их в антисоветском духе, оправдывая свое сотрудничество с гитлеровской разведкой стремлением «избавить русских людей от большевистского ига».

В отличие от своих наставников — явных врагов советского народа, курсанты школы абвера представляли собой довольно разноликую массу. Среди них были выходцы из семей разбитых эксплуататорских классов и буржуазные националисты, мечтавшие о восстановлении в нашей стране капиталистического строя. Встречались уголовники, вынашивавшие «обиду» на Советскую власть, и шкурники-приспособленцы, уверовавшие в победу фашистского вермахта. Находились и просто слабовольные люди, павшие духом от нечеловеческих страданий в лагерях военнопленных. Но были и советские патриоты, оказавшиеся в плену помимо своей воли. В большинстве своем их вовлекли в агентурную сеть абвера обманным путем или они пришли сами с намерением вырваться из фашистского плена и попасть на сторону советских войск.

Обезвредить предателей, помочь тем, кто остался в душе верен своей Родине, и должен был разведчик Мелетий Малышев. Однако решить эту задачу оказалось непросто. С первых дней пребывания в школе Малышев заметил, что в ней царит гнетущая обстановка недоверия. Курсанты опасались друг друга. Те из них, кто был советским патриотом, знали, что в школе немало явных или скрытых врагов нашей страны, способных выдать гитлеровцам любого из курсантов за «нежелательные» настроения или намерения. Не избежал подозрения к себе и Мелетий.

Со времени знакомства с Василем из Харькова он часто думал о нем: «Друг это или враг?» Однажды, заметив его во дворе школы, Малышев подошел к нему, поздоровался, спросил:

— Говорят, скоро будем с парашютом прыгать. Не слышал?

— Нет, не слышал. А ты, я вижу, потолковать со мной надумал? И предлог подходящий подыскал? Только стоит

ли? — Василь одарил Мелетия холодным взглядом и зашагал прочь.

«Ясно, он не доверяет мне, — рассудил Малышев. — У меня тоже есть на примете, кого следует опасаться. В первую очередь — Медянкин».

Этого низкорослого, со шрамом на верхней губе курсанта Мелетий знал не первый день. Они в свое время чуть ли не рядом лежали в бараке для больных красногвардейского лагеря военнопленных. Тогда, не скрывая своих намерений, Медянкин не раз заявлял, что когда абвер будет посылать его за линию фронта, а он этого непременно добьется, то попросит автомат и побольше гранат: будет мстить большевикам за раскулаченного отца. Теперь Медянкин таких разговоров с курсантами не вел. И с Малышевым не заговаривал. Но как-то вечером после лекции о положении на Восточном фронте он подошел к Мелетию.

— Сегодня нам рассказывали о Шлиссельбурге, — начал Медянкин тихо и вкрадчиво. — Но я лектора толком не понял. Что там произошло? Ты, Фарадей, наверное, в этом разобрался.

— Лектор сказал: «Еще в январе войска 18-й армии начали выравивать линию фронта», — спокойно пояснил Малышев.

— А сам-то ты как думаешь? — допытывался Медянкин. — Может, немцам дали под зад так, что они до сих пор еще не очухались?

— Я лектору верю. И добавить ничего не могу, — следя за каждым своим словом, ответил Мелетий.

— Все ясно. Послушай, Фарадей. Ты знающий парень, тебе, конечно, известна пословица «Повишнюю голову меч не сечет». Скажи, большевики придерживаются этого правила?

— Спроси что-нибудь полегче. А зачем тебе это знать?

— Мало ли что может случиться в жизни, — загадочно улыбнулся Медянкин. — Имей в виду, что меня это очень интересует. Мы с тобой об этом еще потолкуем.

Утром Малышев, встретив Василя, шепнул ему:

— Не уходи. Есть серьезный разговор. Ты Медянкина знаешь? С рассеченной губой, как у зайца. Так вот он в Красногвардейске один песни пел, а здесь заводит другие. Надо бы за ним посмотреть.

Через несколько дней, на ходу бросив Мелетию: «Зайчика засекали. Ходит к шефу. Будь осторожен», Василь пожал ему руку выше локтя. Как понял Малышев, этот жест означал: «Спасибо. Провокатор раскрыт»...

Для курсантов разведшколы не являлось секретом, что в тридцати километрах от Валги, в небольшом латвийском городке Стренчи располагается вторая школа «Марса». В ней готовятся разведчики-радисты. Малышев не раз задумывался над тем, как попасть в школу радистов, но реальных путей не находил. Однако в Стренчи он все же попал. Произошло это так.

Когда в разведшколе заканчивался курс шпионских наук, в Валгу прибыл шеф подготовки радистов. Он побеседовал с каждым выпускником и выяснил, кто из них знает латинский алфавит, основы электротехники, имеет удовлетворительный слух. Затем было объявлено, кто поедет в Стренчи для изучения радиодела. Малышев и Василь из Харькова оказались в числе первых.

Познакомившись на новом месте с обслуживающим персоналом, Мелетий узнал, что в здании школы радистов до войны размещалась психиатрическая больница. Летом 1941 года, когда за полевыми частями фашистской армии в Стренчи прибыло подразделение полиции безопасности и СД, все душевнобольные были умерщвлены, а здание больницы передано военной разведке.

Порядки в школе радистов ничем не отличались от тех, какие существовали в Валге. Объяснялось это просто: обе школы находились под началом подполковника Рудольфа и по существу являлись единым учебным комплексом шпионского центра группы армий «Север».

Неожиданно для себя Малышев увидел в Стренчи «истинного патриота» России Зорина. Оказалось, что он преподает здесь радиодело и по совместительству заведует школьной библиотекой.

— Всегда приятно встретить своего единомышленника, — сказал Зорин, здороваясь с Мелетием.

Зорин не раз приглашал Малышева на прогулку по территории школы, вел с ним довольно откровенные беседы. А потом стал знакомить с литературой антисоветского содержания. Малышев узнал, что в начале войны гитлеровцы доверили Зорину руководить полицейскими в рижском лагере военнопленных. Позднее он оказался в школе абвера.

Кроме радиодела и других специальных дисциплин в Стренчи преподавалась так называемая «История России». Лекции читал прибывший из Варшавы рослый, бритоголовый белоэмигрант, скрывавший свое настоящее имя под псевдонимом Филатьев. Офицер царской армии, убежденный монархист, он проявлял исключительное рвение в распространении среди курсантов антисоветской литера-

туры. На лекциях он вдалбливал в головы курсантов идею о необходимости реставрации монархического строя в России.

Филатьев не скрывал, что готовит план создания органа белого террора при штабе армии изменника Власова и составляет списки коммунистов, которые, по его мнению, должны быть репрессированы в первую очередь. С разрешения начальника разведшколы он выезжал со своим планом в Ригу, где встречался с Власовым.

Под стать Филатьеву был и начальник учебной части школы, известный курсантам под фамилией Попов. Он также приехал в Стренчи из Варшавы, где ранее являлся сотрудником польской охраны — «дефензивы», а после оккупации панской Польши гитлеровцами установил контакт с фашистской разведкой. Офицер царской кавалерии, участник белоказачьих рейдов против Красной Армии в годы гражданской войны, белоэмигрант, он, как и Филатьев, ратовал за монархию в России.

Попов поддерживал близкие отношения с Зориным. Однажды Зорин пригласил Малышева пройтись по двору школы. Не успели они начать разговор, как к ним,ковыляя, подошел Попов: вместо ноги, потерянной в бою под Перекопом, у него был протез. Зорин представил ему Мелетия как «своего единомышленника».

— Правильно делаете, что подбираете молодых людей для великой миссии переустройства России, — похвалил Попов Зорина и, махнув рукой, как будто в ней была пашка, отчеканил: — Скажу прямо: мы ненавидим немцев, но готовы идти в одном строю хоть с самим чертом, лишь бы разбить большевиков и установить в России пужные нам порядки.

Когда Попов, пригласив коллегу заглянуть к нему на «стопку водки», направился к себе, Зорин попытался завести с Малышевым доверительный разговор.

— Вы знаете, что произошло вчера вечером? — осведомился он.

— Администрация разрешила нам, курсантам, посидеть в кабачке.

— И правильно сделала. Надо же вам напомнить, что на свете кроме всего прочего существуют вино и женщины. Так нет же, этого оказалось мало. Нашлись любители острых ощущений, которые при возвращении из кабачка учинили между собой драку. Но можно ли считать случайностью, что жестоко избитыми оказались два курсанта, пользующиеся особым расположением командования школы?

— Видимо, они не весьма пристойно вели себя во хмелю, — уклонился Мелетий от прямого ответа.

— А если это все-таки была не просто пьяная драка?

— Не думаю.

О разговоре с Зориным Малышев рассказал Василию из Харькова. Счел нужным добавить:

— Я заметил, девицы в кабачке чересчур любопытны. Несомненно, они подсажены туда. Надо предупредить кого следует.

— Добро, — согласился Василь и пожал Мелетию руку выше локтя.

Курсантам не запрещали посещать кабачок. Они вели себя в нем вполне прилично, однако при возвращении без драк не обходилось. И как правило, основательно битыми оказывались те, кто клеветал на коммунистов и Советскую власть. Расследуя эти происшествия, администрация школы не добилась истины: свидетели драк не выдавали своих товарищей.

Мелетию не раз приходилось слышать от некоторых курсантов антифашистские высказывания. И он ловил себя на мысли, что в школе абвера немало курсантов, оставшихся в душе советскими патриотами. Надо было подсказать им, как бороться с ненавистным врагом, повести с ними более откровенные беседы, чаще использовать для этого интимную обстановку кабачка.

Малышев заметил, что Василь из Харькова поддерживает близкие отношения с Моториным и Зурабовым. Вскоре Мелетий узнал, что они — инициаторы избиения антисоветски настроенных курсантов.

Уроженец Казани светловолосый крепыш Моторин отличался решительным характером. Поговаривали, что он пытался бежать из лагеря военнопленных, но неудачно. Среди курсантов, пользовавшихся его доверием, нелегко отзыскался с нацистах. И Малышев не очень удивился, когда во время очередного посещения кабачка Моторин, подсев к нему, тихо сказал:

— Давай, Фарадей, выпьем за то, чтобы после Курской дуги наши еще крепче били фашистов. А мы здесь поможем, чем можем.

— С удовольствием, — улыбнулся Мелетий. — Только своим нужно помогать не только кулаками, но и головой.

— Почему ты решил, что голова у меня не работает?

— О делах судят по результатам.

— Придет время — результаты будут.

— Уверен в этом. А когда наступит срок, советую прихватить с собой подарочек.

— Что ты имеешь в виду?

— При отправке на задание взять к себе в напарники отъявленного мерзавца, вроде Медянкина, и сдать его на нашей стороне кому следует.

— Ну-у, Фарадей,— искренне изумился Моторин и покрутил головой. — Сам-то я до этого, пожалуй, и не додумался бы.

Малышев не раз пытался потолковать по душам с приятелем Моторина — Зурабовым. Однако это долго ему не удавалось: Зурабов проявлял исключительную осторожность. Лишь один раз, сидя в кабачке, он признался Мелетню:

— Скажу тебе правду: я пошел в школу абвера, чтобы не подохнуть в лагере с голоду. И с тех пор не могу простить себе допущенной слабости.

— Я не знаю твоих планов,— осторожно начал Малышев,— но как бы ни было трудно, будь честен перед своими до конца.

Зурабов долго молчал.

— Ты призываешь меня к мужеству? — наконец произнес он. — Я верю тебе.

Перед отправкой на переправочный пункт для заброски в тыл советских войск со шпионским заданием Зурабов подошел к Малышеву.

— Твой совет — для меня закон. Я иду к своим,— заверил он Мелетню и до боли сжал его руку. — А как быть с напарником, мне подсказал Моторин...

С первых дней пребывания в школе радистов Малышева заинтересовал курсант Мипаев. Серьезный, выдержанный, он нередко высказывал антифашистские настроения, отмечал жестокость и варварство гитлеровцев. «Кто он? Агент-provокатор?» — не раз мелькала у Мелетни мысль, но после нескольких бесед с Минаевым он от нее отказался.

Как-то Малышев предложил Мипаеву прогуляться до кабачка. Тот согласился. По дороге разговорились.

— Гитлеровцы истязают наш народ, а нас хотят сделать помощниками в этом черном деле,— сокрушенно произнес Минаев.

— Зачем же ты пошел в эту школу?

— Абверовцы обманули меня.

— Как это случилось?

— Очень просто. — И Мипаев рассказал, что после пленения он содержался в обычном лагере. Пытался бежать. Его задержали, избили и упрятали в штрафной лагерь, откуда одна дорога — на тот свет. Каждый из плен-

ных мечтал вырваться из этого ада. Однажды им объявили, что германскому командованию требуются саперы. Он записался, хотя не ахти как разбирался в саперном деле. Их привезли в Вапа-Нурси, а затем в Стреничи. Так Минаев оказался в школе фашистской военной разведки.

— Что же теперь? — поинтересовался Мелетий.

— Скажу тебе честно: готов отправиться обратно в штрафной лагерь и погибнуть там, лишь бы не быть задержанным на родной земле в позорной роли фашистского шпиона. Я был, есть и всегда буду советским человеком.

Мелетий положил руку на его плечо:

— Еще не все потеряно, Костя.

— А что, есть какой-нибудь выход? — обрадовался Минаев.

— Не так давно ко мне обратился один курсант с вопросом: «Что значит выражение: повинную голову меч не сечет?» Я понял, что это провокатор, и уклонился от ответа. А тебе скажу: это — народная мудрость, которая не теряет свою силу даже в самую суровую военную пору.

— Но ведь мы здесь все время слышим другое: если агент абвера, даже не приступивший к выполнению задания, явится к советскому командованию, его все равно расстреляют.

Мелетий усмехнулся:

— Что же им еще говорить? Они просто запугивают нас.

Минаев долго шел молча. Внезапно остановившись, повернул лицо к Малышеву и твердо сказал:

— Я все понял. Спасибо, друг.

Как-то раз, находясь в кабачке, Малышев заметил, что подвыпившего курсанта Бокова усиленно обхаживает длинноногая блондинка. Разведчик знал, что Боков попал в плен в звании старшего лейтенанта Красной Армии. Ничего другого о себе он курсантам не рассказывал, в разговорах был крайне осторожен. Малышев обратил внимание на то, что Боков никогда не высказывался против советского строя, против коммунистов.

Можно было предположить, что Боков пошел в гитлеровскую разведку, чтобы вырваться к своим. Мелетий подошел к столику Бокова, заранее придумав предлог, чтобы поговорить с ним наедине.

— Прошу великодушно извинить, — вежливо обратился Мелетий к девице. — Дело в том, что мы с товарищем должны поднять бокал по поводу одного, только нам одним известного события.

Боков закивал головой в знак согласия. Наградив Малышева презрительным взглядом, блондинка молча встала и удалилась. Мелетий сел на освободившийся стул.

— Вася, ты прости меня, но разве тебе неизвестно, что представляют собой эти девицы?

— Конечно, известно,— ответил Боков. — Это информаторы нашего шефа. Но сегодня у меня день скорби, и потому я пью. А вообще-то ты, Фарадей, прав: давай почитим память моего отца, о судьбе которого до сего дня знал только я. Сегодня исполнилось ровно два года, как гитлеровцы убили его за связь с партизанами. Я никогда не прощу им этого.

— Пусть родная земля будет ему пухом,— поднял рюмку Мелетий. — Я верю, что память о твоём отце не умрет.

— Благодарю тебя. Ты хороший товарищ. Скажу тебе откровенно: я выпил сегодня много, но вино не действует на меня. Сейчас ты узнал, что я ненавижу фашистов. У тебя сразу возник вопрос: как же я в таком случае добровольно пошел в услужение к ним? Этого не скажу. Ты парень умный, догадаешься сам.

— Мне все ясно,— ответил Малышев. — А тебе желаю только одного: будь до конца честным советским человеком.

Боков наклонился в сторону Малышева, шепнул ему на ухо:

— Я обнимаю тебя.

— Я тебя тоже,— в топ ему ответил Мелетий. — А сейчас пора уходить отсюда...

Курсант Базанов отличался крайней скрытностью. Малоразговорчивый, хмурый, он все время о чем-то напряженно думал. «Видно, нелегкий камень лежит у него на сердце. Надо побеседовать с ним по душам»,— решил Малышев. Но когда узнал, что Базанов перебежчик, отложил на время свое намерение. Встретив Василя из Харькова, заинтересовался:

— Говорят, Базанов — перебежчик. Верно это?

— Да. В начале войны он перешел на сторону фашистов. Но, судя по его поведению, глубоко раскаивается, казнит себя за это. Держится независимо, начальству не прислуживает.

Однажды Мелетий, зайдя в кабачок, подошел к столу, за которым сидел Базанов.

— Я уже изрядно нагрузился,— признался Базанов. — Садись, потолкуем. Говорят, ты неплохой нарень.

Завязалась беседа, во время которой Базанов неожиданно для Мелетия разоткровенничался:

— В школе все знают, какой страшный грех я взял на свою душу, перейдя к фашистам. А теперь они заставили меня стать шпионом. Но что бы мне ни угрожало, я решил держать ответ за свои грехи на той стороне.

— Что же ты собираешься делать?

— Рассказать своим, что узнал здесь о делах и замыслах абвера.

— Если не возражаешь, прошу тебя об одном: пока ты здесь, не рассказывай никому о своих намерениях. А у своих не бойся сказать правду.

Занятия в школе разведчиков-радиотов продолжались. Курсанты усиленно практиковались в работе на аппаратуре. Пользуясь ею, некоторые втайне от инструкторов настраивались на волну Москвы, слушали сообщения Совинформбюро.

В один из августовских дней после окончания занятий к Малышеву подошел Василь. Харьковчанин был чем-то сильно взволнован.

— Я только что слушал Москву,— сообщил он. — Наши войска освободили Харьков. Понимаешь, Фарадей: освободили мой родной город, моих родителей, родственников.

— От всего сердца поздравляю тебя. Но скажи честно, держишь ли ты на душе против меня что-нибудь?

— Было дело,— признался Василь. — Вначале всерьез думал, что ты осведомитель начальства. А теперь убежден, что ты правильно поведешь себя на советской стороне, когда тебя пошлют на задание.

— Я тоже уверен в тебе, Василь.

За время учебы Малышева в школе радиотов было немало тревожных дней. Неожиданно приезжали представители ведомства Гимmlера — полиции безопасности и СД, привозили каких-то опознавателей. Курсантов, а также обслуживающий персонал, преподавателей и инструкторов из числа русских выстраивали в одну шеренгу. Опознаватели в присутствии гестаповцев и начальника школы тщательно осматривали всех, искали особые приметы. После таких осмотров некоторые курсанты исчезали и в школу уже не возвращались. Неоднократно устраивала полавные проверки всех помещений, где проживали курсанты, и их одежды полевая жандармерия, которая также вела борьбу против советских патриотов.

Малышев знал, как вести себя в логове врага. Но однажды, проявив легкомыслие, допустил непростительную

для разведчика ошибку, за которую мог поплатиться головой. Произошло следующее.

Как-то раз, получив разрешение отлучиться за пределы школы, Мелетий шагнул в сторону кабачка и на обочине дороги заметил неизвестно как попавшую сюда зсленую обложку ученической тетради. Поднял ее. На обложке был напечатан текст «Интернационала». Разведчик обязан был оставить находку там, где она лежала. Однако под воздействием внезапно возникшего чувства он поступил иначе: сложив обложку вчетверо, положил ее в карман френча. И надо же случиться, что как раз в тот вечер в школе проводилась внезапная проверка вещей курсантов. Малышев не успел уничтожить найденную обложку. Вынув ее из кармана френча, ефрейтор левой жаандармерии не спеша развернул обложку и стал внимательно рассматривать. «Конец!» — мелькнуло в голове Мелетия. А гитлеровец, не узрев в обложке никакого криминала, вернул ее Малышеву. Очевидно, разведчика спасло то, что, кроме печатного текста, на обложке не было никаких записей, а ефрейтор, по-видимому, не мог читать по-русски.

Незадолго до окончания школы будущие разведчики-радисты получили указание хорошо изучить обстановку, в которой им придется действовать. Речь шла о частях Красной Армии, о коммуникациях, где агентам абвера предстояли неизбежные встречи с советскими людьми. Поэтому курсантам разрешили слушать радиопередачи из Москвы и разучивать советские песни, познакомили их с новым обмундированием военнослужащих Красной Армии. С любопытством разглядывали они погоны, недавно введенные в Советских Вооруженных Силах.

В ноябре 1943 года Мелетий Малышев завершил учебу. За шесть месяцев напряженных занятий он отлично освоил радиодело. Изучил устройство портативной радиостанции немецкого производства и советской рации «Север», которую, по словам Зорина, ценой больших усилий удалось захватить у партизан. Мелетий свободно пользовался шифрами и кодами, владел методами сбора шпионских сведений о противнике, которым обучали абверовцы своих агентов.

По окончании учебы шеф школы подполковник Рудольф лично беседовал с каждым выпускником. Был вызван на беседу и Малышев.

Вскоре выпускников перебросили в хорошо знакомую Малышеву Валгу. Перед отъездом Мелетий узнал, что завершившие учебу курсанты направляются в местечко

Белое Озеро, близ Риги, где, как выяснилось, функционирует еще одна разведывательная школа абвера. Разведчику удалось узнать, что до отъезда курсантов в Белое Озеро туда выехал помощник начальника школы и еще один абверовец с задачей вербовки осведомителей среди местного населения для изучения настроений будущих лазутчиков абвера.

Как только разведчики-радисты прибыли в Валговскую школу «Марса», каждого из них сфотографировали в трех видах: в форме рядового, а также в форме младшего и среднего состава Красной Армии. Фотоснимки требовались для изготовления документов.

Затем началось формирование разведывательных групп. В каждую из них включались, как правило, два агента — разведчик и радист. Разведывательные группы направлялись на переправочные пункты, откуда абверовцы забрасывали их в тылы Ленинградского и Волховского фронтов.

В те дни у Малышева было много работы. Соблюдая осторожность, он старался как можно полнее и точнее выяснить, в каком составе, куда и с каким заданием следовала каждая разведгруппа. Но отправлять его, радиста высокой квалификации, за линию фронта абверовцы не спешили: берегли до случая, когда надо будет выполнять особо важное задание.

Когда Малышева и разведчика Галунина свели в одну группу, Мелетий попытался установить с этим серьезным, интеллигентного вида блондином близкие отношения, но успеха не имел. Правда, Галунин признался ему, что пошел в школу абвера, чтобы вырваться из лагерного ада, но до конца раскрыть душу не пожелал.

В середине января 1944 года находившиеся в Валге агенты абвера узнали, что войска Ленинградского и Волховского фронтов перешли в решительное наступление. Подполковник Рудольф отдал приказ: пяти разведывательным группам срочно подготовиться к выходу на задание.

После устроенного администрацией прощального ужина агенты в сопровождении офицеров абвера выехали в Изборск, где находился один из переправочных пунктов абверкоманды-104. Две группы остались в этом пункте, а три, включая группу Галунина — Малышева, под командой капитана из «Марса» направились в Псков, а затем в поселок Кезево близ станции Сиверская. Там располагалась абвергруппа-112, приданная 18-й пемецкой армии.

Вечером к Малышеву подошел радист Костя Минаев, шепнул на ухо:

— Ночью нас с папарником отправляют на задание. Плагируют оставить в районе Тосна, откуда не сегодня завтра фашисты уйдут. Приказано после отступления немецких войск наблюдать за движением советских воинских частей, устанавливать их численность, вооружение, дислокацию и обо всем сообщать в разведцентр. Я намерен явиться с повинной к советскому командованию.

— А папарник?

— Он согласен со мной.

— Отлично. Как дела во второй группе?

— Она получила такое же задание. Ее посылают в район Октябрьской железной дороги, на участок Тосно — Любань. Как намерены вести себя участники этой группы на нашей стороне, сказать не могу.

— А нас с Галупиным задерживают. Думаю, что ненадолго.

Утром, после завтрака, Мелетий вышел во двор. Он имел намерение познакомиться с отдельными сотрудниками абвергруппы, а если представится возможность, то и с агентами, подготовленными к заброске в тыл советских войск. Однако, как заметил разведчик, абверовцам было не до него. Не скрывая своей озабоченности, они складывали имущество в ящики и чемоданы. Водители легковых, грузовых и специальных машин проверяли их состояние, заправляли горючим. «Видно, наши крепко бьют хваленое гитлеровское воинство,— решил Малышев. — Похоже, что абвергруппа тут долго не задержится и нам с Галупиным придется следовать вместе с отступающими гитлеровцами».

Вскоре это предположение подтвердил приказ начальника абвергруппы-112 о спешном перебазировании разведоргана из поселка Кежево в район Луги. Вместе с ним в деревню Ситенку прибыли и Галуни с Малышевым. Не успели они расположиться на новом месте, как их вызвали в штаб абвергруппы.

— Сегодня — на задание! — распорядился капитан из «Марса» и приказал в срочном порядке получить необходимое снаряжение.

Дотошные абверовские снабженцы не забыли ни одной мелочи. Кроме автомата ППШ и двух пистолетов агенты получили финские и нерочинские ножи, компасы, часы, электрические фонарики и даже свечи. Солидный запас продуктов питания был дополнен изрядным количеством табака и водки. Общий вес имущества превышал сот-

ню килограммов. На текущие расходы им выдали более двадцати шести тысяч рублей. Радист Малышев получил портативную приемо-передающую радиостанцию типа «Север» и необходимую документацию для приема и передачи в разведцентр кодированных радиogramм.

Не прошло и получаса, как старший разведывательной группы Игорь Галунин предстал перед своим напарником в форме старшего лейтенанта Красной Армии. Согласно выданному удостоверению личности он значился командиром роты 130-го отдельного мостостроительного батальона. Мелетий Малышев стал лейтенантом, командиром взвода этого же батальона.

Сразу после обеда они в сопровождении капитана и трех солдат выехали на грузовой машине из-под Луги в район деревни Низовки. Остановили автомобиль около лесного массива, а сами вшестером углубились в чащу. Выбрали удобное место. Выполняя распоряжение офицера, солдаты приступили к постройке шалаша и недалеко от него — продовольственного склада. Пока они работали, капитан достал из портфеля пачку незаполненных бланков командировочных предписаний, продовольственных и вещевых аттестатов и просто чистых листов бумаги, на которых были поставлены штампы и печать 130-го отдельного мостостроительного батальона. Протягивая ее Галунину, сказал:

— Спрячьте подальше. Могут пригодиться.

Вслед за этим абверовец развернул крупномасштабную карту Ленинградской области и достал оформленные по всем правилам командировочные предписания, согласно которым старший лейтенант Галунин и лейтенант Малышев по приказу командира 130-го ОМБ направляются в район Яцера — Дивенская — Мшинская «для проверки состояния мостов через водные преграды». Затем он обрисовал обстановку и поставил перед агентами задачу: вести непрерывное наблюдение за передвижением частей Красной Армии по железной и шоссейным дорогам в направлении Красногвардейск — Луга, выяснять их номера, фамилии командиров. Особое внимание — танковым и артиллерийским подразделениям. Радиосвязь с центром. — согласно графику. Спросил, есть ли вопросы.

— Да, — отозвался Галунин. — Нас не может не интересовать время возвращения в абверкоманду.

— Судя по обстановке, войска группы армий «Север» остановятся на линии русско-эстонской границы от Пскова до Нарвы. Следовательно, вы можете оказаться в глубоком тылу. Но я уверен, что после выполнения задания

вы сумеете добраться до новой линии фронта, используя бланки командировочных предписаний,— ответил капитан. — Наше временное отступление еще ни о чем не говорит. В любом случае победа будет за нами. Не забывайте этого.

Капитан протянул руку Галунину, затем Малышеву.

— С богом, как говорят ваши соотечественники,— улыбнулся он. — До встречи в более благоприятной обстановке!

Как только офицер абвера и солдаты скрылись в чаще леса, Галунин повернулся к Малышеву:

— Думаю, что пришло время поговорить по душам.

«Абверовцы еще могут возвратиться. Не провоцирует ли Галунин? — мелькнула у Мелетия тревожная мысль. Но он тут же отставил ее: — Не может этого быть», — и согласился с предложением напарника.

— Так вот, запомни,— сощуриль глаза, жестко произнес Галунин. — Если ты попытаешься работать на абвер, я тут же, на месте застрелю тебя. Понял?

— Вот оно что,— усмехнулся Малышев. — Не думал, что ты опередишь меня. Но раз уж так случилось, то скажу тебе прямо: если бы ты приступил к выполнению задания фашистской разведки, я сделал бы все, чтобы сдать тебя советским властям.

— Вот и обменялись любезностями,— улыбнулся Галунин и протянул руку Малышеву. Мелетий крепко пожал ее. Они обнялись.

— А теперь,— сказал Малышев,— я должен раскрыть тебе секрет. Перед тем как оказаться в стане врага, мне было присвоено звание лейтенанта Красной Армии.

— Вот как! — с удивлением воскликнул Галунин. — Понимаю. Значит, и в абвере ты находился не без цели. Отличная работа, товарищ лейтенант. Поздравляю! Выходит, отныне наши роли меняются. Ты на законном основании становишься моим командиром.

— Выходит так. Пользуясь этим, отдаю первый приказ: следовать навстречу нашим войскам.

Однако прежде чем покинуть стоянку, они раскинули антенну, и, когда пришло время, Малышев связался с радиостанцией «Марса». Отправленная в Псков, в абверкоманду-104, радиограмма гласила: «Находимся в условленном месте. Чувствуем себя хорошо. К работе пока не приступали».

Затем они, замаскировав шалаш и склад с продуктами питания, двинулись в сторону шоссе Красногвардейск — Луга. На другой день около замерзшей речки

увидели группу советских войсковых разведчиков. Подали им сигнал. При встрече Малышев сообщил старшему разведгруппы:

— Мы возвращаемся из глубокого тыла. Просим доставить нас в штаб войскового соединения.

Этот день — 3 февраля 1944 года — Мелетий Малышев запомнил на всю жизнь: он был на своей, советской стороне после почти 19 нелегких месяцев пребывания в логове врага. Вскоре Малышев и Галунин уже находились в отделе контрразведки «Смерш» 123-й стрелковой дивизии, с упорными боями продвигавшейся к Луге. Они сдали чекистам фиктивные абверовские документы, два револьвера, топографическую карту и деньги. К вечеру из палаша были доставлены радиостанция, автомат, вещи и продукты питания.

Утром следующего дня Малышев и Галунин выехали в Ленинград. Здесь отважного разведчика встретил его наставник — капитан Владимир Никитич Маковеевко.

— С благополучным возвращением, дорогой Мелетий Олегович, — обнял он своего ученика, выдержавшего труднейший экзамен.

— Нелегко оказалось дойти до «Марса», — признался Малышев.

— Мы это знаем. И о вашей работе в школе нам также многое известно, — заметил Маковеевко.

— Откуда? — удивился разведчик.

— В первую очередь от агентов абвера, которые учились вместе с вами и после выброски на советскую сторону явились к нам с повинной. Как видно, это решение они приняли не без вашего участия. Некоторые из них оказали командованию Ленинградского фронта и нам, чекистам, большую помощь в борьбе против фашистских захватчиков и их разведки.

Записав со слов Малышева данные о вражеских агентах, одновременно с ним и Галуниным заброшенных в тыл наступавших войск Ленинградского и Волховского фронтов, капитан Маковеевко доложил их подполковнику Соснихину. Незамедлительно начался поиск шпионов.

На следующее утро Маковеевко беседовал с Малышевым о выполнении полученного им задания. Беседа стенографировалась. Разведчик Мелетий Олегович Малышев припес советской контрразведке ценнейшие сведения об интенсивной подготовке агентов абвера в разведывательных школах «Марса». Он сообщил подробные данные на 53 официальных сотрудников и 104 агентов вражеской разведки, подготовленных к шпионской деятельности и

частично уже засланных в расположение и на коммуникации войск Ленинградского и Волховского фронтов. Благодаря этим данным чекистским органам удалось обезвредить немало опасных фашистских лазутчиков.

Радость возвращения Малышева из стана врага омрачилась скорбным известием о смерти матери, скончавшейся в марте 1942 года от дистрофии при эвакуации из Ленинграда.

Прошло темного времени, и Малышева принял генерал. Он поздравил разведчика с успешным выполнением задания, поблагодарил его за самоотверженную работу в логове врага. Генерал объявил М. О. Малышеву приказ о присвоении ему звания старшего лейтенанта и от имени советского командования вручил высокие награды Родины — орден Красного Знамени и медаль «За оборону Ленинграда».

Победой над сильным, жестоким и беспощадным врагом завершилась Великая Отечественная война. Советские люди с энтузиазмом приступили к мирному строительству. Молодые фронтовики заполнили студенческие аудитории. Демобилизованный из армии двадцатисемилетний комсомолец Мелетий Малышев решил поступить в Ленинградский университет.

Учился упорно, настойчиво. Проявивший задатки комсомольского вожака, он уже на первом курсе был избран секретарем комитета ВЛКСМ университета. В 1946 году коммунисты ЛГУ приняли его в ряды ленинской партии.

М. О. Малышев с отличием окончил юридический факультет, затем учился на историческом. Одновременно посещал курсы экскурсоводов в Эрмитаже и лекции по истории театра. После учебы в аспирантуре защитил кандидатскую, а позднее докторскую диссертацию, стал профессором Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова.

Мелетий Олегович Малышев с юных лет был активным бойцом за дело Ленина. Он и умер как боец — на кафедре, читая лекцию студентам исторического факультета ЛГУ.

За полтора месяца до его кончины мне дважды удалось побывать у него на квартире. Мы сидели с ним около письменного стола в просторном кабинете, обставленном шкафами с книгами, вспоминали грозные годы войны. Мелетий Олегович не сменя рассказывал мне о своем

пребывании в логове врага, о выполнении задания чекистов. В заключение сказал:

— Недавно ездил в Гатчину. Хотелось побывать в тех местах, где на меня обрушились нелегкие испытания, где решалась моя судьба, где мне удалось найти тропинку к «Марсу».

До последнего часа своей жизни доктор исторических наук М. О. Малышев вел большую преподавательскую и научную работу. Принимал активное участие в общественной жизни коллектива. Часто выступал перед молодежью, делился своими воспоминаниями о нелегкой схватке с коварным абвером. И когда его спрашивали, как он сумел выдержать этот длившийся более полутора лет беспримерный поединок, ветеран незримого фронта борьбы против фашизма обычно отвечал:

— Была непоколебимая вера в нашу Победу. И была память — о доме, в котором вырос, о городе, где жил и трудился, о нашей матери-Родине, на защиту которой поднялся весь советский народ.

Н. Т. СМИРНОВ,

полковник в отставке

ТРУДНЫЙ ВЫБОР

Стояла дождливая осень 1943 года. От поселка Шомба до деревни Панозеро тянулась по лесу двенадцатикилометровая прифронтная проселочная дорога. Сильный ветер срывал с деревьев последние листья. В лесу было сумрачно, сыро, зябко.

Офицер Управления контрразведки «Смерш» Карельского фронта капитан Новиков шагал по этой дороге не впервые. Ему не раз приходилось провожать по ней разведчиков, направившихся в тыл врага, встречать их при возвращении с задания. Вот и сейчас он шел вместе с двумя помощниками, провожая их на выполнение трудного задания.

Оба разведчика — коренные жители Калевальского района Карелии. Один из них, Тарас Филиппович Филатов, до 1942 года работавший начальником лесосплавного участка на реке Кемь, шел на задание уже третий раз. Для его напарника, молодого учителя Оскара Проконена, это был первый рейс.

Настроение у всех было бодрое. Правда, каждый из шедших волновался, пожимая, что все трудности еще впереди. Удастся ли выполнить полученное задание и тем самым оправдать оказанное доверие?

И капитан Новиков, и разведчики хорошо знали обстановку на северном участке советско-германского фронта. Им было известно, что, хотя гитлеровские планы молниеносного захвата Советской Карелии, Кировской железной дороги и Мурманского порта провалились, от своих замыслов захватчики не отказались. 3-я пехотная дивизия финнов стремилась пробиться через Ухту и Шомбу к Кировской железной дороге. Но это общие данные, а разведчики идут с конкретным заданием. Как-то они с ним справятся? Изредка поглядывая на подопечных, капитан перебирал в памяти историю своего знакомства с Филатовым, их дальнейшие взаимоотношения, совместную работу по борьбе против фашистских захватчиков. На него можно положиться.

За Прокофена капитан Новиков тоже был спокоен. Это молодой, обладающий большой выдержкой, стойкий коммунист. Правда, он малоопытен и ему будет трудно. Филатов значительно старше Прокофена, поможет ему. За его плечами — большая жизнь. Совершив два рейда в тыл врага, Филатов доставил важные сведения о войсках противника, о замыслах вражеской разведки.

Некоторое время назад на Ухтинском направлении сложилась тяжелая обстановка. Враг неоднократно пытался прорвать оборону нашей 54-й стрелковой дивизии. Шли ожесточенные бои. Наши части противостояли врагу, но у командования не было достоверных данных о предполагаемой перегруппировке войск противника. От направленных в стан врага разведчиков несколько дней не поступало сведений. Не располагали ими и чекисты. С действовавшей за линией фронта разведгруппой территориальных органов госбезопасности внезапно прервалась связь. Никто не знал, что с ними случилось.

В это время капитан Новиков и получил ответственное задание: в короткий срок подготовить надежного разведчика из числа местных жителей. Он должен хорошо знать район, где располагаются войска противника, действующие на Ухтинском направлении. Но где взять такого человека? Не ехать же в Шомбу. А может, и ехать?

Получив необходимые инструкции, капитан Новиков прибыл на станцию Сорокская, чтобы выехать в Кемь. Оттуда придется добираться в поселок Шомба на попутных.

Перед начальником райотдела НКВД в Шомбе майором Хитровым капитан Новиков появился во второй половине дня в основательно помятой одежде. Пояснил майору:

— Пока из Беломорска добирался сюда, три раза понадал под бомбежку и обстрел вражеских самолетов.

— Полчаса назад фашистские летчики тоже пытались бомбить поселок, но наши истребители отогнали их, — замялся Хитров.

На вопрос майора о положении на Ухтинском направлении капитан Новиков рассказал, что в начале мая противник пытался потеснить наши войска, но получил отпор. Однако обстановка остается сложной. Беда в том, что не удастся добыть сведения о перегруппировке вражеских сил, замыслах противника. От разведчиков уже несколько дней не поступает никаких данных. Судьба их неизвестна.

— Вот меня и направили сюда со срочным заданием подобрать из местных жителей двух-трех надежных человек, чтобы послать их в разведку, — сказал капитан. — Убедительно прошу помочь.

— Задача предельно ясна, — ответил майор. — Но вся беда в том, что людей-то у нас осталось мало, не из кого выбирать. Да и не каждый подойдет для работы в тылу врага. Хотя можно подумать об отправке за линию фронта начальника лесосплавного участка Филатова. Он по своим личным качествам мог бы справиться с такой задачей. К тому же, у него есть где остановиться — на оккупированной территории осталась его бывшая жена с двумя дочерьми. Это вполне надежные люди.

Майор Хитров помог армейскому чекисту подобрать для Филатова и папарника — местного жителя Мелентьева. Оба они без колебаний согласились выполнить задание Особого отдела фронта.

Вскоре Новиков привез Мелентьева в Кемь. Туда же, сдав свои дела по лесосплаву, прибыл и Филатов. Он с радостью принял сообщение о папарнике, которого ему подобрали чекисты. Тарас Филиппович знал Мелентьева, высоко ценил его порядочность, хладнокровие, доброе отношение к людям.

Начались напряженные дни подготовки разведчиков к рейду. Вначале были определены задачи, которые предстояло решать в тылу врага. Предстояло выяснить расположение и возможную перегруппировку войск противника на Ухтинском направлении. Затем разведчики должны были собрать сведения о паспортном режиме и поряд-

ках, установленных фашистскими захватчиками на оккупированной территории Советской Карелии. И наконец, постараться узнать о судьбе разведчика и радистки, направленных в тыл врага территориальными органами госбезопасности. От них длительное время не поступало никаких известий. Место базирования этой разведгруппы — деревня Юшкозеро. Она расположена поблизости от населенного пункта, в котором проживала бывшая жена Филатова.

Филатов и Мелентьев высказали капитану соображения о том, как лучше организовать выполнение задания. Было решено после перехода линии фронта остановиться у бывшей жены Филатова. Ей доверять можно. Да и в помощи не откажет. Затем Филатов и Мелентьев назвали нескольких надежных людей, оставшихся на оккупированной территории, с которыми можно было установить контакт.

Сотрудник Особого отдела тщательно проинструктировал разведчиков. Рассмотрели самые различные ситуации, с которыми они могли столкнуться в ходе выполнения задания. Капитан Новиков проводил Филатова и Мелентьева до места перехода линии фронта, пожелал им удачи и благополучного возвращения.

На восьмые сутки из Особого отдела армии в Беломорск, в Особый отдел фронта, поступила телеграмма: «Вернулись. Встречайте». Капитан Новиков выехал в Кемь.

С первых же слов Филатова капитан понял, что разведчикам удалось выполнить задание, хотя для этого пришлось преодолеть немало трудностей.

— Противник так боится партизан, что заминировал все проходы, все тропки. Удивительно, что мы не подорвались на минах. Избежать неприятностей помогло хорошее знание местности, — рассказывал Филатов.

Разведчики под покровом ночи добрались до дома бывшей жены Филатова. На месте оказались и обе дочери. Старшая, студентка института, только что возвратилась из Хельсинки. Появление ночных гостей не на шутку перепугало женщин, но, узнав их, они быстро успокоились. Более того, обещали помочь им в сборе необходимых сведений.

Женщины рассказали разведчикам о порядках, установленных захватчиками на оккупированной ими советской земле:

— Оккупанты строго следят за тем, чтобы местные жители не укрывали пришельцев, особенно советских раз-

ведчиков. Виповных в нарушении запрета арестовывают и расстреливают. Недавно в соседней деревне Юшкозеро фашисты обнаружили двух разведчиков — мужчину и девушку, которые скрывались в подвале дома местной жительницы.

— Как это случилось? — спросил Филатов.

Ему ответили, что точных данных о том, кто их выдал, нет. Известно только, что, внезапно появившись, солдаты захватили разведчика, а радистка взбежала по лестнице на чердак дома и стала отстреливаться из пистолета. Фашисты предложили ей сдаться в плен и обещали сохранить жизнь, если она прекратит огонь. Но девушка отказалась сложить оружие и продолжала стрелять. Она убила нескольких солдат, пытавшихся схватить ее. На чердак полетели гранаты. Стрельба из пистолета прекратилась.

Так Филатов узнал о судьбе ранее засланных советских разведчиков, о героической смерти радистки Богдановой. Полную информацию Филатов получил и о паспортном режиме, введенном оккупантами. Узнал также, что к дочерям иногда заходят офицеры из расположенной неподалеку воинской части. Прослышав о приезде из Хельсинки старшей дочери, они обещали вечером прийти к ним потанцевать и повеселиться.

Разведчики решили спрятаться на чердаке, а женщин предупредили о том, чтобы не болтались.

В семь часов вечера в доме появились пятеро офицеров и три девицы — войсковые связистки из соседнего гарнизона. Принесли с собой несколько бутылок вина и закуски. Они окружили прибывшую из Хельсинки старшую дочь хозяйки дома, стали расспрашивать ее о столичных новостях. Она, смеясь, ответила, что соскучилась по танцам, а новости можно узнать из привезенных ею свежих газет.

Из последующих разговоров, которые вели между собой подвыпившие офицеры, разведчики узнали, что командование войск противника принимает активные меры против проникновения советских партизан через линию фронта. На Ухтинском направлении, в частности, усилена охрана стыка воинских частей, появился егерский батальон. Наиболее вероятные пути прохода заминированы, в лесах создана защитная полоса с проволочным ограждением, системой скрытых дзотов и блиндажей и светоракетной сигнализацией. Дополнительно к этому на путях наиболее вероятного следования партизан и разведывательных групп появились мелкие гарнизоны, проруб-

лены контрольные просеки, введено патрулирование со служебными собаками. Кроме того, вдоль дорог выжигается или вырубается лес. Военные машины передвигаются теперь только в дневное время под охраной бронемашин с автоматчиками.

По окончании вечеринки Филатов и Мелентьев обстоятельно побеседовали с хозяйкой дома и ее дочерью. Уточнили заслуживающие внимания данные, которые им удалось услышать от офицеров. В частности, о разведывательном подразделении противника, находящемся в лесу по соседству с частью, где служат эти офицеры. Женщины рассказали разведчикам о местах расположения некоторых воинских частей, их ориентировочной численности и вооружении. Они передали также привезенные из Хельсинки газеты, в которых широко освещался приезд Гитлера в столицу Финляндии по случаю 75-летия Маннергейма.

На следующий день Филатов и Мелентьев обсудили с хозяйкой дома вопросы дальнейшей связи на случай повторного прибытия их в эти края. Договорились об устройстве педалеко от ее дома в лесу «почтового ящика», в который хозяйка будет опускать зашифрованные записки с предупреждением о возможной опасности в случае появления разведчиков в деревне.

Разведывательные сведения, доставленные Филатовым и Мелентьевым из вражеского тыла, представляли значительный интерес. Они были сразу же доложены командующему Карельским фронтом.

Через некоторое время разведывательная группа Особого отдела фронта в том же составе была вторично направлена в тыл врага. Этот рейд был более результативным. Филатов и Мелентьев добыли сведения об усилении 3-й пехотной дивизии противника новыми подразделениями, уточнили, что расположенная в лесу недалеко от деревни Бабыя Губа разведывательная часть служит персправочной базой для заброски шпионов и диверсантов в тыл Карельского фронта. Разведчикам удалось выяснить, что несколько дней назад в эту часть прибыла большая группа рослых, спортивного вида разведчиков для переброски через линию фронта в район города Пуджа.

Сведения о противнике, добытые Филатовым и Мелентьевым, начальник Особого отдела доложил командующему Карельским фронтом. В особые отделы войсковых соединений и территориальные органы госбезопасности Карелии была направлена соответствующая ориентировка.

Выполняя приказ командования фронта, несколько подразделений 54-й стрелковой дивизии при активном участии партизанского отряда «Красный партизан» под командованием старого коммуниста, участника гражданской войны Бруно Лахти предприняли активные действия против частей 3-й пехотной дивизии врага, чем воспрепятствовали наступлению противника на Ухтинском направлении.

Особое значение для чекистских органов имели данные, полученные разведчиками Филатовым и Мелентьевым о готовящейся выброске вражеской диверсионной группы в глубокий тыл фронта, в район Пудожа. Учитывая важность этих данных, командование фронта, армейские чекисты и пограничники, охранявшие войсковой тыл, своевременно приняли необходимые меры для пресечения опасной подрывной акции врага. В район вероятного появления диверсантов были высланы истребительные группы.

Ждать долго не пришлось. Диверсанты в количестве примерно восьмидесяти человек ночью подошли на лыжах к восточному берегу Онежского озера. Они пытались напасть на посты пограничников. Как только раздались первые выстрелы, истребительные группы вступили в схватку с врагом. Несмотря на отчаянное сопротивление, отряд хорошо вооруженных, обученных диверсантов потерпел полное поражение. Участвовал в этой схватке офицер Особого отдела фронта капитан Новиков.

Взятые в плен диверсанты показали, что в задачу их отряда входило уничтожение Шальского песоциального завода, на котором изготовлялись мины, и судов, стоявших в Шальской запади. Перед совершением этих актов планировалось внезапное нападение на партизанский отряд Журиха и его разгром. Благодаря своевременному получению разведывательных данных о подготовке диверсии армейские чекисты сорвали коварные планы врага.

Осенью 1943 года капитан Новиков проводил в тыл противника разведчика Филатова с его новым напарником — молодым учителем Прокопенюм. Как и два предыдущих, этот разведывательный рейд позволил получить ряд важных сведений о противнике. Но закончился он трагически. При возвращении с задания разведчики подвергались на минах, установленных фашистами вдоль нейтральной полосы. Филатов погиб. Прокопеню получил несколько серьезных ранений. Бойцы переднего края подобрались к месту происшествия и вынесли Прокопеню и погибшего разведчика на нашу сторону.

Каниган Новиков тяжело переживал гибель верного патриота Родины, коммуниста Тараса Филипповича Филатова. Он поехал на похороны отважного разведчика, почтил его светлую память. Затем направился в госпиталь, где со слов Прекопена записал все, что удалось узнать разведчикам о противнике.

Эти сведения были доложены Военному совету Карельского фронта. Они помогли нашему командованию в организации обороны и подготовке боевых действий против фашистских захватчиков на одном из важнейших участков фронта.

А. А. БОГДАНОВ,

подполковник в отставке

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

На рассвете пасмурного осеннего дня 1943 года пост боевого охранения на южном рубеже Ораниенбаумского плацдарма задержал неизвестного в форме лейтенанта Красной Армии. Передвигаясь по-пластунски, он пытался скрытно перебраться через линию фронта в расположение наших войск. В Отделе контрразведки «Смерш» Приморской оперативной группы выяснилось, что этот визкорослый темнолицый «лейтенант» — агент абвера, направившийся на Ораниенбаумский плацдарм с заданием шпионского характера.

В отличие от многих своих предшественников, задержанный вражеский лазутчик особенно заинтересовал нас, армейских чекистов, тем, что прошел курс шпионских наук в центральной школе военной разведки вермахта под Кенигсбергом.

«Лейтенант» рассказал об известных ему агентах абвера, готовившихся к переброске в тыл советских войск.

— Один из них, — сообщил он, — ранее служил в зенитной артиллерии Ленинградского фронта. Перебежчик. Кличка в школе абвера — Макаров. Имеет характерную примету: в верхней челюсти коронка на зубе из золота.

Разумеется, в то время ни я, ни мои коллеги по работе не знали, кто скрывается под этим псевдонимом. Однако в Управлении контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта имелось несколько офицеров, которые приняли сообщение агента абвера в отношении Макарова с

трудно скрываемой радостью. Но поделиться своими чувствами с товарищами по оружию они тогда не могли, не имели права.

Четверть века спустя, в ходе работы над матерпалами о борьбе армейских чекистов против фашистской разведки мне довелось вновь встретиться с Макаровым. Правда, и на сей раз знакомство было заочным: перед моими глазами находились записи разведчика чекистских органов о пребывании в центральной школе абвера. Лишь тогда я узнал его настоящее имя.

Наш рассказ — о подвиге отважного советского разведчика, коммуниста Николая Степановича Андреева в грозные годы минувшей войны.

Над окруженным врагами, израненным Ленинградом раскинула свой сказочный шатер белая ночь. На светлых улицах тревожно спавшего города-фронта было тихо и безлюдно. Лишь изредка слышался шум проходивших через город армейских машин да раздавались гулкие шаги воинского патруля.

По Международному (ныне Московский) проспекту мчалась легковая машина. Она шла от проходившего южнее Пулковских высот переднего края обороны 42-й армии. Сидевший рядом с солдатом-водителем сотрудник военной контрразведки капитан Владимир Никитич Маковеев всю дорогу молчал, хмурия пеширокис, с изломом брови. Его чистый высокий лоб над переносицей прорезала глубокая поперечная складка.

В юности Володя Маковеев мечтал учить детей родному украинскому языку, преподавать литературу. Но учителем он не стал. Весной 1939 года его, студента Одесского пединститута, вызвали в райком комсомола. Разговор шел о направлении в чекистскую школу. Владимир задумался. Жизнь круто меняла избранный им маршрут. Он понял, что сделанное ему предложение — свидетельство высокого доверия, и дал согласие.

А сейчас, глядя через окна мчавшейся машины на разбитые фашистами дома Ленинграда, Маковеев вспомнил свое первое боевое крещение. Проходило оно перед Великой Отечественной на земле древнего Львова, где молодой чекист вел борьбу против буржуазных националистов, многие из которых уже тогда являлись агентами секретных служб гитлеровской Германии.

В Ленинграде, куда Маковеев прибыл в середине июля 1941 года, ему повезло: его зачислили в подразде-

ление боевой контрразведки, которое возглавлял боевой чекист, умелый воспитатель молодежи Д. Д. Таверне. У него было чему поучиться. На всю жизнь запечатлелся в памяти Маковеевко тревожный сентябрь 1941 года, когда в ожесточенных боях под стенами Ленинграда решалась судьба города. В те тяжкие дни Маковеевко, не зная отдыха, подбирал, готовил и направлял разведчиков в тыл врага. Многие из них приносили важные сведения.

С декабря 1941 года органы абвера, приданные группе армий «Север», активизировали шпионско-диверсионную деятельность против войск Ленинградского фронта. На оккупированной территории Прибалтийских республик возникли разведывательные и диверсионные школы, в которых обучались сотни агентов. В этих условиях контрразведчики фронта усилили борьбу по пресечению опасных проникновений вражеской агентуры, по внедрению в оперативные и учебные подразделения абвера своих разведчиков.

Маковеевко продолжал вспоминать тех, кого готовил и направлял в тыл врага со специальными заданиями. Среди них — Мелетий Малышев, смелый, находчивый разведчик. Он сумел завоевать у гитлеровцев доверие и проник в шпионскую школу абвера в городе Валге. А теперь, в ночь на 1 июля 1943 года, капитан Маковеевко проводил в нелегкий путь еще одного разведчика, которого тщательно готовил для работы в стане врага. Им был Николай Степанович Андреев.

До войны Н. С. Андреев был завучем в средней школе села Красного, недалеко от Костромы. В 1940 году его призвали в Красную Армию. Вскоре он стал курсантом зенитно-артиллерийского училища. В августе 1941 года молодой командир Андреев прибыл в Ленинград.

Зенитно-артиллерийская батарея под командованием старшего лейтенанта Андреева участвовала во многих боях, успешно отражая налеты вражеской авиации. В мае 1942 года Николай Степанович стал членом ленинской партии, через год был награжден медалью «За оборону Ленинграда». Однако радость от пережитого в связи с наградой омрачилась неожиданно свалившейся на него бедой.

В январе 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду Ленинграда. Мстя ленинградцам за свое поражение, фашистские изверги уси-

лили варварские палеты на жилые кварталы города. Наибольшей интенсивности палеты достигли в мае 1943 года. Военный совет Ленинградской армии ПВО специальной директивой предупредил офицеров-зенитчиков об ответственности за поддержание во всех подразделениях противоздушной обороны высокой боевой готовности.

Однако через несколько дней после объявления этой директивы гитлеровским стервятникам удалось прорваться к объекту, охранявшемуся зенитной батареей Андреева. Не встретив должного отпора со стороны зенитчиков, фашистские летчики подожгли два аэростата заграждения и безнаказанно удалились на свою базу. Этот факт расследовали. Появился суровый приказ. «За неудовлетворительную организацию разведки, отсутствие постоянной боевой готовности и плохое руководство боем» старший лейтенант Андреев отстранялся от занимаемой должности и направлялся с понижением в одну из стрелковых частей 42-й армии.

Познакомившись с Андреевым на новом месте его службы, оперативный работник контрразведки армии отметил, что это образованный, энергичный, твердый по характеру человек, убежденный коммунист, глубоко осознавший допущенную им серьезную ошибку. Эти данные стали известны капитану Маковеенку, приехавшему в Отдел контрразведки «Смерш» 42-й армии для подбора кандидатов в разведчики.

Маковеенку обстоятельно побеседовал с Андреевым, получил на него характеристику. Чекист выяснил также, что Николай Степанович изучал в пединституте немецкий язык, знал основы радиодела. «Обиженный» командованием советский офицер при умелом поведении в стане врага, по мнению Маковеенка, мог заинтересовать фашистскую разведку.

Все эти соображения капитан Маковеенку доложил своему новому начальнику подполковнику П. А. Соснихину. Чекисты обсудили детали замысла, разработали план операции. Руководство Управления контрразведки фронта одобрило его. Вскоре Маковеенку вновь встретился с Андреевым.

— Есть серьезный разговор, Николай Степанович, — начал чекист. — В силу сложившихся обстоятельств вы сейчас воюете с гитлеровцами как рядовой боец. Однако, по мнению армейской контрразведки, у вас есть все возможности принести несравненно больше пользы Родине, если вы согласитесь выполнить наше, не стану скрывать, довольно трудное задание.

— В чем его суть?

— Работа в тылу противника. Надо проникнуть в фашистскую военную разведку.

— Коротко, но ясно, — заметил Андреев и задумался. Потом твердо сказал: — В принципе я согласен.

— Я и не ждал от вас другого ответа.

— Но у меня есть к вам ряд вопросов. Первый: каким путем я окажусь на той стороне?

— Как перебежчик.

— Но ведь я член партии! Разве мне там поверят?

— Необходимые изменения в вашу биографию мы, естественно, внесем. По нашему мнению, вам надлежит в интересах дела предстать перед гитлеровцами как раз не коммунистом, а, наоборот, крайне аполитичным и в то же время самолюбивым, обидчивым человеком. Несомненно, это поможет вам убедить фашистов, что вы перешли на их сторону под воздействием «обиды», нанесенной вам командованием. Все остальное, о чем вам придется рассказывать на той стороне, должно в полной мере соответствовать действительности.

— Я понял, — спокойно произнес Андреев. — И согласен. А теперь прошу уточнить задание.

— Главная задача — внедриться в разведывательную школу абвера, — сказал Маковеевко. — Если вы этого добьетесь, то особое внимание следует обратить на сбор сведений об агентах вражеской разведки, готовящихся к заброске в тыл наших войск. Наряду с явными врагами советского народа среди курсантов разведывательных школ абвера имеются люди, оставшиеся в душе патриотами своей Родины. Вам надо пайги их, помочь им стать на путь активной борьбы с ненавистным врагом, привлечь к выполнению заданий советской контрразведки. Чтобы успешно решить эту нелегкую задачу, необходимо основательно подготовиться.

Маковеевко и Андреев работали много, тщательно, шаг за шагом прослеживая весь наиболее вероятный путь разведчика, заранее определяя его поведение за линией фронта в самых различных ситуациях, предусматривая все, что предстояло ему использовать в интересах выполнения задания и чего следовало опасаться. Однажды, когда Андреев и его наставник отрабатывали один из вариантов, к ним зашел подполковник Соснихин. Поздоровался, спросил о самочувствии, поинтересовался у Андреева, уверен ли он в выполнении поставленной перед ним задачи.

— Постараюсь выполнить,— ответил Николай Степанович. — Я волгарь, коренной русак. Выдержу, не подведу.

— А что думает по этому поводу наставник? — и Соснихин повернулся к Маковецко.

— У меня сомнений нет. Николай Степанович из костромских мужичков, стойкий. К тому же педагог.

— Все это хорошо,— подытожил подполковник. — Но самое главное, Николай Степанович, вы коммунист, боец ленинской партии. А это ко многому обязывает.

Поздно вечером после ухода чекистов Андреев сел за письмо жене Антониине Семеновне, недавно вступившей в ряды большевистской партии и работавшей председателем колхоза. «Милый друг, — писал он, — чертовски хочется встретиться с тобой, но не время, пужно бить проклятых фашистов! Если долго не будет моих писем, не беспокойся. Будь твердо уверена во мне, не подведу».

...Андреев ушел к врагу под видом бойца-разведчика, оставшего от своей группы при возвращении с задания.

До нейтральной полосы его сопровождал капитан В. Н. Маковецко. Прощаясь, Николай Степанович крепко пожал ему руку:

— Сделаю все, что смогу. До встречи!

Когда, согласно замыслу, командованию было «доложено» об исчезновении бойца, над нейтральной зоной взметнулась осветительная ракета, началась ружейно-пулеметная стрельба. Неприятель ответил пулеметным огнем. Но «перебежчик» был уже на той стороне. Конвоиры доставили его в штаб полка испанской «Голубой дивизии», занимавшей оборону в районе города Пушкина.

После короткого допроса франкисты передали Андреева в распоряжение контрразведывательной службы абверга при 18-й немецкой армии. Разведчик знал, что абверовцы вначале отнесутся к нему с недоверием, будут тщательно проверять все, что он сообщит о себе. Так и произошло.

Перед началом допроса немолодой лейтенант из абвергруппы строго предупредил Андреева:

— Нам известно, что русские — мастера забрасывать к нам своих разведчиков. Если ты послан с заданием, то, пока не поздно, сознавайся. Ничего плохого тебе не будет. Сможешь работать по специальности, где захочешь. Если не сознаешься, пеняй на себя. Мы все равно узнаем правду.

Допрос шел долго. Контрразведчики абвера пытались запутать Андреева, найти противоречия в его ответах. Но цели не достигли — он хорошо усвоил наставления чекистов. Абверовцы устроили Николаю Степановичу продолжение проверки в тюрьме, доставив его для этого в Красное Село. Они посадили к нему в камеру под видом «перебежчика» агента-provokatora. Однако из этой затеи у них тоже ничего не вышло: Андреев без большого труда определил «подсадную утку».

С удостоверением перебежчика Андреева отвезли в город Остров. Фашисты содержали его в камере при комендатуре гарнизона. Тут Николай Степанович познакомился с пленным советским летчиком Н. К. Лошаковым. Они разговорились.

Младший лейтенант Лошаков служил в истребительном авиаполку. В одном из воздушных боев с фашистами был ранен, выбросился на парашюте и попал в плен. Теперь гитлеровцы склоняли его к службе в так называемой «Русской освободительной армии». Андреев, в свою очередь, рассказал Лошакову, как он оказался в плену.

— И ты перешел на сторону фашистов только потому, что обиделся на командование?! — возмутился летчик. — Нашел причину! Ты или предатель, или трус!

Андреев не выдержал.

— Я не трус! И нахожусь здесь не без цели, — возразил он в запальчивости.

Лошаков задумался.

— Тогда будь осторожнее. Среди пленных встречаются всякие, — предостерег он Андреева.

— Знаю. А тебе советую: ищи здесь тех, кто хочет быть полезным Родине, склоняй их к переходу на нашу сторону. И постарайся вернуться сам, чтобы снова бить фашистов.

— Об этом думают многие, кто сюда попал, — ответил Лошаков.

Вскоре его куда-то увезли. А через месяц Николай Кузьмич Лошаков принес чекистам первую весочку об Андрееве. Как это произошло, рассказано в книге «СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»: «Находясь в лагере близ г. Острова, Лошаков задумал побег из плена. Посвятив в свой план военнопленного И. А. Денисюка, работавшего на аэродроме в качестве заправщика самолетов бензином, он стал вместе с ним готовиться к побегу. Улучив момент, пленники забрались в кабину только что заправленного самолета «Шторх» и успешно совершили взлет и полет в направлении на восток. Через

три часа полета, уже ночью, Лошаков произвел посадку в расположении советских войск в районе Мал. Винеры»¹.

С «перебежчиком» Андреевым в Острове беседовал немецкий полковник. Он стремился получить согласие Андреева на зачисление его в «Русскую освободительную армию».

— Я устал от войны и хочу отдохнуть, — ответил гитлеровскому офицеру разведчик. Он твердо помнил поставленную перед ним задачу — заинтересовать собой фашистскую разведку и попасть в школу абвера. И только в крайнем случае идти на службу в РОА.

— Не хочешь служить у генерала Власова — пошлем в лагерь, — не скрывая своего раздражения, пообещал ему полковник.

«А если я перестарался и не попаду, куда надо?» — забеспокоился Андреев, но менять своего решения не стал.

Из Острова Андреева отправили в местечко Нойгоф, близ Кенигсберга. Здесь находился какой-то большой, окруженный лесом лагерь. Как только Андреев прибыл, его сразу же провели в помещение капцелярии. А через несколько минут с ним уже разговаривали два немецких офицера, свободно владевшие русским языком. Очевидно, советский офицер-«перебежчик» заинтересовал их. Беседу вел пожилой майор, слегка прихрамывавший на одну ногу. Худощавый, со следами оспы на лице капитан изредка вставлял замечания.

— Вам известно, куда вы попали? — вежливо осведомился майор.

— По-видимому, в лагерь военнопленных.

— В известной мере это так, пленные у нас здесь есть. Но главным объектом является разведывательная школа, которую эти военнопленные обслуживают, — майор острым взглядом окинул Андреева и продолжал: — Нам известно, что вы обижены большевиками, которые отправили вас, офицера-зепитчика, в пехоту, на передний край, после чего вы не пожелали воевать за них. Если не возражаете, мы зачислим вас в разведшколу, чтобы вы могли вместе с германской армией бороться против большевиков.

Это прозвучало так неожиданно, что Андреев чуть не выдал себя. Маскируя свои чувства, он нахмурил брови и не спеша ответил:

---

¹ СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Краткая хроника). М., Воениздат, 1970, с. 440—441.

— Чтобы бороться, надо иметь идею, а я человек безыдейный.

— Попятно. Но о нашем предложении вы все же подумайте. Ответ завтра. Желательно положительный. Пока будете жить с обслуживающим персоналом, но фамилию следует изменить. Будете, скажем, Алексеевым.

— У нас уже три Алексеева, — уточнил капитан.

— Тогда Макаровым. Свою фамилию с сего дня рекомендую забыть. И второе — с местным населением не общаться, с обслуживающим персоналом не болтать. За болтовню у нас одно наказание — на тот свет, — жестко закончил беседу майор.

Капитан отвел Андреева в барак, где жили военнопленные. На месте пыкого не было. Лишь на кухне, располагавшейся в конце барака, повар готовил обед. Андреев подошел к нему. Начался разговор. Повар рассказал Андрееву, что здесь, в Нойгофе, находится школа абвера. Недавно она перебазировалась из-под Варшавы, где размещалась на даче Пилсудского, в местечке Сулеювек.

— А почему ее перевели сюда?

— Говорят, что польские патриоты помогали советским разведчикам собирать сведения о шпионах, обучающихся в школе. К тому же под Варшавой стало беспокойно, появились партизаны.

Вечером от других обитателей барака Андреев узнал, что он попал в «главную школу абвера на Восточном фронте», что хромомогий майор Марвиц, который беседовал с ним, является начальником школы. Второй офицер — его заместитель по учебной части капитан Редер.

Разумеется, военнопленные не знали, что под этими псевдонимами скрываются опытные офицеры абвера — майор Моос и капитан Рудниц. Еще в начале войны, занимая руководящее положение в абвергруппах-111 и -112, находившихся в подчинении разведывательного центра «Марс», они засылали десятки шпионов в расположение войск Ленинградского и Волховского фронтов.

На другой день утром в барак заглянул капитан Редер. Он подошел к Андрееву:

— Ну как, подумал?

— Почти.

— Отлично, — удовлетворенно заметил Редер и, видимо желая подбодрить своего нового подопечного, перешел на откровенный тон: — Я сам старый разведчик, не ходил в глубокую разведку и, как видишь, жив-здоров. Главное в нашем деле — не бояться.

Он отвел Андреева на вещевой склад, где ему выдали военную форму без знаков различия. Затем они прошли в расположение 4-го учебного лагеря, изолированного от других подразделений школы проволочным забором.

— Будешь обучаться здесь на разведчика-радиста для сбора данных о советских военно-воздушных силах, — пояснил Редер Андрееву и тут же предупредил его: — Имей в виду, что общение со слушателями других учебных лагерей запрещено. За нарушение — штрафной лагерь.

Через неделю группа, в которую был зачислен Андреев, приступила к учебным занятиям. Так разведчик Управления контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта коммунист Николай Степанович Андреев оказался в центральной школе абвера.

Первая часть задания была выполнена. Теперь предстояло решить самую трудную задачу — разведать, кто из слушателей и обслуживающего персонала школы, доставленных в Нойгоф из лагерей военнопленных, в душе остался верным своей Родине. Андреев должен был помочь им пайти путь активной борьбы против гитлеровских захватчиков. Надо было склонить этих агентов абвера к явке с повинной, когда они окажутся в тылу советских войск.

«Как это сделать? С чего пачать?» — напряженно размышлял Николай Степанович. С первых дней пребывания в Нойгофе он заметил, что слушатели школы не доверяют друг другу. Некоторые из них, выслуживаясь перед администрацией, следят за поведением и построениями сокурсников. Здесь ни для кого не являлись секретом случаи репрессий по отношению к тем, кто имел неосторожность обнаружить хотя бы признаки недовольства политикой Гитлера. Советский разведчик хорошо понимал, что стоит ему сделать один неверный шаг, как последует провал.

Внимательно присматриваясь к слушателям, Андреев видел, что кое-кто из них — сынки раскулаченных, буржуазные националисты, бывшие уголовники — не скрывают своей ненависти к советскому строю, мечтая, в случае победы гитлеровцев, стать хозяйчиками, разбогатесть. Но многие слушатели вели себя иначе. Они замкнулись, глубоко затаив мысли, намеренны. «Что у них на душе? Чем они дышат?» — не раз и не два задавал себе вопрос Николай Степанович и не находил ответа.

Он обратил внимание на Валентина Кремнева, невысокого, смуглолицего крепыша. Следы недавних ранений, глубокие морщины на хмуром лице, замкнутость — все это говорило о нелегких испытаниях, выпавших на его долю. Андреев заметил, что этот серьезный, осторожный человек пользуется авторитетом у многих слушателей школы.

Как-то раз Кремнев остался после занятий в учебном помещении для уборки. Андреев тоже задержался. Кремнев подошел к нему.

— Откуда прибыл? — спросил он.

— Из Ленинграда.

— Вот как! Правда, что он полностью разрушен, как нам здесь рассказывают?

— Ерунда! Город, конечно, пострадал, но не очень сильно.

После этого Андреев и Кремнев стали чаще беседовать друг с другом на разные темы.

Николай Степанович, как и другие слушатели 4-го учебного лагеря, знал, что их готовят для сбора шпионских сведений о советских Военно-Воздушных Силах. Характер подготовки разведчиков в других учебных лагерях командование школы держало в секрете. Однако Кремневу было многое известно, и он рассказал Андрееву, что в 1-м учебном лагере готовят разведчиков-радистов для засылки в глубокий тыл Советского Союза, во 2-м — для использования в ближнем тылу Красной Армии, в 3-м — для сбора сведений о промышленных объектах в тылу СССР.

От Кремнева Андреев узнал, что школа абвера, в которую они попали, является показательной, образцовой. Сюда часто приезжали сотрудники военной разведки вермахта, и майор Марвиц знакомил их с организацией учебы, оформленном учебных лагерей, методами обучения агентов и даже показывал им лучших слушателей. Позднее Андрееву стало известно, что на территории школы размещаются мощная приемо-передающая радиостанция, фотолаборатория и мастерские по изготовлению фиктивных документов для агентов.

Занятия в 4-м учебном лагере школы шли полным ходом. Будущие разведчики изучали методы агентурной разведки военных объектов, топографию, организацию Красной Армии, типы советских военных самолетов и другие дисциплины. Особое внимание уделялось практике кодированного радиообмена. Широко практиковался метод подготовки агентов путем допроса друг друга, когда одни

из них выступал в роли представителя советской контрразведки, а другой — задержанного в тылу Красной Армии подозрительного человека. В обязанность первого входило разоблачение «задержанного» как агента абвера, а второй должен был оправдываться и любыми способами отводить от себя подозрения.

Приучая агентов к обстановке в советском тылу, где им предстояло действовать, администрация школы разрешила им при обращении друг к другу употреблять слово «товарищ», а также разучивать и петь советские песни. На специально изготовленных макетах советских городов агентов обучали правилам ориентировки и маскировки. Словом, дело было поставлено солидно.

Начальник 4-го учебного лагеря вскоре предложил каждому слушателю подготовить «письменную работу». В ней требовалось изложить, каким путем агент намерен бороться с большевизмом. «Выходит, абверовцы не очень-то надеются на преданность своих агентов, если таким способом пытаются привязать их к своей колеснице», — мысленно подытожил свои выводы разведчик.

В разговорах с Андреевым Кремнев был откровенен. Однако вскоре начал почему-то сторониться его. Улучив момент, Николай Степанович заинтересовался причиной этой перемены.

— Ты говорил, что служил в зенитной артиллерии в Ленинграде. А как же ухитрился попасть в плен? — вопросом на вопрос ответил Кремнев.

— Я подпустил к объекту немецкие самолеты. Они подожгли два аэродромовых здания. За это меня наказали, отправили в пехоту.

— Бывает. Но говорят, что ты перебежчик, — не унился Кремнев. — Так или нет?

— Об этом поговорим позже. А удостоверение перебежчика у меня действительно есть.

Однажды вечером Николай Степанович, беседуя с Кремневым, вспомнил довоенное время, родное село на берегу Волги, недалеко от Костромы, где он учил детей географии.

— Я знаю эти места, — оживился Кремнев и стал рассказывать о своей довоенной жизни, о том, как он воевал против фашистов в составе танковой части и в бессознательном состоянии попал в плен, пытался бежать, но угодили в карцер, а оттуда в штрафной лагерь.

— А зачем пошел в эту школу? — спросил у него Андреев.

— Они нагло обманули меня.

— Как обманули?

— Очень просто. В штрафном лагере на территории Литвы, куда меня определили, погибало от истощения до тридцати человек в день. За малейшую провинность пленных убивали на месте. Каждый из нас мечтал любым способом вырваться оттуда. И вот однажды нам объявили, что на работу в Германию требуются военнопленные, которые ранее служили в авиации. Я записался.

— Но ведь ты же гапкист!

— Да. А я сказал, что до войны был мотористом в гражданской авиации. Со мной разговаривал майор Марвиц, начальник нашей школы. Но тогда я не знал, кто он такой. Марвиц заявил мне: «Работа будет сложная и требует честности по отношению к германскому командованию». Я согласился и вскоре оказался здесь, в Нойгофе. А когда узнал, что попал в школу абвера, отступить было поздно.

На следующий день на занятиях по радиоделу слушатели попарно трепировались в приеме и передаче кодированных радиограмм. Код был известен только тем, кто работал в паре. Воспользовавшись этим, Андреев закодировал и передал Валентину отрывок советской песни:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Расшифровав текст, Кремнев улыбнулся и съел радиограмму. После занятий они с разрешения старосты направились в примыкавший к лагерю лес. Собирая грибы, откровенно беседовали.

— Я был и остаюсь советским человеком. Все время думаю только о возвращении к своим,— признался Кремнев.

Андреев поинтересовался, как бы он реагировал, если бы ему предложили вести полезную Родине работу здесь, в плену.

— Знал бы, что делать, давно бы уже работал,— ответил Валентин.

Андреев дал понять Кремневу, что является советским разведчиком, и предложил ему выявлять среди слушателей и обслуживающего персонала школы тех, кто патристически настроен, склонять их к явке с повинной. Сам же Кремнев после выброски в тыл Красной Армии должен был обратиться к командованию и просить отправить его в Ленинград по паролю «Привет из Владивостока».

...Андреев внимательно наблюдал еще за одним слушателем 4-го учебного лагеря — Евгением Садовским. Худощавый человек со шрамом на лбу, с небольшой черной бородкой, Садовский иногда выражал среди слушателей антифашистские настроения. В рождественские дни 1943 года слушателям школы выдали по стакану шнапса. Андреев и Кремнев пригласили Садовского в свою компанию. Завязался разговор. Евгений рассказал, что он летчик. Летал на бомбардировщике. В конце 1942 года его самолет подбили. Он был ранен, попал в плен.

— А как оказался здесь, в школе абвера?

— В лагере я все время думал, как уйти к партизанам, но эсэсовцы бдительно охраняли нас. Хотелось попасть туда, где нет такой строгой охраны. Половину этой задачи я выполнил. Уйти из школы тоже не проблема. Но куда? Мы в Восточной Пруссии. Вокруг одни немцы...

Через неделю, встречая новый, 1944 год, Андреев наедине с Садовским продолжил начатый ранее разговор.

— Зачем тебе бежать? Можно и здесь бороться против гитлеровцев,— сказал он Евгению.

— Неужели такая возможность действительно есть?

— Конечно, есть.

Они быстро нашли общий язык. Андреев разъяснил Садовскому задание, сообщил пароль.

В одной комнате со слушателями 4-го учебного лагеря жил военнопленный Константин Трепов. Он работал в прикухонном хозяйстве лагеря, где ведал крольчатником. Спокойный, молчаливый, Трепов неторопливо, припадая на раненую ногу, выполнял свои обязанности. Многие слушатели относились к нему с уважением.

Андреев выяснил, что Константин прибыл в разведшколу еще до переезда ее в район Кенитсберга, общался со многими слушателями, немало знал о каждом из них. Стремясь поближе познакомиться с ним, Николай Степанович не раз заглядывал к нему в крольчатник. Вначале Трепов, зная, что у Андреева есть удостоверение перебежчика, относился к нему с опаской, но постепенно смирился с этим и стал доверять ему. Рассказал, что в начале войны служил старшиной роты. В бою под Старым Осколом был ранен в обе ноги и спину. Еле выжил. В плену сначала попал в лагерь, потом сюда, в разведшколу.

Вскоре в 4-м учебном лагере произошло чрезвычайное происшествие. За попытку настроить радиостанцию на волну Москвы слушатель Конечный был отправлен из

школы в штрафной лагерь. В тот же день Трепов предупредил Андреева:

— Опасайся Годупова и Бурмистрова.

Позже Константин рассказал Андрееву о слушателе Землякове:

— В прошлом уголовник. В начале войны был призван в армию, но дезертировал, скрывался дома, пока не дождался прихода гитлеровцев. Верно служит им.

Через несколько дней Николай Степанович, придя в крольчатник, завел с Треповым откровенный разговор о работе на пользу Советской Родины. Трепов без колебаний согласился поставлять данные о новых слушателях школы.

В мае 1944 года учеба закончилась. Андрееву и его однокурсникам было приказано готовиться к выезду на задание.

— Нас могут послать вместе, — выйдя во двор на перекур, сказал Николай Степанович Кремневу. — А это нежелательно.

— Почему?

— Нам нужно разъединиться и каждому взять себе в панарники предателей, чтобы сдать их на пашей стороне кому следует.

— Ты прав, — согласился Валентин. Он задумался. — А ведь у меня есть предлог задержаться здесь. Думаю, что осколок поможет.

— Какой осколок?

— От немецкого снаряда. С сорок первого года под лопаткой ношу. Давно пора избавиться от него.

— Действуй!

Кремнев обратился к коменданту 4-го лагеря лейтенанту Якобсу с просьбой разрешить ему лечь на операцию.

— Осколок может повредить мне при выброске с парашютом, — аргументировал он свою просьбу.

Якобс поморщился, но лечь на операцию ему разрешил.

Через два дня Якобс вызвал к себе Андреева:

— Кремнев задержится. Тебе придется действовать в паре с другим разведчиком. С кем бы ты хотел идти?

— С Земляковым, — ответил Николай Степанович.

— Хорошо. Это меня устраивает.

Кремнев еще не оправился после операции, а Андреев в составе группы однокурсников уже находился в пятом оккупантами Минске, куда прибыл в распоряжение

разведотдела немецкой воздушной армии. Ожидая отправки на задание, Николай Степанович познакомился с несколькими абверовскими агентами, окончившими другие разведшколы. Он многое узнал о них: клички, подлинные фамилии, прошлое, приметы.

Вскоре началась операция советских войск по освобождению Белоруссии. Она спутала планы фашистских разведчиков. Вместе с офицерами штаба немецкой воздушной армии они бежали на запад, прихватив с собой свежеспеченных абверовских агентов, и в конце июля оказались на территории Польши.

Здесь Андреев познакомился с Виктором Новиковым, окончившим школу абвера в городе Лукке. Присмотревшись к нему, Николай Степанович убедился, что это надежный человек, в отличие от его напарника, который не скрывал своей преданности гитлеровцам. Андреев рассказал Новикову о себе и привлек его к работе в пользу советской контрразведки.

— При выброске в тыл Красной Армии явисься с повинной, а предателя сдашь советским властям,— сформулировал задание Андреев.

Но выполнить это задание Новикову не довелось. Его напарник получил назначение в другую группу, а Новикову, не прошедшему обучения радиоделу, предложили идти в советский тыл вместе с Андреевым. Перед ними была поставлена задача — приземлиться близ Минска и собрать сведения о действующих аэродромах в районе белорусской столицы, о работе Минского железнодорожного узла, о положении в городе.

Поздним вечером 6 октября 1944 года немецкий бомбардировщик доставил их через линию фронта к месту назначения. Андреев и Новиков, одетые в форму офицеров Красной Армии, снабженные оружием, фиктивными документами, новейшей приемо-передающей радиостанцией и деньгами в сумме 100 тысяч рублей, оказались на освобожденной от гитлеровцев земле. Они сразу же общили о себе чекистам и вскоре уже были в Ленинграде.

Задание советской контрразведки, возложенное на коммуниста Николая Степановича Андреева, было успешно выполнено. Находясь в течение 15 месяцев в окружении врагов, он сумел пайти в разведывательной школе людей, оставшихся верными своей Родине, и привлечь их к активной борьбе против фашистских захватчиков. Николай Степанович доставил в советскую военную контрразведку сведения исключительной важности — о деятельности центральной школы абвера, ее руководящем составе, пре-

подавателях, инструкторах, обслуживающем персонале. Сообщив подробные данные о тех, с кем он обучался, кто был выброшен или готовился к выброске в тыл Красной Армии со шпионскими заданиями, разведчик помог чекистам обезвредить многих агентов абвера.

За успешное выполнение специального задания в тылу врага Родина наградила Н. С. Андреева орденом Отечественной войны I степени. Он был восстановлен в офицерском звании и направлен для прохождения дальнейшей службы в войска ПВО.

Оставшиеся в разведшколе помощники Андреева продолжали активно действовать. Бывший летчик Евгений Садовский умело вел среди слушателей антифашистскую агитацию, призывал тех, кому верил, к явке с повинной. Верный своей мечте уйти из фашистского плена, он попытался вступить в контакт с местными жителями. Эта попытка дорого обошлась ему. Выданный агентом-provокатором, Садовский был отчислен из школы и отправлен в зондерлагерь. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Продолжал свою незаметную, но важную работу и бывший старшина Константин Тренов. Повседневно общаясь с новыми слушателями, он по крупицам собирал сведения о поведении и настроениях каждого из них, почти без ошибок определяя, кто предан гитлеровцам, а кто не намерен выполнять задания абверовцев. Эти данные Тренов передавал Кремневу, который после отъезда Андреева установил с ним связь.

Победоносное наступление советских войск вынудило командование разведшколы в октябре 1944 года перевести ее сначала в район Берлина, а затем в Цвиккау (Саксония). Вместе с личным составом учебного лагеря двинулся на запад и Константин Тренов. Перед роспуском школы, в начале 1945 года, гитлеровцы отправили его на бумажную фабрику. Но Константин не захотел работать на фашистов. Он бежал с фабрики, был задержан и заключен в концлагерь. По окончании войны Тренов возвратился на Родину.

Бывший офицер-танкист Валентин Кремнев все лето 1944 года находился в разведшколе. Выполняя полученное от Андреева задание, он познакомился с Капой Королевой, которая была насильно увезена гитлеровцами в Восточную Пруссию и работала в школе прачкой. Пользуясь тем, что Королева посещала все учебные подразделения, Кремнев с ее помощью сблизился со слушателем

3-го лагеря Иваном Павленко и привлек его к выполнению заданий советской контрразведки.

В сентябре 1944 года группу агентов, окопчивших разведшколу в Нойгофе, абверовцы вывезли в Норвегию. В их числе был и Кремнев. Через два месяца он в качестве старшего разведгруппы был выброшен в район Мурманска для сбора шпионских сведений. Гитлеровскую разведку в то время интересовало, ведет ли советское командование подготовку к проведению десантных операций на территории Норвегии, какова интенсивность воинских перевозок по Кировской железной дороге.

Кремнев знал, что следовавшие с ним два абверовских агента антисоветски настроены и после выполнения задания намерены вернуться к своим хозяевам. Более того, ему было известно, что один из них — агент-provokator. Еще в школе он следил за своими однокурниками и докладывал об их поведении коменданту лагеря. По его доносу абверовцы арестовали двух слушателей, которые выказали намерение явиться с повинной.

После приземления в районе станции Питкуль напарники Кремнева ни на шаг не отпускали его от себя. Кремнев решил перехитрить изменников. Пользуясь выданной ему топографической картой, он умышленно повел их в сторону от населенного пункта. Четверо суток полуголодные кружили они по лесу, а на пятый день оказались в шести километрах от железной дороги. Видя, что его спутники выбились из сил, Кремнев направился в разведку один. Утром они должны были встретиться с ним на опушке леса.

Встреча состоялась, но только... с нарядом военнослужащих из подразделения войск НКВД, охранявшего железнодорожный мост. Шпионы были задержаны. Кремнева чекисты направили в Ленинград.

В марте 1945 года отважный разведчик Николай Степанович Андреев встретился со своим помощником Валентином Кремневым. Суровые, много повидавшие бойцы незримого фронта подошли друг к другу, крепко обнялись. Долго молчали, потом враз заговорили оба, вспоминая былое. В те дни советские войска вели упорные бои с гитлеровцами на подступах к Кенигсбергу. Близился светлый день нашей Победы над фашистской Германией.

После войны Николай Степанович Андреев продолжал служить в зенитной артиллерии Ленинградского военного округа. Принципиальный коммунист, волевой командир, он отдавал любимому делу много сил и энергии. Но неза-

метно подтачивавший его здоровье недуг все чаще давал о себе знать. Николай Степанович оставил службу в звании подполковника. Он ушел из жизни незадолго до двадцатипятилетнего юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Орден Отечественной войны, полученный им за мужество и отвагу, проявленные в тайной схватке с фашистской разведкой, бережно хранится в семье Николая Степановича как особо чтимая, дорогая реликвия.

И. Я. ЛЕОНОВ,

полковник в отставке

Н. Т. СМЕРНОВ,

полковник в отставке

В ЛОГОВЕ ВРАГА

Перед нами один из экспонатов музея «Чекисты» средней школы № 481 города Ленинграда — фотоальбом «Советский разведчик Степан Дмитриевич Гоменюк». Открываем его. Перелистываем страницу за страницей. Документы, фотографии, отрывки из воспоминаний, вырезки из газет. В отдельном конверте — магнитофонная лента с записью рассказа разведчика о его рейде во вражеский тыл. Тут же — награды С. Д. Гоменюка за участие в борьбе против фашистских захватчиков в грозную пору Великой Отечественной войны.

Мы, ветераны-чекисты Карельского фронта, авторы этих строк, еще в годы войны знали о славных делах Степана Дмитриевича Гоменюка, а одному из нас, Н. Т. Смирнову, даже довелось работать с отважным разведчиком. Наступило время раскрыть страницы его подвига с вражеской разведкой.

Поздним декабрьским вечером 1941 года отряд, сформированный из бойцов воинских частей Беломорского гарнизона, вернулся с боевого задания. Несколько дней и ночей он провел в труднопроходимых лесах Карелии, разгромил группу вражеских парашютистов-диверсантов. Но и сам потерял двух бойцов, получивших тяжелые ранения в схватке с фашистами.

На следующее утро оперативный работник Особого отдела фронта капитан Чижов, руководивший поисковой операцией, провел разбор боевых действий отряда. Указал на допущенные ошибки. Отметил инициативных, находчивых воинов. Среди них назвал рядового Гоменюка. В заключение призвал бойцов к повышенной бдительности, более активной борьбе против вражеских лазутчиков.

Как только бойцы стали расходиться, Гоменюк подошел к капитану и сказал:

— До войны я читал о борьбе чекистов с агентами империалистических разведок. А после вашего сегодняшнего выступления подумал: если фашистская разведка создает шпионские школы, то разве в них не могут действовать наши, советские разведчики?

— А как вы сами думаете? — вопросом на вопрос ответил капитан, пристально рассматривая невысокого, плечистого, с вьющимися волосами солдата.

— А почему бы и нет!

— В принципе вы правы. Но дело это очень сложное. Разведчик, действующий в стане врага, постоянно рискует своей жизнью. Он должен быть мужественным, стойким, находчивым человеком. Не каждому можно доверить такое.

О разговоре с рядовым Гоменюком капитан Чижов доложил своему начальнику подполковнику С. И. Холево, возглавлявшему одно из ведущих подразделений Особого отдела Карельского фронта.

— Как он показал себя в боевых операциях? — заинтересовался подполковник.

— Сегодня на разборе я ставил его в пример другим. Смелый, находчивый боец. К тому же Гоменюк выделяется дисциплинированностью. Всегда подтянут, аккуратен во всем.

— Завидная характеристика, — улыбнулся Холево. — Направьте его завтра вечером ко мне. Хочу с ним поближе познакомиться.

Опытный, квалифицированный контрразведчик Семен Иванович Холево, побеседовав с Гоменюком, заинтересовался им как возможным кандидатом в разведчики Особого отдела. Предложил ему рассказать о себе.

— Родился я в десятом году на Украине, в бедной крестьянской семье, — начал Гоменюк. — Рапо остался без отца. На руках у матери было трое детей. Я старший, первый помощник в семье. Учиться пошел поздно. Окончив школу-семилетку, уехал на заработки в Ленинград, где трудился на заводе «Большевик».

Затем Гоменюк рассказал подполковнику, что после окончания срочной службы в армии по орнабору выехал в Архангельскую область. Устроился на работу заведующим почтовым отделением. Вскоре туда же приехал его брат Илья.

— Жизнь налаживалась,— вспоминал Гоменюк. — Я добросовестно работал, много читал, занимался спортом, помогал матери. Но случилась беда. В почтовом отделении оказались нечистоплотные люди. Воспользовавшись тем, что я слабо контролировал их работу, они совершили крупную растрату государственных средств. За это я был осужден на два года лишения свободы и отправлен в исправительно-трудовой лагерь. Работал в лагере старательно и был освобожден досрочно. Вскоре началась война, меня призвали в армию, направили служить в воинскую часть, располагавшуюся в Беломорске.

Прошло немного времени, и подполковник Холево вновь встретился с красноармейцем Гоменюком. На этот раз в его кабинете находился капитан Чижов. Поинтересовавшись самочувствием бойца, подполковник напомнил ему содержание разговора, который произошел несколько дней назад между ним, Гоменюком, и капитаном Чижовым после разбора боевой операции.

— Я помню этот разговор, товарищ подполковник,— подтвердил Гоменюк.

— Вот и хорошо. А у нас возникла необходимость продолжить его.

Семен Иванович Холево рассказал Гоменюку об активизации подрывной деятельности вражеских разведок против войск Карельского фронта. Отметил, что для срыва коварных замыслов противника нужны смелые, беспредельно преданные Родные люди, готовые перенести все трудности во имя победы над врагом. Затем предложил Гоменюку подумать над тем, не сможет ли он после соответствующей подготовки отправиться в тыл врага с целью внедрения в одну из разведывательных школ противника.

— Согласен,— ответил Гоменюк. — Я сделаю все, что в моих силах.

— Мы с капитаном не ждали от вас другого ответа. Но вы все же основательно подумайте над нашим предложением и завтра дайте окончательный ответ,— подытожил разговор подполковник Холево.

На следующий день, встретившись с капитаном, Степан Гоменюк подтвердил свое согласие стать разведчи-

ком. Чекисты сразу же приступили к его подготовке для работы в стане врага.

— Ваша главная задача,— сказал ему капитан Чижев,— состоит в том, чтобы после перехода линии фронта, оказавшись в разведке противника, заинтересовать ее своими возможностями.

Как-то вечером к ним зашел подполковник Холеев.

— Все отработали? — спросил он.

— Обдумываем детали,— ответил Чижев. — Что касается главного, то мы пришли к выводу, что следует сохранить без изменений биографию Степана Дмитриевича. Мы учли, что он родился и вырос на Украине. Эта местность ныне оккупирована гитлеровцами. Следовательно, вражеская разведка имеет возможность проверить, из какой семьи происходит Гоменюк — из бедняков или кулаков. Мы не можем рассчитывать и на то, что разведке противника не удастся узнать, за что Гоменюк оказался в исправительно-трудовом лагере.

— Возражений нет,— согласился подполковник с доводами капитана. — Более того, я думаю, что вы, работая вдвоем, уже определили, как наш посланец сумеет добиться доверия вражеской разведки, на каком основании она сочтет необходимым предложить ему стать их агентом и пройти курс обучения в разведшколе.

— Все эти вопросы мы продумали.

Капитан Чижев назвал основные положения разработанной ими линии поведения разведчика в стане врага. Подполковник Холеев одобрил результаты проделанной работы.

— Сейчас,— продолжил свой доклад капитан,— мы рассматриваем, что следует и чего не следует нашему разведчику говорить на допросах в разведке противника о Беломорском гарнизоне, в одной из частей которого он проходил службу до появления на той стороне.

— Подготовьте ваши рекомендации на этот счет,— распорядился подполковник. — Я доложу их руководству Особого отдела для согласования с командованием фронта. Очевидно, будет сочтено целесообразным внести в задание элементы дезинформации противника о наших войсках.

Завершив работу над заданием, капитан Чижев и Гоменюк отработали технику перехода разведчика на сторону противника, уточнили линию его поведения на допросах, при общении с военнопленными и особенно с администрацией и курсантами разведшколы, если он будет в нее зачислен, о методах сбора сведений и способах свя-

зи. Капитан Чижев был доволен тем, что Гоменюк активно помогал ему в конкретизации сложных вопросов работы разведчика в логове врага и, проявляя сообразительность и настойчивость, успешно усваивал рекомендации чекистов.

Капитан уже завершал программу подготовки Гоменюка, когда к ним еще раз пришел подполковник Холево. Побеседовав с подчиненными, спросил у Гоменюка, готов ли он к выполнению задания.

— Наставления, которые мне давал капитан, я усвоил. Уверен в успехе дела.

— Огличный ответ. А что вы скажете, товарищ капитан? — повернулся подполковник к Чижеву.

— В ходе подготовки Степа Дмитриевич приобрел уверенность в себе. Это для него сейчас самое главное.

— Совершенно верно, — одобрил Семен Иванович мнение капитана. — Остается только добавить, что наш разведчик идет в тыл врага в то время, когда советские воины наносят фашистским захватчикам удар за ударом. Недавно войска Ленинградского и Волховского фронтов изгнали фашистов с правобережья Волхова, сорвав коварный план Гитлера по соединению с Карельской армией Маннергейма и созданию второго кольца блокады Ленинграда. Успешно завершается битва под Москвой, развеявшая миф о непобедимости фашистской армии. Я уже не говорю о том, что войска нашего, Карельского фронта сорвали замыслы противника по захвату Советского Заполярья и Карелии.

Через несколько дней подполковник Холево сообщил капитану Чижеву, что план направления разведчика С. Д. Гоменюка в тыл врага со специальным заданием Особого отдела фронта утвержден.

— Вывести разведчика на старт доверено вам, — добавил подполковник.

Это произошло в одну из вымощных мартовских почей. Шел сильный снег. Резкие порывы ветра затрудняли движение. Капитан Чижев довел разведчика до места перехода линии фронта, тепло попрощался с ним, пожелав ему успеха и благополучного возвращения на советскую сторону.

— Задание будет выполнено, — заверил разведчик чекиста.

С трудом преодолевая встречный ветер, Гоменюк медленно шел вперед. Увидев сваленное дерево, присел на него, осмотрелся. Метель затихала. Начинало светать. В полусотне шагов от себя заметил нескольких солдат про-

тивника. В полном соответствии с отработанной линией поведения Степан поднял руки, держа в одной из них белый платок, и зашагал навстречу им.

Увидев шедшего к ним неизвестного, солдаты стали что-то кричать ему. А когда Гоменюк подошел ближе, один из них схватил его за руку и столкнул в траншею. Обыскав Гоменюка, солдаты отобрали у него нож, часы и кисет с табаком. Вскоре на пост боевого охранения прибыл унтер-офицер с двумя солдатами. Они доставили Степана под конвоем в штаб какой-то воинской части.

Здесь Гоменюка ввели в просторную землянку, и офицер в звании капитана с помощью переводчика сразу же приступил к допросу перебежчика. Капитана интересовали прежде всего сведения о части, в которой Гоменюк служил. Однако никаких существенных данных он капитану сообщить не мог, так как, согласно измененной биографии разведчика, находился в этой части всего две недели.

После этого Степана доставили в вышестоящий штаб, где его начал допрашивать другой капитан, свободно владевший русским языком. Спокойно, подчеркнуто вежливо он стал подробно расспрашивать Гоменюка о его жизненном пути, близких родственниках, местах прохождения службы в действующей армии. Ответы бойко отстукивал на машинке солдат, сидевший за столиком в углу комнаты.

Степан отвечал четко, ясно, не отходя ни на йоту от хорошо усвоенной им линии поведения в тылу врага.

— А теперь главный вопрос: мне доложили, что вы перебежчик. Так это или нет?

— Да, так.

— Что же вас заставило перейти на нашу сторону?

— Я уже сказал вам, что в почтовом отделении, где я работал заведующим, произошла растрата. И хотя я лично этого преступления не совершал, меня судили вместе с растратчиками. Записали в приговоре — за преступно-халатное отношение к служебным обязанностям. В результате я попал в исправительно-трудовой лагерь. А это несмыслимое пятно позора на всю жизнь. Даже находясь в рядах действующей армии, я испытывал это на себе. Одним словом, Советская власть нанесла мне незаслуженную тяжелую обиду, и воевать за такую власть я не хотел и не хочу. Поэтому я здесь, у вас.

— Все ясно. Перед тем как перейти на нашу сторону, вы служили в стрелковой части. Где ваше оружие?

— Ижевскую у меня винтовку я оставил в лесу, чтобы при встрече с вашими солдатами быть безоружным в интересах, так сказать, личной безопасности.

— Понятно,— усмехнулся капитан. — А теперь делаем перерыв. Пришло время завтрака.

Конвоир вывел Гоменюка из помещения. Они направились мимо временных строений и землянок в сторону пищеблока. Неожиданно Степан услышал возглас:

— Гоменюк?! Степан?! Вот встреча... — Подошедший к ним рослый брюнет широко улыбался. — Ты что? Не узнаешь? Я — Майборода. Вместе в лагере сидели, в соседних частях служили. Я провинился, попал в штрафную роту, а оттуда сюда махнул. А ты как здесь оказался?

— Долго рассказывать,— ответил Гоменюк. — Увидимся — поговорим.

Конвоир дернул Степана за рукав, увлекая за собой.

«Вот так встреча! — не на шутку встревожившись, размышлял Гоменюк. — О ней, конечно, будет знать капитан. Надо срочно определить, как вести себя с учетом этого обстоятельства».

Разведчик перебирал в памяти все, что мог знать о нем Майборода. Действительно, они знали друг друга по месту заключения, затем по службе в Беломорском гарнизоне. А что еще? Пожалуй, это все. «А, чем черт не шутит! Может, эта встреча не только не принесет мне никакого вреда, а, наоборот, поможет укрепить положение в разведке противника», — рассуждал Гоменюк.

Он убедился в своей правоте, как только вновь оказался на допросе у капитана. Прислушиваясь к его чистому русскому языку, Степан невольно подумал: «Наверное, этот капитан из русских белоэмигрантов».

Не раскрывая сразу своих карт, а вернее, решив проверить искренность Гоменюка, капитан сказал:

— Вы рассказывали мне, что по решению советского суда находились в заключении. Кого вы помните из тех, кто был в лагере вместе с вами?

— Хорошо помню заключенного Майбороду. Сегодня я встретил его здесь, в расположении хозяйственных подразделений. Он сказал мне, что оказался на этой стороне как перебежчик. Выходит, в нашей судьбе много общего. Правда, я не был в штрафной роте, как он.

— Хочу выразить свое удовлетворение вашим ответом,— вежливо заметил капитан. — Думаю, что наша служба не потеряет вас из поля зрения. А пока, как у нас принято, вы должны содержаться в лагере для военнопленных.

«Уж больно мягко стелет,— подумал Степан не без тревоги. — Похоже, что разведка мною заинтересовалась. Но что будет дальше? Не зря же говорил мне капитан Чижов, что без основательной проверки она даже перебежчиков к серьезному делу не допускает».

Разведчик был близок к истине: проверка только началась.

В лагере советских военнопленных, куда поместили Гоменюка, царил жесткий режим, тяжелый изнурительный труд на каменоломнях, бесчеловечное обращение охранников. Степан вел себя, как заранее было предусмотрено: трудился старательно, проявлял исполнительность, установленных в лагере правил не нарушал. После целого дня тягостной работы на каменоломне и скудной вечерней бакаллы он в изнеможении валился на жесткие нары и засыпал мертвым сном.

Примерно через три недели Гоменюка по секрету от других обитателей барака вызвали в канцелярию лагеря. «Похоже, состоится решающий разговор»,— решил Степан. Через несколько минут он убедился в этом.

— Как вам тут живется, господин Гоменюк? — усадив «перебежчика» напротив себя, спросил моложавый майор.

— Особых жалоб нет,— ответил Степан.

— А не особые есть?

— Дробить гранит — нелегкое дело. Особенно, когда к лагерному пайку нет добавки.

— Честно сказано. Надеюсь, что вы проявите благо разумие и тогда, когда вам придется отвечать на более трудные вопросы.

Майора интересовало буквально все: места, где Гоменюк родился, жил и работал, его родственники, служба в Красной Армии, судимость и пребывание в заключении, обстоятельства перехода на сторону противника. Особый интерес майор проявил к Беломорскому гарнизону, в одной из частей которого Гоменюк служил. Отвечая на этот вопрос, разведчик передал майору полученные от чекистов дезинформационные данные, согласованные с командованием Карельского фронта.

Так же, «проявляя благо разумие», Гоменюк рассказал офицеру, на каких объектах Беломорского гарнизона ему приходилось нести караульную службу, каков порядок перемещения военных и гражданских лиц по улицам Беломорска, в городском транспорте, по железной дороге.

Разумеется, заранее готовя для Гоменюка ответы на эти вопросы, чекисты учитывали интересы контрразведывательной работы в городе, где располагались Военный

совет и штаб Карельского фронта, руководящие партийные и государственные органы Советской Карелии.

Закачивая беседу с «перебежчиком», майор сказал:

— Я доволен вашим поведением, вашими ответами. Обещаю подумать, как облегчить ваше положение.

Майор сдержал свое слово. Не прошло и недели, как, действуя по его распоряжению, расторопный лейтенант скрытно вывез Гоменюка из лагеря военнопленных и поселил его в небольшом домике на окраине оккупированного противником Петрозаводска. Здесь Степан отдыхал в буквальном смысле этого слова. Целыми днями валяясь на постели, он рассматривал иностранные журналы с красочными иллюстрациями, читал брошюры антисоветского содержания, напечатанные на русском языке.

Все эти пропагандистские материалы приносил ему одетый в штатское платье офицер разведки противника, отрекомендовавшийся капитаном Мармо. Этот капитан, хорошо говоривший по-русски, ежедневно под вечер навещал Гоменюка, интересовался его здоровьем, самочувствием, спрашивал, нет ли у него жалоб на питание, на отношение к нему обслуживающего персонала.

Затем капитан приступал к беседам воспитательного характера. Подробно рассказывал Степану об успехах войск Гитлера и Маннергейма в истребительной войне против большевиков. Не стеснялся в выражениях о Красной Армии, предрекая ее скорое поражение. Так продолжалось несколько дней. Степан уже привык к посещениям капитана Мармо. «По всем данным, разведка закончила проверку моей персоны,— размышлял он.— Однако прежде чем сделать решающее предложение, ведет идеологическую обработку своего будущего агента». Но он ошибся.

Как-то раз капитан Мармо в обычное время не появился. Предчувствуя неладное, Гоменюк забеспокоился. Опасения оправдались. Ночью в его комнату ввалились два солдата. Разбудили, сунули в руки одежду, показали на дверь. Во дворе втолкнули в кузов крытого грузовика, куда-то повезли. Степан заметил, что следом за грузовиком идет легковушка.

У оврага машины остановились. Солдаты вывели Гоменюка на небольшую поляну. К ним подошел приехавший на легковушке капитан Мармо, кивнул одному солдату. Тот принес лопату и лом. Капитан запрокинул голову, потянул носом воздух, крякнул.

— Чудесная ночь, Гоменюк, а? Кому в такую веселую ночь хочется умирать? Но будем говорить начисто-

ту. Как ни прискорбно, но вы оказались советским разведчиком. Об этом свидетельствует тщательная проверка. Мне приказано вас расстрелять. Выбора нет никакого, уже поздно. И все же я хочу предоставить вам этот выбор. Жизнь будет дарована в случае, если вы откровенно расскажете, с каким заданием прибыли к нам. Все. Думайте. На это я даю вам две минуты.

У Степана закружилась голова, стало подгашивать. Мысль работала лихорадочно: «Кто мог предать? Кто? Нет, это невероятно!»

— Ну?! — капитан придвинулся ближе, пристально глядя в освещенное фонариком бледное лицо Гоменюка. — Больше ждать не могу.

— Я все время говорил только правду. Врать сейчас мне нет смысла.

По знаку офицера солдат завязал Степану глаза.

— А жизнь была в ваших руках, — откуда-то издавка донеслись до разведчика слова капитана.

Потянулись томительные мгновения страшного ожидания. Наконец раздались выстрелы.

Степан не сразу поверил, что остался жив. Пришел в себя, когда к нему подошел офицер.

— Зачем же вы так? — упрекнул он капитана.

— Маленькая проверочка, — беспечным топом объяснил офицер только что устроенную им инсценировку расстрела. — Старый, довольно затасканный прием, но действует безотказно, как «парабеллум».

Гоменюк повернул голову на восток. Над лесом занималась светлая заря. «Главный экзамен теперь позади. Цель близка», — рассудил разведчик и, не дожидаясь указаний капитана, первый зашагал к машинам.

Как он и предполагал, после случившегося его вызвал к себе майор, по распоряжению которого Гоменюк был вывезен из лагеря военнопленных. За одним столом с ним сидел капитан Мармо.

— Вы перешли на нашу сторону добровольно, не желая воевать за Советскую власть, которая вас незаслуженно обидела, — начал майор. — У нас нет оснований не верить вам. Вы служили в Беломорском гарнизоне, хорошо знаете его. И вы понимаете, что чем больше мы будем знать о Красной Армии, о войсках Карельского фронта, тем скорее закончим войну. Только тогда мы сможем увидаться и со своими родными и близкими. Вы же, Гоменюк, если пожелаете, сумеете сделать это значительно раньше.

Степан понял: началась вербовка. Надо быть осторожным, не выдать себя поспешным согласием, не испортить дела неубедительными возражениями.

Раскрывая перед Гоменюком его «перспективы», майор сказал:

— Мы намерены предложить вам стать агентом нашей военной разведки. Более того, мы уверены, что вы, как перебежчик со стороны большевиков, не раздумывая, дадите согласие на наше предложение.

— Нет, мне надо подумать,— твердо заявил Гоменюк. — Одно дело не воевать за Советскую власть. Другое — идти в разведку на сторону Красной Армии. Я, извините, лучше вас знаю, что случится со мной, если меня там задержат.

— Спору нет. Вам, действительно, это лучше знать. Тогда решим так: дадите ответ завтра утром.

— Но не забывайте, что работы в хорошо знакомой вам камешоломше хватит не на один год,— вставил капитан.

Утром Гоменюк вновь сидел перед офицерами вражеской разведывательной службы. Не отрывая глаз от их лиц, спокойно изложил свою точку зрения:

— В разведку я никогда не ходил. У меня нет никакого опыта. Я согласен быть вашим разведчиком, если меня научат, как действовать, как укрываться, чтобы вернуться обратно живым и здоровым.

— Вот это уже другой разговор,— обрадовался майор.

— А как действовать на той стороне, мы вас обучим,— дополнил капитан. — Для этого у нас есть специальная разведывательная школа.

«Наконец-то!» — чуть не вырвалось у Гоменюка, но усилием воли он сдержал свои чувства.

...В разведшколу, размещавшуюся в двухэтажном доме в центре Петрозаводска, Гоменюка привел капитан Мармо. Как выяснилось, он являлся помощником начальника школы.

— Сейчас вы пойдете на прием к нашему начальнику майору Раски,— объявил капитан Гоменюку. — После беседы с вами он окончательно решит вашу судьбу: будете учиться в школе или вернетесь в лагерь военнопленных.

Начальник разведывательной школы майор Раски, мужчина средних лет с водянистыми глазами, отлично владел русским языком. Позднее советскому разведчику удалось выяснить, что Раски — русский белоэмигрант, сменивший фамилию.

— Я достаточно информирован, — начал майор, — и не буду лишним раз просить вас пересказывать свою биографию. Единственный вопрос, который я намерен уточнить: в силу каких причин вы изъявили согласие на сотрудничество с нашей разведкой? Разумеется, я рассчитываю на чистосердечный ответ.

— Вы, господин майор, очевидно, знаете, что я добровольно перешел на вашу сторону, не желая воевать за Советскую власть, которая нанесла мне незаслуженную обиду, искалечив всю мою жизнь. Это и есть ответ на ваш вопрос.

— Отлично. У вас есть вопросы ко мне?

— Вопросов нет. Только просьба: обучить меня так, чтобы я успешно справился с задачами, которые будут возложены на меня как на разведчика.

— Этим мы как раз и будем теперь заниматься. — Майор заглянул в лежавшую перед ним тетрадь. — С сего дня вы не Степан Гоменюк, а Александр Морозов. О вашей настоящей фамилии никто не должен знать.

Начальник школы вызвал к себе капитана Мармо.

— Зачислите в школу нового курсанта Александра Морозова. Поселите в девятый номер. Проинструктируйте о правилах поведения.

Они вместе вышли от начальника школы. В своем кабинете капитан протянул новоиспеченному курсанту какой-то документ:

— Подпишите!

Это было «Обязательство», напечатанное по-русски. В нем говорилось о добровольном сотрудничестве нижеподписавшегося с финской военной разведкой, неукоснительном выполнении разведывательных заданий, о наградах за геройство и суровом наказании, вплоть до расстрела, за невыполнение задания, за обман, дезертирство и предательство.

Степан дважды прочитал документ, четко вывел свою фамилию, псевдоним, дату. Затем с помощью капитана оставил под обязательством отпечатки пальцев.

— Помните, что в работе разведчика главное — конспирация! — сказал капитан, помещая подписанное Гоменюком обязательство в сейф. — Вы должны держать в секрете свою фамилию, место рождения, адреса родственников.

Капитан разъяснил Гоменюку правила поведения курсантов школы, познакомил его с распорядком дня, расположением учебных классов и хозяйственных служб.

Вскоре в школе начались регулярные занятия. Днем — специальные дисциплины, вечером — обязательные лекции о государственном устройстве, экономике, Вооруженных Силах Советского Союза, о положении на советско-германском фронте. При этом лекторы всячески восхваляли боевые успехи вооруженных сил «великой Германии» и ее союзников, клеветали на советский народ и его армию.

С первых дней учебы Гоменюк обратил внимание на царившую в школе обстановку недоверия и страха. Преподаватели, инструкторы, обслуживающий персонал следили за каждым шагом курсантов. За малейшее нарушение установленного режима курсанты строго наказывались, иногда даже исчезали из школы. Групповые сборы, доверительные беседы не разрешались. Часто распространялись различные провокационные слухи с целью выявления среди курсантов лиц, оставшихся в душе советскими патриотами. Руководство школы поощряло антисоветские настроения курсантов, доносивших о поведении своих сокурсников.

Гоменюк испытал это на себе. Соседом его по комнате был невысокого роста блондин с мелкими чертами лица и белесыми бровями. При знакомстве назвал себя Комаровым. Он находился со Степаном на всех занятиях, в столовой, «заботился» о новичке. Вечерами рассказывал ему о себе, проявлял недовольство то качеством питания, то организацией занятий в школе, поругивал начальников, в первую очередь капитана Марме. Все это пастораживало Гоменюка, который хорошо помнил слова своего наставника капитана Чижова о соблюдении крайней осторожности при общении с курсантами разведшколы противника.

Как-то перед отбоем Комаров, правда весьма осторожно, высказал ему, курсанту Александру Морозову, сомнение в окончательной победе Гитлера и Маннергейма над Советским Союзом. Разведчику стало ясно, что Комаров — провокатор.

— А я думаю, что они в конце концов выиграют войну, — спокойно, не желая портить отношений со своим соседом, заметил Гоменюк. — Тогда и мы с тобой окажемся на высоте.

— Ты, пожалуй, прав, — согласился Комаров.

Через день администрация школы переселила его в другую комнату. «Заключилась еще одна проверка «преданности» курсанта Морозова нынешнему начальству», — с удовлетворением отметил Гоменюк.

Не прошло и недели, как по школе пошел слух, что Комаров выдал двух начинающих курсантов, доверившихся провокатору. Они «по секрету» рассказали ему, что пошли «в шпионы», чтобы вырваться из лагерного ада, а затем при выброске на советскую сторону с разведзаданием явиться к своим с повинной. Оба патриота были репрессированы.

Тем временем советский разведчик приступил к выполнению полученного задания. Он знакомился с курсантами, внимательно присматривался к ним, старался узнать их прошлое, настоящие имена и фамилии, в каких частях Красной Армии они служили до пленения, запоминал внешние приметы каждого из будущих шпионов. Он даже пошел на некоторый риск, решив использовать в своих интересах возможности провокатора Комарова. «Я бы с великим удовольствием пристрелил его, — рассуждал Гоменюк, — но сейчас он может быть мне полезен, так как пользуется доверием начальства и, безусловно, знает кое-какие секреты».

Получив на складе очередную «пайку» табака, Степан подошел к Комарову, предложил ему половину:

— Ты же знаешь, я курю мало. Возьми. Другому бы не дал, а тебя уважаю за заботу обо мне. Не зря говорят: старый друг лучше новых двух.

Комаров с самодовольным видом принял подарок. Его подкупили слова Гоменюка об уважении к его особе, тем более что после выдачи двух советских патриотов он находился в явной изоляции: курсанты избегали встреч с ним.

Расчет разведчика оправдался в полной мере. Самолюбивый фискал, польщенный «уважительным» отношением к себе, попытался набить себе цену хотя бы за счет своей осведомленности. При возвращении с учебных занятий или с полигона он часто подходил к Гоменюку, вполголоса заговаривал с ним. Однажды сказал:

— Новость слышал? Вчера поймали советскую разведчицу.

— Наверное, рассказала много интересного?

— Куда там! Молчит. Упорствует. Но в том, что она разведчица, сомнений ни у кого нет.

— А что, у нее на физиономии написано?

— Конечно, нет. По пательному белью определили. Они «там» всем разведчицам одинаковое белье выдают. Это точно установлено.

— Вот оно что. Надо полагать, наши здешние начальники таких ошибок не допускают. Когда придется быть

на той стороне, не хотелось бы погибать из-за одинаковых портянок.

— Нет, наши хитрее. Они забрасывают в тыл советских войск большие группы диверсантов в красноармейской форме. Это ни у кого на той стороне не вызывает подозрений. А диверсанты дело свое делают.

«Надо бы обо всем этом, о будущих шпионах и диверсантах дать знать чекистам. Но как это сделать? Через кого?» — размышлял Гоменюк, но ответа не находил. Правда, капитан Чижов рассказывал ему, что среди курсантов любой разведшколы противника наверняка есть советские патриоты, которые в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств оказались в лапах вражеской разведки, но выполнять ее подрывные задания не намерены. А если такие люди есть, то их надо найти. Но как? Это была задача исключительной трудности. И все же Гоменюк взялся за ее решение.

Он знал, что, несмотря на строжайшие запреты, курсанты, доставленные в школу из лагерей военнопленных, тайком делились друг с другом различными новостями, рассказывали о себе, о предстоящих выбросках агентов, окопчивших обучение. Однажды его новый сосед по комнате, простодушный, добрый, но не всегда выдержанный курсант Курчавый обмолвился, что скоро Лосев будет на той стороне. Со слов Курчавого Гоменюк знал, что оба они содержались в одном лагере для военнопленных, дружили там, но в разведшколу пришли в разное время — вначале Лосев, затем Курчавый.

Гоменюк все это время внимательно приглядывался к своему новому соседу, но тот держал себя независимо, строго выполнял установленные в школе порядки, добросовестно усваивал шпионские науки, лишнего не болтал. Он изредка встречался с Лосевым, но в комнату, где проживал с Гоменюком, его не приглашал.

Разведчик не раз задавал себе вопрос: кто он, его сосед? По формальным данным — курсант разведшколы противника, усердно готовящийся к выполнению шпионского задания против советских войск. А в действительности?

Сейчас, когда товарищ Курчавого, выпускник разведшколы Лосев идет на задание, Гоменюк решил получить точный ответ на этот вопрос. Для начала он тщательно проанализировал поведение Курчавого. Начал с главного. Администрация, преподаватели школы делали все возможное, чтобы обрабатывать курсантов в антисоветском духе. И некоторые из них, прежде всего сынки раскула-

ченных, бывшие уголовники, открыто выступали против коммунистов и Советской власти. Гоменюк ни разу не слышал от Курчавого подобных высказываний.

Однажды на лекции о положении на советско-германском фронте шла речь о значительных успехах немецких войск на Южном направлении. От разведчика не укрылось, что, возвратившись с лекции, Курчавый весь вечер находился в крайне удрученном состоянии.

Думая об отношениях между Курчавым и Лосевым, Гоменюк пришел к выводу, что они не случайно скрывают от окружающих, и в частности от него, свою дружбу. «Похоже, что это советские люди, патриоты, о которых говорил капитан Чижов.— подумал разведчик,— по меня они, как видно, опасаются. Может быть, узнали, что я числюсь здесь перебежчиком».

Гоменюк решил пойти на риск. Случай представился неожиданно. Проходили почные прыжки с парашютом. У одного из курсантов парашют не раскрылся. Он упал в самом центре полигона. Степан и Курчавый оказались поблизости. Подбежали к погибшему. Следом подошел инструктор. Споткнувшись о стропы парашюта, он грубо выругался.

Курчавый скрикнул зубами, зашагал в сторону. До Степана донеслось из темноты: «Сволочи. Хотят, чтобы мы за них жизни не жалели, шли против своих». Гоменюк догнал его, тихо спросил:

— Ты для инструктора ругался или для меня?

Курчавый резко остановился, подступил к Степану, сквозь зубы процедил:

— Доносить собрался? Иди, докладывай, не стесняйся. Не зря же ты, в самом деле, с Комаровым якшаться стал.

— Может быть, ты скажешь, кого я выдал?

— Пока нет. Но говорят, ты перебежчик. Так это или нет?

— Перебежчики бывают разные. А ты почему из лагеря в школу пошел? Жить хотел?! А клеймо шпиона? Я замечаю, ты теперь об этом крепко думаешь. Так знай, чтобы смыть этот позор, есть только один путь: не отчитывать, а действовать против врагов.

Курчавый задумался, долго молчал.

— Кто ты такой? — наконец спросил он.

— Разве не видишь? Как и ты.

— А может, наоборот, хитрый провокатор вроде Комарова?

— Мы живем с тобой в одной комнате не первый

день. — Степан положил руки на плечи Курчавого. — Разве я похож на провокатора?

— Ну, хорошо. Объясни, чего ты хочешь?

— Я знаю, что Лосев твой друг. Он уходит на задание в советский тыл. Поговори с ним, убеди его явиться к своим с повинной. Запомни, что это единственно верный путь для тех, кто оказался в разведшколе.

— А что нам тут говорят? Будешь задержан на той стороне или явишься с повинной — все равно расстрел.

— Запугивают. В действительности явка с повинной — самый лучший выход и для Лосева, и для тебя, да и не только для вас.

— Я тебе верю и сегодня же потолкую с Лосевым.

Вечером Курчавый сообщил Степану, что его друг согласен.

— Очень хорошо! — обрадовался Гомешок. — Тогда повидай его еще раз и расскажи, что он должен передать армейским чекистам. — Разведчик перечислил все, что считал необходимым сообщить своему руководству.

Курчавый выполнил и эту просьбу Степана Гомешока.

Время шло. Программа занятий в разведывательной школе, рассчитанная на три месяца, подходила к концу. Из агентов очередного выпуска первым к начальнику школы был вызван Гомешок.

Майор Раски принял его в присутствии капитана Мармо.

— Через три дня мы выпускаем ваш курс, — сказал шеф. — А еще через три дня намерены переправить вас к русским. Задание — диверсионного характера. О деталях вас проинструктирую. До выброски в тыл противника будете жить в другом корпусе вместе с радистом. Он полетит вместе с вами, но у него самостоятельное задание.

Радист оказался мрачноватым, неразговорчивым человеком. Он не докучал Степану никакими вопросами. За день до выхода на задание радист заболел. Ночью он бредил, называл кого-то «говариц майор», рассказывал о разведывательной школе, об администрации и выпускниках школы.

Утром радист сказал:

— Ночью мне пришлось туго, был жар. Надо сходить к врачу. Не слышал, я тут... не бредил часом?

— Не знаю. Я сразу же уснул.

Радист пошел умываться. Степан обшарил карманы его куртки. В записной книжке оказалась фотография молодой женщины. На обороте — автограф, написанный ла-

типскими буквами. «Еще одна проверка», — решил Гоменюк.

Через полчаса он уже докладывал майору Раски о том, что говорил «в бреду» заболевший радист. Выслушав его, шеф школы заметил:

— Вам, Морозов, повезло. Если бы не эта случайность, все могло кончиться для вас печально. Мы, разумеется, примем надлежащие меры.

На следующий день начальник разведшколы вновь вызвал Гоменюка к себе. На этот раз в его кабинете находился майор, который «вызволил» советского разведчика из лагеря военнопленных и организовал инсценировку его расстрела.

Офицеры поинтересовались, готов ли Гоменюк к выполнению ответственного задания в тылу русских войск. Получив утвердительный ответ, майор Раски объяснил агенту:

— Задание состоит из двух частей. Первое. Проникнуть в Беломорск, уточнить местонахождение штаба Карельского фронта и воинских частей, размещенных в городе, а также собрать сведения об установленном в гарнизоне режиме. Второе. Используя командировочное предписание и другие документы, которые вам будут выдапы, войти в здание штаба фронта и подложить в удобном месте взрывное устройство с часовым механизмом.

Затем агент Морозов получил тщательный инструктаж о поведении в процессе выполнения задания, о путях возвращения обратно, а также о том, как он должен вести себя в случае задержания.

В заключение майор Раски сказал:

— Мы уверены, что вы, один из лучших выпускников нашей школы, сумеете в полной мере выполнить полученное задание и таким путем дадите достойный ответ тем, кто нанес вам незаслуженную обиду. А мы вас ценим и обижать не намерены. В случае успеха вы будете отмечены высокой наградой.

На аэродром, находившийся в тридцати — сорока минутах езды от разведшколы, Гоменюк прибыл в сопровождении капитана Мармо около трех часов ночи. Капитан помог Степану надеть и застегнуть парашют, проверил второй парашют, с грузом. Он первым вошел в небольшой транспортный самолет, Гоменюк — за ним. Самолет шел на большой высоте. Затем начал снижаться. Капитан подал команду приготовиться к прыжку. Люк открылся. Гоменюк прыгнул вниз.

Родная земля встретила Степана чудесным июньским

рассветом. Он благополучно приземлился. Проследив, куда опустился парашют с грузом, свободно вздохнул, припал к земле. С трудом сдержал наворачнувшиеся на глаза слезы.

Взяв с собой взрывное устройство и один парашют, Гоменюк по азимуту направился к месту назначения. Остальной груз — концентраты и второй парашют — спрятал. Путь лежал через болотистые места, был дальним и трудным. Только поздно вечером Степан подошел к дому, в котором располагался Особый отдел фронта.

Часовой доложил подполковнику С. И. Холёво о прибытии бойца с пакетом на его имя. Разведчик и чекист встретились в кабинете подполковника. Семен Иванович крепко обнял Степана, поздравил с благополучным возвращением, засыпал вопросами:

— Как самочувствие? Где приземлились? Как добрались? С чем прибыли?

— Привез подарочек, чтобы поднять на воздух штаб фронта, — с серьезным видом доложил разведчик подполковнику, доставая из рюкзака взрывное устройство.

— Вот чего они захотели, — покачал головой чекист, рассматривая адскую машину.

Около двух часов рассказывал Гоменюк Семену Ивановичу о своем пребывании в логове врага, об активной деятельности разведшколы противника, о данном ему разведывательно-диверсионном задании.

— А мы через явившегося с повинной Лосева знали, что дела у вас идут неплохо. Правда, об устроенной вам проверке он ничего не сказал.

— Об этом, кроме меня и моих шефов, никто ничего не знает. Это наш секрет, — улыбнулся разведчик.

— Придет время, и мы его рассекретим, — пообещал Степану подполковник.

На вопрос Гоменюка о его паставнике капитане Чижове Семен Иванович ответил, что капитан находится в командировке на оперативном задании. Как только вернется, встреча обязательно состоится.

Отправив Гоменюка на отдых, подполковник направился на доклад к начальнику Особого отдела фронта. Не прошло и часа, как о прибытии советского разведчика из тыла противника знал командующий Карельским фронтом генерал В. А. Фролов. Он высказал желание встретиться с ним.

Увидев входивших в комнату, где он отдыхал, двух генералов в сопровождении подполковника Холёво, рядовой Гоменюк встал. Его охватило сильное волнение.

— Здравствуйте, наш отважный разведчик,— по-отечески мягко приветствовал командующий фронтом Гоменюка, пожимая его руку. Он назвал себя, представил начальника Особого отдела фронта, предложил всем сесть.

— Мы бы хотели послушать вас,— сказал командующий,— что удалось вам увидеть своими глазами в стане наших врагов.

Сравнившись с волперцем, Степан начал свой рассказ:

— Вчера, когда меня на самолете перебрасывали через линию фронта, я обратил внимание, что противник очень боится нашей авиации. Вместо того чтобы выбросить меня около заранее намеченного пункта, я получил приказ некинуть самолет на несколько километров раньше.

Затем разведчик рассказал, что за последние две недели агентов, подготовленных к заброске в советский тыл, часто вывозили на аэродром для тренировки в прыжках с парашютом.

— Мы наблюдали,— продолжал он,— заметное передвижение войск противника, главным образом, в направлении на север.

— Понятно,— заметил командующий. — А что вам удалось узнать о замыслах вражеской разведки?

— Разведшкола противника, в которой я учился, регулярно выпускает агентов, обученных для выполнения разведывательных и диверсионных заданий. Вместе со мной обучалось тридцать два агента. Все они, конечно, будут переброшены через линию фронта в тыл наших войск. Но думаю, что среди них есть советские патриоты, которые едва ли пойдут на выполнение подрывных заданий вражеской разведки. Мне удалось пойти в школу двух таких агентов и склонить их к явке с повинной. Один из них уже прибыл в Особый отдел. Уверен, что сделает это и второй.

Отвечая на вопрос командующего о полученном задании, Гоменюк подробно рассказал, что в настоящее время интересует разведку противника в Беломорском гарнизоне. Далее он сообщил о поставленной перед ним задаче совершить диверсию в штабе фронта.

— Знает разведка, в каком здании располагается наш штаб?

— Когда меня инструктировали, как подготовить диверсионный акт, я понял, что разведке это известно.

— А как вы должны проникнуть в штаб фронта?

— Для этого мне изготовили секретный пакет из штаба тридцать второй армии и соответствующие личные документы штабного курьера этой армии.

На основании информации, полученной от разведчика Особого отдела, командование Карельского фронта приняло ряд важных решений. Было признано необходимым ускорить ранее намеченную передислокацию штаба фронта, закончив ее в двухдневный срок. В связи с данными о передвижении вражеских войск в северном направлении предполагалось провести серию мероприятий по усилению наблюдения за противником на Ухтинском направлении. Для укрепления положения нашего разведчика в стане врага решили имитировать совершение Гоменюком «по собственной инициативе» диверсии на военных складах, расположенных на окраине Беломорска. Идею этой инсценировки выдвинул командующий фронтом.

— Несколько дней назад, — сказал он, — у нас освободились склады из-под снарядов. Следует заминировать их в двух-трех десятках мест, заложить туда побольше дымовых шашек и поджечь их. Пожар складских помещений и взрывы создадут полную видимость совершения диверсионного акта.

Так и было сделано. На третий день пребывания Гоменюка в Беломорске начался пожар, вызвавший серию взрывов в помещениях складов, где раньше лежали снаряды. Как только начался пожар, бойцы батальона охраны Особого отдела фронта оценили «опасный» район, закрыв доступ к складским помещениям.

К месту пожара прибыло много военных и гражданских лиц. Возникли слухи, что «это дело рук диверсантов». Конечно, не обошлось и без упреков в адрес органов безопасности, и в первую очередь Особого отдела фронта. Эти широко распространенные в прифронтовом городе слухи создали весьма правдоподобную, убедительную легенду для получения советским разведчиком еще большего доверия со стороны майора Раски и его коллег.

После «совершения диверсии» в Беломорске Гоменюк еще два дня находился в Особом отделе фронта. За это время он передал все добытые им сведения о деятельности разведшколы, ее структуре, методах обучения, подробные данные о руководящем составе, преподавателях, инструкторах и особенно об агентах, подготовленных к выброске в тыл советских войск со шпионско-диверсионными заданиями. Все эти данные имели важное значение для организации целенаправленной контрразведывательной работы по пресечению подрывной деятельности

вражеской агентуры в тылу советских войск. По полученным от Гоменюка данным были ориентированы особые отделы Ленинградского и Волховского фронтов, территориальные органы госбезопасности Северо-Запада страны.

29 июня 1942 года Гоменюка вновь переправили через линию фронта. Теперь советский разведчик уходил в тыл врага из города Сегежа под видом агента разведки противника, возвращавшегося на свою сторону после успешного выполнения задания в тылу советских войск.

Перед ним была поставлена задача глубже внедриться в разведку противника, продолжить сбор сведений о замыслах врага, об агентах, подготовленных к заброске в расположение и на коммуникации войск Карельского, Ленинградского и Волховского фронтов со шпионско-диверсионными заданиями. По возможности, после тщательного и всестороннего изучения, вести работу по склонению заслуживающих доверия агентов из числа советских военнопленных к явке с повинной.

После перехода нейтральной полосы Гоменюк вышел к переднему краю вражеской обороны. Был задержан противником и доставлен в город Медвежьегорск. Здесь Степан заявил о своей принадлежности к агентурному аппарату майора Раски, назвал свой псевдоним — Морозов. Когда это заявление было подтверждено, его принял полковник, начальник Медвежьегорского гарнизона. В разговоре с агентом Морозовым полковник проявил интерес к маршруту его движения, к советским воинским частям, которые встретились на его пути, их численности и вооружению. На вопросы полковника последовали довольно обстоятельные ответы, вполне удовлетворившие его. Разумеется, это были дезинформационные данные, полученные чекистами из штаба фронта и переданные разведчику для введения противника в заблуждение.

Прошло немало времени, и агент Морозов выехал из Медвежьегорска в сопровождении лейтенанта на машине, присланной за ним майором Раски. Лейтенант доставил его в поселок Коссалма, находившийся в тридцати пяти километрах от Петрозаводска, куда недавно передислоцировалась разведывательная школа, в стенах которой Гоменюк в течение трех месяцев осваивал шпионско-диверсионные науки. Теперь школа размещалась на берегу озера в здании бывшего дома отдыха. Гоменюка поместили в отдельную комнату.

Не прошло и часа, как его вызвал к себе шеф школы майор Раски. Он усадил агента в кресло, поздравил его с благополучным прибытием.

— А теперь, — любезно предложил майор, — расскажите, как прошел рейд, удалось ли вам выполнить наше задание?

— Да, я считаю, что удалось, — ответил Гоменюк. — Правда, с некоторыми изменениями полученного задания.

Агент рассказал шефу, как он «выполнял» полученное задание, чего при этом добился. Во-первых, выяснил, что штаб Карельского фронта передислоцировался, однако новое место его расположения узнать, к сожалению, не удалось. Но адекватную машину он по собственной инициативе все же в дело пустил, ухитрившись подложить ее к стене большого склада с боеприпасами на окраине Беломорска. В результате взрывов и пожара этот важный военный объект полностью уничтожен.

Во-вторых, по словам агента, он, подвергая себя большому риску, сумел разузнать, какие воинские части входят в настоящее время в состав Беломорского гарнизона, что нового внесено в правила передвижения военных и гражданских лиц по городу. Естественно, что данные, переданные Гоменюком своему шефу о частях и режиме в гарнизоне, носили дезинформационный характер.

Майор Раски внимательно выслушал агента, задал ряд уточняющих вопросов и, выразив удовлетворение его докладом, вызвал к себе капитана Мармо.

— Агент Морозов в полной мере оправдал наше доверие, — заявил он. — Запишите все, что он выяснил о Беломорском гарнизоне. А главное, срочно составьте подробную схему окраины города, где размещался взорванный военный склад.

Весть о благополучном возвращении агента Морозова и успешном выполнении данного ему задания быстро разнеслась по школе. Многие из преподавателей и инструкторов спешили повидать своего воспитанника и поздравить его, но капитан Мармо лишил их этого удовольствия. Он закрылся с Морозовым в своем кабинете, чтобы с его помощью составить подробную схему того района города Беломорска, где стоял «уничтоженный» Морозовым склад с боеприпасами.

Через несколько дней Гоменюка неожиданно вызвали в кабинет начальника школы. Майор Раски строго посмотрел на своего агента:

— Подойдите к столу.

Степан подошел.

— Смотрите сюда, — и майор показал Степану крупную фотографию с изображением какой-то местности. —

Где следы взорванного и сожженного вами склада? Их нет! Все, что вы мне докладывали,— чистая выдумка!

— Господин майор,— начал было Гоменюк, но начальник школы, не дав ему договорить, резко повысил голос:

— Молчать! Хватит водить нас за нос. Один раз удалось провести, второй раз не выйдет. Кто и с каким заданием направил тебя к нам? Говори! Даю тебе пять минут на размышление. Не скажешь правду — будешь расстрелян. Но не так, как на той инсценировке, а по-настоящему.

Степан сообразил, что на фотографии у майора снято не то место, где в действительности находился уничтоженный склад боеприпасов.

— Я взорвал склад! — твердо заявил Гоменюк. — И хочу объяснить вам, почему на фотографии нет следов диверсии.

— Нечего мне объяснять! Отвечай, кто и с каким заданием послал тебя к нам?

— Я честно, рискуя жизнью, выполнил ваше задание, уничтожил в Беломорске склад с боеприпасами, а вы вместо благодарности оскорбляете меня.

— Молчать!

— Нет, я молчать не буду,— воспротивился Гоменюк. — Ваши летчики сфотографировали не то место, где был взрыв. Я еще раньше понял, что летчики — трусы. Когда меня перебрасывали в район Беломорска, то, не долетев до него, они выбросили меня за десятки километров до цели, о чем я вам уже докладывал. А мне пришлось идти эти километры по болотам с адской машиной в рюкзаке. Я прошу вас повторить проверку моих сведений о диверсии.

Решительный тон Степана, видимо, подействовал на майора.

— Хорошо,— негромко сказал он. — Я все это проверю еще раз.

Повторная аэрофоторазведка подтвердила данные Гоменюка об уничтожении военного склада. Обвинение, выдвинутое шефом разведшколы по его адресу, было снято. Более того, через несколько дней после ознакомления с отчетом своего агента о результатах разведывательного рейда майор Раски объявил Гоменюку:

— Мы положительно оцениваем работу, сделанную вами по нашему заданию в Беломорском гарнизоне. За проявленные вами мужество, инициативу и находчивость наше командование наградило вас медалью «За заслуги» второй степени.

Майор вручил Гоменюку медаль, поздравил его с наградой.

Положение советского разведчика в стане врага заметно укрепилось. Ему было предложено остаться на работе в учебном центре разведки противника.

Став инструктором, Гоменюк получил право беспрепятственного передвижения внутри школы и по поселку. Он мог свободно выезжать даже в Петрозаводск. Неизмеримо умножились его контакты с личным составом школы. Все это значительно расширило возможности разведчика по выполнению полученного от чекистов задания. И он постарался как можно лучше использовать их в интересах борьбы с врагами Родины.

От Гоменюка не стали скрывать, что из трех десятков агентов, окончивших разведшколу вместе с ним и заброшенных на советскую сторону, ни один не вернулся обратно. Не возвратился и Курчавый. Правда, от некоторых из них пришли радиogramмы с текстом: «Приземлились благополучно, приступаем к выполнению задания». Но на этом все и кончалось. «Значит, кое-кто из моих сокурсников явился к советскому командованию с повинной, а остальные были задержаны чекистами», — с удовлетворением подвел Степан безрадостные итоги шпионско-подрывной деятельности вражеской разведки против советских войск.

Посещая Петрозаводск, Гоменюк сумел выяснить, какие воинские части противника расквартированы в этом городе. Но главные свои усилия разведчик направил на сбор самых подробных сведений о курсантах разведывательной школы, которых майор Раски со своими помощниками готовил для шпионско-подрывных акций против войск Карельского, Ленинградского и Волховского фронтов.

Изучая повеление курсантов, Гоменюк находил среди них людей, давших согласие на зачисление в разведшколу не для верного служения врагу, а с целью вырваться из лагерного ада. В завуалированных беседах с ними Степан склонял их к невыполнению заданий разведки противника. Являясь в органы советской военной контрразведки с повинной, эти агенты охотно рассказывали о своих сокурсниках, переброшенных через линию фронта одновременно с ними. Тем самым они оказывали большую помощь чекистам по своевременному пресечению подрывных действий врага.

Летом 1944 года войска Карельского фронта провели Свирско-Петрозаводскую наступательную операцию, осво-

бодили столицу Карелии. Поспешно отступая, администрация разведшколы вывезла с собой наиболее перспективных агентов. В их числе оказался советский разведчик С. Д. Гоменюк.

Позднее, когда ему удалось вырваться на Родину, Степан Дмитриевич представил в советскую военную контрразведку цепные сведения о деятельности разведывательных органов противника, об известных ему официальных сотрудниках и агентах вражеской разведки, заброшенных или подготовленных к заброске на территорию нашей страны с подрывными заданиями. На основании этих данных чекистские органы разыскали и обезвредили немало вражеских шпионов и диверсантов.

За успешное выполнение ответственных заданий Особого отдела Карельского фронта в тылу врага в годы Великой Отечественной войны и проявленные при этом стойкость и мужество советский разведчик Степан Дмитриевич Гоменюк отмечен наградами Родины. В послевоенные годы он неоднократно поощрялся за успехи в мирном труде и большую работу по патриотическому воспитанию советской молодежи.

22 ноября 1978 года во Дворце культуры имени И. И. Газа состоялась встреча молодежи Кировского завода с мужественными бойцами незримого фронта борьбы против фашистских захватчиков в грозные годы войны. Тепло встреченные присутствовавшими, выступили ветераны-разведчики чекистских органов Н. И. Александрова, С. Д. Гоменюк, М. О. Малышев. Отвечая на вопросы диктора Ленинградской студии телевидения, Степан Дмитриевич Гоменюк рассказал молодым рабочим прославленного завода о нелегких испытаниях, выпавших на его долю при выполнении задания Родины, о напряженном поединке с разведкой противника, о победе, одержанной в схватке с жестоким врагом.

В. И. ГОРБУШИН,

генерал-майор в отставке

ФЕЙЕРВЕРК К ЮБИЛЕЮ

Тихой летней ночью 1943 года с псковского аэродрома поднялся немецкий военно-транспортный самолет. Взял курс на северо-восток. С приглушенными двигателями

лями пересек линию Волховского фронта. Пролетая над советской территорией, обходил стороной населенные пункты. Миновал Тихвин, самолет развернулся, оставив за собой сначала два, а через полторы-две минуты еще два плавно снижающихся парашюта.

Приземлившись на мокрую от росы траву поблизости от густого куста ивы, плечистый парашютист в красноармейской форме быстро собрал парашют, сунул его в середину куста, оглянулся вокруг. Наступал рассвет. На низких местах широко раскинувшегося луга с кое-где разбросанными островками мелкоколосья курился легкий туман. Стояла поразительная тишина. Увидев невдалеке своего напарника, парашютист направился в его сторону.

Выброшенным в глубокий тыл Волховского фронта парашютистам было известно, кто и зачем послал их в этот дальний рейд. Но они, разумеется, не знали, да и не могли знать всех предшествовавших этому событий, которые касались сугубо тайных замыслов фашистского абвера. Чекистам же они стали известны значительно позднее.

...Весной 1943 года начальник штаба «Валли» — центрального органа военной разведки на Восточном фронте — подполковник Шмальшлегер, работая в своем богато обставленном кабинете, ожидал прибытия посланца Берлина. Вскинув глаза на стенные часы, он закрыл напуганно бумагами, встал из-за стола и, подойдя к окну, залюбовался буйной зеленью чудесного парка. Здесь, в живописном местечке Сулеювек, невдалеке от Варшавы, в свое время находилась летняя резиденция папа Индусудекого. За несколько дней до начала войны фашистской Германии против Советского Союза на даче бывшего диктатора буржуазной Польши расположился штаб «Валли», подчиненный шефу абвера адмиралу Капарису.

Раздался мелодичный звон стальных часов. Шмальшлегер повернулся и направился к двери. В этот момент на пороге кабинета появился прибывший из Берлина рослый худощавый подполковник Мутрайт — офицер абвера, специалист по организации диверсий, террора, саботажа и восстаний в тылу противника.

Когда летом 1941 года фашистская армия, реализуя план Гитлера «Дранг нах Остен», захватила советскую Прибалтику, адмирал Капарис поставил Мутрайта во главе второго отдела «Абверштелле-Остланд» — основного территориального органа военной разведки в тылу группы армий «Север». За полтора с лишним года Мутрайт акклиматизировался в Риге и лелеял мечту именно здесь,

в тылу, встретить день окончательной победы германского оружия. Тут же, в столице Латвии, готовился он в скором времени отметить свое пятидесятилетие. И вдруг неожиданный вызов в Берлин, а оттуда — в штаб «Валли».

После взаимных нацистских приветствий Шмальшлегер предложил Мутрайту удобное кресло и заинтересовался обстановкой в Риге и Берлине. Затем спросил:

— Вы прибыли сюда по распоряжению адмирала?

— Да. Вам уже, конечно, известно, что я назначен начальником абверкоманды двести четыре. С сего дня перехожу в ваше подчинение. Надеюсь, что вы введете меня в курс дела.

— Я как раз и собираюсь сделать это. Но предварительно хотел бы знать, как вы расцениваете полученное назначение?

— Окровавлено говоря, Псков — это не Рига. Но зато самостоятельная работа, на которой можно и, как выразился адмирал, пужно показать себя. Однако меня смущает причина отъезда из Пскова моего предшественника. Адмирал сказал, что переводит полковника фон Эшвингера во Францию, уважая его род и седины. Но я склонен думать, что есть и другие причины...

— Да, вы правы. Я раскрою перед вами все карты, — разоткровенничался Шмальшлегер. — Вам, безусловно, известно, что абверкоманда-204 придана группе армий «Норд». Она располагает опытными кадрами. В ее подчинении находятся две абвергруппы, приданные 16-й и 18-й армиям, и две диверсионно-разведывательные школы. И вот, несмотря на все это, за полтора года работы в должности начальника абверкоманды уважаемый полковник фон Эшвингер не выполнил поставленной перед ним задачи. Споры нет, хорошо обученные, всем обеспеченные группы диверсантов забрасывались им в тыл русских войск, по... Но все этим и кончалось.

Разложив перед Мутрайтом карту Северо-Запада СССР, Шмальшлегер продолжал:

— Железная дорога от Ладожского озера в сторону Волхова — Тихвина является единственной ниточкой, по которой блокированный Петербург получает необходимое. И хотя Эшвингер старался, как мог, она, эта ниточка, ни на один день не была выведена из строя. Заметьте: ни на один день! Теперь, когда русские прорвали блокаду, они будут стремиться к полной ее ликвидации. И, говоря между нами, добьются этого, если ниточка останется целой. Думаю, что мне нет необходимости напоминать

вам слова фюрера о том, что в большевистской России мы ведем истребительную войну. Отсюда и задача, которая отныне ложится на ваши плечи, и пути ее решения.

— Мне все предельно ясно,— ответил Мутрайт, вставая. — Директивы фюрера для меня — закон. Я сделаю все, что могу, для победы великой Германии.

Шмальшлегер поднялся, подошел к Мутрайту.

— Я не ожидал от вас другого ответа и уверен, что вы, опытный специалист абвера, сумеете отметить свой личный юбилей таким фейерверком, который будет виден в Петербурге. — Шмальшлегер сделал паузу, представляя собеседнику возможность оценить его остроумие. — Разумеется, вам надлежит устроить его отнюдь не в Пскове, а где-нибудь в районе Волхова или Тихвина,— закончил он свою мысль.

— Благодарю за заботу обо мне,— растрогался Мутрайт. — Что касается фейерверка, то я приложу все свои силы, чтобы он состоялся.

Абверовцы расiroщались, довольные друг другом.

Прибыв в Псков, подполковник Мутрайт сразу же представился генерал-фельдмаршалу фон Кюхлеру. Командующий группой армий «Север» принял нового начальника абверкоманды-204 не очень приветливо. Он дал понять Мутрайту, что в неудачах германских войск на Северном направлении повинны и подразделения абвера.

— Заверяю вас, господин генерал-фельдмаршал, что будет сделано все, чтобы изменить положение к лучшему,— щелкнул каблуками Мутрайт.

— Подобные слова я уже не раз слышал от вашего предшественника полковника фон Эшвингера,— резко возразил командующий. — Мне пужны не заверения, а дела.

Фон Кюхлер всгнал, поднес руку к монополю, которым он почти никогда не пользовался, и с поткой примирения в голосе закончил аудиенцию:

— А как это делается, вы, надеюсь, знаете лучше меня...

Познакомившись с абверкомандой, подполковник Мутрайт развернул кипучую деятельность. Он собрал подчиненных начальников и передал им претензии, высказанные в их адрес начальником штаба «Валли» и командующим группой армий «Север», поставил задачу:

— Чего бы это нам ни стоило, мы обязаны общими усилиями в ближайшее время совершить такие дела, чтобы и руководство абвера, и армейское командование в корне изменили свое мнение о нашей работе.

Прямо с совещания Мутрайт направился в школу, где только что закончилось обучение очередной группы агентов-диверсантов. В местечке Вапо-Нурси, что в десяти километрах от эстонского города Выру, его встретил начальник школы лейтенант Зинке. За заслуги перед рейхом этот офицер был награжден двумя Железными крестами.

Как только они уединились, подполковник начал без предисловия:

— Первое, чем мы должны заняться, — это немедленно подобрать трех абсолютно преданных, хорошо подготовленных подрывников. Разумеется, каждый из них должен иметь за плечами такие дела, которые начисто исключали бы возможность их явки с повинной к советским властям.

— Я «чистеньких» в школу не беру, — сказал Зинке.

— Одобряю. Как и вы, убежден, что это единственный способ иметь реальные результаты в тайной войне против русских. Доложите о подходящих кандидатах на старшего группы номер один.

Достав из сейфа материалы с характеристиками на выпускников школы, Зинке прочел:

— Владислав Бучинский. Служил сержантом в Красной Армии. Добровольно с оружием в руках стался нашим войскам. Выдал комиссара батальона. Сып офицера врагелевской армии, убитого большевиками. Горит желанием мстить красным. В лагере и в школе являлся информатором. Недавно ездил в Псков в качестве делегата от военнопленных на встречу с генералом Власовым. В школе был командиром отделения. Подрывное дело освоил отлично. При отправке на задание целесообразно назначить старшим группы.

— Другую кандидатуру можете не называть, — одобрил выбор руководства школы подполковник Мутрайт. — Прошу вызвать Бучинского.

Через несколько минут перед начальником абверкоманды предстал чуть сутулившийся, с длинной физиономией питомец диверсионной школы. Подполковник попросил Бучинского рассказать о себе. От его опытного глаза не ускользнул умело сдерживаемый темперамент диверсанта. «Голубая кровь», — отметил про себя Мутрайт, а вслух произнес:

— Мы верим тебе и намерены поручить выполнение наиболее важного задания. Ты готов?

— Я не только готов. Я буду стремиться нанести большевикам наибольший урон, устроить им, если позволите,

такой фейерверк, который будет виден за сто километров,— отчеканил Бучинский.

— Отлично! — невольно улыбнувшись, воскликнул подполковник. — Не скрою: наши желания совпадают. А теперь назовите фамилии двух подрывников, которых вы хотели бы взять на задание в качестве помощников.

— Никитин и Ткачук, — после небольшого раздумья ответил Бучинский. — Оба служили в армии Власова, хорошо знают подрывное дело.

— У меня возражений нет, — согласился начальник школы.

Когда Бучинский вышел, Мутрайт сказал:

— А вы все же еще раз проверьте благонадежность Никитина и Ткачука, прежде чем отправлять их в абверкоманду.

— Все будет исполнено! Система проверки действует у нас безотказно, — заверил своего шефа лейтенант Зинке.

Вскоре несколько групп выпускников диверсионной школы прибыли из Вапо-Нурси в Псков. Их разместили на конспиративной квартире. Офицеры абверкоманды сразу же начали готовить диверсантов для заброски в тыл Ленинградского и Волховского фронтов. Подготовку группы Бучинского подполковник Мутрайт взял под свою опеку.

Он лично следил за оснащением участников группы всем необходимым — взрывчаткой и зажигательными пакетами, бикфордовым шнуром и оружием, топографическими картами и фиктивными документами на имя бойцов одного из запасных стрелковых полков Волховского фронта. Начальник абверкоманды сам объявил диверсантам приказ о задании. Предстояло взорвать железнодорожный мост на участке Волхов — Тихвин, а также в нескольких местах подорвать полотно железной дороги и уничтожить находившиеся в этом районе военные склады. После диверсии агенты должны были, используя документы, проникнуть в действующие части Волховского фронта, где сколотить из числа политически неустойчивых бойцов группу перебежчиков, вместе с которой перейти на сторону немецких войск.

Подполковник Мутрайт лично выехал на аэродром проводить диверсантов на задание. Он находился в отличном расположении духа: «Я все продумал, учел, предусмотрел. Сомнений нет: фейерверк состоится!»

В успех дела верил и старший диверсионной группы Бучинский. Приподнятое настроение не покидало его всю дорогу. Операция, о которой он мечтал, началась. Каза-

лось, теперь уже ничто не могло нарушить ход механизма, завущенного опытной рукой.

И вдруг все пошло прахом. Началось с того, что Ткачук, выбрасываясь с самолета вслед за Никитиным, громко крикнул: «Вода!» У Бучинского мелькнула мысль: «Озеро». Он замешкался и покинул самолет с большой задержкой. Приземлившись на берегу реки, Бучинский развернул топографическую карту и убедился, что Ткачук ввел его в заблуждение: никакого озера поблизости не было.

Безудержная ярость охватила предателя. Сутулые плечи его поднялись, заострились. Длинное лицо позеленело от злости. Он бросился к опустившемуся недалеко грузовому парашюту с телом и другим снаряжением, стал торопливо вскрывать контейнер, но тут же остановился и постарался взять себя в руки. «Выходит, не зря предупреждал меня подполковник», — подумал Бучинский и вспомнил слова шефа, сказанные ему накануне вылета.

— У тебя отличные помощники, — говорил Мутрайт. — Но запомни, что в полной мере я верю только тебе. Поэтому все их документы храни у себя. Личное оружие держи наготове. А если заметишь что-либо пеладное, действуй решительно!

«Но что я могу сделать сейчас? Где разыскать этого Ткачука, который провел меня, как мальчишку, и находится не менее чем в семи-восьми километрах отсюда? — злясь на самого себя, рассуждал Бучинский. — Боюсь, что моя пуля уже не настигнет его».

Диверсант был недалеко от истины. Первым в этом убедился Никитин. Он прятал парашют в яме, когда к нему подошел Ткачук.

— Бучинского будем искать? — спросил он напарника.

— А как же иначе? — опешил Никитин. — Ведь у него наши документы.

— А зачем нам эта «липа»? — вопросом на вопрос ответил Ткачук. — Тем более что выполнять задание фашистов я не намерен. И тебе не советую.

— Но ведь мы власовцы, гитлеровские диверсанты, — возразил Никитин. — Если окажемся в руках чекистов, в любом случае нас расстреляют как изменщиков.

— Не спорю: за грехи отвечать придется. Но учти: тому, кто придет с повинной, полагается скидка.

— Откуда ты это знаешь?

— Говорю, — значит, знаю. К тому же мы явимся к своим не с пустыми руками.

— И все же я боюсь...

Никитин в конце концов уступил доводам Ткачука. Не приступая к выполнению полученного задания, они выжидали на шоссе дорогу.

...То тихое летнее утро началось для меня, заместителя начальника Управления контрразведки «Смерш» Волховского фронта, рапным телефонным звонком. Подняв трубку, услышал голос своего начальника генерал-майора Д. И. Мельникова:

— Василий Иванович, есть срочное дело. Превну зайти ко мне.

Как и все чекисты Волховского фронта, я с искренним уважением отнесся к Дмитрию Ивановичу. Нам было известно, что он начал свой боевой путь красноармейцем внутренних войск специального назначения. В годы становления Советской власти принимал активное участие в разгроме банд в Поволжье. Придя по партийной путевке в органы государственной безопасности, вырос до руководителя крупного коллектива армейских чекистов. Старый член ленинской партии, опытный военный контрразведчик, уделявший большое внимание укреплению боеготовности войск, Дмитрий Иванович Мельников пользовался заслуженным авторитетом у командующего Волховским фронтом генерала армии К. А. Мерецкова, членов Военного совета, руководящих работников штаба фронта.

Генерал встретил меня приветливо. Как всегда, он был спокоен и выдержан. Однако мне бросилась в глаза его озабоченность.

— Линию фронта пересек военно-транспортный самолет противника, — сообщил он мне. — Обычно на таких самолетах абвер забрасывает в наш тыл своих агентов. После того как были отданы необходимые распоряжения о розыске вражеских парашютистов, мне доложили, что два диверсанта явились с повинной. Скоро их доставят сюда. Старший диверсионной группы, по документам Бучинский, не обнаружен. Место его пребывания тоже, к сожалению, не установлено.

— О нем что-нибудь известно? — спросил я.

— По словам соучастников, Бучинский — это непримиримый враг, способный на любое преступление. В его руках весь комплект взрывчатых и зажигательных веществ, которые выброшены с самолета на грузовом парашюте в районе приземления диверсионной группы.

Генерал предложил мне как заместителю по следственной части принять самое активное участие в получе-

нии материалов, необходимых для организации розыска Бучинского.

— Начните с допроса явившихся с повинной, — порекомендовал он. — Уточните задание, полученное диверсантами, и реальные возможности Бучинского приступить к его выполнению. Непременно постарайтесь собрать данные о приметах диверсанта. Кроме внешних примет выясните со всеми подробностями, во что он одет, что имеет при себе, какие у него документы, оружие, вещи.

Заброска группы Бучинского была далеко не первой акцией абвера на участке Волховского фронта. В 1942 году и первой половине 1943 года чекисты фронта обезвредили 9 диверсионных групп, в состав которых входило 42 подрывника. Почти все они направлялись абверкомандой-204 с заданием вывести из строя на длительный срок железнодорожную линию Волхов — Тихвин — Вологда. Обученные в специальных школах, снабженные всем необходимым для совершения крупных диверсий, эти подрывники могли нанести огромный ущерб в первую очередь обороне осажденного Ленинграда.

Контрразведчики Волховского фронта, опираясь на помощь советских людей, сорвали коварные замыслы врага. Правда, некоторые из диверсантов, не приступая к выполнению задания, явились в чекистские органы или к командованию воинских частей с повинной. Однако те из них, которые затаились, были весьма опасны, и нам, армейским чекистам, приходилось прилагать немало усилий, чтобы своевременно разыскать и обезвредить их. Начальник контрразведки фронта знал это лучше других. Вот почему он принял все необходимые меры, чтобы ускорить задержание очередного вражеского лазутчика.

...Допрос Ткачука мы со старшим следователем капитаном Л. П. Булыгиным начали сразу же, как только явившихся с повинной диверсантов доставили в Управление контрразведки фронта. Ткачук держался свободно, уверенно.

— По вполне понятным причинам нас в первую очередь интересует старший вашей группы, — обратился я к нему. — Расскажите, что он собой представляет.

— Настоящей фамилии его я не знаю. В диверсионной школе его называли Владиславом Бучинским. Среди нас, курсантов, он открыто заявлял о своем враждебном отношении ко всему советскому. Когда мы получали задание, Бучинский заверял подполковника Мутрайта, что сделает все возможное и невозможное для его выполне-

ния. И это не слова. Я убежден, что он действительно способен на все.

— Какими возможностями для этого располагает Бучинский?

— Весьма большими. Вне всякого сомнения, он разыщет контейнер, выброшенный с самолета на грузовом парашюте. В нем находятся взрывчатка, зажигательные средства, оружие, продовольствие. При Бучинском есть постолет ТТ с большим запасом патронов.

— Что он еще имеет при себе?

— Топографическую карту и три поддельные красноармейские книжки, выписанные на всех участников нашей группы. Кроме того, у него есть документ, выданный якобы штабом армейского запасного стрелкового полка о направлении за тропх для продолжения дальнейшей службы в одну из частей действующей армии.

Записав, как выглядит Бучинский, его приметы, во что он одет, я направился на доклад к генералу. Ознакомившись с полученными данными о старшем диверсионной группы, он тут же вызвал начальника одного из отделов управления и, вручив ему наши записи, распорядился:

— Немедленно разможьте и разошлите всем органам, которые ведут розыск Бучинского.

Между тем капитан Булыгин продолжал допрос Ткачука. Отвечая на вопрос старшего следователя, что привело его в диверсионную школу абвера, Ткачук рассказывал:

— На фронте я с первых дней войны. Под Ригой попал в плен. Содержался в разных лагерях для военнопленных. Наконец оказался в лагере, который гитлеровцы превратили в «долину смерти». Чтобы не погибнуть от истязаний и голода, назвался сыном раскулаченного и пошел в армию Власова. Но воевать против своих не хотел и постарался попасть в школу абвера. Пока обучался в Вана-Нурси, все время думал о явке с повинной, но опасался самого худшего. Ведь в школе нам постоянно внушали, что стоит признаться, с каким заданием агент абвера заброшен на советскую сторону, как его сразу же расстреляют.

— Что было дальше?

— В Вана-Нурси познакомился с одним пленным из команды обслуживания. Шустрый, боевой парень. Как-то раз у нас зашел разговор о предстоящей заброске выпускников школы в тыл советских войск. Я дал понять собеседнику, что выполнять предстоящее задание абвера

мне не по душе. Он ответил: «Главное — сказать своим всю правду» — и попросил передать привет от слесаря Виктора с Нарвской заставы. А я подумал: «Не пароль ли это?»

Возвратившись от генерала в комнату, где шел допрос Ткачука, я прочел его последние показания. Они нуждались в проверке. Попросив капитана Булынина допросить Ткачука о диверсионной школе и абверкоманде-204, об известных ему официальных сотрудниках фашистской разведки, и особенно о диверсантах, подготовленных или готовящихся к заброске на советскую сторону, я направился к аппарату ВЧ.

Позвонил в Управление контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта, попросил соединить с заместителем начальника — полковником И. Я. Лоркишем. Я хорошо знал этого чекиста. Со времени образования Волховского фронта он работал заместителем у генерала Д. И. Мельникова, а летом 1942 года получил перевод в блокированный Ленинград. Изложил ему нашу просьбу проверить показания Ткачука относительно «слесаря Виктора с Нарвской заставы». Не прошло и полчаса, как последовал ответ:

— По всем данным, это наш разведчик. Он получил задание склонять агентов абвера, оставшихся в душе советскими патриотами, к явке с повинной. Но раскрываться до конца ему не разрешено. Так что в разговоре с Ткачуком он вел себя правильно.

Закачивая разговор, полковник Лоркиш попросил меня выслать в Ленинград копию показаний Ткачука.

После Ткачука мы с капитаном Булыниным допросили Никитина. Агент абвера подтвердил показания своего напарника в отношении Бучинского, рассказал о себе, о подрывной деятельности абверкоманды-204. Рассказал и о новом начальнике подполковнике Мутрайте, диверсионной школе в Вана-Нурси и ее выпускниках.

По распоряжению генерала Мельникова была создана оперативная группа для поиска контейнера, выброшенного с самолета. Как только мы с капитаном Булыниным завершили допрос агентов, оперативная группа, взяв с собой Ткачука и Никитина, направилась к месту приземления груза. Найти парашюты диверсантов не составило большого труда. А вот поиск контейнера занял много времени и сил. Но в конце концов груз был обнаружен и оказался нетропнутым. Неподалеку находился и парашют Бучинского.

В контейнере чекисты обнаружили 30 килограммов тола, магнитные мины, фугасные и зажигательные пакеты мгновенного и замедленного действия, капсулы, бикфордов и детонирующий шнуры, саперные спички. Здесь же находились три вещевых мешка и три противогазные сумки для транспортировки взрывчатых и зажигательных средств к месту совершения диверсий. В контейнере были два автомата ППШ, гранаты Ф-1, финские ножи, две цинковые коробки патронов, а также шестидневный запас продуктов на трех человек.

Контейнер не вскрывался теми, кому предназначался. Выходило, что Бучинский отказался от выполнения диверсионного задания абвера. Но оставались загадкой его дальнейшие действия. Не было никаких сведений и о месте его нахождения. Начальник контрразведки фронта потребовал от чекистских органов прифронтовой полосы усилить розыск диверсанта, чтобы не допустить безнаказанного ухода его к своим хозяевам.

Прошел день, два, три... Никаких сигналов. Напряжение в розыскных группах достигло предела. Только на четвертые сутки генералу доложили, что пограничники контрольно-пропускного пункта в районе Волхова задержали солдата, который двигался по обочине дороги, а заметив пост, попытался скрыться в лесу. Ни документов, ни оружия при нем не оказалось. При опросе он заявил, что отстал от команды, направлявшейся на фронт.

Задержанного доставили в Управление контрразведки фронта. Когда его ввели в комнату старшего следователя, мы с Булыгиным невольно переглянулись. По известному нам со слов Ткачука и Никитина словесному портрету Бучинского, перед нами находился именно он: слегка сутулые плечи, длинная физиономия, прямой с горбинкой нос, узкие серые глаза.

— Садитесь. Ваша фамилия?

— А почему вы меня допрашиваете? Я арестован? — резко спросил задержанный.

— Нет, не арестован. Мы устанавливаем вашу личность, так как у вас нет никаких документов.

— Ясно. Тогда пишите: фамилия — Иванов, имя — Петр, отчество — Иванович, — отчеканил он.

— Это ваша настоящая фамилия?

— Да. Другой у меня нет и никогда не было.

— Год и место рождения?

— Тысяча девятьсот шестнадцатый. Одесса.

Капитан записал название города. А что из того? Одесса занята фашистами. Проверить не удастся.

— Как вы оказались в районе Волхова без документов?

— Я уже отвечал на этот вопрос. Отстал от маршевой команды, которая следовала из Череповца в один из запасных полков Волховского фронта, — снова четко ответил он.

— Номер команды, фамилия начальника?

— Не помню.

— Все ясно. Сейчас мы проведем очную ставку со свидетелем, который вам хорошо известен.

Задержанный сидел на табурете с невозмутимым видом, не опуская глаз. Не меняя позы, прямым, острым взглядом встретил он и появившегося в комнате Ткачука.

— Вы знаете этого человека, сидящего перед вами в форме рядового Красной Армии? — спросил я у свидетеля.

— Да. Это — Владислав Бучинский, старший диверсионной группы абвера, в состав которой кроме него входили Никитин и я, Ткачук.

— А вам известен этот человек? — обратился я к Бучинскому, показывая на Ткачука.

— Нет! Я впервые вижу его.

— Как впервые? — искренне поразился Ткачук. — Мы же вместе сбучались в диверсионной школе в Вапа-Пурси, вместе получали задания от начальника абверкоманды подполковника Мутрайта, в одном самолете перелетели линию фронта. Разве не так?

Бучинский молчал, всем своим видом показывая явное нежелание считаться с показаниями свидетеля.

— Что вы на это скажете? — повернулся я к нему.

— Повторяю: я никогда раньше не видел этого человека! — не допускающим возражения тоном ответил задержанный.

Точно так же вел себя Бучинский и на очной ставке с Никитиным. Мне стало совершенно ясно: чтобы уличить его во лжи, необходимо добыть неопровержимые улики. Но где их взять?

По заявлению Ткачука и Никитина, красноармейские книжки всех участников группы находились у Бучинского, у него же имелся пистолет ТТ. И документы, и оружие он, конечно, выбросил. Но где? Когда?

Я еще раз прочитал акт о его задержании. Сомнений не было: Бучинский избавился от всего, что могло уличить его. Но сделал он это, конечно же, недалеко от контрольно-пропускного пункта. Скорее всего, при попытке укрыться в лесу.

Выслушав мои соображения относительно дальнейшей работы с Бучинским, генерал одобрил их и дал указание направить в Волхов двух оперативных работников с задачей найти выброшенные диверсантом документы и пистолет ТТ.

Случилось так, что еще до возвращения их из Волхова начальник контрразведки фронта получил новое тревожное сообщение. Несколько дней назад из Вологды в Ленинград следовал воинский эшелон с продовольствием. На перегоне от станции Ефимовская до Волхова исчез один из сопровождавших эшелон красноармейцев по фамилии Цветаев. Все чекистские органы прифронтовой полосы получили указание принять меры к его розыску.

Тем временем прибывшие в Волхов офицеры контрразведки выехали в район расположения КПП и приступили к выполнению полученного задания. Они привлекли к этой работе пограничников, которые задержали Бучинского.

Немало усилий приложила поисковая группа в течение дня, исследуя метр за метром участок леса. Но все впустую. И только к вечеру их настойчивые труды увенчались успехом.

Сначала один из пограничников в густом кусте нашел пистолет ТТ. Поблизости от него под камнем были обнаружены топографическая карта Тихвинского района и личные документы участников диверсионной группы. Вместе с ними находилась красноармейская книжка... рядового Цветаева.

Составили акт. В нем перечислили все, что было найдено неподалеку от места задержания Бучинского. К акту приложили план местности с необходимым описанием.

...Генерал Мельников, перелистав красноармейскую книжку Цветаева, вскинул на меня глаза:

— Что вы об этом скажете?

— Вероятнее всего, Бучинский убил Цветаева, чтобы завладеть его красноармейской книжкой. Это — подлинный документ, и значение его Бучинский хорошо понимает.

Генерал согласился с доводами. Мы поместили ряд новых мероприятий по сбору доказательств преступной деятельности Бучинского и дали им ход. Органы военной контрразведки получили указание об усилении розыска Цветаева. Соответствующая ориентировка была направлена в Управление охраны тыла, территориальные органы госбезопасности и милицию. Проинформировали

Управление контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта. Найденный в лесу пистолет ТТ направили на экспертизу.

— А как ведет себя Бучинский? — спросил у меня генерал.

— По-прежнему стоит на своем.

— Может быть, целесообразно временно приостановить работу с ним, а потом, когда будут собраны необходимые улики, провести решающий допрос?

У меня было такое же мнение.

Через некоторое время специалисты представили акт, в котором зафиксировали, что из поступившего на экспертизу пистолета ТТ два-три дня назад был произведен выстрел. Из Ленинграда пришла телеграмма, в которой говорилось, что «при разгрузке прибывшего из Вологды воинского эшелона в вагоне с солью обнаружен труп красноармейца Цветаева. Расследованием установлено, что Цветаев убит из пистолета ТТ». Выдвинутая нами версия получила документальное подтверждение.

Очередной допрос Бучинского мы с капитаном Булыниным начали с повторного проведения очных ставок. Затем стали предъявлять Бучинскому один за другим акты о совершенных им преступных действиях, подтверждая их вещественными доказательствами. Улики были слишком тяжелы. И без того длинная физиономия диверсанта еще более вытянулась. Он понял: игра кончена, его карта бита.

Посланцу подполковника Мутрайта, на которого тот возлагал большие надежды, оставалось только одно: давать правдивые показания.

— Убедившись, что Ткачук сорвал выполнение полученного нами задания, — начал Бучинский, — я решил любой ценой пробраться через линию фронта на сторону немецких войск. Полагая, что фиктивные документы, выданные мне в абвере, могут меня подвести, я решил добыть подлинную красноармейскую книжку. И сделал это так, как нас учили в диверсионной школе и абверкоманде. Но, увидев пограничников, не рискнул предъявить им документ Цветаева и повернул в лес, где меня и задержали. Если бы не эта допущенная мною ошибка, я был бы уже в Пскове, у своего шефа.

Сообщили Бучинскому, что к моменту его задержания Цветаев уже разыскивался. До выяснения дела он считался дезертиром. Так что при предъявлении его красноармейской книжки пограничники обязательно задержали бы ее хозяина.

Изменника Родины, гитлеровского диверсанта и убийцу судил военный трибунал Волховского фронта.

Вслед за группой № 1 подполковник Мутрайт забросил в тыл Ленинградского и Волховского фронтов еще несколько групп обученных в школах диверсантов с заданием вывести из строя железную дорогу Волхов — Тихвин — Вологда. Однако ни одной из них не удалось выполнить полученное задание. Фашистские диверсанты либо задерживались чекистами и пограничниками, либо являлись к ним с повинной.

А по железной дороге, соединяющей Ленинград со страной, шли воинские эшелоны. Ленинградский фронт накапливал силы для решающего удара по врагу.

В середине января 1944 года войска 2-й ударной армии с Ораниенбаумского плацдарма, куда они были скрытно переброшены через Финский залив, и войска 42-й армии с Пулковских высот перешли в решительное наступление. Одновременно развернули активные боевые действия войска Волховского фронта. Начавшиеся сражения закончились разгромом фашистских полчищ под Ленинградом, ликвидацией вражеской блокады, освобождением Новгорода, изгнанием захватчиков с территории южных районов Ленинградской области.

Подполковнику Мутрайту было не до юбилея. Вскоре поступил приказ об отстранении его от должности начальника абверкоманды-204. Фейерверк не состоялся.

А. М. АЛОВ,

полковник

ДРУГ ИЛИ ВРАГ!

Мерные отсчеты метронома, доносившиеся из прикрепленного к стене репродуктора, заполняли собою все пространство кабинета. Подполковник П. А. Соснихин казалось, не слышал их. Он с карандашом в руке сосредоточенно рассматривал служебную почту. Но прочитанные бумаги не вызвали у него особого интереса. Однако, когда очередь дошла до последнего документа, Соснихин сдвинул брови, чуть подался вперед, провел рукой по густой, темной шевелюре с серебряными паутинками на висках.

Перед ним лежал русский перевод заявления немецкого перебежчика на имя начальника контрразведки Ленинградского фронта. Резолюция генерала обязывала подполковника Соснихина установить истинную цель прибытия Фукса на нашу сторону.

Внезапно метроном замолчал. Раздался голос диктора: — Воздушная тревога!

Соснихин машинально кинул взгляд на репродуктор, затем перевел глаза на огромное, почти во всю стену, окно, сквозь которое виднелось облачное сентябрьское небо. И вновь погрузился в чтение.

За два с лишним года войны он так свыкся с этими весьма частыми объявлениями о воздушных налетах и артиллерийских обстрелах города, что уже давно перестал обращать на них внимание. И почти никогда не спускался в убежище.

Прочитав заявление перебежчика и приложенные к нему документы, подполковник встал и, приблизившись к окну, поднял глаза на плывшие в сторону Ладоги темные облака. А в голове напряженно билась мысль: «Кто же он, этот Фукс? Можно ли ему верить?»

Восемь лет своей боевой комсомольской юности отдал Соснихин границе. Незадолго до войны партия направила его, молодого коммуниста, но уже опытного командира-пограничника, в контрразведку Ленинградского военного округа. С первых дней фашистского нашествия он возглавил одно из ведущих подразделений Особого отдела фронта. В суровые будни блокады он самоотверженно выполнял порученное ему дело.

Диктор объявил отбой воздушной тревоги. «Не пропустили... Молодцы!» — мысленно похвалил подполковник защитников ленинградского неба. Он снял телефонную трубку, вызвал к себе майора А. Ф. Канатникова.

В кабинет вошел худощавый майор с широким выпуклым лбом и заметно поредевшими волосами. Доложил: — Слушаю вас, Петр Алексеевич.

— Прошу садиться, Александр Федорович.

Майор был заметно старше своего начальника. Дсброволец Красной Армии, участник боев против белогвардейцев на Южном фронте, Александр Канатников восемнадцатилетним юношей вступил в ряды большевистской партии. Через год по рекомендации партийной ячейки стал сотрудником Астраханской губчека, позднее — сотрудником военной контрразведки.

— Что у вас нового по делу Грюнвальда? — спросил Соснихин.

— К сожалению, ничего существенного. Пока что этот перебежчик для нас — загадка.

— Подумаем вместе. Но немного позже. А сейчас надо заняться другим, более важным делом. Речь идет об агенте из ведомства Вакербарда. Его только что доставили к нам из разведотдела штаба фронта. — И, протянув майору пачку документов, добавил: — Ознакомьтесь и доложите ваши соображения. Кого взять к себе в помощники по этому делу, решите сами. Вопросы есть?

— Пока нет.

Но вопросы — да еще какие! — возникли, как только майор Канатников и недавно прибывший в контрразведку фронта старший лейтенант, отлично владевший немецким языком, обстоятельно изучили полученные на Фукса материалы.

...24 сентября 1943 года в районе Сабльпа на сторону советских войск перешел немецкий солдат. В его личных документах значилось: радист узла связи 24-й пехотной дивизии Рудольф Фукс, уроженец Дрездена, образование среднее.

В разведотделе штаба фронта перебежчик заявил:

— Я перешел к вам добровольно, так как являюсь антифашистом и не желаю воевать за Гитлера. Моя мать была членом Коммунистической партии Германии и погибла в концлагере. Фашисты мобилизовали отца в вермахт еще в 1940 году и отправили воевать в Югославию, откуда он не вернулся. Все это может подтвердить мой земляк, сослуживец и единомышленник Карл Крюгер, который еще 14 сентября перешел на вашу сторону.

Проверка показала, что Фукс хорошо знает радиодело. Перебежчик Крюгер, оказавшийся в эвакуационном пункте немецких военнопленных, подтвердил слова Фукса о его родителях, о его антинацистских настроениях.

Вскоре Фукса тоже отправили в эвакупункт, где он встретился с Крюгером. Было замечено, что в разговорах с военнопленными Фукс не только не скрывал, а, наоборот, подчеркивал свои антигитлеровские убеждения, чем вызывал резкое недовольство кое-кого из попавших в плен рынных приверженцев фюрера.

Через три дня Фуксу предложили выступить по радио с антифашистским обращением к немецким солдатам. Немного поколебавшись, он согласился, хотя знал, что от подобного предложения Крюгер отказался, не желая ставить под удар гестапо своих близких. А Фукс даже не стал возражать против объявления в радиопередаче его подлинной фамилии. «Я решил бороться с фашизмом до

конца, и мне нечего бояться, тем более что моих родителей нет в живых», — заявил Фукс в разведотделе. И он сдержал свое слово: его выступление по радио носило ярко выраженный антигитлеровский характер.

Прошло немного времени, и Фуксу сообщили о предстоящей отправке его в глубокий тыл. В тот же день появилось заявление на имя начальника контрразведки Ленинградского фронта.

Канатников с переводчиком внимательно читали его. «За время пребывания в плену, — писал Фукс, — я воочию убедился в лживости геббельсовской пропаганды о якобы бесчеловечном обращении советских властей с немецкими военнопленными. Я укрепился в своем решении не участвовать в борьбе против СССР и всей антигитлеровской коалиции. Более того, считаю необходимым заявить, что я прибыл в расположение советских войск как агент отдела ИЦ штаба 18-й армии с разведывательным заданием. Но к выполнению его не приступал. Уверен, что мое чистосердечное признание принесет пользу советской контрразведке. Смею надеяться, что в силу изложенного ко мне будет проявлено милосердие».

Чекисты задумались. Им было о чем поразмыслить. Первым прервал молчание майор Канатников.

— В том, что Фукс — агент фашистской разведки, у меня сомнений нет. А вот придерживается ли он до сего дня данной ему легенды или же по своей инициативе вышел из игры, не оправдав доверия своих хозяев, — не ясно.

— Одним словом, — включился в разговор старший лейтенант, — наша задача, как я понимаю, — доказать, что представляет собою Фукс в действительности.

— Вот именно доказать! — поддержал молодого чекиста Канатников. — В этом суть вопроса. Как раз над этим нам следует основательно подумать и подготовить предложения.

Всесторонне рассмотрев различные варианты решения возникшей задачи, чекисты остановились на одном. Доложили о своих соображениях Соспихину. Тот со своими дополнениями — генералу. Намеченным мероприятиям по проверке Фукса сразу же был дан ход.

Майор и старший лейтенант стали готовиться к допросу перебежчика. Предстоял напряженный диалог, который должен был помочь контрразведчикам получить ответ на вопрос: «Кто он, Рудольф Фукс, — антифашист или гитлеровец? Друг или враг?»

Позднее стало известно, что исходной точкой всех этих

событий явился другой диалог, который состоялся в начале августа 1943 года в одном из домов оккупированного фашистами поселка Сиверского.

...Майор фон Вакербард, начальник отдела 1Ц штаба 18-й немецкой армии, пребывал в отличном расположении духа. Еще бы! Рапо утром ему доложили, что созданная им лжепартизанская группа наконец-то нашла на след партизанского отряда, местонахождение которого долго не удавалось установить.

Зазвонил телефон. Майор снял трубку. Адъютант командующего, как всегда, был сух и официален:

— Господин майор, в десять ноль-ноль генерал-полковник ожидает вас в своем кабинете.

Настроение Вакербарда сразу испортилось. Причины для серьезного, если не сказать крутого, разговора командующего армией со своим начальником разведки было более чем достаточно. Однако на сей раз генерал-полковник Линдеман встретил майора, к немалому его удивлению, весьма благожелательно.

Когда Вакербард вошел, командующий указал ему на кресло и объявил, что предстоящий разговор будет без свидетелей. И тотчас же спросил мнение о работе русской военной разведки. Отвечая, майор взвешивал каждое слово: да, русские ведут разведку довольно активно, настойчиво, лучше, чем ожидало германское командование. Пожалуй, готовившаяся фельдмаршалом Манштейном наступательная операция «Нордлихт» была сорвана не без помощи русских разведчиков.

Майор пожаловался на то, что приходится тратить много времени и сил на организацию контрразведывательной работы. Командующий резонно заметил, что начальнику разведки армии не дано права решать главную задачу из рук вон плохо. И он напомнил события текущего года. В январе русские силами двух фронтов провели успешную наступательную операцию в районе Шлиссельбурга. О ее подготовке немецкая разведка не знала абсолютно ничего. По этой причине войска фюрера не сумели предотвратить прорыв блокады Петербурга и дали большевикам возможность пакапливать свои силы. 22 июля советские части пошли в наступление на Сянвинские высоты. И опять немецкие войска оказались застигнутыми врасплох, понесли большие потери... Командующий явно припирает разведчика фактами неудачных действий его подчиненных и выражал свое неудовольствие.

Майор пробовал защищаться. Он сказал, что для получения сведений о противнике и его намерениях разведотдел штаба армии использует все виды наземной и воздушной разведки, радиоперехват, телефонное подслушивание, опрос военнопленных. И осторожно напомнил, что глубокую агентурную разведку войск противника осуществляет абвер — ведомство адмирала Канариса. Приданная армии абвергруппа-112 с помощью разведотдела перебрасывает в тыл русских десятки подготовленных агентов. Глубокую разведку активно ведет «Марс» — абверкоманда-104, приданная группе армий «Север». Многие ее агенты действуют в расположении и на коммуникациях русских войск, противостоящих 18-й армии...

Генерал жестом остановил майора: его утомило перечисление сил и возможностей, он хотел иметь результаты разведывательной деятельности в тылу врага.

Майор откровенно пожаловался на то, что абвер направляет за линию фронта немало своих разведывательных групп, как правило, снабженных радиостанциями. Но к сожалению, за единичными исключениями, реальных результатов от них ни «Марс», ни другие органы абвера не имеют. О причинах можно только догадываться. Видимо, некоторые из агентов являются к большевистским комиссарам и чекистам с повинной, другие попадают в руки русской контрразведки.

Генерала меньше всего интересовали секреты стратегии и тактики абвера, тем более что военному командованию на местах он не подчинялся. Очевидно, армейской разведке следовало в большей мере, чем до сих пор, опираться на свои силы и возможности. И он высказал желание о том, чтобы отдел самостоятельно подобрал, подготовил и направил в тыл русских несколько агентов из числа надежных солдат фюрера. Майор фон Вакербард согласился с предложением и заверил командующего, что все полученные указания будут выполнены.

...Перебежчик Рудольф Фукс, рыжеволосый здоровяк с широко расставленными глазами и крупным носом, спокойно сидел на табурете и с невозмутимым видом отвечал на вопросы чекистов. Вначале он подтвердил все, что рассказал в разведотделе и изложил в заявлении на имя начальника контрразведки фронта. Затем сообщил, что за три дня до переброски его через линию фронта на сторону советских войск с ним беседовал офицер разведслужбы 18-й армии лейтенант Кинель.

— Лейтенант заявил мне, — продолжал рассказ Фукс, — что ему известно все о моей магери, которая, по его словам, понесла заслуженное наказание за свои преступные действия против фатерланда. А я, наоборот, числюсь у них в разведотделе как верный солдат вермахта. К тому же мой отец погиб смертью храбрых в борьбе за победу германского оружия. Поэтому, сказал лейтенант Кинель, командование решило предоставить мне блестящую возможность проявить преданность фюреру — направиться в расположение русских войск с разведывательным заданием.

— Как вы реагировали на это предложение?

— Первая мысль была — отказаться, но я тут же сообразил, что, являясь антифашистом, принесу советскому командованию больше пользы, если перейду на вашу сторону и раскрою секреты гитлеровской разведки.

— Почему же вы не сделали этого сразу, когда пришли к нам?

— Лейтенант Кинель запугал меня. Он внушил мне, что русские военные власти морят немецких военнопленных голодом, а признавшихся разведчиков расстреливают без суда и следствия. Но все это оказалось вымыслом.

— Какое задание вы получили от фашистской разведки?

— Я должен был, перейдя линию фронта, назваться перебежчиком-антифашистом, завоевать доверие русских военных властей, добиться зачисления в подразделение, ведущее радиопропаганду на немецком языке с переднего края обороны. Одновременно я имел задание, используя любые возможности, собирать различные сведения о ваших войсках, а затем при первом удобном случае перейти к своим.

— Как намерена была использовать вас фашистская разведка в случае успешного выполнения данного вам задания?

— Лейтенант Кинель сказал, что после моего возвращения я буду зачислен радистом в разведотдел штаба восемнадцатой армии.

Когда Канатников и его помощник доложили Соснину результаты допроса перебежчика, подполковник попросил их высказать соображения о дальнейших шагах по делу Фукса.

— На мой взгляд, — начал старший лейтенант, — у нас нет достаточных оснований не доверять Фуксу. Мне думается, есть смысл предложить ему стать советским раз-

ведчиком и, если он согласится, направить его с нашим заданием на ту сторону.

— А ваше мнение, Александр Федорович?

— Фукс, которому обещано место радиста в разведотделе штаба восемнадцатой немецкой армии,— наш разведчик. Многообещающая перспектива! И тут можно понять нашего молодого коллегу. Но возникает вопрос: а что, если все действия Фукса предусмотрены легендой, разработанной Вакербардом, и рассчитаны на внедрение фашистского разведчика в наши органы? Разве это исключено? Мы ведь еще не определили, кто перед нами — друг или враг.

— В том-то все и дело,— согласился с Капатниковым подполковник. — Майор Вакербард известен нам как мастер искусных разведывательных и контрразведывательных комбинаций, умело разработанных легенд. Поэтому мы обязаны принимать в расчет только проверенные, объективные данные. Вот, к примеру, показания перебежчика Крюгера. Обратите внимание: Фукс назвал его своим земляком, сослуживцем и единомышленником. И Крюгер все это подтвердил. Но кто может поручиться, что он ведет с нами честную игру? Короче говоря, задача остается прежней: мы должны убедиться в искренности Фукса, или разоблачить его как лазутчика врага.

Чекисты вновь перебрали немало различных вариантов решения этой задачи. В конце концов наметили конкретные меры, получившие одобрение начальника контрразведки фронта.

Свою дальнейшую работу контрразведчики начали с более глубокого, всестороннего изучения личности и поведения перебежчика Карла Крюгера. И расчет оказался точным.

Рассматривая солдатскую книжку Крюгера, майор и старший лейтенант заметили, что, судя по дате ее оформления, она находилась при нем около года, а выглядела так, будто ее выписали только вчера. Прошло немного времени, и чекистам стало известно, что Крюгер, объявивший себя при переходе линии фронта антифашистом, в разговорах с военнопленными на эвакуационном пункте, в отличие от Фукса, старается об этом не вспоминать. Более того, он часто ведет удивительные беседы с пленными, которые открыто заявляют о своей преданности Гитлеру. Кроме того, контрразведчики узнали, что Крюгер вечерами тайком от всех ведет какие-то записи.

Докладывая о собранных сведениях майору Капатникову, переводчик, увлекавшийся в период учебы в Ле-

ниградском университете немецкой филологией, счел необходимым высказать пачальнику некоторые соображения:

— Поппмааете, Александр Федорович, меня настораживает такая деталь: по заявлению Крюгера и Фукса, они земляки, саксонцы. Однако, если Фукс действительно говорит на саксонском диалекте, то беседа с Крюгером убедила меня, что он не саксонец. В его речи явственно заметно северо-немецкое произношение. Здесь что-то не то.

Это была очень важная деталь, и Канатников похвалил подчиненного за наблюдательность.

Когда об этом Канатников доложил Соснихину, подполковник оживился и с чувством удовлетворения отметил:

— Как видите, мы оказались правы. Несомненно, что оба перебежчика связаны между собой одной веревочкой. И надо полагать, не без участия Вакербарда. Теперь нам осталось проверить эту версию до конца. Попробуем дасть понять Фуксу, что мы доверяем ему и намерены послать его через линию фронта с заданием. А затем посмотрим, как он поведет себя. Не будет ли пытаться встретиться с Крюгером?

Разговаривали с Фуксом Канатников и переводчик. Выслушав чекистов, Фукс не без пафоса произнес:

— Являясь антифашистом, я расцениваю ваше предложение как проявление доверия ко мне. Я согласен выполнять задания советской разведки. Но сумею ли я быть полезным вам, а также тем, кто по вашим заданиям действует в тылу немецких войск?

— Все зависит только от вас.

— А теперь я, в свою очередь, хочу обратиться к вам с одним предложением. В эвакупункте есть немало фашистов-нацистов, которые замышляют враждебные выпады против сторонников комитета «Свободная Германия». Если бы вы разрешили мне побывать там, я помог бы вскрыть эти преступные замыслы.

«Ключу!»,— решил Канатников. А вслух сказал: — У нас возражений нет.

Фукса отправили на эвакупункт немецких военнопленных, обеспечив за ним соответствующее наблюдение. Убедившись, что никто не проявляет к нему интереса, «антифашист» разыскал Крюгера и, отведя его в угол барака, о чем-то долго шептался с ним. Ни с кем из других военнопленных Фукс в контакт не вступал.

Вечером Фукса пригласили в кабинет пачальника эвакупункта. Ожидавшие его контрразведчики в присутствии

понятых произвели личный обыск и обнаружили у него записи, исполненные рукой Крюгера. Даже поверхностное ознакомление с ними позволяло сделать вывод, что они носят шпионский характер.

Вскоре Фукс и Крюгер заняли положенные им места в следственном изоляторе контрразведки фронта.

Агенты фашистской разведки, пойманные с поличным, признались во всем. Длинноногий худой Крюгер, исподлобья поглядывая на переводчика, рассказывал:

— Я окончил специальные курсы, организованные разведотделом штаба восемнадцатой армии. Там же обучался и Руди Фукс. Майор фон Вакербард дал мне задание после перехода линии фронта вести работу среди немецких военнопленных. С помощью тех, кто остался верен фюреру, собирать всевозможные разведывательные данные, в которых заинтересовано наше командование. Главная задача — выяснить, нет ли каких-нибудь признаков о подготовке русских войск к наступлению. Кроме того, майор обязал меня узнать, как ведут себя здесь немецкие перебежчики и другие антифашисты. Все эти сведения мне надлежало вручить Фуксу для передачи Вакербарду. А затем я должен был, беседуя с военнопленными, убеждать их в том, что антифашистский комитет «Свободная Германия» глубоко враждебен германскому народу, а его пропаганда лжива. В лагере военнопленных мне следовало сколотить группу из числа приверженцев нацизма и организовать побег на сторону наших войск.

После разоблачения Фукс неузнаваемо изменился. Нервно теребя свои рыжие волосы, округлив широко расставленные глаза, он зло, с вызовом повторял:

— Да, я не антифашист. Я верный солдат фюрера. Да, вовсе не лейтенант Кинель, а лично майор фон Вакербард разработал для меня и Крюгера легенду, снабдив нас соответствующими документами. Моя мать никогда не была членом компартии, а Крюгер — моим земляком. Майор фон Вакербард послал меня сюда с задачей любой ценой добиться вашего доверия. Я должен был возвратиться к нему как ваш разведчик, попутно захватив сведения, собранные Крюгером. Мы хотели узнать методы вашей работы, выявить ваших людей, действующих в нашем тылу, чтобы переловить их всех. Жаль, что мы не смогли довести начатое дело до конца.

Все стало на свои места. Как карточный домик рассыпалась легенда, со знанием дела созданная для агентов фашистской разведки.

Вслед за Крюгером и Фуксом начальник отдела 1Ц штаба 18-й армии направил в расположение наших войск еще не одного своего лазутчика, но все они были разоблачены и обезврежены чекистами Ленинградского и Волховского фронтов.

А через три месяца после описываемых событий, в январе 1944 года, наши войска неожиданно для врага перешли в наступление и разгромили дивизии 18-й армии, девятьсот долгих дней и ночей осаждавшие Ленинград.

Оторвавшись от своих неотложных, как всегда, дел, у огромного окна молча стояли Канатников с переводчиком. К ним подошел Соснихин. Гремел артиллерийский салют. Красочный фейерверк, взвившийся над Невой, расцветчивал вечернее январское небо.

Непокоренный Ленинград славил своих героев.

В РЕШАЮЩИХ БОЯХ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

В. Г. НОВОХАТЬКО,
ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ

СРАЖЕНИЕ В ЭФИРЕ

7 апреля 1965 года в газете «Известия» была опубликована статья генерал-лейтенанта Н. И. Железникова «Поединок с фашистской разведкой». «Трудно переоценить работу органов госбезопасности по дезинформации противника в годы Великой Отечественной войны, — говорилось в ней. — Сотни фашистских агентов, захваченных органами госбезопасности, работали под их контролем и сообщали немецкой разведке ложные сведения».

В подтверждение сказанного автор приводил конкретные примеры работы чекистских органов по дезориентированию фашистского командования и его разведывательных служб в различные периоды минувшей войны. Вот один из них: «В декабре 1942 года во время подготовки удара на Волховском направлении противника дезинформировали через «его» агентов из Тихвина, Бологого, Вологды, Ярославля, Рыбинска, Бежецка, Калинина, Москвы, Горького, Пензы и многих других городов».

Инициаторами и активными участниками этой операции были чекисты Волховского фронта. Автору этих строк, в то время оперативному сотруднику Особого отдела фронта, довелось продолжительное время работать с абверовским агентом-радиом, который после явки с повинной был привлечен нами к участию в дезинформации противника.

Бой в эфире, о котором пойдет речь в воспоминаниях, развернулся в октябре 1942 года. В начале этого месяца в Особом отделе Волховского фронта состоялось служебное совещание. Выступая на нем, начальник отдела дивизионный комиссар (позднее — начальник Управления контрразведки «Смерш», генерал-майор) Д. И. Мельников проинформировал чекистов о сложившейся на фронте обстановке. Он сказал о том, что завершилась Синявинская операция, в которой участвовали войска 8-й армии и некоторые части 2-й ударной армии Волховского фронта и войска 55-й армии и Невской оперативной группы Ленинградского фронта. Из-за недостатка сил и активного противодействия противника, усиленного за счет дивизий 11-й армии, прибывшей из Крыма для наступления на Ленинград, прорвать блокаду Ленинграда не удалось. Однако, по оценке советского командования, боевые действия войск двух фронтов в Синявинской операции имели весьма важное значение. Начальник Особого отдела фронта сообщил также, что в ходе ожесточенных боев только на Волховском фронте противник потерял убитыми и пленными не менее 60 тысяч солдат и офицеров, около 200 танков и много другой боевой техники. В результате попытка гитлеровского командования организовать новое наступление на Ленинград была сорвана.

— В настоящее время,— продолжал дивизионный комиссар,— советское командование приступило к накоплению сил для нового удара по противнику. А перед чекистами поставлена задача своевременно пресекать все попытки вражеской агентуры разведать замыслы и планы советского командования. При этом следует иметь в виду, что за последнее время абвер активизировал заброску шпионских групп с рациями в расположение и на коммуникации наших войск.

Учитывая важность предстоящей операции, чекистам предстояло решить еще одну, не менее важную задачу — дезинформировать противника относительно истинных намерений советского командования. Дивизионный комиссар Д. И. Мельников подчеркнул, что дезинформация — это мощное оружие в борьбе с врагом. Но при условии, что абвер и гитлеровское командование не будут сомневаться в достоверности передаваемых им сведений.

— А для этого,— поставил задачу начальник Особого отдела фронта,— следует из числа подходящих к нам с новинной абверовских шпионов-радиостов подобрать агента, который был бы до конца откровенен перед нашими

органами, не оказался двурушником. Если мы найдем такого помощника, то уже наполовину решим поставленную задачу. Остальное будет зависеть от нас самих, от вдумчивого подхода к организации этой работы, четкого замысла и точного расчета.

Прошли буквально считанные дни, и мы получили реальную возможность приступить к проведению такого мероприятия. Предложение о целесообразности начать операцию возникло после допроса трех явившихся с повинной участников шпионской группы абвера. Его внес заместитель начальника Особого отдела фронта полковник В. И. Горбушин, который вместе со следователем допрашивал шпиолов.

Фашистские агенты — разведчик Филатов, радист Осипов и его помощник Серегин накануне вечером спустились на парашютах с немецкого транспортного самолета и приземлились в районе Бокситогорска. В форме наших военнослужащих, имея на руках отлично изготовленные фиктивные документы и советские деньги, они без труда добрались до Малой Вишеры, где, приступая к выполнению полученного задания, явились в Особый отдел Волховского фронта с повинной. Старший шпионской группы Филатов на допросе показал:

— Все мы находились в плену, затем окончили различные разведывательные школы абвера. Я, в частности, учился в городе Валге, в разведшколе, находящейся в подчинении абверкоманды-104, которая условно именуется по позывному своей радиостанции «Марсом». В конце сентября 1942 года из других школ абвера прибыли агенты Осипов и Серегин. 3 октября нас свели в группу и дали задание. После этого отвезли на псковский аэродром, откуда на самолете переправили через линию фронта.

— В чем заключалось данное вам задание?— спросил полковник Горбушин.

— Нам было приказано проникнуть в район Малой Вишеры,— ответил Филатов.— Здесь мы должны были установить места дислокации воинских частей, выяснить местонахождение близлежащих аэродромов и количество самолетов на них. Одновременно вести систематическое наблюдение за движением воинских эшелонов по Октябрьской железной дороге. Если представится возможность, собрать сведения о работе оборонной промышленности. По мере сбора разведывательных данных нам следовало регулярно передавать их по радио на «Марс». Через три-четыре недели мы должны были возвратиться

обратно. При невозможности перейти линию фронта подлежало заполнить чистые бланки командировочных предписаний и двигаться в глубь страны, собирая и передавая разведывательные данные в абверкоманду-104.

На вопрос, при каких обстоятельствах он стал агентом вражеской разведки, Филатов ответил:

— Во время жестокого боя я, старший лейтенант Красной Армии, попал к фашистам в плен. В конце января 1942 года, находясь в лагере военнопленных, заболел сыпным тифом. Лечения никакого не было, многие большие умирали. К тому же кормили нас, пленных, очень плохо. В это время к моим нарам подошел немецкий офицер. Он сказал мне, что если я соглашусь работать в пользу абвера, то он через врачей поможет мне стать на ноги. Появилась возможность вырваться из страшного ада. Я согласился стать агентом абвера, твердо решив при выброске на советскую сторону явиться с повинной.

Далее Филатов показал, что когда его назначили старшим шпионской группы и свели с радистами, он «потолковал по душам» с Осиповым. Убедившись, что этот агент противника не горит желанием работать на гитлеровскую разведку, предложил ему явиться в Особый отдел с повинной. Напарник Филатова поддержал это предложение. Позднее к ним присоединился и радист Серегин. Старший группы абвера рассказал полковнику Горбушину, что в период обучения в валговской разведшколе «Марс» он склонил к явке с повинной еще несколько курсантов школы, оставшихся в душе патриотами своей Родины.

Показания Филатова не нуждались в дополнительной проверке. За несколько дней до выброски его группы в тыл наших войск явился с повинной еще один выпускник валговской разведшcolas абвера, который рассказал чекистам, что к невыполнению задания вражеской разведки его склонил курсант Филатов. О безусловной откровенности этого советского патриота свидетельствовали и его показания о деятельности абверкоманды-104, и особенно разведывательной школы «Марс» в Валге, об официальных сотрудниках, преподавателях и агентах, переброшенных или готовившихся к переброске в тылы Ленинградского и Волховского фронтов со шпионскими заданиями. Филатов передал полковнику Горбушину несколько фотографий офицеров абвера, которые ему удалось достать в период учебы в разведшколе.

Столь же искренне вели себя перед чекистами и напарники Филатова — радисты Осипов и Серегин.

Оказавшись в фашистском плену, лейтенант Красной Армии Осипов дал согласие офицеру вражеской разведки на сотрудничество с абвером, чтобы вырваться из лагерного ада. Он обучался на отделении разведчиков-радиостов в центральной школе абвера близ Варшавы, но работать на фашистов не хотел. По прибытии в Псков его определили в разведывательную группу Филатова, который, познакомившись с ним, завел разговор о явке с повинной. Они быстро нашли общий язык. Подтвердив показания Филатова, он рассказал чекистам об интенсивной деятельности центральной школы абвера, о методах обучения в ней разведчиков-радиостов, о руководящем и преподавательском составе школы, об агентах, подготовленных для шпионских акций против советских войск.

Полковник Горбушин убедился в честности Осипова, когда тот после передачи чекистам портативной приемопередающей радиостанции, назвал ему шифры, коды и опознавательный пароль для связи с «Марсом». Он сообщил полковнику обусловленное время сеансов радиосвязи, а также «сигнал тревоги» — кодовый знак, которым абверовцы снабдили его на случай работы под диктовку советской контрразведки.

Помощник Осипова разведчик-радиост Серегин рассказал чекистам, что окончил абверовскую школу радиостов в местечке Белое Озеро неподалеку от Риги. Отвечая на вопрос следователя, как он стал фашистским агентом, Серегин показал:

— Когда я находился в лагере военнопленных, администрация объявила, что для работы подбирает знакомых с радиоделом. Чтобы вырваться из лагеря, где погибало много наших людей, я назвался радиолюбителем. И лишь оказавшись в школе абвера, понял, что гитлеровцы обманули меня. Но отступать было уже поздно. После формирования нашей разведгруппы Филатов и Осипов предложили мне вместе с ними явиться в Особый отдел с повинной. Я согласился, так как и сам не хотел работать на фашистов.

Серегин подтвердил показания Филатова и Осипова, рассказал о разведчиках-радиостах, окончивших школу абвера в Белом Озере.

Об итогах допроса явившихся с повинной агентов абвера полковник Горбушин доложил начальнику Особого отдела. В результате было принято решение незамедлительно начать операцию по дезориентированию противника. Это решение диктовалось еще одним соображением: опоздание с отправкой первой радиограммы в «Марс» о

благополучном приземлении агентов в тылу войск Волховского фронта могло вызвать у абверовцев подозрение о возможном задержании их советской контрразведкой.

Дивизионный комиссар Д. И. Мельников информировал командующего Волховским фронтом генерала армии К. А. Мерецкова и члена Военного совета фронта армейского комиссара 1-го ранга А. И. Запорожца о явке с повинной трех агентов фашистской разведки — разведчика и двух радистов, о полученных от них показаниях и возможности начать работу по дезинформации командования группы немецких армий «Север». Получив их согласие, Д. И. Мельников связался с Центром и изложил план действий. Затем рекомендовал начальнику подразделения Особого отдела фронта подполковнику Г. Д. Лукацкому выделить для работы с радистом Осиповым, давшим согласие на сотрудничество, опытного оперативного работника.

Выбор пал на меня — чекиста с довоенным стажем, прибывшего на Волховский фронт в декабре 1941 года. С того дня на протяжении длительного времени я работал только с радистами.

Кроме Осипова к участию в проведении мероприятия по дезинформации противника мы привлекали Филатова и Серегина, которые искренне согласились помогать нам.

Операцию начали 6 октября 1942 года. Получив от меня инструктаж, Осипов в обусловленное время вышел в эфир и связался с «Марсом», куда передал первую радиограмму. Текст ее был составлен нами. Радиограмма гласила: «Выброшены не в указанном районе. При спуске парашюта Луч (Серегин) сломал себе ногу. Сообщите, что делать. После вашего решения будем продвигаться к месту». Радиограмма была подписана Филатовым. Все последующие сообщения в «Марс» мы отправляли также за его подписью.

На другой день из абверкоманды-104 поступил ответ: «Сообщите ваше точное местонахождение. Как сломана нога? Доставьте Луча в деревню, где нет коменданта или воинских частей, и передайте его костоправу под предлогом, что на пути в часть он оступился. Перед отправкой Луча продумайте хорошо легенду и дайте ему только удостоверенные личности и расчетную книжку, а остальное оставьте у себя. Дайте денег. Сердечный привет, не упывайте. Слушаем вас через 3 часа».

Полученную радиограмму мы с подполковником Лукацким передали начальнику Особого отдела фронта. Дивизионный комиссар Мельников решил, что ответную

радиограмму надо направить в «Марс» через два дня, которые «потребуется» разведгруппе Филатова на устройство «сломавшего ногу» Серегина. А за это время разработать подробный план мероприятий по дезинформации командования группы немецких армий «Север» через абверовский разведцентр, призванный обеспечивать его данными агентурной разведки о войсках Ленинградского и Волховского фронтов. Подготовить такой план поручили мне.

Командование фронта было весьма заинтересовано в четком осуществлении этого плана. Важно было так поставить дело, чтобы скрыть от противника подготовку наших войск к предстоящей наступательной операции.

Дезинформационные сведения для передачи в «Марс» были составлены с учетом задания, данного шпионской группе Филатова, и касались прежде всего тех вопросов, которые интересовали командование группы армий «Север». Они легли в основу плана проведения первого этапа операции.

Как было намечено, через два дня после получения радиограммы из «Марса» в Псков, в абверкоманду-104, направили ответное сообщение разведгруппы Филатова. В нем указывалось место приземления разведгруппы и название деревни, где агентам абвера якобы «удалось найти костюма, который оказал помощь Серегину и за вознаграждение оставил его до выздоровления у себя». Далее в радиограмме сообщалось, что старший группы и радист направляются в сторону Октябрьской железной дороги для сбора необходимых сведений согласно полученному заданию.

На следующий день в очередной сеанс связи без какой-либо задержки из разведцентра противника поступил ответ. В нем одобрялись действия группы Филатова. В заключение «Марс» радировал: «Желаем успеха. Ожидаем сведений, в первую очередь по Малой Вишере». Интересующие вражескую разведку сведения о местах дислокации войсковых частей и соединений в районе Малой Вишеры и воинских перевозках по Октябрьской железной дороге, представленные штабом фронта в выгодном для нашего командования свете, мы уже имели. Однако направили их в «Марс» лишь через три дня, чтобы Филатов и Осипов «располагали» необходимым временем для «сбора» этих разведывательных данных.

Вслед за первой радиограммой на протяжении трех месяцев, вплоть до начала наступательной операции «Искра», мы систематически передавали в «Марс» дезинфор-

мационные сведения, которые охватывали широкий круг вопросов. С одной стороны, в «Марс» направлялись данные, являвшиеся результатом «выполнения» многочисленных заданий, которые регулярно получала из абверовского шпионского центра разведгруппа Филатова. С другой стороны, мы передавали в «Марс» заслуживающие внимания «разведывательные» сведения, которые якобы по своей инициативе сумела «добыть» группа Филатова.

В соответствии с заданием, полученным группой Филатова в абверкоманде-104, агенты «приняли энергичные меры» к установлению в районе Малой Вишеры мест расположения действующих военных аэродромов. Сообщая об этом в «Марс», Филатов информировал разведцентр, что его группе «удалось» обнаружить недалеко от Малой Вишеры один такой аэродром и даже определить марки и количество базирующихся на нем самолетов. В радиogramме указывались точные координаты этого важного объекта. В действительности здесь находился ложный аэродром с установленными на его окраинах деревянными макетами боевых самолетов. Фашистская авиация не заставила себя долго ждать. Через день после отправки радиogramмы вражеские самолеты подвергли ложный аэродром ожесточенной бомбардировке, которую повторили и на следующий день.

Большой интерес разведка противника проявляла к сведениям о движении воинских эшелонов через станцию Малая Вишера. Мы многократно удовлетворяли повышенные запросы абвера, сообщая ложные сведения о времени следования составов. В результате фашистские самолеты сбрасывали бомбы, не причиняя нам ущерба.

В ноябре 1942 года участились полеты вражеской авиации в район Малой Вишеры. Она вела воздушную разведку, пыталась вывести из строя железнодорожное полотно и мост через реку Мсту. Наши летчики-истребители усилили отпор врагу. В одном из воздушных боев советский летчик подбил вражеский самолет. Фашистский ас выбросился из горящей машины с парашютом. Он попытался пробраться на свою сторону, но был задержан.

На допросе в Особом отделе фашистский летчик показал, что в районе Малой Вишеры действует разведывательная группа абвера, которая по радио сообщает в Псков о передвижениях советских войск. В его задачу входило фотографирование с самолета железнодорожных эшелонов и автоколонн, следующих в этом районе по железной и шоссевым дорогам. О себе пленный летчик сообщил, что он служил в эскадрилье, которая сопровождает

ла Гитлера при его выездах на фронт, и что ему известно место расположения полевого бункера фюрера.

После допроса фашистского летчика мы отправили в «Марс» радиограмму за подписью Филатова, в которой сообщалось, что разведчики видели, как в бою был сбит немецкий самолет. Летчик выбросился с парашютом. В полученном ответе разведцентр приказал Филатову «уточнить место приземления летчика и место падения самолета». Учитывая, что напарник сбитого фашистского аса, возвратившись на свою базу, наверняка сообщил командованию координаты места его приземления, мы передали действительные данные.

В тот же день в районе приземления фашистского летчика появился вражеский самолет-разведчик. Снизившись чуть не до верхушек деревьев, он долго кружил над этим местом, но улетел, как видно, не достигнув цели. Ночью сюда же прилетел фашистский бомбардировщик, выбросивший двух парашютистов. По приказу дивизионного комиссара Д. И. Мельникова был организован поиск вражеских лазутчиков. Через два дня их задержали при попытке перейти линию фронта.

В следственной части Особого отдела фронта фашистские агенты показали, что разведка послала их в район приземления летчика с задачей во что бы то ни стало найти его и помочь уйти на свою сторону. Они разыскали место падения самолета, однако главной задачи не выполнили — обнаружить летчика им не удалось.

К этому времени у радиостанции Осипова начало садиться питание. Мы сообщили об этом в «Марс». Не прошло и двух суток, как абверовцы направили через линию фронта самолет, который сбросил на парашюте питание для радиостанции.

Мероприятие успешно продолжалось. Более того, в начале декабря оно вступило в новую фазу. Это было связано с тем, что 2 декабря 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования утвердила план наступательной операции Волховского и Ленинградского фронтов по прорыву блокады Ленинграда. Операция получила кодовое название «Искра». В директиве Ставки, направленной 8 декабря командующим, излагались задачи фронтов. Со стороны Ленинграда удар по обороне противника должна наносить 67-я армия, со стороны Волховского фронта — 2-я ударная и частью сил — 8-я армия. Для усиления фронтов Ставка выделила 6 стрелковых дивизий, 7 лыжных и стрелковых бригад, артиллерийские, минометные, танковые и инженерные соединения и части.

Собрав руководящий состав чекистских органов армий, дивизий и бригад и оперативных работников Особого отдела Волховского фронта, дивизионный комиссар Д. И. Мельников сообщил нам о предстоящей наступательной операции «Искра» и поставил задачу — не допустить, чтобы гитлеровское военное руководство с помощью своей разведки узнало о замыслах и планах советского командования по осуществлению прорыва блокады Ленинграда. Мы были обязаны сделать все от нас зависящее, чтобы ни один агент абвера, заброшенный на нашу сторону, не сумел возвратиться к своим хозяевам и сообщить им о подготовке операции «Искра».

С этого дня чекисты Волховского фронта, особенно 2-й ударной и 8-й армий усилили работу по борьбе с агентурой вражеской разведки, забрасываемой в расположение и на коммуникации войск фронта со шпионскими и диверсионными заданиями. Немало агентов абвера разоблачили и обезвредили чекисты 8-й армии. Ее Особый отдел с марта 1942 года до конца войны возглавлял мужественный контрразведчик полковник И. С. Качалов. Партия направила его в органы госбезопасности еще в 1931 году. Все свои силы, знания, опыт отдавал он борьбе с врагами нашего государства. В сентябре 1941 года, когда гитлеровцы, не считаясь с потерями, рвались к Ленинграду, Иван Сергеевич Качалов возглавлял чекистскую оперативную группу на Красносельском направлении, затем на Невском «пяточке». С мая он — начальник Особого отдела на Ораниенбаумском плацдарме, позднее возглавил чекистский коллектив 8-й армии.

В период подготовки операции «Искра» контрразведчики этой армии, так же как и 2-й ударной, с честью оправдали оказанное им доверие. Они сумели оградить готовившиеся к наступлению войска от подрывной деятельности шпионов и диверсантов абвера, создали условия, исключавшие возможность утечки сведений о планах и мероприятиях командования.

Эти же задачи успешно решала продолжавшаяся чекистская операция по введению противника в заблуждение. Как только командование Волховского фронта получило директиву Ставки о проведении операции «Искра», начальник Особого отдела фронта вызвал подполковника Г. Д. Лукацкого и меня к себе.

— Наступает самый ответственный период в проведении мероприятий по дезинформации «Марса», — сказал дивизионный комиссар. — Предстоит перегруппировка войск фронта. Ожидается прибытие во 2-ю ударную ар-

мню значительного числа новых войсковых формирований и боевой техники. Запланировано проведение ряда других мероприятий, в том числе по оперативной маскировке. Мы обязаны оказать нашему командованию максимальную помощь, дезинформировать противника относительно подготовки войск фронта к наступлению.

В «Марс» следовала одна радиограмма за другой. В них сообщалось, что все три участника разведгруппы Филатова, пользуясь врученными им в Пскове бланками командировочных предписаний, которые они заполняли для передвижения по местам расположения войск Волховского фронта, продолжали активно собирать интересные абвер разведывательные сведения. Что касается их содержания, то оно преследовало одну цель — скрыть от противника мероприятия, проводимые нашим командованием. Поэтому в радиogramмах, передаваемых в «Марс», чаще всего фигурировали сообщения о том, что «прибытия новых воинских частей не отмечается», «каких-либо дополнительных данных о перемещениях войск и штабов не получено», «активизации движения воинских эшелонов по Октябрьской железной дороге не зафиксировано» и т. п.

Вскоре абверовский шпионский центр группы армий «Север» предложил старшему разведгруппы Филатову изыскать возможности для сбора сведений о воинских перевозках по направлению к северному участку Волховского фронта со стороны Тихвина. Естественно, Филатову «удалось выполнить» полученный приказ. Через несколько дней он доложил в «Марс» о «результатах» якобы совершенного им разведывательного рейда к южному побережью Ладоги. В радиogramме сообщалось, что по железнодорожной магистрали Волхов — Войбокало — Назия прохождения воинских эшелонов с личным составом и боевой техникой не отмечено. Отсутствует активность воинских перевозок и по шоссе на дороге, идущей от Войбокала через Путилово к линии фронта. Разумеется, эти данные не соответствовали действительности.

Вражеская разведка, используя имевшиеся у нее возможности, принимала меры для проверки получаемой информации. Истинно велась воздушная разведка. Абверкоманда-104 направляла через линию фронта на самолетах и пешим порядком десятки подготовленных в разведшколах шпионских групп с радиостанциями. Однако все эти меры не давали противнику ожидаемых результатов.

Командование и политорганы фронтов, армейские чекисты делали все необходимое для сохранения военной тайны. Несмотря на исключительную сложность решения задачи по своевременному розыску и задержанию заброшенных на нашу сторону вражеских агентов, контрразведчики Волховского фронта, и прежде всего 2-й ударной и 8-й армией, не допустили ухода шпионов к своим хозяевам и тем самым способствовали сохранению в тайне мероприятий по подготовке наступления.

В середине декабря дивизионный комиссар Д. И. Мельников рекомендовал подполковнику Лукацкому и мне обратить особое внимание на характер радиogramм, направляемых нами в разведцентр противника.

— Дело в том, — пояснил он, — что в связи с крупным военно-политическим значением операции по прорыву вражеской блокады Ленинграда в чекистскую операцию по введению противника в заблуждение будет дополнительно включен ряд радистов абвера, давних согласие работать в пользу наших органов. Дезинформационные сведения в «Марс» будут передаваться из Тихвина, Вологды, Ярославля, Москвы и других городов.

В результате этого мероприятия противнику были переданы ложные данные о перегруппировке советских войск, местах дислокации штабов, пунктов управления и связи, военных аэродромов. В итоге гитлеровское командование не смогло установить, какие боевые части и соединения советских войск перебрасываются на Волховский фронт, не сумело разгадать замысла операции «Искра».

Наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов началось 12 января 1943 года. Через шесть дней упорных боев воины двух фронтов встретились. Вражеская блокада Ленинграда была прорвана.

Вспомнив день начала операции «Искра», представитель Ставки Верховного Главнокомандования на Волховском фронте генерал армии Г. К. Жуков писал: «Не скрою, в то утро мы волновались. Хотя подготовка к операции проводилась очень скрытно, день и час ее начала держались до самого последнего момента в строжайшей тайне, никто не мог поручиться, что сведения об «Искре» не просочились каким-то образом к неприятелю. В последние дни шла перегруппировка значительных масс войск, занимавших исходные районы. Подтягивались к переднему краю танки, артиллерия...

Но вот началась операция. И словно гора свалилась с плеч! Нам стало ясно, что враг не знает, какими сила-

ми мы располагаем, и что время наступления нашего мощного удара оказалось для него неожиданным».

Завершилась длившаяся три месяца незримая битва в эфире. Выйдя из поединка с абвером победителями, армейские чекисты с честью выполнили возложенную на них задачу.

В. А. БОЙКИНЯ,

подполковник в отставке

ОПЕРАЦИЯ «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Я встретил войну на полуострове Ханко в должности полкового уполномоченного Особого отдела 8-й отдельной стрелковой бригады, защищавшей военно-морскую базу КБФ. Коллектив чекистов базы вел контрразведывательную работу на Ханко под руководством Особого отдела Балтийского флота. После эвакуации гарнизона Ханко меня направили в Особый отдел 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии. А в начале июня 1943 года получил вызов к подполковнику А. М. Московских, возглавлявшему тогда отдел кадров контрразведывательной службы Ленинградского фронта.

Александра Михайловича я знал с первых месяцев Великой Отечественной войны. Член ленинской партии с 1926 года, опытный партийный работник, А. М. Московских в начале войны получил направление в Особый отдел Краснознаменного Балтийского флота. Овладев основами чекистского мастерства, он в августе 1941 года был назначен начальником Особого отдела формирующейся 5-й отдельной бригады морской пехоты КБФ. Позднее А. М. Московских получил перевод в контрразведку Ленинградского фронта.

Подполковник А. М. Московских встретил меня приветливо. Он заинтересовался моим самочувствием, вспомнил нелегкие дни 1941 года, когда мы, в то время флотские чекисты, в одном строю с моряками-балтийцами защищали от гитлеровских захватчиков дальние подступы к Ленинграду. Затем Александр Михайлович сообщил мне, что руководство Управления контрразведки «Смерш» фронта считает целесообразным выдвинуть меня на должность начальника Особого отдела 48-й отдельной морской стрелковой бригады, находящейся на Ораниенбаум-

ском (Приморском) плацдарме. Немного помолчав, добавил:

— Будете работать под руководством полковника Дмитрия Георгиевича Гончарова, которого вы хорошо знаете. Он уже полгода возглавляет коллектив чекистов Приморской оперативной группы (ПОГ).

Я поблагодарил за оказанное доверие и отправился к новому месту службы.

Флотский катер, на котором следовала в Ораниенбаум группа военнослужащих, белой ночью выпел в Финский залив. Благополучно пройдя мимо артиллерийских батарей, установленных гитлеровцами в Стрельне и Новом Петергофе, он без происшествий достиг ораниенбаумского пирса. Полковник Д. Г. Гончаров прислал к пирсу легковую машину. Поздней ночью я появился в его кабинете. Широко улыбаясь, он вышел мне навстречу, крепко обнял:

— Поздравляю с благополучным прибытием на плацдарм.

Мы знали друг друга уже целый год. В июне 1942 года Дмитрий Георгиевич был назначен начальником Особого отдела 123-й стрелковой дивизии, находившейся в то время на защите северных подступов к Ленинграду. Не успел он приступить к делам, как из Москвы поступила телеграмма за подписью Михаила Ивановича Калинина, адресованная депутату Верховного Совета СССР Д. Г. Гончарову, с предложением прибыть на сессию высшего органа государственной власти страны.

Возложив на меня, своего заместителя, начальнические обязанности, Дмитрий Георгиевич вместе с другими депутатами вылетел в Москву. Возвратившись, он поделился впечатлениями о сессии Верховного Совета СССР, о Москве, рассказал, что депутаты с большой теплотой встретили выступление на сессии руководителя ленинградских большевиков Андрея Александровича Жданова.

В Особом отделе 123-й стрелковой дивизии мы работали с Д. Г. Гончаровым дружно. Принципиальный коммунист, опытный контрразведчик, выдержанный, обаятельный человек, он быстро завоевал искреннее уважение к себе со стороны сотрудников отдела и командования дивизии. Со знанием дела организуя контрразведывательную работу, Д. Г. Гончаров направлял усилия чекистов на всемерное оказание помощи командованию в укреплении боевой готовности частей. Это особенно проявилось в период подготовки нашей дивизии к прорыву вражеской блокады Ленинграда.

Мы, дивизионные контрразведчики, работали много, напряженно. И конечно же, уставали. Д. Г. Гончаров всегда находил время, чтобы по душам побеседовать то с одним, то с другим сотрудником отдела. Как-то поздно вечером Дмитрий Георгиевич спросил меня:

— Я замечаю, что вы встречаете затруднения при ходьбе. Так это или нет?

— К сожалению, так. Я отморозил обе ноги еще в сороковом году во время боев на Карельском перешейке.

— Как это случилось?

Пришлось рассказать, что я тогда был полковым уполномоченным Особого отдела 24-й стрелковой дивизии. Меня включили в состав штурмовой группы подрывников в качестве замполита. Мы выполнили поставленную задачу и пробили брешь в укреплениях противника. Тогда потом устремлялись наши войска. Но прежде чем это произошло, участники группы несколько часов лежали под вражеским огнем на снегу почти на сорокаградусном морозе. За успешное выполнение этого задания Михаил Иванович Калинин вручил мне орден Красного Знамени.

Рассказал о себе и Дмитрий Георгиевич. Сып пегрмотной батрачки, он рано познал подневольный труд у деревенского богатея. Революция открыла ему дорогу к образованию. Окончив совпартшколу, Гончаров поступил на рабфак, затем в Институт советского строительства и права. В 1926 году стал членом ленинской партии, а через три года получил партийную путевку в чекистские органы. В 1935 году коммунисты Ленинградского управления НКВД избрали Д. Г. Гончарова секретарем партийного комитета. Позднее он находился на руководящей партийной работе в Ставропольском крае. Там трудящиеся избрали его депутатом Верховного Совета СССР. Перед войной по решению партийных органов был переведен на советскую работу в Ленинград. В первые дни Великой Отечественной войны Д. Г. Гончарова призвали из запаса в органы военной контрразведки.

После встречи с полковником Д. Г. Гончаровым я направился в Отдел контрразведки 48-й бригады. Мой предшественник подполковник М. К. Михайлов представил меня командованию соединения, познакомил с обстановкой.

— Имейте в виду, — предупредил он меня, — что абвер активно использует нейтральную полосу на участке бригады для переброски своих агентов в расположение войск ПОГ.

В короткое время с помощью сотрудников отдела, прежде всего своего заместителя капитана К. Я. Врули-

на, я в деталях ознакомился с особенностями контрразведывательной работы, которую вели чекисты ПОГ на плацдарме.

Ораниенбаумский плацдарм, образовавшийся в ходе ожесточенных боев между гитлеровскими войсками и защитниками Ленинграда в сентябре 1941 года, играл важную роль в системе обороны Ленинградского фронта. Нависая над левым флангом 18-й немецкой армии, блокировавшей Ленинград с юга, он прикрывал сухопутные подступы к Кронштадту и оттягивал на себя значительные силы врага, сковывая его инициативу. В начале лета 1943 года, когда я прибыл на плацдарм, его рубежи защищали три стрелковые дивизии и три отдельные морские стрелковые бригады, входившие в состав Приморской оперативной группы, артиллерия фортов и кораблей Кронштадтской военно-морской базы.

Фланговое расположение Ораниенбаумского плацдарма превращало его в своеобразный трамплин, с которого войска Ленинградского фронта, после прорыва блокады в январе 1943 года, могли развернуть наступательные действия против врага. Противник это понимал. Командование группы армий «Север» приняло меры к активизации агентурной разведки на приморском участке Ленинградского фронта.

Усиление шпионско-подрывной деятельности абвера против Ораниенбаумского плацдарма потребовало ответных действий от чекистов Приморской оперативной группы. Примерно через месяц после моего прибытия на плацдарм полковник Д. Г. Гопчаров собрал начальников отделов контрразведки дивизий и бригад ПОГ. На совещании речь шла о контрразведывательной работе на плацдарме.

— Получены данные об активизации шпионской деятельности абвера на нашем участке фронта, — сказал полковник Гопчаров. — Об этом свидетельствуют и показания агента фашистской разведки Щетникова.

Полковник рассказал участникам совещания, как был разоблачен вражеский агент, какие он дал показания.

28 июля 1943 года пост боевого охранения 50-й отдельной морской стрелковой бригады задержал неизвестного, пытавшегося пробраться через линию фронта в расположение наших войск. Он был одет в форму бойца Красной Армии, вооружен автоматом ППП. Задержанного доставили в Отдел контрразведки Приморской оперативной группы. Чекисты внимательно рассмотрели об-

паруженные у него документы. Все они были выписаны на имя писаря штаба 71-й отдельной морской стрелковой бригады ефрейтора Щетникова. Документов было много — красноармейская книжка, продовольственный аттестат, требования на проезд по железной дороге Ораниенбаум — Каллище, командировочные предписания. В потайном кармане у задержанного оказались незаполненные бланки этих же документов.

Навели справки в штабе бригады. Писаря по фамилии Щетников, разумеется, не оказалось. Чекисты убедились, что все обнаруженные у неизвестного документы являются фиктивными. Продолжая изучать их, контрразведчики обратили внимание на четыре командировочных предписания для ефрейтора Щетникова. Одним из них предусматривался выезд его на передний край обороны для уточнения данных о личном составе подразделений. По другому он должен был ехать в штаб 50-й морской бригады для получения личных дел комсостава. Третье предписание было выписано для следования в другую воинскую часть на инструктаж по противохимической подготовке.

Наиболее интересным был четвертый документ. Он гласил: «Ефрейтору Щетникову предписывается доставить под конвоем в Особый отдел Приморской оперативной группы рядового Букнина, пытавшегося перейти на сторону противника». Из этого документа вытекали два важных обстоятельства. Первое — у Щетникова, очевидно, был напарник. При проверке это подтвердилось. Было установлено, что бойцы боевого охранения, заметив приближавшегося к ним неизвестного с оружием, увидели и его напарника. Он осторожно передвигался вслед за направляющим. Затем начал отставать и наконец повернул обратно. Чтобы не спугнуть лазутчика, двигавшегося впереди, наши бойцы, находившиеся в секрете, огонь по его напарнику не открывали.

Второе обстоятельство оказалось не менее важным. Раскрывая его суть, полковник Гончаров сказал нам:

— В ходе изучения текста командировочного предписания Щетникова мы обратили внимание на слова: «Доставить Букнина в Особый отдел». Ведь уже три месяца, как после реорганизации наших органы называются отделами контрразведки «Смерш». Выходит, фашистская разведка до сих пор этого не знает. Иначе она не поставила бы своего агента на грань провала. Несомненно, это грубый просчет абвера. Но загадки, и подчас довольно трудные, он все еще продолжает нам загадывать. Как только

был задержан Щетников, перед нами встал нелегкий вопрос: с какой целью он пробирался на плацдарм?

На первом допросе Щетников пытался утверждать, что он оказался на Ораниенбаумском плацдарме, стремясь после «бегства из фашистского плена» попасть к своим. При этом отрицал, что при переходе нейтральной полосы с ним был напарник. Однако под тяжестью неопровержимых улик признал, что данные показания не соответствуют действительности, что на самом деле он — агент шпионского центра «Марс», как именуется абверкоманда-104, и направлен на плацдарм с разведывательным заданием.

Далее Щетников рассказал, что он, краснофлотец, в сентябре 1941 года во время ожесточенных боев под Петергофом попал в плен. Не веря в победу советских войск, дал согласие вербовщику абвера на выполнение заданий фашистской разведки. Окончил разведывательную школу «Марса» в Валге, после чего находился в распоряжении этого шпионского центра. В июле 1943 года вместе с напарником был доставлен в поселок Сиверский в абвергруппу-112. Вскоре прибывший из Пскова капитан абверкоманды-104 переправил их на нейтральную полосу для проникновения на Ораниенбаумский плацдарм. При подходе к позициям советских войск напарник от него отстал. Видимо, вернулся на немецкую сторону.

На вопрос, какое задание они получили в абвере, Щетников ответил:

— Установить войсковые соединения, прибывшие на плацдарм за последнее время, и места их сосредоточения. Собрать сведения о состоянии железной и шоссейной дорог на плацдарме, о перевозках по ним войск и воинских грузов.

Эти данные агенты должны были собирать путем личного наблюдения и в разговорах с советскими военнопленными, передвигаясь по территории плацдарма в соответствии с выданными им командировочными предписаниями. Отвечая на вопрос о дальнейших замыслах абвера против советских войск, Щетников сообщил:

— Когда нас с напарником отправляли из Пскова в поселок Сиверский, в распоряжении абверкоманды-сто четыре находилось около сорока агентов, подготовленных к заброске в расположение и на коммуникации войск Ленинградского и Волховского фронтов.

Рассказав о разоблачении абверовского агента Щетникова, полковник Гончаров изложил нам выводы, которые, по его мнению, надлежало сделать из его показаний.

— До последнего времени, — сказал он, — фашистская военная разведка забрасывала к нам на плацдарм агентов с самыми разнообразными заданиями. Главным был сбор сведений о численности и вооружении действующих воинских частей, о местах дислокации штабов, складов и баз, о средствах противовоздушной обороны. Некоторым агентам поручалось провоцировать отдельных бойцов на переход к противнику. Задание, полученное агентом абвера Щетниковым, — первое в своем роде.

Из его содержания вытекало, что после разгрома гитлеровцев под Сталинградом и прорыва вражеской блокады Ленинграда фашистское командование считает вполне возможным осуществление наступательной операции войск Ленинградского фронта в целях полного снятия блокады. Более того, гитлеровские генералы полагают, что немалую роль в этой операции будет играть Ораниенбаумский плацдарм. Вопрос этот для командования группы армий «Север» настолько важен, что оно, безусловно, будет настойчиво добиваться от приданных ему органов абвера, и в первую очередь от абверкоманды-104 получения проверенных данных о положении на плацдарме, о мероприятиях нашего командования по подготовке возможного наступления. Естественно, что нам следовало ожидать от противника усиления шпионской деятельности на территории плацдарма. Судя по показаниям Щетникова и некоторым другим данным, абверкоманда-104 располагала для этого большими возможностями. Все это обязывало нас, чекистов ПОГ, к оперативным действиям.

Полковник Гончаров поставил нас в известность, что о показаниях Щетникова и вытекающих из них выводах он сообщил начальнику Управления контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта генерал-майору А. С. Быстрову. Получено указание доставить Щетникова в Ленинград, принять меры по улучшению контрразведывательной работы на плацдарме.

Разумеется, необходимые меры по пресечению подрывных акций абвера с учетом предложений, внесенных на совещании у полковника Гончарова, были своевременно приняты. Учитывая важность сведений, которые интересовали противника, мы, чекисты ПОГ, были убеждены, что вслед за Щетниковым абверкоманда-104 пошлет к нам новых лазутчиков. Ждать их долго не пришлось.

Через девять дней после задержания Щетникова, поздним вечером 6 августа 1943 года капитан К. Я. Врулин доложил мне, что в отдел с переднего края препроводили

неизвестного в форме капитана Красной Армии. Когда его задержали, он обратился с просьбой к командиру роты доставить его в Особый отдел. Имевшийся у него пистолет ТТ изъят.

Через несколько минут передо мной сидел прибывший со стороны противника «капитан». У него был крайне удрученный, расстроенный вид. По моему требованию он положил на стол удостоверение, выписанное на имя командира саперной роты 71-й отдельной морской стрелковой бригады капитана Давыдова, два командировочных предписания — на право проверки инженерных укреплений переднего края и для получения инженерного имущества в другой части.

— По документам вы значитесь Давыдовым. Это ваша настоящая фамилия?

— Нет. На самом деле я Каращенко Мокий Демьянович, старший лейтенант, пограничник. А документы на имя капитана Давыдова фиктивные. Они выданы мне в абвергруппе-112. Я — агент абвера и добровольно явился к вам с повинной.

О задержанном я тотчас же доложил исполняющему обязанности начальника Отдела контрразведки «Смерш» ПОГ майору А. А. Богданову. Майор прислал за ним машину.

В дальнейшем выяснилось, что старший лейтенант Каращенко служил помощником начальника штаба 2-й комендатуры 12-го пограничного отряда в Вентспилсе Латвийской ССР. В первый день фашистского нашествия находившихся в расположении комендатуры женщины и детей пограничники отправили на грузовой машине в сторону Риги, а сами, войдя в состав 114-го стрелкового полка, участвовали в боях с фашистами. В сражении под Ригой Каращенко был тяжело ранен в руку и в обе ноги. 9 июля его захватила в лесу вооруженная банда латвийских буржуазных националистов — айзсаргов. На допросе в жандармском управлении в Риге Каращенко, скрыв свою службу в пограничных войсках, назвал старшим лейтенантом Никулиным, начальником военно-хозяйственного довольствия 308-го строительного батальона.

После излечения в лазарете Каращенко попал в лагерь строгого режима Саласпиле, который узники называли «долиной смерти». В нем гитлеровцы истребили около пятидесяти тысяч советских военнопленных. Голод, издевательства, побои — через все прошел Мокий Демьянович. А когда узнал, что фашистская разведка вербует в лагере агентов и направляет их в шпионские школы,

решил, что это путь избавления от верной гибели, а возможно и возвращения на Родину. Однако стать на этот путь Каращенко решился не сразу, а после долгих и мучительных раздумий, понимая, что за измену Отчизне он может быть сурово наказан.

С мая по июль 1943 года Каращенко обучался в разведывательных школах шпионского центра «Марс» в латвийских городах Валге и Стренчи. За этот период он собрал сведения об официальных сотрудниках школ и агентах, подготовленных к заброске в расположение войск Ленинградского и Волховского фронтов с заданиями шпионского характера.

Сразу же после окончания учебы абверовцы отправили Каращенко в Псков на конспиративную квартиру «Марса» по Крестовскому шоссе. Отсюда они доставили его в район поселка Сиверского, в абвергруппу-112, которая являлась переправочным пунктом «Марса».

Находясь в абвергруппе, Каращенко продолжал собирать сведения о подрывной деятельности фашистской разведки против Ленинградского и Волховского фронтов. Ему удалось выведать, что абверкоманду-104 в первую очередь интересуют сведения о советских войсках, расположенных в районах Ораниенбаума и Новгорода.

— В конце июля абверовцы пытались переправить на Ораниенбаумский плацдарм двух агентов,— сообщил Каращенко.— Одного из них, Щетникова, задержали советские бойцы, а его напарник вернулся, не дойдя до переднего края. Его обвинили в трусости и отправили в абверкоманду в Псков.

Далее Каращенко рассказал, что ему стало известно о намерении абверовцев направить в район Новгорода двух агентов с заданием по сбору шпионских сведений о войсках Волховского фронта. Планируется переправить агентов, вооруженных пистолетами и гранатами, в советский тыл через озеро Ильмень на резиновой лодке. Начальник абвергруппы-112 капитан Фиш вручил Каращенко фиктивные документы, разъяснил задание, тщательно проинструктировал его. После этого переправил агента через линию фронта на Приморский плацдарм.

На вопрос о полученном задании Каращенко ответил:

— Мне поручено в течение восьми-девяти дней разведать, не прибыли ли на плацдарм новые войсковые соединения. Если появились, то выяснить их номера, где и когда они комплектовались, фамилии командиров, места сосредоточения.

Эти сведения Каращенко должен был собирать путем личного наблюдения и в разговорах с советскими офицерами.

В соответствии с указанием начальника Управления контрразведки «Смерш» фронта поздним вечером 7 августа Каращенко был отправлен на катере из Ораниенбаума в Ленинград.

Осенью 1943 года штаб Ленинградского фронта приступил к детальной разработке плана решающей наступательной операции, получившей кодовое наименование «Нева-2», по разгрому вражеской группировки, блокировавшей Ленинград с юга. Подготовка войск к операции должна была проводиться в строжайшей тайне. В связи с этим Военный совет поставил перед контрразведчиками фронта задачу так организовать свою работу, чтобы ни один шпион не смог сообщить врагу данные о подготовке операции, особенно о времени ее проведения и направлении главного удара.

Чекисты Приморской оперативной группы начали с плана мероприятий, охватывающих все стороны контрразведывательной работы на плацдарме. После его согласования с командованием и политотделом Приморской оперативной группы, с находившимися на плацдарме контрразведчиками КБФ и пограничниками, охранявшими войсковой тыл, мы начали претворять его в жизнь.

Чекисты ПОГ совместно с командирами и политработниками инструктировали бойцов, направляемых в боевое охранение и на патрульную службу. На вероятных путях проникновения шпионов на плацдарм были выставлены засады и секреты. Посты службы воздушного наблюдения также получили соответствующие указания. Местность контролировалась. Пограничники установили на дорогах дополнительные контрольно-пропускные пункты. Была усилена проверка документов, введен более тщательный контроль за выдачей в штабах командировочных предписаний. По указанию политорганов в подразделениях проводились беседы о бдительности. Флотские и армейские чекисты провели ряд мероприятий по обеспечению строгой секретности перевозок по Финскому заливу на Приморский плацдарм личного состава и боевой техники 2-й ударной армии. Последующие события показали, что все эти предупредительные меры оказались своевременными и эффективными.

Как мы и ожидали, руководители абверовских органов, действовавших против приморского участка Ленинградского фронта,— начальник абверкоманды-104 под-

полковник Шиммель и подключившийся к нему начальник «Абвернебенштелле-Ревал» фрегат-капитан Целлариус развернули активную шпионскую деятельность. Выполняя требования гитлеровского военного руководства любой ценой выведать замыслы нашего командования, только в августе — декабре 1943 года они направили на Приморский плацдарм более двадцати агентов, которые прошли специальную выучку в шпионских школах абвера. В их числе был даже преподаватель одной из этих школ.

Однако как ни старались матерые деятели абвера и их лазутчики, они не достигли поставленной цели. Ни одному вражескому агенту не удалось выполнить полученное задание. Развернувшийся между органами абвера, нацеленными на Приморский плацдарм, и чекистами армии и флота ожесточенный поединок завершился поражением фашистской разведки.

В ходе этого поединка контрразведчики Ленинградского фронта осуществили чекистскую операцию «Возвращение» по дезинформации противника. Идея этой операции была заложена еще в плане командования фронта по разгрому фашистских войск под Ленинградом. Им предусматривалось, в частности, проведение ряда мероприятий по введению противника в заблуждение. Ставилась задача убедить командование группы армий «Север» в том, что советские войска готовятся к наступлению с правого фланга Ораниенбаумского плацдарма на Кингисепп. Фактически же главный удар намечался с левого фланга плацдарма в сторону Красного Села.

По указанию Военного совета фронта в работу по осуществлению плана включились и контрразведчики. Перед ними была поставлена задача дезинформировать абверкоманду-104, которая снабжала данными агентурной разведки о войсках Ленинградского фронта командование группы армий «Север». Для этого чекистам следовало подобрать надежного разведчика, которому бы поверил враг. Выбор пал на Мокня Демьяновича Каращенко. За неделю пребывания в Ленинграде контрразведчики фронта подготовили его к выполнению сложного и ответственного задания: он должен был возвратиться в абверкоманду-104, но уже в качестве нашего разведчика и дезинформировать руководство «Марса» относительно замыслов советского командования.

Каращенко возвратился на плацдарм в сопровождении офицера контрразведки фронта капитана В. Н. Мако-

вееенко. Он был счастлив и горд, что ему поверили и позволили стать в ряды активных бойцов против фашизма.

Каращенко поручалось сообщить руководству абверкоманды-104, что за последнее время на правый фланг Приморского плацдарма прибыли 142-я отдельная стрелковая бригада, 98-я стрелковая дивизия, а также 227-я стрелковая дивизия или 13-я отдельная стрелковая бригада (уточнить не представилось возможным). Находящаяся на плацдарме 71-я отдельная морская стрелковая бригада должна быть заменена другим соединением и отведена в тыл для подготовки к десантным операциям. На днях в нее прибыло пополнение — два батальона морской пехоты, каждый по восемьсот человек. Один из батальонов начал тренировку в штурмовых действиях по высадке пехоты с мелких морских барж на Лубенском озере. Сообщение между Кронштадтом и Приморской оперативной группой осуществляется самоходными баржами. Они предназначены для морских десантных операций. Значительное количество самоходных барж сосредоточено в Копорском заливе.

Эти сведения Каращенко якобы собрал в беседах с офицерами, при расспросах солдат и путем подслушивания разговоров военнослужащих. Они должны были убедить командование группы армий «Север» в том, что войска Ленинградского фронта готовятся к наступлению на Кингисеппском направлении. В связи с этим на правом фланге Ораниенбаумского плацдарма «концентрируются» новые войсковые соединения и боевая техника.

Перед тем как отправить Каращенко на сторону врага, чекисты провезли его по маршруту, рекомендованному офицером абвера: разведчику следовало своими глазами увидеть эти места и как можно правдоподобнее доложить о «добытых» им сведениях. Для большей убедительности разведчик нанес их на карту Ораниенбаумского плацдарма, врученную ему в абвергруппе. На командировочных предписаниях агента чекисты сделали соответствующие отметки в штабах, которые он якобы посетил.

В ночь на 16 августа капитан Маковеевко с помощью чекистов ПОГ переправил Мокня Демьяновича через линию фронта.

Немного позднее наше командование развернуло работу по осуществлению мероприятий, предусмотренных планом дезинформации противника. На правом фланге Ораниенбаумского плацдарма демонстрировалось сосредото-

точение пехоты, артиллерии и танков в направлении на Кингисепп. В дневное время шло усиленное движение транспорта и стрелковых подразделений к переднему краю. Артиллерия отдельными орудиями имитировала пристрелку, а небольшие группы танков — передвижение танковых войск. В ночное время разводили костры.

Вскоре после ухода Каращенко за линию фронта противник начал обстрел района, куда якобы прибыло пополнение личного состава для 71-й бригады. Снаряды ложились в болото. Затем фашистская авиация начала сбрасывать бомбы и мины замедленного действия в места «прибытия» 142-й бригады и 227-й дивизии, хотя никаких войск в этих районах не было.

Эти факты свидетельствовали о том, что руководители абверкоманды-104 и командование группы армий «Север» поверили сведениям, принесенным Каращенко. Нам было предельно ясно, что фашистская разведка на этом не остановится и приложит все усилия для проверки данных, полученных от агента. На плечи контрразведчиков ПОГ легла огромная ответственность. В самом деле, стоило нам допустить уход к врагу хотя бы одного шпиона, способного вызвать у абверовцев сомнение в достоверности сведений, доставленных Каращенко, как это могло привести к гибели советского разведчика и провалу всего плана дезинформации противника. Начальники отделов контрразведки войсковых формирований ПОГ офицеры С. А. Иванов, А. П. Куликов, И. Г. Макаров, М. К. Михайлов, Н. П. Павлов и автор этих строк, получив соответствующие указания, приняли ряд дополнительных мер по усилению заградительной службы во фронтовой полосе, чтобы ни один шпион, ни один перебежчик не сумел перейти на сторону врага.

Как мы и предвидели, после возвращения Каращенко в абверкоманду-104 вражеские шпионские центры в Пскове и Таллине активизировали заброску агентуры для проверки принесенных им сведений. Только в сентябре абверовцы направили на плацдарм семь своих агентов. Почти все они шли через линию фронта по «безопасному» коридору, указанному им нашим разведчиком в соответствии с полученным от чекистов заданием. Благодаря своевременно устроенным засадам шпионы оказались в наших руках. При этом некоторые из них заявили, что пошли в разведшколу абвера, чтобы вырваться из фашистского плена и при заброске на советскую сторону, не приступая к выполнению шпионского задания, явиться с повинной в чекистские органы.

В целях укрепления позиции Караченко в стане врага контрразведчики фронта подготовили и 29 сентября отправили одного из таких агентов — А. В. Саперова обратно. Он должен был подтвердить дезинформационные данные, доставленные Караченко, о прибытии на правый фланг Ораниенбаумского плацдарма новых войсковых соединений. Нелегко было ему возвращаться к врагу, но он пошел. Этого требовали интересы борьбы с гитлеровскими захватчиками. Контрразведчики фронта поставили перед Саперовым, так же как и перед Караченко, задачу не только дезинформировать абверовцев, но и глубоко внедриться в фашистскую военную разведку.

Тем временем командование фронта продолжало проводить в жизнь дополнительные мероприятия, направленные на введение противника в заблуждение. Инженерные части установили на правом фланге плацдарма макеты танков и орудий. Войска связи ввели в действие новые радиостанции. Авиация совершала частые разведывательные полеты на Кингисеппском направлении, не раз прикрывала с воздуха ложное передвижение войск, наносила бомбовые удары по пунктам управления противника. На всех рубежах плацдарма, и особенно интенсивно на правом фланге, велись разведка боем и поиски. Войсковые разведчики в тылу противника распространяли слухи о предстоящем наступлении советских войск в направлении на Кингисепп.

«Все это помогло дезориентировать немецко-фашистское командование, создав у него уверенность, что готовится наступление советских войск на Кингисепп, Нарву. Против Приморского плацдарма во второй половине декабря — начале января заняли оборону новые соединения: моторизованная дивизия СС «Нордланд» и моторизованная бригада СС «Нидерланды», — сказано в «Истории ордена Ленина Ленинградского военного округа».

Наступление войск Ленинградского фронта началось 14 января 1944 года с левого фланга Приморского плацдарма и завершилось полным разгромом вражеской группировки, блокировавшей Ленинград. 27 января 1944 года на берегах Невы прогремел артиллерийский салют в честь полного снятия с города вражеской блокады. Как показали взятые в плен гитлеровцы, наступление советских войск, начавшееся с левого фланга Ораниенбаумского плацдарма, явилось для них полной неожиданностью.

Родина высоко оценила вклад военных чекистов в победу над врагом под Ленинградом. За успешное выполне-

ние ответственных заданий командования многие из них были награждены орденами. В числе отмеченных высокими наградами были офицеры контрразведки, принимавшие активное участие в подготовке и проведении операции «Возвращение».

Вернувшийся в логово врага советский разведчик Каращенко за «успешное выполнение» задания абвера был награжден фашистским командованием бронзовой медалью. Инструктируя агентов, направлявшихся в тыл советских войск со шпионскими заданиями, офицеры абвергруппы-112 приводили в качестве положительного примера действия разведчика Давыдова, который сумел добыть «ценные сведения» о войсках Приморской оперативной группы.

Успешное выполнение задания, данного чекистами Саперову, возвратившемуся к абверовцам, упрочило положение Каращенко. После предоставленного ему короткого отдыха руководство «Марса» предложило Каращенко совершить повторный разведывательный рейд в расположение войск Ленинградского фронта. Помня наставления чекистов о глубоком внедрении в разведку противника, он от этого предложения уклонился. В результате абверовцы не преминули выразить недоверие своему «цепному» агенту и подвергли его проверке в специальном зондерлагере в эстонском местечке Вильянди. Позднее Каращенко оказался в резервной группе агентов абвера в Тильзите. Все это время он продолжал собирать сведения о вражеских агентах, готовых к выполнению заданий гитлеровцев. Одновременно склонял агентов абвера, оставшихся в душе советскими патриотами, к явке с повинной.

При отступлении фашистских войск Каращенко оторвался от противника и в феврале 1945 года вышел в расположение советских войск. Позднее вернулся на Родину и А. В. Саперов. За успешное выполнение важного задания советского командования и проявленные при этом мужество и отвагу М. Д. Каращенко был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В послевоенное время, находясь в рядах Советских Вооруженных Сил, Мокшій Демьянович Каращенко неоднократно поощрялся командованием за добросовестную, безупречную службу. Выйдя на пенсию по выслуге лет, он часто встречался с молодежью, рассказывал им о борьбе советских людей против гитлеровских захватчиков на полях сражений и во вражеском тылу, о своем участии в тайной схватке с абвером, из которой он, разведчик чекистских органов, вышел победителем.

С. М. АЛЕКСЕЕВ,
полковник в отставке

НА НОВГОРОДСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

В один из ноябрьских дней 1943 года, возвратившись с заседания Военного совета 59-й армии, начальник армейского Отдела контрразведки «Смерш» полковник А. А. Исаков сообщил мне, что в ближайшее время начнется подготовка к наступательной операции по разгрому группы немецких армий «Север». Войскам Ленинградского и Волховского фронтов предстоит снять вражескую блокаду Ленинграда, очистить ленинградскую, новгородскую и псковскую землю от фашистских оккупантов. Перед 59-й армией поставлена задача освободить Новгород.

— Дела всем хватит, — подчеркнул он.

Все мы с нетерпением ждали этого часа. И не только ждали, а вместе с товарищами по оружию вели борьбу против гитлеровских захватчиков и их разведывательных органов.

Полковник Исаков, заместителем которого я являлся, был опытным контрразведчиком. Он стал чекистом еще в 1919 году. В первый период Великой Отечественной войны находился на руководящей работе в Особом отделе Ленинградского фронта. По его распоряжению мне не раз приходилось выезжать на передний край обороны для выполнения специальных заданий. В августе 1943 года, прибыв в отдел контрразведки «Смерш» 59-й армии, входившей в состав Волховского фронта, я вновь стал работать под руководством полковника Исакова. Старый член ленинской партии, умелый воспитатель молодежи, выдержанный и тактичный в обращении с подчиненными, Алексей Алексеевич пользовался заслуженным уважением в коллективе армейских чекистов. Мы работали с ним всегда дружно, согласованно. И теперь предстояло упорно потрудиться над решением поставленной задачи.

На другой день после заседания Военного совета полковник Исаков собрал начальников контрразведывательной службы соединений армии, руководителей оперативных подразделений армейского Отдела контрразведки.

— До сих пор, — сказал он, открыв совещание, — мы работали в условиях оборонительных боев. Теперь задача изменяется. Речь идет о контрразведывательном обеспечении наступательной операции армии. Вместе с коман-

дирами и политработниками нам надо скрыть от врага подготовку к предстоящим действиям. В первую очередь необходимо исключить утечку информации о местах сосредоточения войск армии и их задачах, направлении главного удара и сроках операции.

Начальник Отдела контрразведки подчеркнул, что главное в работе чекистов — создать заслон для любого шпиона, который попытается перейти линию фронта с заданием вражеской разведки.

— Для ее успешного решения, — говорил полковник Исаков, — необходимо продумать и осуществить целый комплекс мероприятий, направленных на всемерное усиление контрразведывательной работы как на передовой линии обороны, так и в прифронтовой полосе. Особое внимание — повышению бдительности.

Чекисты армии развернули активную работу по контрразведывательному обеспечению предстоящей наступательной операции. Совместно с командирами и политработниками воинских частей инструктировали бойцов, направляемых в секреты, засады, боевое охранение, проводили в подразделениях беседы о бдительности. В контакте с пограничниками, охранявшими тыл армии, осуществляли проверку документов у жителей прифронтовой полосы, контролировали местность.

В результате принятых мер удалось на участке обороны 24-й отдельной стрелковой бригады нашей армии задержать двух гражданских лиц, пытавшихся ночью перейти линию фронта со стороны противника. Один из них был с винтовкой.

Офицер разведотдела армии опросил задержанных. Они заявили, что являются уроженцами Барановичской области. Проживали на оккупированной гитлеровцами территории, занимались сельским хозяйством. В августе 1943 года фашисты угнали их на оборонные работы под Новгород, где они трудились от зари до зари и едва не погибли с голоду. Не выдержав тяжелых условий фашистской каторги, решили бежать. Чтобы отбиваться от преследователей, прихватили винтовку. Ее удалось достать на одной железнодорожной станции, где их заставили грузить трофейное оружие. Задержанные охотно и подробно рассказали о своем участии в оборонном строительстве, о масштабах и характере производимых там работ. После этого указали на карте места, где, по их словам, гитлеровцы воздвигают новые рубежи.

Показания задержанных вызвали у наших разведчиков сомнения. Они не соответствовали данным аэрофото-

разведки, полученным в последние дни. Возникло подозрение о возможной дезинформации. Начальник разведотдела сообщил об этом полковнику А. А. Исакову.

Алексей Алексеевич поручил мне выяснить, кем в действительности являются задержанные — теми, за кого себя выдают, или агентами немецкой разведки. Если они пришли со специальным заданием, то что конкретно их интересует?

Это были двадцатилетние парни из белорусских деревень. Один назвался Делятичем, другой — Любчанским. Бросалась в глаза их истощенность. Явных улик об их причастности к вражеской разведке у нас не было. Их следовало найти, или, наоборот, доказать, что это честные советские люди.

Рассказ беглецов с фашистской каторги о хищении ими винтовки при погрузке трофейного оружия выглядел неубедительно. Мы со следователем предложили Любчанскому повторить его со всеми подробностями. Он выполнил наше требование, ни разу не сбившись с первоначальных показаний. Тогда мы перешли к уточнению обстоятельств.

— Кто из вас похитил винтовку: вы или Делятич?

— Я.

— Где вы хранили ее после хищения?

— Спрятал в кустах.

— Винтовка могла поржаветь.

— Я обмотал ее тряпками.

— Кроме винтовки у вас обнаружили двести патронов. Где вы их взяли?

— Там же, где и винтовку. В железнодорожном вагоне.

На эти же вопросы Делятич ответил по-иному. По его словам, винтовку они похитили вместе с Любчанским и спрятали в небольшой яме, засыпав ее листьями. На вопрос, где им удалось добыть патроны, Делятич ответил не сразу. Заметно смуглившийся, заявил, что их где-то достал Любчанский.

Нам стало ясно, что винтовка не была похищена Любчанским и Делятичем, как они утверждали, а попала к ним другим путем. Но каким именно? Проанализировав все имевшееся в нашем распоряжении улики и поведение задержанных, решили изблечить вероятных агентов вражеской разведки в ходе тщательно продуманного допроса Делятича.

Прежде чем приступить к допросу, разъяснили Делятичу, что по советскому законодательству чистосердечное

признание учитывается судом как смягчающее вину обстоятельство. Затем предложили ему еще раз рассказать, как была похищена винтовка. Он повторил свою версию. Тогда поставили вопрос прямо:

— Почему о хищении винтовки вы и Любчанский да-ете противоречивые показания?

Делятич сразу сник. Долго молчал, потом сказал:

— Объяснить не могу. Я рассказал, как было.

— А Любчанский утверждает, что было так, как показал он. Кому же верить?

— Не могу сказать.

— Когда вас и Любчанского опрашивал офицер разведотдела, вы оба показали на карте места, где фашисты строят оборонительные сооружения. Вы помните об этом?

— Да, помню.

— А вот фотоснимок этого района, сделанный с самолета три дня назад. Как видите, никаких следов оборонного строительства тут нет. Посмотрите на снимок и объясните свое поведение.

Делятич мельком вскинул глаза на фотоснимок. Тут же отвернулся от стола и ссутулился еще больше. Ответил:

— Этого я тоже объяснить не могу.

— В таком случае скажите честно, где, в каком районе вы в действительности паходились на оборонных работах?

Не отвечая на заданный вопрос, Делятич поднял голову, спросил:

— Вы призываете меня говорить правду. А если я ничего не скажу, вы будете допрашивать Любчанского?

— Обязательно будем. И о том же самом.

Делятич помолчал, потом спросил, не найдется ли у нас немного махорки. Махорка, разумеется, нашлась. Задержанный несколько раз с жадностью затянулся самокруткой и объявил:

— Мы с Любчанским — немецкие агенты.

— Как вы ими стали?

И он рассказал о том, что многие жители их района ушли в партизаны. Гитлеровцы повели с ними борьбу. Устроили по деревням несколько облав. Выловили мужчин призывного возраста и отправили в лагерь. В него попали и Делятич с Любчанским. заключенные добывали в карьере строительный камень. Фашисты заставляли их работать по четырнадцать часов в сутки, а кормили впроголодь. Люди стали умирать от недоедания и непосильного труда. Месяца полтора назад большая группа заклю-

ченных была переброшена в район Новгорода для ремонта шоссе дорог. Условия жизни не изменились. И Делятич с Любчанским задумались о своем существовании. Как раз в это время Делятича вызвали в лагерную канцелярию. С ним беседовал обер-лейтенант из военной разведки. Он предложил способ выжить — стать гитлеровским разведчиком. И продиктовал подписку. В ней говорилось, что Делятич Павел Павлович обязуется выполнять все задания немецкого командования по работе в тылу Красной Армии.

— Через три дня, — рассказывал Делятич, — обер-лейтенант снова вызвал меня в канцелярию лагеря. Там уже пахнул мой земляк Любчанский, которого он, как и меня, склонил к работе на немецкую разведку. Сообщив, что мы будем направлены через линию фронта вдвоем, обер-лейтенант дал нам задание и объяснил, как мы должны вести себя в расположении советских войск.

Мы потребовали рассказать об этом подробнее. И задержавший сказал, что им следовало добиться зачисления в Красную Армию, лучше всего в войска, действующие на Новгородском направлении. Для этого после перехода линии фронта надо было выдать себя за бежавших с оборонных работ. Внедрившись в советскую воинскую часть, разведчики должны были заслужить доверие командиров. Путем личного наблюдения и в осторожных разговорах с сослуживцами следовало собирать сведения о воинских частях, их численности, вооружении, местах расположения артиллерийских батарей и оборонительных укреплений. Особое внимание надо было обратить на сбор данных о действиях советских воинских формирований. С собранными сведениями надлежало перейти линию фронта на сторону немецких войск по паролю «Фельдност-672». За успешное выполнение задания немецкое командование обещало награду и материально обеспеченную жизнь.

Из показаний Делятича следовало, что ни он, ни его напарник не были на оборонных работах. Несмотря на это, они называли населенные пункты, в районе которых гитлеровцы якобы возводят оборонительные сооружения. И даже показывали эти пункты на карте.

— Все это мы с Любчанским делали по указанию обер-лейтенанта, — ответил Делятич. — После разъяснения основного задания он разложил перед нами карту и заставил выучить наизусть названия населенных пунктов в районе Новгорода. По его словам, между этими деревнями немецкое командование развернуло строительство оборонительных укреплений. Обер-лейтенант предложил нам

выдать себя на советской стороне за землекопов, работавших на этом строительстве.

Показания Делятича подтвердили предположение разведотдела армии о попытке противника через своих агентов дезинформировать советское командование относительно расположения немецких оборонительных укреплений на Повгородском направлении.

В ходе дальнейшего допроса выяснилось, что винтовку с патронами им вручил обер-лейтенант. При этом сказал: «Объясните на той стороне, что вы похитили ее за несколько дней до побега с оборонных работ. Этот факт, в чем я глубоко убежден, будет расценен русскими как свидетельство серьезности ваших намерений».

Завершая допрос Делятича, мы заметили, что задержанный чем-то обеспокоен. Я заинтересовался, нет ли у него к нам вопросов.

— Есть,— обрадованно произнес он.— Обер-лейтенант не раз говорил нам с Любчанским, что возможно нас будет проверять русская контрразведка. Мы не должны были признаваться, что являемся немецкими агентами, потому что нас сразу же расстреляют. Неужели это правда?

— Конечно, нет,— последовал ответ.— Стремясь заставить своих агентов работать на гитлеровский рейх, офицеры фашистской разведки запугивают их вымыслами о Советском государстве и его органах правосудия.

Любчанский на допросе упорно не признавал своей вины. Тогда мы ознакомили его с показаниями Делятича. Подумав, он спросил:

— Если я не буду отвечать на ваши вопросы, вы устроите мне очную ставку с моим папарником?

— Вполне возможно.

— Не надо. Я расскажу все сам.

Ничего не утаивая, он дал подробные показания, подтвердив все, что рассказал Делятич.

Выслушав наш доклад о разоблачении агентов вражеской разведки, полковник Исаков отметил, что мы сделали важное дело, и распорядился подготовить об этом сообщение в Управление контрразведки «Смерш» Волховского фронта.

Вскоре военный трибунал 59-й армии рассмотрел уголовное дело об агентах немецкой войсковой разведки. Суд учел, что Делятич и Любчанский полностью признали свою вину, дали чистосердечные показания о своей причастности к фашистской разведке, тем самым раскрыв ее коварные замыслы.

Прошло немногим более двух недель после задержания Делятича и Любчанского, и бойцы одного из секретов, выставленных на восточном побережье озера Ильмень, заметили небольшую лодку, приближавшуюся со стороны противника. В ней находились двое неизвестных в изношенных красноармейских шипелях без погон. Они подогнали лодку к лесному участку берега и тщательно укрыли ее в камышах. Затем двинулись в восточном направлении. Подпустив неизвестных на близкое расстояние, бойцы задержали их.

Прибывшему за ними офицеру задержанные заявили, что они бежали из немецкого плена, чтобы сражаться в рядах Красной Армии против фашистских захватчиков. Начальник Особого отдела 150-го укрепленного района доложил об этом полковнику Исакову. Учитывая опыт разоблачения агентов немецкой войсковой разведки Делятича и Любчанского, полковник поручил мне определить, с какой целью «беглецы из фашистского плена» переплыли озеро.

Первый из вызванных нами, рыжеватый, бойкий на язык молодой парень, назвавший себя старшиной Вичкиным, вел себя крайне беззастенчиво, временами даже нахально. Второй, по фамилии Красногоров, наоборот, выглядел растерянным. Казалось, что на сердце у него тяжелый камень. Мы со следователем решили первым допросить Красногорова. Попросили его рассказать об обстоятельствах пленения и бегства из фашистского плена. Красногоров сказал, что служил в 92-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии младшим командиром. Пленен фашистами в июле 1942 года при выходе из окружения. Содержался в лагере военнопленных, а затем был направлен на строительство оборонительного рубежа в районе озера Ильмень. Работа была тяжелой, изнурительной. Его сосед по парам Вичкин предложил бежать.

— Вначале я согласия ему не дал, — говорил Красногоров, — но он склонил меня к побегу, сказав, что подсмотрел на берегу озера лодку, на которой можно добраться до своих. Ночью, воспользовавшись оплошностью часового, мы вышли из барака и... вот оказались здесь.

— Сколько времени вы с Вичкиным находились на оборонных работах?

— Почти месяц.

— Что там делали?

— Копали землю.

— Чем вы можете это подтвердить?

Лицо Красногорова мгновенно покрылось багровыми пятнами. Не поднимая глаз, растерянно пролепетал:

— Не был я на оборонных работах...

— Где же вы были?

— Занимался другим делом.

— Каким именно?

— Не могу сказать.

Я подвел Красногорова к висевшей на стене карте СССР, густо покрытой небольшими красными флажками:

— Каждый флажок означает крупный город, освобожденный Красной Армией от фашистских захватчиков. Только за последние месяцы советскими войсками освобождены Брянск, Полтава, Смоленск, Днепропетровск, Киев. Как видите, гитлеровцы терпят поражение за поражением. Не за горами наша окончательная победа. Как же вы будете смотреть в глаза советским людям, своим родным и близким, если сейчас не пойдете в себе силы снять с сердца гнетущий вас камень?

Красногорov долго молчал.

— Боюсь. Меня могут расстрелять,— наконец еле слышно произнес он.

— Если вы чистосердечно расскажете, в чем провинились перед своим народом, а также о возможно известных вам замыслах врага против Красной Армии, суд обязательно учтет это.

— Я расскажу все, как было,— заторопился он.— Мы с Вичкиным прибыли сюда по заданию немецкой разведки. Наш рассказ о побеге с оборонных работ — легенда. А все началось с того, что при выходе из окружения я попал в плен. Кормили плохо. От длительного педоедания едва держался на ногах. Решил, что погибну там, как тысячи других. Но случилось непредвиденное. Меня вызвали в канцелярию лагеря. Вербовщик войсковой разведки хорошо говорил по-русски. Он сказал мне о единственном способе остаться в живых — пойти в немецкую разведку. Проявив непростительную слабость, я согласился и дал подписку.

Красногорov рассказал, что из лагеря военнопленных его привезли в роту радиоразведки разведотдела 1Ц штаба немецкой армии, действовавшей против Волховского фронта. Здесь обучили приемам инструментального подслушивания. Затем он стал заниматься перехватом радиопередач советских воинских частей. Эту работу вел, находясь в одном из бункеров, расположенных на западном берегу озера Ильмень. Вместе с ним в роте радиоразведки служил старшина Вичкин.

— С каким заданием направили вас с Вичкиным через озеро Ильмень в расположение советских войск? Что этому предшествовало?

— Несколько дней назад меня и Вичкипа в срочном порядке доставили в разведотдел 1Ц штаба 1-й авиационной дивизии немецкой армии. Обер-лейтенант разговаривал с каждым из нас в отдельности. Мне он сказал, что поскольку я дал присягу на верность вермахту, то германское командование вправе отправить меня в разведку на сторону советских войск. И добавил: «За нарушение присяги — штрафная рота, откуда, как известно, никто не возвращается». Я вновь проявил слабость и стал немецким шпионом, за что проклиная себя. Офицер войсковой разведки дал мне задание. Было приказано выяснить порядок проверки бывших военнослужащих Красной Армии, сумевших бежать из немецкого плена. В частности, узнать, где и сколько времени проведется эта проверка, какие вопросы задают бежавшим от фашистов, куда они направляются после проверки. Следовало также обратиться к советскому командованию с просьбой определиться на службу в одну из частей, расположенных на восточном берегу озера Ильмень. В том случае, если просьба будет удовлетворена, мне надлежало положительно зарекомендовать себя у командования и постараться попасть в штаб на должность писаря. Это, как инструктировал обер-лейтенант, даст мне возможность собрать данные о численном составе и вооружении части, ее предстоящих действиях.

— Как вы должны были доставить эти сведения?

— До наступления ледостава на резиновой лодке, с наступлением зимы — пешком по льду озера в ночное время.

— Известно ли вам, какое задание получил от вражеской разведки ваш напарник?

— Нет, этого я не знаю. Однако мне известно, что Вичкип пользовался у гитлеровцев льготами. Когда, будучи легко раненым, он попал в плен, то не был, как другие, направлен в лагерь для военнопленных. Его положили в госпиталь. После излечения определили на теплое местечко — подсобным рабочим на кухню офицерской столовой. Знаю, что перед войной Вичкип был осужден и находился в заключении.

Как мы и предполагали, агент 1Ц Вичкин оказался крепким орешком. Он отрицал свою принадлежность к фашистской разведке. Когда я сообщил ему о показаниях Красногорова, Вичкип, нимало не смутившись, заявил:

— Возможно, Красногоров и завербован немецкой разведкой. Меня же никто не вербовал. Я бежал из фашистского плена с одной целью — вместе с бойцами Красной Армии восставать против ненавистного врага.

На вопрос, каким образом они с Красногоровым добрались до восточного берега озера, Вичкин ответил:

— На лодке.

— На какой?

— Обыкновенной, рыбацкой.

— Мы нашли вашу лодку, хотя она была искусно спрятана в камышах. Она резиновая. Как же вам можно верить?

— А почему нельзя? — после небольшой паузы ответил Вичкин. — Надежная вами резиновая лодка не та, на которой мы переплыли озеро.

— Но ведь Красногоров рассказал, что вы пользовались именно резиновой лодкой, предоставленной вам фашистской разведкой. К тому же о резиновой лодке, на которой вы подошли к нашему берегу, сказано в акте о вашем задержании. И показания Красногорова, и акт будут приобщены к вашему уголовному делу, которое после окончания следствия через военного прокурора поступит на рассмотрение военного трибунала. Так что у вас есть над чем подумать. А чистосердечными показаниями вы только облегчите свою судьбу.

Вичкин задумался, но через минуту, махнув рукой, отрезал:

— Я ни в чем не виноват. И бежал от фашистов, чтобы бить их. На этом стою и стоять буду. Ничего другого сказать не могу.

Нам пришлось прибегнуть к последнему средству: провести очную ставку. Мы тщательно ее подготовили и квалифицированно провели. Под тяжестью неопровержимых улик Вичкин признал, что заброшен на сторону советских войск как агент фашистской разведки. На предложении подробно рассказать о своей службе в Красной Армии, обстоятельствах пленения и пребывания в немецком плену Вичкин ответил:

— За три года до начала войны я был призван в Красную Армию. Окончил полковую школу, стал старшиной. Служил в сорок четвертой отдельной стрелковой бригаде. В июне сорок второго года в бою под Новгородом был ранен, попал в плен. После излечения фашисты зачислили меня в роту радиоразведки и отправили на побережье озера Ильмень, где я вел записи радиопередач советских воинских частей.

— Мы располагаем данными, что перед войной вы привлекались к уголовной ответственности. Расскажите, за что вас судили и знали ли об этом гитлеровцы, когда вы оказались у них в плену? Если знали, то как они на это реагировали?

— За год до пачала войны я стал старшиной сверхсрочной службы. Вскоре провинился — допустил злоупотребление по службе. Меня судил военный трибунал. Из заключения в первые дни войны был освобожден и призван в Красную Армию. Когда же раненым попал в плен, то гитлеровцы при обыске нашли находившуюся у меня справку об освобождении из заключения. Офицер войсковой разведки, который опрашивал меня, потребовал рассказать о судимости и пребывании в исправительно-трудовом лагере. Я рассказал. Он направил меня на лечение в госпиталь, а затем на подсобные работы в офицерскую столовую.

Далее Вичкин рассказал, что потом был направлен в армейскую роту радиоразведки, а несколько дней назад — на выполнение разведывательного задания в расположение советских войск.

— В чем суть задания?

— Мне было поручено узнать, как проводится проверка бежавших из немецкого плена бывших военнослужащих Красной Армии. Если удастся остаться для прохождения службы в одной из воинских частей, о чем следовало попросить советское командование, то всеми доступными способами собирать сведения об этой части, а по возможности и о соседних, выяснить замыслы советского командования о возможных действиях, в ближайшем будущем завести знакомство с радистами части и завербовать одного из них для работы в пользу немецкой разведки. Если это удастся, то обеспечить нового агента необходимыми данными для установления связи с радиостанцией разведцентра армии, действующей против Волховского фронта. В дальнейшем с помощью этого радиста регулярно передавать в разведцентр сведения, которые будут собраны.

В ходе вопроса Вичкина выяснилось, что он обладает хорошей памятью. Подтвердив все показания Красногорова, он дополнил их данными о деятельности роты радиоразведки отдела 1Ц и о работающих в ней сотрудниках. Подтвердил и сведения, полученные нами от его напарника, о том, что боевые позиции на западном побережье озера Ильмень занимают лишь отдельные стрелковые подразделения гитлеровцев.

Получив информацию о показаниях агентов немецкой разведки, полковник Исаков отметил, что налицо явное стремление вражеской разведки внедрить своих агентов в наши войска, что гитлеровское командование, предвидя возможное наступление советских войск, проявляет повышенный интерес к обстановке на Волховском фронте. Ожидая нашего наступления, противник пытается через своих агентов ввести в заблуждение советское командование относительно расположения оборонительных позиций на подступах к Новгороду. Собрав руководителей чекистских коллективов корпусов, дивизий, бригад и укрепленного района, входивших в 59-ю армию, полковник Исаков изложил перед ними эти выводы и вытекающие из них задачи по дальнейшему совершенствованию контрразведывательного обеспечения предстоящей наступательной операции. Одновременно с этим направил командование 59-й армии сообщение о разоблачении агентов немецкой разведки Вичкина и Красногорова, особо выделив полученные от них данные о состоянии обороны противника по западному берегу озера Ильмень.

Борьба чекистов и пограничников против шпионско-подрывных акций вражеской разведки развертывалась с новой силой. Предстояло парализовать деятельность абверкоманды-104. Первый сигнал о ее активности поступил из Управления охраны тыла Волховского фронта.

Декабрьским утром бойцы-пограничники КПП, поставленного на шоссе Новгород — Москва, заметили двух неизвестных, которые вышли из леса и направились по обочине дороги в сторону фронта. Увидев впереди слагбаум, они остановились, а затем двинулись дальше. Один из них, с погонами лейтенанта на шинели, был вооружен нагапом, имел планшет. За плечами у его спутника, сержанта, висел вещевой мешок. У обоих были противогазы.

При проверке предъявленного офицером командировочного предписания, выданного штабом 225-й стрелковой дивизии на имя лейтенанта Васильева и сержанта Бровкина, пограничники обратили внимание на отсутствующие условного знака, который штабные работники представляли при оформлении каждого командировочного документа. Пользуясь предоставленными им правами, пограничники проверили содержимое вещевого мешка. И, как это было ранее уже не раз, обнаружили в нем портативную приемо-передающую радиостанцию, прикрытую сверху пакетами с продовольствием. В противогазной сумке сержанта оказалось питание для рации. Вместо противогаза в сумке у лейтенанта находились продукты,

а в плащете — топографическая карта правобережного района верхнего течения Волхова, на территории которого располагались войска 59-й армии. По распоряжению пачальника КПШ подозрительные лица были задержаны и доставлены в Управление контрразведки «Смерш» фронта.

Уже через день чекисты располагали документами о том, что ни лейтенант Васильев, ни сержант Бровкин в 225-й стрелковой дивизии не служили, командировочного предписания в штабе им никто не выписывал. По заключению экспертизы, имевшиеся у них служебные удостоверения были фиктивными. Таким же оказалось и командировочное предписание. Под тяжестью предъявленных улик сержант Бровкин первым признался в причастности к абверу.

— Я окончил школу разведчиков-радистов «Марса» в городе Стрени, — сообщил он следователю. — Мой напарник ранее обучался в другой разведывательной школе «Марса» в городе Валга. Несколько дней назад офицер абверкоманды-104 в звании капитана познакомил нас друг с другом и объявил, что мы должны готовиться к выходу на задание. Старшим разведгруппы назначался разведчик Васильев. Вчера утром капитан вручил ему документы, карту и оружие, мне — рацию, разъяснил задание. Затем мы получили обмундирование и продукты. Ночью капитан отвез нас на псковский аэродром и проводил в разведывательный рейд за линию фронта. Сегодня на рассвете мы приземлились на парашютах примерно в семидесяти километрах к юго-востоку от Новгорода недалеко от шоссе Московской — Новгород. Сообщили «Марсу» о благополучном приземлении, но к выполнению задания приступить не успели.

— Какое задание вы получили от офицера абверкоманды-104?

— Перед нами была поставлена одна задача: установить, не готовятся ли войска Волховского фронта к наступлению.

— Каким путем вы должны были выполнить эту задачу?

— Вручая нам личные документы, капитан сказал, что они вполне надежны и мы можем без риска ими пользоваться. Как указывалось в выданном нам командировочном предписании, мы с лейтенантом Васильевым направлялись для дальнейшего прохождения службы в одну из воинских частей на Новгородском направлении. В связи с этим офицер абвера предложил нам следовать из

района приземления по шоссе Москва — Новгород в сторону фронта. По пути вести наблюдение за передвижением воинских частей, фиксируя их численность, вооружение, род войск. Особое внимание следовало обращать на танковые и артиллерийские части. Капитан рекомендовал нам по возможности знакомиться с военнослужащими этих частей во время привалов и, ведя с ними беседы, выяснять, куда они следуют, с какой задачей, фамилии командиров.

Далее Бровкин рассказал следователю, что собранные ими разведданные о советских войсках он должен был передавать ежедневно по радио в абверкоманду-104. Для выполнения задания офицер абвера определил агентам недельный срок. На восьмой день им надлежало перейти линию фронта и возвратиться к своим хозяевам.

В ходе следствия чекисты Управления контрразведки «Смерш» Волховского фронта разыскали и допросили несколько разоблаченных и явившихся с повинной агентов фашистской разведки, знавших о поведении Васильева и Бровкина в период пребывания их в немецком плену. Выяснилось, что эти шпионы, еще до того как стали агентами абвера, совершили ряд тяжких преступлений против своего народа. После долгого заперательства, изобличенные неопровержимыми уликами, они рассказали о своем падении.

В начале войны краснофлотец Васильев был направлен в тыл наступающих фашистских войск с разведывательным заданием. Не веря в победу Красной Армии, он перешел на сторону врага. Находясь в лагере для военнопленных, дал согласие фашистской контрразведке выполнять ее поручения. Выдал гитлеровцам опознанного им советского разведчика. По окончании Валговской разведывательной школы стал инструктором лыжной подготовки агентов в разведпункте абвергруппы-112. В октябре 1943 года получил вызов в Валгу, где вместе с радистом Бровкиным приступил к подготовке для заброски в тыл Волховского фронта.

Агент абвера Бровкин вступил на преступный путь также в первые месяцы войны. Пытаясь уклониться от направления в действующую армию, он, курсант военного училища, умышленно прострелил себе кисть левой руки. За членовредительство был осужден военным трибуналом к десяти годам лишения свободы с заменой этой меры наказания отправкой на фронт. В первом же бою Бровкин перешел на сторону врага и добровольно поступил на службу в фашистскую разведку. Принимал уча-

стие в карательных экспедициях против партизан. Затем обучался в школе разведчиков-радистов абверкоманды-104. Окончив ее, вместе с Васильевым был направлен в тыл советских войск с разведывательным заданием.

Изменников Родины, агентов фашистской разведки судил военный трибунал Волховского фронта. Судил строго, по законам военного времени.

В течение месяца до начала наступательной операции разведывательный орган абвера, приданный группе армий «Север», переправил в расположение войск Волховского фронта несколько шпионских групп. Все их участники прошли обучение в Валтовской разведшколе «Марса». Так, в декабре почью два агента в форме офицеров Красной Армии перешли нейтральную полосу, но были замечены нашим боевым охранением. Когда агенты приблизились к нашим позициям, бойцы захватили их.

— Мы — агенты абвера. Идем с повинной в Особый отдел, — признался один из них и предъявил документы на имя старшего лейтенанта Поликарпова. Вторым, лейтенант Бойко, последовал его примеру.

В Отделе контрразведки «Смерш» 59-й армии агенты признались, что направлены из Пскова в тыл советских войск абверкомандой-104. На вопрос следователя о полученном задании Поликарпов сообщил, что они должны были незаметно перейти линию фронта в районе деревни Борки. Пользуясь выданными удостоверениями личности и командировочными предписаниями, пройти по маршруту поселок Коминтерн — деревня Орелье и собрать сведения о размещенных в этом месте воинских частях.

— От нас требовалось узнать номера воинских частей, фамилии их командиров. Особое внимание следовало обратить на выяснение мест дислокации частей, — рассказывали вражеские агенты.

— Каким путем вы должны были собирать эти сведения?

— Личным наблюдением и из разговоров с солдатами и офицерами частей.

Агент абвера Поликарпов рассказал, что для ориентировки на местности и при общении с советскими военнослужащими абверовцы снабдили их топографической картой с нанесенными на ней местами дислокации некоторых частей и соединений 59-й армии. На выполнение полученного задания им отводилось три-четыре дня, после чего следовало тем же маршрутом возвратиться обратно. Бойко подтвердил эти показания Поликарпова.

Исключительно важным было сообщение явившихся с повинной агентов вражеской разведки о том, что в абверкоманде-104 подготовлены для заброски в расположение войск Волховского фронта еще две шпионские группы. Поликарпов и Бойко назвали фамилии четырех участников, сообщили их приметы. Однако они не знали, на каких участках абверовцы намерены переправить их через линию фронта. Полковник А. А. Исаков немедленно доложил о замыслах «Марса» руководству Управления контрразведки «Смерш» фронта, ориентировал начальников контрразведывательной службы войсковых соединений армий. Были приняты дополнительные меры для своевременного пресечения опасных действий абвера.

Прошло немного времени, и две шпионские группы, направленные абверкомандой-104 в тыл Волховского фронта в первых числах января 1944 года, были задержаны и обезврежены чекистами армии. Как и разоблаченные ранее агенты «Марса», они имели задание собирать сведения о местах дислокации воинских частей, их вооружении и боевой технике, о возможных действиях. Однако поставленной цели агенты не достигли. Шпионскому центру группы армий «Север» и на этот раз не удалось что-либо узнать о вступившей в завершающую стадию подготовке к наступлению войск Волховского фронта.

Как предусматривалось планом, утвержденным Ставкой Верховного Главнокомандования, 14 января 1944 года 2-я ударная армия Ленинградского фронта перешла в решительное наступление на противника и положила начало освобождению Ленинграда от вражеской блокады. В тот же день 59-я армия Волховского фронта нанесла мощный удар по врагу севернее Новгорода. А накануне ночью наши части форсировали озеро Ильмень. Преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, 20 января северная и южная группировки наших войск сомкнулись западнее Новгорода. Последовал решительный штурм, и в тот же день над новгородским кремлем взметнулся красный флаг.

Наступление 59-й армии оказалось для противника неожиданным. Это подтвердили пленные гитлеровцы. Чекисты 59-й армии, всего Волховского фронта с честью выполнили возложенную на них ответственную задачу по контрразведывательному обеспечению наступательной операции.

И. И. АЛЕКСАНДРОВ,

ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ

КОНЕЦ ШПИОНСКОГО ГНЕЗДА

7 августа 1944 года начальник Управления контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта направил члену Военного совета фронта генерал-полковнику А. А. Жданову сообщение об итогах чекистско-войсковой операции по пресечению подрывной деятельности двух шпионских групп противника, проникших в тыл 23-й армии. В документе говорилось: «15 июля 1944 года Управлению контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта стало известно, что в районе станции Рауту работает радиостанция противника. Для розыска и задержания разведчиков-радиостов была создана боевая группа из бойцов отдельной роты охраны Отдела контрразведки «Смерш» 23-й армии, сотрудников Раутовского районного отдела НКГБ и райотдела НКВД, которая 15 июля в двух километрах северо-западнее озера Рауту-ярви обнаружила трех вражеских разведчиков. Они заметили группу, открыли огонь, ранили одного нашего бойца и скрылись».

Мне, работавшему в то время заместителем начальника Отдела контрразведки «Смерш» 23-й армии, довелось участвовать в организации и проведении операции, завершившейся пресечением опасных действий вражеских агентов. Этому предшествовали весьма важные события, разыгравшиеся на северных рубежах обороны Ленинградского фронта.

Утром 9 июня 1944 года мощные эшелонированные удары авиации Ленинградского фронта по позициям противника возвестили о начале периода предварительного разрушения его обороны. Вслед за авиационным ударом, продолжавшимся около часа, тяжело дрогнул воздух над Финским заливом и рекой Сестрой. Артиллерия Ленинградского фронта, главные калибры боевых кораблей Краснознаменного Балтийского флота и Кронштадтской крепости обрушили мощный удар по оборонительным сооружениям «Карельского вала». Десять часов бушевала буря огня, разрушая железобетонные доты, дзоты и командные пункты противника по всей линии обороны — от Финского залива до Ладожского озера.

На другой день, 10 июня, утром артиллерийская обработка оборонительных сооружений противника была

повторена. Спустя час началась получасовая авиационная подготовка. А в восемь часов двадцать минут бойцы 21-й армии двинулись в наступление. Облака пыли и дыма поднимались на высоту до тридцати метров, когда пехота в сопровождении танков пошла в атаку. Утром следующего дня в боевые действия вступила 23-я армия.

Через девять дней в результате наступления 21-й и 23-й армий три линии мощных укреплений «Карельского вала» оказались позади. «Красная Армия, — писала по этому поводу английская газета «Дейли мейл», — прорвалась через тройную линию Маннергейма с поразительной легкостью».

19 июня войска 23-й армии, захватившие накануне важные опорные пункты противника Рауту (ныне Сосново) и Валкярви (Мичуринское), вышли широким фронтом к Вуоксинской водной системе. 20 июня части 21-й армии, преодолев ожесточенное сопротивление противника, овладели Выборгом. Старинная Выборгская крепость была взята штурмом. В ночь на 21 июня 1944 года столица нашей Родины — Москва салютовала доблестным войскам Ленинградского фронта, прорвавшим линию Маннергейма и овладевшим городом и крепостью Выборг.

Действуя на стокилометровом фронте от Ладожского озера до района Юррепя (ныне Барышево), войска 23-й армии начали подготовку к форсированию реки Вуоксы.

Мы, армейские контрразведчики, хорошо понимали, что вражеская разведка наверняка использует возможности для заброски в наш тыл шпионских групп с целью сбора сведений о количестве, расположении и передвижении наших войск и боевой техники в прифронтовой полосе. И конечно же, предпринимали необходимые меры. В частности, был усилен контроль за радиопередачами на освобожденной от захватчиков территории Карельского перешейка.

Вечером 13 июля радисты фронта засекали работу неизвестной радиостанции. Сигналы шли из леса близ станции Рауту. По единодушному мнению специалистов, в тылу войск 23-й армии действовала рация противника. Утром 14 июля в предполагаемый район выехал офицер с передвижным радиопеленгатором. Поздним вечером того же дня ему удалось определить место нахождения шпионов.

Первая попытка захватить вражеских лазутчиков, предпринятая 15 июля, не увенчалась успехом. Их не нашли. Поиски продолжили на следующий день. В них включились пограничные войска, охранявшие тыл 23-й

армии. В район обнаружения шпионской группы был брошен отряд в составе ста двадцати бойцов. Однако тщательное проведение прочески лесного массива не дало положительных результатов. Очевидно, шпионы, опасаясь преследования, спешно покинули этот район.

Через день радиослужба засекала в районе Рауту работу уже двух радиостанций противника. Стало ясно, что в тылу войск 23-й армии активно действуют по крайней мере две шпионские группы. Эти данные свидетельствовали о стремлении врага любой ценой выведать замыслы нашего командования и возможные действия войск, сосредоточенных на правом, южном берегу Вуоксы.

Начальник Отдела контрразведки 23-й армии полковник Э. Л. Канторович получил приказ принять меры к незамедлительному пресечению подрывных акций шпионских групп в тылу армии. Начальник Управления контрразведки Ленинградского фронта генерал-майор А. С. Быстров направил в район Рауту своего заместителя полковника И. Я. Лоркина. Прибыл туда и заместитель начальника войск по охране тыла Ленинградского фронта генерал-майор И. С. Панкин. Им было поручено возглавить операцию по пресечению опасных действий вражеской разведки.

И. Я. Лоркин и И. С. Панкин проанализировали материалы о деятельности шпионских групп, а также весьма неутешительные итоги предпринимавшихся мер по задержанию вражеских агентов. Сделанный ими вывод был однозначным: в короткие сроки обезвредить шпионов можно только совместными усилиями военной контрразведки, войск охраны тыла и армейских подразделений на основе тщательно разработанного плана оперативных мер. Военный совет 23-й армии одобрил это решение и оказал помощь в его осуществлении.

Разработка плана операции была поручена автору этих строк. Мне помогал заместитель начальника войск по охране тыла фронта подполковник Ф. Н. Филиппов. В дальнейшем мы координировали действия всех поисково-истребительных групп, контролировали ход выполнения предусмотренных планом мероприятий.

Двое суток радиостанции шпионских групп молчали. За это время, согласно разработанному плану, в район поиска подтянулись подразделения 103-го и 104-го пограничных полков, 107-го погранотряда. В боевой готовности находились бойцы роты охраны Отдела контрразведки армии и ряд других подразделений, выделенных Военным советом 23-й армии для участия в операции

В конце третьего дня удалось перехватить кратковременную работу одной радиостанции. Полчаса спустя заработала и другая вражеская рация. Взятые пленки показывали, что шпионские группы действуют в крупном лесном массиве. Последовал приказ окружить лес, расставить бойцов по дорогам, просекам, тропинкам. К вечеру наличные силы всех подразделений, выделенных для операции, скрытно заняли указанные им позиции. Рапным утром они должны были начать проческу леса. Но ее пришлось отложить.

Ночью один из молодых бойцов стрелкового батальона, находившихся в цепи окружения, поднял тревогу. Подбежавший к нему офицер узнал, что через тропинку, за которой боец наблюдал, стремительно проследовало несколько человек. Солдат не стрелял по ним, так как было темно и он не смог распознать, свои это или чужие.

— Доставить розыскную собаку! — распорядился генерал Панкиш, когда ему доложили о случившемся.

Однако ливневый дождь, начавшийся в это время, помешал пограничникам выйти на след вражеских лазутчиков. Штаб руководства операцией отправил в предполагаемом направлении движения шпионов небольшие поисковые группы. Одной из них удалось напасть на след врага. Эту группу возглавлял майор А. А. Богданов, заместитель начальника отдела Управления контрразведки фронта, прибывший в район Рауту вместе с полковником И. Я. Лоркишем.

Группа майора Богданова состояла из пяти человек. Бойцы вошли в лес, когда дождь еще продолжался. Но вскоре он прекратился. Внимательно изучая местность, бойцы обнаружили место стоянки шпионской группы: замаскированный ветками, недавно погашенный костер, рядом под слоем мха банка из-под копсервов и упаковка от шоколада.

О результатах поиска было доложено полковнику Лоркишу, который тут же связался с генералом Панкишым. На розыск и задержание вражеских лазутчиков в лес двинулась поисково-истребительная группа пограничников с розыскной собакой. Вслед за ними широким фронтом велась проческа леса. Служебная собака быстро взяла след. Очевидно, шпионы покинули стоянку, когда дождь уже прошел.

Начался редкий сосновый бор. Пограничники бежали за инструктором и собакой, напрягая все силы, но вскоре отстали от них. Спустя некоторое время прозвучали две автоматные очереди. Пограничники ускорили шаг. Через

несколько сот метров они увидели раненого инструктора и убитую собаку. Подняли инструктора на руки.

— Джульбарса жаль,— с трудом сказал он.— Сначала они в собаку стреляли... Их пятеро, все с автоматами...

Преследование шпионов продолжалось. Но и на этот раз они сумели скрыться в лесной чаще.

Наступила почь. Вместе с ней необычная для фронта тишина. Два бойца, выставленные на пост по охране штаба 104-го пограничного полка, вслушивались в тревожную тишину.

Было уже за полночь, когда пограничники услышали слабый гул самолета. Он парастал. Один из бойцов по звуку определил:

— Не наш.

В полтора километрах от штаба появился иностран- ный двухмоторный гидросамолет. Сделав разворот, он стал снижаться. Пограничники заметили, как от самолета один за другим отделились три парашюта и начали медленно опускаться за лесом. А самолет набрал высоту и скрылся за линией фронта.

Считанные минуты потребовалось для того, чтобы к месту выброски парашютистов разными путями направились три поисково-истребительные группы. Их возглавляли офицеры-пограничники.

Бойцы шли по труднопроходимой лесисто-болотистой местности. Они должны были взять парашютистов живыми. Около трех часов ночи одна из поисковых групп обнаружила грузовой парашют с фанерным цилиндрическим контейнером. В нем оказались новая радиостанция, большой запас продуктов питания и письмо радисту Вилли. Вскоре на высохшем болоте был найден второй грузовой парашют. В контейнере находилась еще одна новая радиостанция, питание к ней, позывные радиосвязи и письмо радисту Хейкки.

Где же третий парашют? Его настойчиво искали. И лишь под утро пограничники обнаружили. Изготовленный из камуфляжного шелка защитного цвета, он был тщательно замаскирован ветками под деревом.

— Немедленно служебную собаку!— приказал офицер, возглавлявший поисково-истребительную группу.

К месту находки примчались инструктор с розыскной собакой, четыре бойца с автоматами. Собака взяла след.

Тем временем проческа местности продолжалась. Действовавший на левом фланге автоматчик комендантского взвода 104-го погранполка ефрейтор Братцев заметил замаскировавшегося под разлапистой елью неизвестного в

сером комбинезоне. Опустившись на одно колено, он держал автомат наготове и опасно озирался по сторонам.

«Паращютист. Надо брать его живым, как приказано», — отметил для себя сфрейтор. Укрывшись за кустом, он знаком подозвал к себе стрелка Сигаева, шеннул ему:

— Под слью парашютист. Я буду брать его. Следуй за мной!

Скрытно подобравшись к ели, Братцев дал короткую автоматную очередь. Срезая ветки, пули просвистели над головой незнакомца. От неожиданности он выронил оружие на землю, но тут же поклонился за ним. Братцев мгновенно подскочил к парашютисту и выбил автомат из его рук. Лазутчик ухватился за рукоять охотничьего пужа, но подбежавший к месту схватки Сигаев обезоружил его. В этот момент из-за ели показалась розыскная собака. За ней — автоматчики.

Кроме автомата и пужа пограничники изъяли у задержанного три снаряженных патронами магазина, топографическую карту местности и бутылку с жидкостью, отбивающей чутье у собак. Задержанного доставили в штаб 104-го пограничного полка, а оттуда в Отдел контрразведки «Смерил» 23-й армии. Туда же привезли найденные в лесу контейнеры.

На допросе парашютист Хейнниеп (так он назвал себя) показал, что является военнопленным финской армии с первых дней войны. В феврале 1943 года его как хорошего лыжника зачислили с его согласия в разведывательное отделение капитана Мякеля. В составе разведотделения он в течение девяти месяцев прошел усиленный курс физической подготовки, досконально изучил стрелковое оружие, взрывчатые вещества, топографию. Основной упор в учебе делался на приобретение практических навыков. Будущие разведчики много ходили на лыжах, тренировались в стрельбе, учились ориентироваться на различной местности, овладевали другими навыками в дневное и ночное время.

По окончании учебы Хейнниеп в составе разведывательных групп дважды направлялся на лыжах через линию фронта в тыл советских войск, действовавших в Карелии. Оба раза благополучно возвращался в свое подразделение.

В июне 1944 года, когда началось наступление войск Ленинградского фронта на Карельском перешейке, Хейнниеп перевели в разведотделение капитана Ронканена. Затем зачислили в 1-ю роту 4-го разведывательного батальона, находившегося в подчинении разведотдела фин-

ской армии. В середине июля его направили на аэродром «Иммола», где он прошел подготовку как парашютист. 20 июля Хейнинен получил приказ выбростись с самолета на парашюте за линией фронта для выполнения специального задания в тылу советских войск. В ночь на 21 июля Хейнинен был сброшен в районе высохшего за лето болота Саарсуо, а утром того же дня задержан советскими пограничниками.

— В чем заключалось задание?

— Я должен был вручить содержимое двух контейнеров пяти нашим разведчикам, ранее заброшенным на советскую территорию, а затем действовать вместе с ними. Наша главная задача — сбор и передача в разведцентр сведений о расположении и перемещениях советских войск и боевой техники. Мы должны действовать двумя группами, при необходимости встречаться для принятия согласованных решений.

В районе приземления Хейнинена пограничники сразу же устроили несколько засад. Более суток «гости» не появлялись. На следующую ночь бойцы одной из засад заметили две фигуры, осторожно передвигавшиеся по болоту. Пограничники насторожились. Неожиданно шпионы подняли беспорядочную стрельбу из автоматов и, пользуясь темнотой, быстро скрылись.

Утром поисковая группа обнаружила на болоте брошенную радиостанцию иностранного производства с полностью израсходованным питанием. Стало ясно, что лазутчики, лишенные средств связи и продуктов питания, пойдут на крайние меры, лишь бы пробиться к своим через линию фронта. Для этого им предстояло преодолеть широкую водную преграду, на южном берегу которой располагались наши войска, а на северном находились вражеские позиции.

По указанию штаба руководства операцией контрразведывательные подразделения 23-й армии и 17-го укрепленного района перекрыли наиболее вероятные маршруты движения шпионов, выставили посты наблюдения, приняли другие меры. Поисково-истребительные группы, посты наблюдения, все бойцы переднего края получили приказ: не допустить ухода шпионов за линию фронта.

Прошел еще один день. И лазутчики обнаружили себя. 29 июля их заметили бойцы поста наблюдения Отдела контрразведки «Смерш» 17-го укрепленного района. Прячась за редкие стволы сосен и валуны, пятеро в военной форме пробрались к озеру. Завязалась перестрелка, в ходе которой два шпиона были убиты. Остальные, не ог-

лядываясь, бросились к прибрежным кустам. По их поведению было видно, что они стремятся во что бы то ни стало пробиться к берегу. Подбежав к укрытой в зарослях лодке, вражеские лазутчики пытались сесть в нее и отплыть от берега. Но уйти им не удалось.

При осмотре снаряжения шпионов чекисты обнаружили у одного из них прикрепленный к одежде резиновый мешочек. В нем оказались две топографические карты Раутовского района, сигнальный фонарь и дневник.

Из дневниковых записей следовало, что их автор длительное время состоял на службе в разведывательных подразделениях финской армии. В начале июля 1944 года был заброшен в тыл наступавших войск 23-й армии в составе разведывательной группы радиста Вилли. Одновременно с ней в соседнем районе вела разведку вторая группа, возглавляемая радистом Хейкки. Обе группы самостоятельно собирали сведения о советских войсках и передавали их по радио в разведцентр. Временами поддерживали радиосвязь между собой. В середине июля группы объединились. С этого времени из-за недостатка питания для раций разведгруппа выходила в эфир в крайних случаях. Последний сеанс связи состоялся 21 июля.

Две недели продолжалась схватка армейских чекистов с опытными лазутчиками врага. И хотя в ходе операции мы понесли известный урон, борьба в конечном счете завершилась полным разгромом вражеских разведывательных групп.

Родина высоко оценила заслуги чекистов и пограничников, успешно охранявших войска 23-й армии от проникновений вражеской разведки. Автоматчик 104-го пограничного полка ефрейтор Александр Братцев, задержавший вражеского шпиона-парашютиста, был награжден орденом Отечественной войны II степени. Удостоились боевых наград и другие отличившиеся участники операции.

Г. Г. ВЛАСОВ,

полковник в отставке

УДАР ЗА УДАРОМ

Наступление войск Ленинградского фронта, начатое 17 сентября 1944 года одновременно с войсками трех Прибалтийских фронтов по освобождению Прибалтики, разви-

валось успешно. В течение десяти дней наши части и соединения, поддерживаемые кораблями Краснознаменного Балтийского флота, очистили от врага всю материковую часть Эстонии. 22 сентября столица Эстонской ССР — Таллин, на следующий день — города Пярну, Вильянди, а затем Хапсалу торжественно отметили свое освобождение от фашистских захватчиков. 24 сентября Краснознаменный Балтийский флот овладел военно-морской базой Палдиски.

В едином строю с войсками Красной Армии действовали армейские чекисты. «Неоценимую помощь фронтовой разведке оказывали советские чекисты. Среди тех, кто вел невидимые, но упорные схватки с гитлеровским абвером, были опытные контрразведчики», — отмечается в «Истории ордена Ленина Ленинградского военного округа».

Располагая данными о разведывательных органах врага, его шпионских школах, карательных формированиях, конспиративных квартирах и переправочных пунктах, чекисты обезвреживали шпионские гнезда. В боевых порядках наступавших частей действовали специально созданные оперативные группы с целью захвата официальных сотрудников абвера и других секретных служб фашистской Германии, документов этих органов и их агентуры. Чекисты встречались с советскими разведчиками, выполнявшими задания в тылу врага. Опираясь на активную помощь воинов и местных жителей, задерживали не успевших бежать карателей, полицейских и других пособников фашистских оккупантов. Особое внимание обращалось на обезвреживание шпионов, диверсантов и террористов.

Мне лично довелось участвовать в нескольких чекистских операциях, проведенных контрразведкой Ленинградского фронта. Но прежде чем рассказывать о них, хочу отметить, что с первых дней оккупации советских Прибалтийских республик гитлеровцы разместили на их территории, и особенно в Эстонии, многочисленные разведывательные, контрразведывательные и карательные органы своих секретных служб.

На территории Эстонии действовали пять оперативных органов и шесть разведывательно-диверсионных школ абвера. В Таллине располагался крупный разведывательный и контрразведывательный орган «Абвернебенштелле-Ревал», возглавляемый фрегат-капитаном Целларнусом. Этот территориальный орган абвера, действуя в контакте с разведывательным центром группы армий «Север», про-

водил активную шпионско-диверсионную деятельность против Краснознаменного Балтийского флота и Приморской оперативной группы Ленинградского фронта, вел контрразведывательную работу на территории оккупированной гитлеровцами Эстонской ССР.

С лета 1944 года фашистские разведывательные и контрразведывательные органы, действовавшие в Эстонии, и в первую очередь «Абвернебезштелле-Ревал», стали готовиться к подпольной борьбе на случай освобождения Эстонской ССР советскими войсками. Опираясь на помощь эстонских буржуазных националистов, Целларнус стал создавать шпионско-диверсионные резидентуры в портах, на железной дороге, на автодорожных магистралях. Готовились к проведению диверсионно-террористической деятельности против советских войск и эстонских патриотов бандитские формирования из числа участников полувоенной фашистской организации националистов «Омакайтсе». Как только Ленинградский фронт начал наступательную операцию по освобождению Эстонии, гитлеровская военная разведка усилила заброску диверсантов, террористов и бандитских групп в его тыл, стремясь задержать продвижение частей Красной Армии.

Утром 19 сентября дежурный офицер доложил начальнику Управления контрразведки фронта генералу А. С. Быстрову перехваченную радиogramму противника. В ней сообщалось: «Летчик не выдержал маршрут. Разбросал людей на десять километров. По неточным данным, часть людей попала в руки большевиков. Вместе со мной четыре человека. Находимся на болоте. Выход затруднен. Буду действовать в составе этой группы. Бондаренко».

— Пригласите сотрудников розыскной службы и следователей, — распорядился генерал.

А когда они собрались, он зачитал радиogramму и прокомментировал ее:

— Данных для розыска, как вы слышали, немного. Но главарь банды сообщает своим хозяевам, что он намерен действовать. Медлить нельзя. — И, обращаясь к капитану Сергею Прпнцеву, приказал:

— Отложите другие дела и возглавьте организацию розыска. В группу включите следователя старшего лейтенанта Родионова. Срочно ориентируйте отделы контрразведки соединений, оперативные группы, действующие в боевых порядках. Обратите внимание на усиление службы контрольно-пропускных пунктов. Главарь может попытаться собрать группу.

Сергей Прищев работал заместителем начальника подразделения розыскной службы. В коллектив армейских чекистов он пришел из юридического института, где готовился стать адвокатом. Партийные органы рекомендовали его, молодого коммуниста, на острейший участок борьбы с вражескими разведками. Человек кипучей энергии, смелый и решительный, он быстро вошел в чекистский коллектив. Основы ведения следствия, чем на первых порах ему пришлось заниматься, Прищев знал. Другие вопросы чекистской практики приходилось осваивать. Стремился их познать. Ни от чего не отказывался, делал как можно лучше. С каждым новым заданием повышалась его чекистская квалификация. Этих качеств Прищева не могли не заметить его начальники. Сергея ценили и уважали и те сотрудники, с кем он был на равных.

Итак, операция началась. Уже вечером капитан Прищев докладывал генералу сообщения из Отдела контрразведки 2-й ударной армии, в тылу которой действовали вражеские агенты.

Начальником контрразведки этой армии был тогда полковник Д. И. Марков. За плечами этого спокойного, рассудительного человека — нелегкие фронтовые дороги трех войн. Он участвовал в боях с белогвардейцами в годы гражданской войны. В 1920 году стал армейским чекистом. В суровые месяцы советско-финляндской войны 1939—1940 годов возглавлял чекистский коллектив 50-го стрелкового корпуса, действовавшего на Карельском перешейке. В первые дни Великой Отечественной войны полковник Д. И. Марков стал начальником Особого отдела 42-й армии. В конце 1943 года возглавил коллектив контрразведчиков 2-й ударной армии.

Получив данные о проникновении вражеских лазутчиков на коммуникации наступающих войск армии, полковник Марков мобилизовал сотрудников отдела на активный розыск фашистских агентов. И в тот же день к армейским чекистам явились с повинной четыре агента из группы Бондаренко. А к утру следующих суток их было уже восемь. Во время их опроса удалось собрать подробные данные об остальных шпионах: клички, приметы, район их вероятного появления.

Между тем к Маркову продолжали поступать сообщения. В них говорилось о том, что в лесу около населенного пункта Аханкула на побережье Чудского озера обнаружен немецкий парашют, парашютист приземлился недавно. В другом месте, в пяти километрах от пункта приземления парашютиста, около дороги в кустарнике

обнаружены пустые консервные банки с этикетками на немецком языке, куски немецкого консервированного хлеба и потухший небольшой костер. Похоже, кто-то завтракал. Но кто? Трофейное продовольствие могло быть и у наших военнослужащих.

На одном из контрольно-пропускных пунктов чекистам сообщили, что два солдата из трофейной команды предъявили совсем новенькие докумейты, хотя, судя по дате, они выданы уже давно. Но проверивший документы не придал этому значения.

Последнее сообщение особенно заинтересовало капитана Принцева. Он знал улочки вражеской разведки. Из ориентировок Центра было известно, что на других фронтах противник засылал группы своих агентов под видом трофейных команд. Такая легенда, подкрепленная соответствующими документами, открывала широкие возможности вражеским лазутчикам. Не вызывая подозрений, они могли появляться и действовать на любом участке фронта, примыкать к любой воинской части как в тылу, так и на передовых позициях. Предметы, вещи и продукты иностранного производства, которые у них паверняка имелись, также не могли вызывать каких-либо подозрений.

Чекисты незамедлительно навели в штабе тыла фронта справки, где и на каких участках действуют наши подразделения по сбору трофеев, кто из офицеров их возглавляет, какими документами обеспечен личный состав, кем подписаны документы. Эти данные очень пригодились в работе. А скоро явившиеся с повинной агенты рассказали чекистам, какую задачу перед ними поставила вражеская разведка. Они должны были совершить ряд диверсий на железной дороге в районе Тарту — Выра, взорвать несколько мостов, поставить мины на шоссеиных дорогах, где идет штенсивное движение войск Красной Армии.

Все это не могло не беспокоить. Ведь пятеро диверсантов и их главарь Бондаренко все еще оставались на свободе. Правда, пока не было никаких сигналов о том, чтобы они где-нибудь себя проявили. Хотя чекисты обращали внимание на каждый незначительный факт, который мог бы приблизить их к цели, выйти на след вражеских агентов им не удавалось.

Наконец группа сотрудников контрразведки фронта во главе с капитаном М. М. Медведевым задержала на хуторе в районе Пайде двух неизвестных в форме солдат Красной Армии. Они сидели в избе за столом и пили чай, приготовленный хозяйкой.

— Кто вы такие? Из какой части?— обратился к ним капитан.

— Стеценко и Ляхов. Ожидаем капитана с командой. Вот наши документы.

— Фамилия капитана?

— Не знаем, он только что назначен.

— Как вы здесь оказались?

— В Пайде определен сбор команды.

Беседу со Стеценко и Ляховым продолжили капитан С. П. Принцев и старший лейтенант Н. И. Родионов. Первое время задержанные держались уверенно. Утверждали, что они посланы раньше других для учета трофеев. Пробовали возмущаться тем, что их задержали необоснованно:

— Могут подумать в команде, что мы дезертиры.

— Каким путем у вас оказались чистые бланки командировочных предписаний, проездных документов и продовольственных аттестатов, на которых имеются печать и подписи должностных лиц?— последовал вопрос Принцева.

Стеценко сразу же ответил:

— Мы не всегда действуем вместе, приходится работать в отрыве от своей команды.

— Начальник тыла шестьдесят седьмой армии, генерал, чья подпись стоит на ваших документах, выбыл с этого участка фронта еще в июне. Не мог же он подписать документы, датированные сентябрем.

Стеценко и Ляхов переглянулись, немного смутились. Но Стеценко и тут попытался выкрутиться:

— Мы люди маленькие. Какое нам дело до генералов. Какие документы выдали, такие и предъявляем.

И только на очных ставках с агентами из группы Бондаренко, явившимися с повинной, задержанные были вынуждены признаться и рассказать, как они оказались на службе у гитлеровской разведки.

Проанализировав собранные сведения, чекисты определили район вероятного места пребывания главаря банды Бондаренко и находившихся с ним диверсантов. Вскоре они были задержаны оперативной группой Отдела контрразведки 2-й ударной армии, возглавляемой старшим лейтенантом И. М. Олейником. Таким образом, группа диверсантов в полном составе оказалась в контрразведке фронта. Главарь Бондаренко знал только о судьбе четырех. Об остальных ему пока ничего не было известно.

К этому времени чекисты располагали о Бондаренко весьма незначительными данными. Как показали явив-

шившиеся с повинной и задержанные агенты, Бондаренко — командир Красной Армии, находился в плену, возглавил группу диверсантов за несколько дней до переброски ее в тыл советских войск. Имеет фiktивные документы и Золотую Звезду Героя Советского Союза. После переброски через линию фронта восемь агентов с ним не встретились, так как имели намерение явиться с повинной.

И вот главарь диверсантов Бондаренко сидит перед старшим следователем П. И. Родионовым. У него растерянный вид, голова опущена. Заметно бьет первая дрожь. Не так-то просто бывшему командиру Красной Армии объяснить, как он стал фашистским лазутчиком, главарем шпионско-диверсионной банды. Но объяснять все же пришлось.

В феврале 1943 года, оказавшись в «безвыходном положении», он попал в плен к гитлеровцам. В лагере военнопленных в городе Владимире-Вольском под угрозой физического уничтожения стал агентом вражеской разведки.

— Прошу поверить в мою искренность, — бросив на чекиста заискивающий взгляд, сказал диверсант.

Следователь не перебивал его. А когда Бондаренко закончил свой рассказ, Родионов спросил:

— Допустим, что все было так. Но почему же вы после приземления в тылу наших войск не явились к советскому командованию с повинной и не склонили к этому других?

— Было такое намерение, но... нас задержали, — помолчав, ответил Бондаренко.

Следователь взял из лежавшей на столе папки акт о задержании диверсантов, зачитал его.

— Объясните, как расценить ваши действия? — спросил он у Бондаренко. — Почему при задержании вы открыли стрельбу по нашим бойцам и бросили в них гранату?

Обвиняемый не ответил.

Начинался поединок старшего следователя Николая Родионова с главарем диверсантов Бондаренко.

Николай Родионов, как и Сергей Припцев, был принят в военную контрразведку после окончания юридического института в начале войны. За три года работы получил хорошую следственную практику. Много дел прошло через его руки. Он не подразделял их на простые и сложные, а подходил только с позиции строгого соблюдения социалистической законности. Дело участников диверсионной группы Бондаренко не было исключением.

Группа диверсантов — это не группа единомышленников. Конечно, у них есть общее: все они при разных обстоятельствах завербованы вражеской разведкой. Все прошли подготовку в шпионских школах, дали согласие на выполнение подрывного задания. Но одни, оказавшись на советской земле, сразу же пришли в контрразведку или к командованию и заявили, что отказываются выполнять задания противника. Сдали оружие, взрывчатку, предметы шпионского снаряжения. Они не нанесли ущерба нашей Родине и выразили готовность бороться с фашизмом. А двое из явившихся с повинной, бывшие командиры взводов, комсомольцы Ветерков и Уляпов, проявили себя как мужественные советские патриоты еще во время учебы в шпионской школе. Им удалось установить связь с разведывательной группой Эстовского стрелкового корпуса, действовавшей в оккупированной Эстонии. С большим риском для себя они добывали и передавали интересующую нашу команду информацию. При проверке, проведенной чекистами, эти данные нашли полное подтверждение. «Как не похожи Ветерков и Уляпов, с которыми я на днях беседовал, на сидящего передо мной Бондаренко. Какой резкий контраст!» — размышлял Родионов.

Во время допроса Бондаренко понял, что следовательно довольно подробно осведомлен о составе диверсионной группы, ее задаче и времени действия в тылу Красной Армии. Значит, кто-то из его группы все рассказал чекистам. Но он понял и другое: о нем, Бондаренко, следовательно знает мало. Да и откуда ему знать? Немного знали о нем и его подопечные. Но вражеский диверсант ошибался.

Старший лейтенант Родионов раскрыл папку, где хранился акт о задержании Бондаренко, достал листок бумаги с рукописным текстом. Бондаренко сразу узнал его — это был написанный его рукой подлинник радиogramмы, отправленной в разведцентр в Ригу после приземления диверсантов. Бондаренко не знал, что радист Осипов не уничтожил этот листок, и он попал к чекистам вместе с шифрами и кодами. Разумеется, ему не было известно и то, что отправленная им радиogramма в Ригу была перехвачена и расшифрована. Бондаренко совсем расгубился. Лицо его покрылось красными пятнами. Он понял, что сопротивление бесполезно.

Теперь его показания выглядели совсем не так, как в начале допроса. Да, он, капитан Бондаренко, из штаба 7-го кавалерийского корпуса, добровольно сдался в плен

гитлеровцам. Это была первая ступень его падения. Памятен ему лагерь во Владимире-Волыньском. В апреле 1943 года туда приехал представитель так пазываемого «Русского комитета» Малышкин. В беседе с Бондаренко он посоветовал ему идти в создавшую гитлеровцами «Русскую освободительную армию» (РОА). Бондаренко в ту пору уверял себя: «Не устоять Красной Армии. Надо подумать о будущем». Недолго колебался, дал согласие.

Следующая ступень предательства — поступление Бондаренко в центральную школу РОА в Добендорфе. В июле 1943 года в числе других выпускников Бондаренко выезжал во Францию, Бельгию, Данию для знакомства с «повым порядком», установленным гитлеровцами в Европе.

В ноябре 1943 года Бондаренко получил назначение в отдел пропаганды «Русского комитета» и выехал в Ригу. Здесь, вдали от фронта, он и собирался переждать войну. Однако в подобных отщепенцах весьма нуждалась фашистская военная разведка. Так «пропагандист» Бондаренко оказался в диверсионной школе абвера в местечке Вяцати, что в восемнадцати километрах от Риги. После краткосрочной подготовки он был назначен старшим группы диверсантов и заброшен в тыл наступавших советских войск.

Генерал А. С. Быстров заслушал доклад Прищева и Родиопова об итогах работы по розыску и задержанию диверсантов. Операция завершилась успешно. Из четырнадцати заброшенных через линию фронта агентов восемь явились с повинной. Они рассказали о полученных заданиях вражеской разведки и оказали чекистам помощь в розыске и задержании остальных шести диверсантов. У задержанных изъято оружие, гранаты, две рации, взрывчатые вещества и другое шпионское снаряжение, а также советские ордена, медали и нагрудные знаки. В руках чекистов оказались фиктивные документы — удостоверения личности, командировочные предписания, чистые бланки этих документов, изготовленные гитлеровцами, гербовая печать и угловой штамп штаба 67-й армии, ранее входившей в состав Ленинградского фронта.

Была получена ценная информация о замыслах фашистской разведки. Изъятые у агентов шифры и коды для поддержания двухсторонней связи с вражеским разведцентром позволяли чекистам в необходимых случаях дезинформировать разведку противника.

Шпионам и диверсантам не удалось совершить ни одной диверсии или какого-либо другого враждебного акта.

Не удалось также передать в разведцентр ни одного шпионского сообщения. Главарь группы Бондаренко направил в разведцентр лишь единственную радиограмму, в которой сообщил о неудачной выброске его группы и подтвердил свое намерение выполнять полученное задание. Коллектив чекистов, принимавший участие в операции, действовал четко и слаженно. Особенно хорошо проявили себя чекисты 2-й ударной армии майор Н. В. Назип и старший лейтенант И. М. Олейник, оперативная группа Управления контрразведки фронта во главе с капитаном М. М. Медведевым. В срок и с высоким качеством выполнили задания сотрудники вспомогательных служб Женья Григорьева, Софья Кругликова, Тоня Иванова, Нина Бездольнова, Шура Никитина, Даниа Половинкина. Генерал поблагодарил С. П. Принцева и Н. И. Родионова, всех участников операции за успешно выполненную трудную работу.

После освобождения Таллина штаб Ленинградского фронта переместился в столицу Эстонской ССР. Туда же прибыла и оперативная группа контрразведки фронта. Город жил в те дни по законам военного времени: соблюдалась светомаскировка, улицы патрулировались нарядами.

Напряженность в работе армейских чекистов не спадала. Нас ожидали новые сложные дела. Доложив начальнику отдела подполковнику Ф. И. Веселову о своем прибытии, мы тут же получили задание. Предстояло срочно разобраться с задержанными, которых доставили из Пярну.

— Они совсем не те, за кого себя выдают, — сказал Веселов. — Необходимо выяснить, кто они, с какой целью перебрались из Латвии в Эстонию.

Группа была захвачена 24 сентября парядом войсковой разведки 2-й саперной бригады в районе Пярну. Она пыталась оказать вооруженное сопротивление и скрыться. У задержанных изъяли автоматы, пистолеты, граматы, рации, топографические карты.

В штабе бригады, куда их доставили, они рассказали, что являются жителями Эстонии, насильственно мобилизованы фашистами в гитлеровскую армию. Это касалось пятерых мужчин, одетых в форму солдат немецко-фашистской армии. Шестой была молодая женщина в штатском по имени Реет Аргель.

Мне поручили побеседовать с ней. Вначале она рассказывала то же, что и в штабе бригады, но затем призналась, что в Эстонию ее направила фашистская раз-

ведка. К шпионской работе ее привлек родной дядя Мяханс, преподаватель разведывательной школы. Он был известен нам как резидент гитлеровской разведки с 1940 года. В причастности к фашистской разведке сознались и другие задержанные. Все они прошли двухмесячную подготовку в разведшколе близ Кенигсберга (местечко Нойгоф) и получили обычное для шпионов задание: собирать и передавать в разведцентр сведения о частях Красной Армии. Вражеские лазутчики были вооружены автоматами и пистолетами. Каждый имел рацию и крупную сумму советских денег. Задержанные рассказали, что их группа состояла из шести агентов. Радисту Антсу Тамму удалось скрыться.

Следствие по делу этой группы подходило к концу. Признание задержанных в принадлежности к фашистской разведке подтверждалось вещественными доказательствами (рации, шифры, оружие, фиктивные документы). Нам были известны и школа в Нойгофе, и ее начальник майор Моос, и преподаватель Мяханс, и еще кое-кто из тех, кто готовил шпионов. Но были и сомнения. В частности, ни следователям майору В. В. Чернигину и капитану П. А. Королеву, ни нам, оперативным работникам, занимавшимся розыском радиста Тамма и других вражеских агентов, о которых рассказали задержанные, не было ясно, почему все задержанные обучены радиodelу, почему в их группе нет старшего? По их показаниям, каждый должен был работать в одиночку. Фашистская разведка обычно посылала разведчика и радиста вместе. Обращало на себя внимание заявление участника группы Рапника:

— Мяханс сказал мне, что мы будем нужны в Эстонии и другим нашим людям. Об этом нам в свое время будет известно от его племянницы Реет Аргель.

Лишь только после этого заявления Реет Аргель призналась, что она имела особое задание. Ей предстояло встретиться с неким Хельмутом Лехенуу на одном из хуторов под Вильянди. Пароль: «Привет от Юрия», отзыв: «Здоров ли он?». Лехенуу был резидентом фашистской военной разведки. Гитлеровцы поручили ему создавать диверсионные и террористические группы из эстонских националистов, формировать тайные склады оружия и боеприпасов на территории Эстонии. Реет Аргель направлялась в его распоряжение как радистка. Лехенуу имел приказ связать прибывших с ней радистов с другими резидентами гитлеровской разведки, которые нуждались в радиосвязи со своим центром. Таким образом, все

становилось на свои места. Стало ясно, с какой целью были заброшены в Эстонию радисты-одиночки.

С подобной тактикой вражеской разведки по засаждению шпионских гнезд на освобождаемой советскими войсками территории чекисты Ленинградского фронта уже встречались. Здесь, в Эстонии, эта тактика получила более широкий размах. В заблаговременно оборудованных бункерах, лесных чащобах, глухих хуторах были оставлены шпионско-диверсионные группы и вооруженные банды. Они комплектовались главным образом за счет буржуазных националистических элементов и агентуры, подготовленной в довоенное время в специальных школах на территории Германии, Польши, Финляндии. Часть этой агентуры перед войной была нелегально переправлена гитлеровской разведкой в Эстонию. Другая часть агентов прибыла после оккупации Эстонской ССР гитлеровскими войсками.

Для них были созданы тайные склады оружия, боеприпасов и продовольствия. С приходом частей Красной Армии в Эстонию шпионские группы должны были совершать диверсии, убийства советских активистов, терроризировать и грабить местное население. Показания Реег Аргель в этой части явились подтвержденным известным чекистам данных. Их ценность состояла в том, что данные открывали нам пути к организаторам и исполнителям замыслов противника — их резидентам, главарям шпионско-подрывных групп вроде Лехенуу и ему подобных.

Начальник Управления контрразведки генерал А. С. Быстров доложил командующему Ленинградским фронтом маршалу Л. А. Говорову о мероприятиях армейских чекистов против бандитского подполья. Командующий сказал, что нельзя допустить бандитских выступлений в тылу наших войск, и рекомендовал о полученных данных проинформировать ЦК КП Эстонии, работу вести в тесном контакте с Наркоматом госбезопасности Эстонии и контрразведкой Балтфлота.

Удостоверившись в правдивости показаний Реег Аргель, оперативные работники решили задержать Лехенуу. Аргель согласилась подготовить ему письмо по адресу, который был дан ей фашистской разведкой. Обратный адрес в Таллине чекисты взяли под усиленный контроль. Однако из задуманного ничего не получилось. Ни Лехенуу, никто другой по вызову в Таллин не явился. На письмо ответа также не поступило. Лехенуу в поле зрения чекистов не попадал.

Тогда родилась другая идея: воспользоваться полученным от Реест Аргель паролем и направить на конспиративную квартиру «связников». В район Вильянди выехала оперативная группа Управления контрразведки фронта во главе с капитаном С. П. Прищевым.

Сергею Прищеву уже приходилось встречаться с опасными преступниками. Он, конечно же, знал, что и на этот раз предстоит встреча с непримиримыми врагами. Письмо направлялось в адрес Лехенуу. Кто он такой?

После установления Советской власти в Эстонии Лехенуу бежал в Германию. Там его подобрала фашистская разведка. Пройшел подготовку в финской школе. Перед назначением фашистской Германии на Советский Союз был нелегально переправлен в Эстонию. После ее оккупации находился на службе в абвере. Его услугами пользовалась и английская разведка.

Предполагалось, что на встречу со «связниками» может явиться несколько вооруженных бандитов. Не исключалась и их охрана. Поэтому план операции имел несколько вариантов и был разработан до мельчайших подробностей. В оперативную группу включили офицеров и бойцов батальона охраны, уже участвовавших в подобных делах.

«Связники» разыскали хутор, на котором должна была состояться встреча. Хозяйка, средних лет малоразговорчивая женщина, встретила гостей неприветливо. Казалось, она не особенно верила им, хотя на пароль: «Привет от Юрпя» ответила отзывом: «Здоров ли он?» Выяснилось, что письмо она получила, а отвечать, как она сказала, и не собиралась.

— Что я буду писать? Он давно уже здесь не был. А где он, откуда мне знать? — заявила хозяйка.

«Связники» высказали сожаление, что не смогут увидеть его. А дело не терпит.

— Да вы понимаете, что кругом делается, — рассердилась хозяйка.

— Вот это нас и беспокоит. Может, разрешите у вас подождать?

— У меня? Нет! Еще в тюрьму попадешь вместе с вами.

«Связников» такой исход дела не устраивал. Они начали явно возмущаться поведением тех, кто их сюда послал.

— Ходишь, рискуешь, а они тут прячутся, как зайцы. Уйдем обратно и все.

Это, по-видимому, на хозяйку подействовало.

— Загляните через денек. Может, зайдет. А где же вы остановитесь? — как бы невзначай спросила она.

— Сама знаешь, нездешние мы. Куда пойдешь? Может, так же на дверь покажут...

Хозяйка сказала, что на соседнем хуторе живет ее тетка. У нее можно переночевать. Стоит только сказать, что пришли от племянницы.

Чекисты, игравшие роль «связчиков», устроились на ночь у тетки, а капитан Принцев с оперативной группой обосновался в лесу. Наблюдения за хутором показали, что в тот же вечер туда заходил один человек. По приметам это был Лехенуу. Чекисты задерживать его не стали. Надо было убедиться, что это действительно был он. А утром к «связчикам» пожаловала неприветливая хозяйка и передала им:

— Пришел с друзьями на хутор лесника, ждет вас.

«Связники» сделали вид, что очень обрадованы. Они поблагодарили хозяйку и расспросили ее, как разыскать хутор.

Капитан Принцев, хорошо понимая, что имеет дело с опытным разведчиком, который пришел на встречу со «связными» не один, распределил силы, разъяснил задачу каждому из бойцов. Чекисты скрытно подошли к хутору с разных сторон и, взяв его в кольцо, затаились. «Связники» бойко зашагали к воротам.

Залилась лаем собака. Вышла женщина. Успокоив собаку, она толкнула ее в конуру и провела гостей к тем, кто их ожидал. А дальше все произошло молниеносно. По сигналу «связчиков» группа контрразведчиков во главе с капитаном Принцевым ворвалась в дом. Шпионы даже не успели опомниться, как были задержаны. Лехенуу, когда его обыскивали, вдруг выхватил из-за голенища нож и бросился на Принцева. Чекист А. Я. Касаткин вовремя подскочил и выбил нож из его рук.

Задержанных было трое: Лехенуу, Кионас и Рахуоя — руководители шпионско-диверсионных групп, ярые националисты. Они давно знали друг друга, учились в одной финской школе абвера в Штеттине и не раз вместе выполняли задания фашистской разведки. Опытнее других был Лехенуу. Ослепленный ненавистью к Советскому Союзу, он и несколько его единомышленников в феврале 1940 года перешли на лыжах через Финский залив в Финляндию и добровольно вступили в финскую армию, чтобы с оружием в руках сражаться против советских войск.

Задержав главарей трех шпионских групп, чекисты нацупали пути к другим вражеским агентам. Стало ясно, почему гитлеровская разведка в срочном порядке засылала в Эстонию радистов. Ее замысел сводился к тому, чтобы обеспечить радиосвязь со всеми резидентурами и бандитскими группами и подготовить одновременное их выступление против Советской власти в разных пунктах Эстонии.

Антс Тамм, сумевший скрыться при задержании группы радистов в районе Пярну, сообщил в центр, что из шести на свободе остался только он один. Прошло немного времени, и Антс Тамм тоже был разыскан и задержан чекистами.

Теперь все внимание фашистских разведывательных органов было приковано к западному побережью. Вражеская разведка знала, что Красная Армия готовится к освобождению от врага островов Моонзундского архипелага и накапливает для этого силы. Радиостанции противника постоянно вызывали резидентов и радистов, оставленных на этом участке фронта. По выходили на связь далеко не все. Уже четвертые сутки не отзывались на позывные радиостанций радисты Ян Томингас и Тоом Рейн, посланные в Эстонию задолго до начала наступления войск Ленинградского фронта.

Этих радистов лично знал фрегат-капитан Целларнус. Он считал их вполне надежными и хорошо подготовленными помощниками. Поэтому и определил их на западное побережье. После отъезда из Таллина в Ригу Целларнус не раз интересовался судьбой радистов. Где они? Что с ними? Почему молчат? Но ответа не было. Вслед за шестью радистами, задержанными в пути следования к резидентам, Томингас и Рейн также оказались в советской контрразведке, правда, при разных обстоятельствах.

Ян Томингас в форме младшего лейтенанта Красной Армии подошел к часовому штаба одной из частей эстонского корпуса.

— Мне нужно пройти к вашему командиру.

— Пропуск?

— Не имею.

— Обратитесь в бюро пропусков.

— Не могу. Я шпион.

«Какой-то ненормальный», — решил часовой и нажал на сигнальную кнопку. Появился дежурный. Часовой доложил о странном поведении младшего лейтенанта.

— Сдайте оружие, — распорядился дежурный.

Приняв оружие, он провел младшего лейтенанта в дежурную комнату. Вскоре в штаб прибыл офицер контрразведки. Он оформил необходимые документы на явившегося с повинной радиста фашистской разведки. Это произошло 13 октября 1944 года на острове Эзель. Тоом Рейн был задержан немного позже в районе Куресаре в доме у своих родителей.

Радисты молчали. Это был чувствительный удар по коварным замыслам гитлеровской разведки. Лишенный связи со своими резидентурами и бандитскими группами, вражеский шпионский центр оставался в полном неведении об обстановке, в какой они находились, о предпринимаемых ими действиях. Центр не имел возможности координировать подрывную деятельность шпионских резидентур и националистического подполья. А чекисты по полученным от задержанных радистов показаниям разыскивали и вылавливали руководителей шпионско-диверсионных резидентур, их агентуру, участников бандитских групп.

Два радиста — явившийся с повинной Ян Томингас и задержанный чекистами Тоом Рейн рассказали армейским контрразведчикам о трех известных им резидентурах, созданных гитлеровцами еще до освобождения Эстонии нашими войсками. В короткие сроки чекисты ликвидировали эти шпионские гнезда. Позднее они разыскали и задержали двух радистов, которых Томингас и Рейн знали по совместной учебе в школе абвера. Группа офицеров Управления контрразведки фронта во главе с капитаном С. П. Прищевым обезвредила крупную шпионскую резидентуру в уезде Вильянди.

С Сергеем Петровичем Прищевым мы встречаемся и поныне. Он генерал-майор в отставке. Тяжелая болезнь приковала его к постели. Перенесенные тяготы и лишения войны, постоянное перенапряжение, видимо, дали о себе знать. При встречах вспоминаем дела минувших дней. Я не раз замечал, как при этом улучшается самочувствие моего друга, словно отступают, забываются постоянно беспокоящие его тяжкие недуги. Однажды он сказал мне:

— Часто вспоминаю одного из моих наставников — Саяну Евтюхина. Он отдавался порученному делу без остатка. Спокоен, нетороплив, рассудителен и деловит. Умело проведенная им операция по обезвреживанию крупной вооруженной банды эстонских националистов отложилась в моей памяти навсегда. Она была смелой по замыслу, глубоко гуманной по существу, значимой по своим результатам. После войны, работая в разных че-

кистских коллективах, на занятиях с сотрудниками я ставил эту операцию в пример.

...И впрямь, она заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробнее.

На мызе Кумна, недалеко от Таллина, размещалась шпионская школа «Бюро Целлариуса». Оперативная группа чекистов Ленинградского фронта в составе В. П. Терещенко, С. Я. Братыгина, И. К. Пестрякова вместе с наступавшими частями ворвалась в этот населенный пункт и обнаружила следы поспешного бегства абверовцев. В одном из сейфов они даже забыли список агентов, обучавшихся в школе, а в ящике стола — пакет с их фотографиями. Эти документы явились для армейских контрразведчиков весьма ценной находкой. К сожалению, задержать кого-либо из них на месте чекистам не удалось. Сторож школы рассказал, что в последние дни в учебном центре оставались только курсанты-эстонцы. За два дня до своего бегства гитлеровцы вооружили их автоматами и пулеметами, одели в штатское платье и отправили куда-то в район Таллина. Старшим этого отряда был немецкий офицер Розенберг, а его помощником эстонец Якоб Олтер. Про Олтера говорили, что его родители живут в Раквере. Розенберг накануне появлялся на мызе Кумпа и уехал на машине вместе с начальником школы.

Было ясно, что группа Розенберга — Олтера — это одна из диверсионно-террористических банд, оставленных фашистской разведкой в тылу наших войск. Однако никаких сведений о ней, кроме того, что ее может возглавлять Олтер из Раквере, чекисты не имели.

Олтер — фамилия редкая. Чекисты довольно быстро получили из Раквере сведения о его родных. На окраине города в небольшом особняке жили инженер-строитель Микель Олтер с женой. Они радовались, что война идет к концу, и в то же время, как замечали соседи, были обеспокоены. Соседи Олтеров догадывались, что они волнуются за судьбу единственного сына, который, по слухам, состоял на службе у фашистских оккупантов. Перед наступлением советских войск он на несколько часов заходил к родителям, но на этом все и обрывалось.

Розыск никаких результатов не дал. Группа Олтера нигде и ничем пока не проявляла себя. Однако медлить было нельзя. Чекисты искали выход из создавшегося положения. Прорабатывались различные варианты, но они отклонялись по разным причинам. А вот предложение начальника Управления контрразведки фронта генерала А. С. Быстрова оказалось неожиданным. Он высказал

мысль о целесообразности разговора с отцом Олтера. Пусть тот склонит сына явиться в советские органы с повинной.

Мнения разделились. Одни соглашались с доводами генерала. Другие доказывали, что это бесполезно. Отец, мол, не скажет, где находится сын, не выдаст его.

Выслушав все «за» и «против», генерал остановился на том, что можно предотвратить возможные преступные действия банды при активном содействии Олтера-старшего. Ведь инженер Олтер — честный интеллигент, большой труженик, и он должен понять, что чекисты не только передают суду явных преступников, но и помогают встать на правильный путь тем, кто оступился или был обманут гитлеровцами.

Операцию возглавил майор А. С. Евтюхин. Из бесед с Олтером-старшим он сделал вывод: отцу известно местонахождение сына, хотя вначале он категорически заявлял, чтобы его не делали соучастником расправы над его чадом. Майор Евтюхин не отступал. В конце концов выдержка чекиста, сила его доводов взяли верх. Инженер Олтер сказал, что он примет меры к тому, чтобы встретиться с сыном.

Шли дни. Олтер-старший не появлялся. Контрразведчики В. Терещенко, С. Братыгин, И. Нестряков беспокоились за дальнейшее развитие операции по обезвреживанию банды. Майор Евтюхин, поверивший в искренность Олтера-старшего, теперь начал сомневаться в благополучном исходе дела. И вдруг отец и сын Олтеры прибыли в Таллин, добровольно явились в контрразведку фронта. Без единого выстрела чекисты ликвидировали вооруженную банду. При ее задержании было изъято пять ручных пулеметов, винтовки, автоматы, ручные гранаты, две рации. Якоба Олтера и участников его группы, которые не совершили тяжких преступлений и сдались советским властям добровольно, военный трибунал оставил на свободе.

Примечателен и другой итог этой операции. То, что произошло в 1944 году, оставило глубокий след в семье Олтеров. Они были признательны чекистам и советскому правосудию за справедливое решение трагической судьбы Олтера-младшего. Якоб стал на правильный путь. Сообщим одну деталь. В 1946 году майор Евтюхин (он работал тогда в Ленинграде) получил телеграмму. Семья Олтера приглашала его приехать к ним по случаю семейного торжества — свадьбы Якоба. Евтюхин выехал в Раквере и был на свадьбе дорогим гостем.

Многие агенты абвера, завербованные из советских военнопленных, сразу же после переброски через линию фронта приходили в военную контрразведку или к командованию Красной Армии и чистосердечно рассказали в содеянном. О некоторых таких фактах знали руководители фашистской разведки. В одном из отчетов абверкоманды-104 указывалось: «Многие агенты после переброски никаких донесений нам не представляют. Причины молчания нам неизвестны. Явились ли они добровольно с повинной к советским властям, были ли арестованы, или же вышла из строя их рация — неизвестно».

Главарь фашистской разведки требовал от своих подчиненных принимать решительные меры по усилению результативности работы зафронтной агентуры. А те в свою очередь ускорили проверку на благонадежность забрасываемых агентов. Запугивали их жестокой расправой со стороны советских властей, оставляли в качестве заложников их родственников. Для закрепления надежности агентов заставляли их совершать какие-либо преступления по отношению к советским людям. Фотографировали эти преступления и предупреждали, что, если он откажется выполнять задания или явится с повинной, фотография будет передана советским властям. Тех, кто категорически отказывался выполнять условия абвера, расстреливали.

Несмотря на столь жестокие меры, число агентов, являвшихся с повинной, увеличивалось. Этому способствовала и обстановка на фронте. Фашистские войска отступали. Теряли поражение и их разведывательные органы. Небезытересно привести показания бывшего заместителя начальника абвера генерала Пикенброка, взятого в плен советскими войсками: «Россия — самая тяжелая страна для внедрения агентов разведки... После вторжения германских войск на территорию СССР мы приступили к подбору агентов из числа советских военнопленных, но было трудно распознать, имели они действительно желание работать в качестве агентов или намеревались таким путем вернуться в ряды Красной Армии».

Гитлеровцы не могли найти ответ на вопрос: почему это происходило? А ответ был. Главарь фашистской разведки не учитывал высокого патриотизма советских людей, их беспредельной любви к своей социалистической Родине. Всего один пример. Из диверсионной банды Бондаренко, о которой рассказано выше, больше половины агентов, заброшенных в тыл советских войск, сразу же добровольно явились к нашему командованию с повин-

ной и оказали чекистам помощь в задержании остальных участников.

Рассматривая дела на агентов фашистской разведки, явившихся с повинной, военные трибуналы в годы войны нередко выносили им условные приговоры. Эта практика полностью оправдала себя. После войны она была закреплена в законодательном порядке. В статье 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, принятого 25 декабря 1958 года Верховным Советом СССР, записано: «Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам Советской власти о своей связи с иностранной разведкой».

Незабываемыми для меня остаются встречи с чекистами 8-го эстонского стрелкового корпуса. Они переросли в дружбу, которая сохраняется до настоящего времени.

8-й эстонский стрелковый корпус вошел в состав Ленинградского фронта в январе 1944 года. А его боевая слава складывалась еще в начальный период войны. Части корпуса прошли школу в боях под Великими Луками, Новосokolьниками.

Руководство контрразведки фронта поручило мне побывать в эстонском корпусе, ознакомиться с коллективом чекистов, их делами. В последующем я наведывался к ним не раз и узнал, что нелегким был их путь. В первые дни войны погибли молодые оперативные работники комсомольцы Смирнов, Гречин, Сялкин. При задержании агента фашистской разведки был тяжело ранен чекист Лилленурм.

Отдел контрразведки корпуса возглавлял полковник Ногаи Яковлевич Типнер, начавший борьбу с контрреволюцией еще в 1922 году под руководством Ф. Э. Дзержинского. Человек кристальной чистоты и честности, он умело руководил коллективом чекистов. Был требователен и в то же время необыкновенно добр и внимателен. У личного состава корпуса пользовался большим авторитетом. Не случайно коммунисты соединения постоянно избирали его в состав партийной комиссии. Его ближайшими помощниками по контрразведывательной работе были Э. Я. Меттус, А. А. Кикас, Р. Я. Лилленурм, К. П. Киммель, П. М. Пауль и другие чекисты. Этот дружный, работоспособный коллектив с глубоким пони-

машием и ответственностью решал возложенные на него задачи.

К эстонскому стрелковому корпусу тянулись щупальца «Бюро Целларнуса», находившегося в оккупированном гитлеровцами Таллине. Чекистам было известно, что там подвизаются в качестве официальных сотрудников абвера бывшие офицеры разведки и контрразведки генерального штаба армии буржуазной Эстонии Кургвель, Саарсен, Кристьян. Пользуясь тем, что эти верные слуги адмирала Капариса лично знали некоторых руководящих офицеров 8-го эстонского стрелкового корпуса, они не раз пытались скомпрометировать их перед командованием и советским народом. Такую провокацию абверовцы организовали, в частности, в отношении начальника штаба корпуса генерала Лукаса.

6 марта 1944 года контрразведкой Московского военного округа был задержан агент абвера Сергей Честнов, заброшенный в советский тыл с документами на имя сержанта батальона охраны штаба 22-й армии Шадрина. На допросах Шадрин показал, что в обусловленном месте в районе города Торопца он в течение суток ждал человека, который якобы должен был связать его с генералом Лукасом. Ему подлежало передать Лукасу письмо, изготовленное гитлеровской разведкой. Узнав, что 8-й эстонский стрелковый корпус выбыл к новому месту дислокации (в это время он уже находился на Ленинградском фронте), Честнов решил возвратиться к своим хозяевам. Письмо на имя Лукаса уничтожил, опасаясь улик в случае задержания. Провокация цели не достигла.

Руководившие ее подготовкой не успокоились. Они вскоре направили в тыл советских войск второго агента — Парамонова. Ему вменялось в обязанность встретиться с генералом Лукасом, передать адресованное ему письмо и обратиться с просьбой устроить его, Парамонова, в часть корпуса для прохождения дальнейшей службы. При этом он должен был от имени посланных его лиц предупредить генерала, что если он не сделает этого, то его ожидают большие неприятности.

Парамонов так и поступил. Он разыскал в районе Кингисеппа штаб эстонского корпуса. Под предлогом передачи секретного пакета с пометкой «лично» получил разрешение дежурного офицера войти в кабинет начальника штаба. Генерал Лукас принял от Парамонова пакет, внимательно выслушал его и, заподозрив неладное, доложил командиру корпуса генерал-лейтенанту Пэрпу. Последний пригласил к себе начальника контрразведки

корпуса И. Я. Тишера. Парамонов был передан в его распоряжение. Вместе с ним чекисты получили письмо, адресованное генералу Лукасу от имени бывшего агента разведотдела эстонской буржуазной армии Вахури, перешедшего во время войны на службу в абвер.

Это произошло в июне 1944 года, в период, когда части корпуса готовились к освобождению Советской Эстонии от гитлеровских захватчиков. Подобного рода провокации со стороны разведки противника предпринимались и по отношению к другим офицерам эстонского корпуса. С аналогичными фактами встречались чекисты и в других соединениях Ленинградского фронта.

За период войны армейским чекистам доводилось не раз ограждать честь советских офицеров, военных специалистов от попыток врага скомпрометировать их перед советским народом. Эмблема чекистов — щит и меч. Верные сыны партии и народа, они поражают карающим мечом врагов, посягающих на безопасность нашей социалистической Родины. Но они держат в своих руках и щит, защищая Советское государство, его граждан от коварных происков империалистических разведок.

Чекисты эстонского стрелкового корпуса сыграли активную роль в ликвидации шпионских гнезд на территории Эстонии при ее освобождении от врага. Их опыт, хорошее знание обстановки, языка, постоянная связь с патриотами обеспечивали успех дела.

Кончилась война. Сокращались Вооруженные Силы Советского Союза. Уволенные в запас воины возвращались к мирному труду. Армейские чекисты не были исключением.

Йоган Яковлевич Тишер долгие годы работал в ЦК Компартии Эстонии. Эдуарда Яновича Меттуса я встречал, когда он был в должности заместителя министра просвещения Эстонской республики. В течение ряда лет он работал заместителем председателя комиссии государственного контроля Совета Министров Эстонской ССР.

Александр Августович Кикас, старший следователь Отдела контрразведки корпуса, после войны находился на руководящей партийной работе, затем был переведен в Министерство внутренних дел Эстонии, в течение ряда лет возглавлял милицию республики. Полковник Рудольф Яковлевич Лилленурм также работал в органах милиции.

О майоре Петре Михайловиче Пауле хочется рассказать подробнее. Он, как и многие другие, прошел через огонь Великой Отечественной. Но для него война в мае 1945 года не закончилась. Он был переведен в МГБ

Эстонии, остался бойцом пезрнмого фронта. В январе 1948 года Пауль был назначен начальником уездного отдела госбезопасности на место погибшего на боевом посту капитана Сидорова и так же решительно повел борьбу с врагами Советской власти. Он погиб при ликвидации крупной вооруженной банды в майские дни 1948 года. Банда была разбита, но враги подстерегли его на одной из лесных дорог и зверски убили. Несомненно, что бандиты охотились за Паулем. Его фамилия была занесена в списки коммунистов, комсомольцев и других активистов, подлежащих уничтожению. Эти списки были подготовлены гитлеровской полицией безопасности еще до наступления частей Красной Армии в Эстонию, а позднее попали в руки чекистов. Все, кто знал П. М. Пауля, уважали его за высокую партийность, патриотизм, кипучую энергию. Он был хорошим организатором, требовательным начальником, чутким, внимательным товарищем.

М. А. ПОСПЕЛОВ,
майор в отставке

С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

В погожие августовские дни 1944 года я зачастил в воскомат города Резекне, только освобожденного нашими войсками от гитлеровцев. Мне, офицеру армейской контрразведки, предстояло опознать одного человека по приметам. Под какой фамилией он появится, данных не было. И уж, конечно, псевдоним, присвоенный ему фашистской разведкой, он постарается не называть.

Приходили люди, чем-то похожие на ожидаемого фашистского агента. Разговоры с ними убеждали, что нужный мне человек еще не пришел. Но вот появился еще один посетитель. Одна, вторая, третья приметы совпали. Оп! Стараясь не выдать своего волнения, я закурил и, как бы от нечего делать, стал рассматривать пришельца.

Выглядел он простым парнем. Худощав. Крючковатый с горбинкой нос. Тонкие губы. Одет в сильно поношенный серый костюм, через который угадывалось хорошо натренированное тело. На вопросы сотрудника райвоенкомата отвечал без запинки. Фамилия — Павлов. Имя —

Виктор. Отчество — Семенович. Родился па Смоленщине. Призван в армию до войны. Участвовал в боях. Был ранен. Попал в плен. Работал в Пруссии на ферме у кулака. С приближением фронта бежал. Скрывался па хуторах в Латвии. И вот теперь с освобождением Резекненского района явился сюда, чтобы мобилизоваться (он так и сказал — «мобилизоваться») в Красную Армию и искупить свою вину борьбой с гитлеровцами.

— Вы больше ничего не хотите добавить к сказанному? — полюбопытствовал я, когда Павлов закончил беседу с офицером райвоенкомата.

— Да, я сказал все, — ответил он совершенно спокойно.

— Нет, не все. — Я выдержал длительную паузу, глядя в глаза незнакомцу. — Вы кое о чем существенном умолчали, Виктор Семенович.

Павлов насторожился. Было заметно, как им овладевало волнение. Острый кадык, как челнок, заметался под кожей крепкой шеи. На смуглых щеках простушился еле заметный румянец. Я продолжал:

— Вы «забыли» сказать, что окончили Валговскую школу абвера и имеете задание фашистской разведки вступить в одну из частей нашей армии.

Неожиданное разоблачение словно парализовало его. Он молчал, не находя слов для ответа. Глядя па растерявшегося шпиона, я в мыслях отдал дань проникательности нашего разведчика, действовавшего в фашистской разведывательной школе и указавшего в своем сообщении на неустойчивость Павлова.

Допрос был продолжен в Управлении контрразведки «Смерш» фронта. Выпускник Валговской шпионской школы привел нас к своему тайнику, сдал шпионское оснащение, радиопередатчик, запас продуктов.

Из сообщения нашего разведчика мы знали, что в этот район заброшены четыре шпиона. Все с радиопередатчиками и оружием, обучены собирать и передавать сведения о дислокации и передвижениях наших войск. Нужно было найти их и обезвредить как можно быстрее.

У армейских чекистов родился план. Павлову разъяснили, что для него единственная возможность искупить свою тяжкую вину перед Родиной — это помочь обезвредить тех трех шпионов. Без долгих колебаний Павлов согласился: «Я сделаю все, что в моих силах».

Мы хорошо понимали, что послушным его сделали успехи наших войск на фронте и, разумеется, надежда на спасение своей шкуры. Однако где гарантии, что

агент абвера при определенных обстоятельствах не изменит слову? Их, конечно же, не было. Мы шли на риск.

Возглавить операцию поручили мне. В помощь дали молодого чекиста-стажера, младшего лейтенанта Казиева и шофера Юру, бывалого бойца, исколесившего на военных машинах десятки тысяч километров.

Поскольку по конспиративным правилам абвера каждый из шпионов знает местонахождение только одного агента, действующего по соседству, Павлов обеспечивает нам встречу со своим напарником. Его фамилия Куртис. Тот сводит нас с третьим, а третий — с четвертым. В этом и состоял наш план.

Разумеется, мы с Казиевым не знали, как будут складываться обстоятельства при встречах со шпионами. Успех дела зависел от нашей находчивости, а главное — от поведения Павлова. Я тщательно проинструктировал его:

— Ваша главная задача: убедить Куртиса, что лучший выход из создавшегося положения — идти в партизаны. Вы должны сказать, что уже дали мне свое согласие вступить в партизанский отряд, и советуете ему последовать вашему примеру.

— Я все понял, — ответил Павлов. — Постараюсь сделать как надо.

И вот трофейный грузовик взял курс на один из хуторов Резекненского района, где осел напарник Павлова. В пути нас подстерегали неожиданности. Ни с того ни с сего Павлов вдруг захотел заехать «на полчаса» на хутор, где он скрывался после заброски до нашей встречи в райвоенкомате. Я потребовал объяснить, в чем дело. Он долго мялся, потом сказал, что его там ждет подруга.

— Хорошо, подем! — согласился я.

Павлов попросил разрешения встретиться с подругой наедине. В мыслях оцениваю ситуацию. Хуторские строения утопают в зелени садов, недалеко лес. Скрыться в такой обстановке нетрудно. Что же делать? Отказать в просьбе Павлову? Это значит обострить с ним отношения, обидеть педоверием. Как все это может отразиться на операции? Принимаю решение: пусть Павлов идет один. Даю ему на это тридцать минут.

Когда он скрылся за забором добротного дома, мы, оставив машину на том же месте, выбрали наблюдательные точки, с которых просматривались подходы к дому. Полчаса томительного ожидания показали нам вечность.

К назначенному сроку Павлов не возвратился. Неужели он перехитрил нас и каким-то образом исчез? Про-

ждав еще четверть часа, решили осторожно и незаметно пробираться к дому. Подойдя совсем близко, услышали скрип двери и увидели на крыльце знакомую фигуру. От сердца отлегло. Я успел справиться с волнением, когда Павлов поравнялся со мною. Строго спросил:

— Почему вы проявляете недисциплинированность — на целую четверть часа задержались сверх полученного разрешения?

Он опустил голову, виновато произнес:

— Простите, больше такого не будет. — Потом с грустью добавил: — Может, больше и не придется свидеться с ней...

— Зачем же так мрачно, — примирительно заметил я. — Однако будем беречь время...

Мы сели в машину. Я с водителем — в кабину, Казиев с Павловым — в кузов. И взяли курс на соседний хутор. Ехали молча. Я мысленно пытался представить, как Павлов будет агитировать своего однокурсника «податься» в латышский партизанский отряд. По предварительной договоренности он встретится наедине с Куртисом, а потом представит нас шпиону, как доверенных штаба партизанского движения, вербующих в освобожденных районах пополнение для отрядов.

Перед хутором Павлов оставил нас и пошел один на встречу с абверовцем. Мы имитировали ремонт вышедшей из строя машины. Так Павлов должен был объяснить Куртису наше отставание.

— Опасную игру мы затеяли, товарищ капитан, — сказал мне Казиев.

Я согласился с ним, но много пути не было.

— Может, зря рекомендуем представителями штаба партизанского движения? Ведь здесь освобожденная земля, могут не поверить, — и младший лейтенант как-то неопределенно махнул рукой.

Мне же казалось, что фашисты имеют сведения о том, откуда партизаны получают пополнение. Это, во-первых. А во-вторых, мне, начинавшему войну в партизанском отряде, заброшенном, кстати, в 1941 году в тыл врага, легче оперировать соответствующей терминологией и вестн, так сказать, профессиональную беседу.

— Разговор шпионы могут повести короткий — очередь из автомата, — заметил водитель.

— Могут, Юра, — соглашаюсь я. — Но ведь и у нас есть автомат. Кстати, ты его не показывай, пусть под сиденьем лежит до поры до времени. И нас все-таки трое.

— Знать бы, что сейчас говорит Павлов своему друж-
ку, — Юра кивнул головой в сторону хутора.

— Он убеждает Куртиса, что само небо послало им спасение, — младший лейтенант потрепал Юру по плечу.

— Если говорить серьезно, — поддерживал разговор я, — проинкнуть в партизанский отряд для сих — голубая мечта. Только бы Павлов не свернул с заданного курса.

За обсуждением различных вариантов поведения наших подопечных и своих действий незаметно прошел час — время, отведенное на «починку» машины. Мы двинулись на хутор. Подъехав к добротным постройкам, сохранившимся, невзирая на войну, мы все трое выпли из машины и направились к дому, на ступеньках которого сидели Павлов и незнакомый нам парень. Левая рука последнего была опущена в карман. «Левша, — подумал я, — наверно, держит палец на курке взведенного пистолета». Ну что ж! Наши пистолеты тоже в готовности, и руки мы держим в боковых карманах ватников.

Приблизившись к крыльцу, я обратился к Павлову и кивнул на незнакомца:

— Да никак ты дружка тут встретил и потому не торопишься к машине?

— Да нет, не дружка. Здесь только познакомился. Он, между прочим, дело имеет к вам, — довольно естественно ответил Павлов.

— Дело? — переспросил я. — Какое же?

— Он скажет.

Куртис заговорил по-русски без акцента:

— Хочу воевать против фашистов, возьмите меня в партизанский отряд.

Я подумал про себя, что Павлов уже «поработал» с ним.

— Дело, конечно, похвальное, — ответил я не торопясь, — но ведь в партизаны не каждого берут.

Куртис пенюლობя окинул нас внимательным взглядом, усмехнулся:

— Понимаю, что не каждого...

— А что до сих пор делал? — спросил я.

— Всякое приходилось. Когда фашисты заняли наш район, мне было семнадцать лет. Работал в хозяйстве отца. При достижении призывного возраста мобилизовали в строительный отряд, потом перевели в санитарную часть. С приближением фронта бежал от гитлеровцев.

— В наших, стало быть, не стрелял? — спросил младший лейтенант.

— Чего не было, того не было.

— Это уже пеплохо.

— Не мешало бы подкрепиться, — перевел я разговор на другую тему. — В этом доме найдется что-нибудь пожевать? Кто здесь живет?

— Знакомый моего отца. Даже какой-то дальний родственник, — ответил Куртис. — Мои родные еще под оккупацией. Давайте зайдем, попросим...

Мы зашли в дом. Хозяева — старик со старухой — встретили нас настороженно. На просьбу Куртиса хозяйка молча положила на стол краюшку хлеба и развела руками — больше, дескать, угощать печем. Мы из своих запасов вынули две банки консервов. Закусили, поблагодарили хозяев и вышли на улицу. Я сказал Куртису, что мы должны в освобожденном районе найти подходящих людей из тех, кто ненавидит фашистов и желает бороться против них. Они должны составить несколько диверсионных партизанских групп для заброски в тыл врага. Здесь немало найдется людей, убежавших из плена, скрывающихся от фашистов, которые жаждут отомстить Гитлеру за все злодеяния. Может, у него есть кто на примете?

Куртис задумался, потом покачал головой:

— Не приемлю.

Павлов тоже сказал, что не знает таких.

— Ну что ж, будем искать. Поедем по хуторам, начнем с соседнего.

Младшему лейтенанту я предложил занять место с шофером, а сам с Павловым и Куртисом забрался в кузов.

Проселок петлял по заброшенным полям и перелеским. Повсюду были видны следы войны: сожженные селения, воронки от бомб и снарядов, искореженная боевая техника. Грузовик двигался медленно.

Я рассказывал «кандидатам в партизаны» о методах борьбы советских патриотов против гитлеровских захватчиков за линией фронта. В этом рассказе не было никакого вымысла. По сути дела, я довольно искренне, временами увлекаясь, делился с ними воспоминаниями о недавних днях своей партизанской жизни.

За три месяца до начала войны, после окончания срочной службы, меня уволили из Красной Армии в запас в звании младшего политрука. В первый же день фашистского нашествия на нашу Родину я, молодой коммунист, инструктор политотдела по комсомолу Ленинград-Московского отделения Октябрьской железной дороги, подал заявление в райвоенкомат: «Прошу направ-

вить на фронт». 1 июля меня зачислили в пародное ополчение, а через несколько дней в составе партизанского отряда переправили в тыл гитлеровских войск.

На всю жизнь запомнилась встреча бойцов нашего отряда с членом Военного совета фронта Андреем Александровичем Ждановым в Смольном. Отеческим, душевным словом папужествовал он нас, пародных мстителей, перед уходом в тыл ненавистного врага.

В отдельном партизанском отряде, которым командовал отважный пограничник В. Б. Савченко, я был политруком, затем комиссаром батальона, позднее возглавлял разведывательно-диверсионную группу. Проведя немало дерзких операций против гитлеровцев, наш отряд нанес врагу большой урон.

Со многими подробностями я рассказал, как в ноябре 1941 года бойцы отряда Савченко проникли в тыл дивизии СС «Мертвая голова» и ночью внезапно напали на фашистский гарнизон и охрану лагеря военнопленных. Во время налета было убито более двухсот пятидесяти гитлеровцев, освобождено из плена свыше четырехсот красноармейцев.

Куртис слушал внимательно, изредка бросая в мою сторону настороженный взгляд. Павлов, казалось, думал о чем-то своем.

Приближалась ночь. Нужно было решать, где целесообразнее определиться на ночлег. Вопрос не из легких. Следовало подумать о безопасности. Под покровом темноты всего можно было ожидать от воспитанников школы абвера. Обыскивать Куртиса не стали, чтобы не вызвать подозрений. Хотя не исключалось, что он был вооружен. После долгих раздумий решили, что безопаснее будет все-таки в машине. Тут как-никак все рядом и на виду.

Выбрали небольшую полянку возле ручья, развели костер, умылись, поужинали. У догоравшего костра я снова вспомнил о партизанских буднях 1941 года. Рассказал, что из отряда Савченко меня перевели в Отдельный истребительный полк, бойцы которого внезапными ударами с тыла и флангов захватили ряд важных пунктов противника под Старой Руссой и в районе Демянска. Куртис, как мне показалось, уже не сомневался, что я партизан. Он даже спросил меня, имею ли я ранения. Я поднял гимнастерку, обнажил правый бок, показал рану, пояснил: «Под Демянском зацепили».

Когда потухли последние угли костра, я сказал, что пора отдыхать. Мы нарубили тесаком хвойных веток, толстым слоем положили их на дно кузова и улеглись на

этот зеленый душистый «матрац». С младшим лейтенантом мы легли рядом возле кабины, заранее условившись, что спать будем по очереди. Павлов с Куртисом устроились в другом конце кузова. Шофер остался в кабине.

Августовские сумерки быстро перешли в густую темноту. Кругом было тихо. Лишь с запада доносились приглушенные раскаты артиллерийской перестрелки, да рядом ворковал ручеек. От него тянуло прохладой — туман заволакивал низину. Вскоре послышался храп Казиева — он по нашему распорядку спал первым. Я по завидовал крепости его первов. В такой обстановке быстро заснуть мог только человек с великолепной нервной системой.

Другие мои спутники не засыпали долго. Я чувствовал их каждое движение, готовый по первому признаку опасности принять меры. Они переворачивались с боку на бок, вздыхали. Но вот с их стороны послышалось глубокое, размеренное, уже не сдерживаемое дыхание. Кто-то из них заснул. Кажется, Павлов. Вскоре заснул и Куртис. Напряжение мое постепенно стало ослабевать, и я почувствовал, что и сам страшно хочу спать. Приятная усталость обволакивала все тело, мышцы расслабли, веки склеивались. Нет, так нельзя! Успленим воли отогнал сон, приподнялся на локти, потом сел, прислонившись к борту машины. Чтобы не заснуть, гляжу в небо, отыскиваю созвездие Лиры и самую яркую звезду Вега. Вот когда она дойдет до макушки самой высокой сосны, я разбужу младшего лейтенанта и передам ему пост. Это будет часа в три.

В середине ночи заметил, что Куртис проснулся. Стараясь не разбудить никого, он стал подниматься. Я взял в руку пистолет, который лежал рядом. Куртис постоял, осмотрелся и взялся руками за борт, намереваясь перелезть через него. Я тихо спросил:

— Ты куда это собрался?

Он повернулся ко мне, шепотом ответил:

— До ветру.

В свою очередь спросил меня, почему не спится.

— Я же партизан, сон у нас чуткий. Ты вотбрякнул погой о борт — и я настороже. Рефлекс выработался.

Куртис прыгнул с борта и растаял в темноте. «Неужели удирает?» — мелькнула тревожная мысль. Осторожно приподнялся и стал прислушиваться. Минут через пять близко хрустнула сухая ветка и послышались шаги. Куртис, как кошка, ловко и бесшумно залез в кузов и занял свое место.

Моя вахта заканчивалась. Не меняя позы, я сдвинул ладонь младшего лейтенанта. Он проснулся, пожал мою руку — сигнал, мол, понял. До рассвета оставалось часа три — время, достаточное для того, чтобы отдохнуть и восстановить силы.

Ночь прошла без приключений. Утром я подошел к Павлову, умывавшемуся у ручья, и тихо, так, чтобы Куртис не слышал, спросил, удалось ли ему что-нибудь выяснить о местопребывании третьего. Павлов отрицательно покачал головой.

За завтраком я завел разговор о предстоящем маршруте, спросил наших подопечных, не знают ли они случайно, в каких населенных пунктах могут быть мужчины призывного возраста? Те ответили, что не знают.

— Ну что ж, будем искать! — заключил я.

Машина взяла курс на очередной хутор. А я опять возобновил разговор о партизанских делах. В действительности они закончились для меня в апреле 1942 года, когда по рекомендации армейских политорганов я стал военным контрразведчиком. Но об этом мои собеседники, разумеется, ничего от меня не услышали. Продолжая беседу, постарался заинтересовать их описанием характерных особенностей партизанской борьбы против фашистских захватчиков, стал рассказывать, как ставить мины на железнодорожном полотне, действовать в подполье. Мои слушатели с неподдельным интересом ловили каждое слово, иногда задавали вопросы. И я подумал, что если Павлов не водит нас за нос, то Куртис поверил, что мы партизаны. Но в искренности Павлова мы пока не убедились. И в этом весь вопрос.

Объехали еще несколько хуторов. Мужчин призывного возраста нигде не встретили. Я уже стал беспокоиться. Вдруг ко мне на привале подошел Павлов и, выбрав удобный момент, назвал населенный пункт, куда следовало заглянуть. На мой немой вопрос Павлов шепнул:

— Советует Куртис.

Я стал обдумывать, как Куртису предоставить возможность встретиться и поговорить с агентом наедине. И остановился на том же варианте: шофер остановится недалеко от названного Куртисом хутора якобы из-за поломки машины. Я предложу желающим прогуляться до пункта, чтобы узнать, стоит ли туда заезжать. Все будут молчать, пока не вызовется пойти Куртис.

Так и поступили. Юра скрипнул тормозами, съехал на обочину дороги возле рожицы, выключил мотор, вышел из кабины и выругался:

— Черт бы пообрал эти дороги! Кажется, камеру проколол. Придется постоять.

Я спросил:

— Сколько будешь нас держать?

— Часа полтора, не меньше.

Все прыгнули на землю.

— Одному из нас надо сходить на хутор и выяснить обстановку. Кто желает прогуляться?

Младший лейтенант стал разуваться:

— Ногу патер, прогулялся бы с удовольствием.

— Разрешите мне, — попросил Куртис.

Я согласился.

Легкой пружинистой походкой абверовец направился к хутору. Юра занялся осмотром колес. Мы отошли на лужайку и, лежа на траве, стали обсуждать обстановку.

— Не сбежит? — сразу же спросил Павлова младший лейтенант, кивнув головой в сторону удалявшегося Куртиса.

— Не должен, — ответил тот.

— Скажи, поверил ли он тебе? — протянул я пачку папирос Павлову.

— Вроде поверил, — Павлов вынул из пачки папиросу.

— А наверняка можешь сказать?

Павлов отрицательно покачал головой:

— Уж очень он скрытный.

Меня стали одолевать сомнения. Стоило ли Куртиса отпускать одного? Не почуял ли он подвох? Минуло полтора часа, и мы решили ехать на хутор. Я сел рядом с водителем, младший лейтенант и Павлов расположились в кузове. Ехать, однако, долго не пришлось. Вскоре мы увидели две фигуры, шедшие навстречу. Когда до них оставалось метров двести, я узнал Куртиса. А кто же с ним? Неужели третий шпион? Хорошо бы! Поравнявшись с ними, машина остановилась, и все прыгнули на дорогу.

— Ну что там на хуторе? — спросил я Куртиса.

— Пусто. Старики да старухи, — ответил он. — Вот встретил лишь одного человека, догоняет свою часть после госпиталя.

Рослый, плечистый, с длинными руками, с перебитой переносицей, он напоминал профессионального боксера. «Этот может убить одним ударом», — подумал я не без тревоги и заинтересовался:

— Где лечились?

Тот назвал помер эвакогоспиталя.

— В какую часть следуете?

— Запомятовал. Помню лишь фамилию комбата — Ермоленко. А ротного убили в том же бою, когда меня контузило. Звали его Роман Савельевич Назарыи.

— А как сейчас себя чувствуете?

— Неплохо.

— Это главное. А где воевать с фашистами, подумаем вместе.

Спутники залезли в кузов, расположились на еловых ветках. Я сел с шофером и, когда заработал мотор, тихо назвал пункт назначения:

— В управление!

До управления было далеко. Примерно в километре от одного из хуторов, лежавших на нашем пути, забарахлил мотор. Шофер вылез из кабины, открыл капот, покопался в машине и объявил с горечью: «Это надолго. Придется ночевать здесь».

На мое предложение провести и эту ночь в машине шпионы запротестовали:

— Холодно, товарищ капитан!

— Рядом хутор. Зачем же маяться?

— Аристократы! — незлобиво проворчал я. — Забыли про окопные перины...

Пришлось, однако, идти на хутор. В доме застали пожилую женщину с вдовой-невесткой и детьми. На почлег устроились прямо на полу, не раздеваясь, подстелив солому. Я с младшим лейтенантом опять лег рядом, шофер с другой стороны, опекаемые нами спутники заняли середину пола.

Тревожные чувства не оставляли меня. Присоединившийся верзилка казался мне особенно опасным. Его прощательный взгляд, которым он ощущивал нас при встрече, постоянная настороженность, отлучка с Куртисом из дома на двор перед тем, как лечь на отдых, не давали мне покоя. Хотя мы и договорились с Казиевым, что спать будем по очереди, я чувствовал, что мне в эту ночь не уснуть. Поэтому не стал будить младшего лейтенанта: пусть хоть он отоспится. Так я и лежал на спине, слушая храп и сонное бормотание моих боевых товарищей и не сложивших оружия наших врагов — фашистских шпионов.

До полного рассвета я боролся со сном. Разбудил Юру, отправил ремонтировать машину. Когда он часа через два подошел к дому автомобиль, мы ждали его уже на улице. Все, кроме меня, разместились в кузове. Я занял место в кабине. Водитель нажал на педаль газа.

Когда город Резекне был уже близко и я готов был вздохнуть с облегчением, на обочине дороги показался «голосующий» пешеход. Проехать мимо — значит вызвать подозрение у моих пассажиров. По моему сигналу Юра остановил машину.

Из первых обычных фраз с попросившим подвезти выяснилось, что он встречался с одним из моих «партизан» в фашистском лагере для военнопленных. Это насторожило меня. Как поступить? Высадить там, где пожелает? А вдруг?.. Везти вместе со всеми? Он может запротестовать — и это натолкнет на размышления остальных. Но все решилось само собой: голосовавшему было почти по пути с нами.

Вот и город Резекне. Мы мчимся по знакомым улицам, подъезжаем к повороту, за которым в нескольких сотнях метров находилось наше управление. Машина приблизилась к шлагбауму: дорога перекрыта. Из будки вышел часовой. «Новенький, меня еще не знает, — стреловой отметил про себя. — Сейчас потребует документы, которые показывать при пассажирах крайне опасно».

— Документы! — потребовал часовой.

— Вы меня не узнаете? — строго спросил я, надеясь взять его на испуг.

— Нет, не узнаю, — последовал хладнокровный ответ.

Мои спутники заволновались, устремив свои взоры на нас. Я понял, что человек исправно несет службу и для меня исключения не сделает. Встал спиной к машине, не торопясь достал удостоверение и, раскрыв его так, чтобы слово «Смерш», отпечатанное крупными буквами на красной обложке и внутри по тексту документа, не попало на глаза шпионам, сунул под нос часовому. Тот протянул руку, пытаясь взять удостоверение.

— Да вы что, страдаете слабостью зрения! — раздраженно воскликнул я.

— Зрение у меня хорошее, товарищ капитан, но я хочу получше рассмотреть ваш документик.

Часовой развернул удостоверение, внимательно проверил, возвратил его мне и не мешкая открыл шлагбаум. Я обернулся и бросил взгляд на своих спутников. Те были на месте. От сердца отлегло.

Наш «спектакль» закончился в следственном отделе Управления контрразведки «Смерш» фронта. Верзла рассказал о местонахождении четвертого шпиона, которого мы задержали в тот же день.

Так была обезврежена опасная шпионская группа абвера.

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

А. А. МУРАТОВ,
подполковник в отставке

ПАМЯТЬ О НИХ НЕТЛЕННА

Этих людей нет в живых. Выступив на защиту Родины — Советского Союза, они успешно вели тайные бои с опытной, коварной фашистской разведкой. А когда требовала обстановка, с оружием в руках шли в атаку на врага. Они не дожидки до Победы. Но в завоевании ее есть частица их славных дел.

В школьном музее «Чекисты» находится портрет лейтенанта Александра Ивановича Смирнова. Это был активный комсомолец, один из лучших сотрудников Ленинградской милиции. Он с первых дней войны стал оперуполномоченным Особого отдела 177-й стрелковой дивизии, защищавшей подступы к Ленинграду на Лужском рубеже.

Шли жестокие, кровопролитные бои. Атаки фашистов следовали одна за другой. Перед очередной атакой масированный огонь противника из всех видов оружия был особенно сильным. Замолк один пулемет, за ним — вторую траншею.

Лейтенант Смирнов, находившийся среди бойцов переднего края, пробрался к станковому пулемету. Хорошо владея «максимом» со времени срочной службы в армии,

он приладил его поудобнее и нажал на гашетку. Пулемет ожил. В рядах наступающих гитлеровцев произошло замешательство. Лейтенант уловил этот миг, поднялся и, увлекая за собой бойцов, бросился к траншее, занятой врагом. Не выдержав натиска советских воинов, гитлеровцы отступили. Первая траншея была снова в наших руках.

В этом бою лейтенант Смирнов пал смертью храбрых. Это произошло 14 августа 1941 года южнее города Луги. Боевые друзья проводили молодого чекиста в последний путь. Никого из родственников Александра Ивановича Смирнова, родившегося в Калининской области, не осталось ныне в живых. Ветераны армейской контрразведки свято чтят его светлую память.

21 августа 1941 года гитлеровцы заняли Кингисепп, который до этого уже не раз переходил из рук в руки. Создалась угроза прорыва Кингисеппского оборонительного рубежа. Перед одним из полков 118-й стрелковой дивизии была поставлена задача — выбить гитлеровцев из находившегося на подступах к Кингисеппу населенного пункта Тикописи.

В боевых порядках полка вместе с бойцами шел в атаку армейский чекист Георгий Александрович Воропаев. Бой был упорным, кровопролитным. Выбив фашистов из Тикописи, наши бойцы выполнили поставленную перед ними задачу. Но для чекиста Воропаева этот бой был последним. В его служебных характеристиках неоднократно отмечались такие качества, как смелость и решительность. В бою за Тикописи он показал себя храбрым, отважным защитником Родины.

Трудовой путь капитана военной контрразведки Бориса Ивановича Жегалова начался в райкоме комсомола на своей родине в Горьковской области. Вскоре он стал комсомольским вожаком района. Затем работал председателем крупного колхоза. С 1939 года Б. И. Жегалов — армейский чекист, участник боев на Халхин-Голе. Уже тогда он проявил себя умелым контрразведчиком, успешно разоблачив агента вражеской разведки, за что был награжден орденом Красной Звезды.

Защищать город Ленина Жегалов начал в коллективе чекистов 10-го стрелкового корпуса. Тяжелые оборонительные бои с гитлеровцами проходили почти ежедневно.

В конце августа 1941 года, когда враг, не считаясь с потерями, рвался к Ленинграду, капитан Жегалов погиб в схватке с фашистами.

Его пашли на поле боя с зажатым в руке пистолетом. Рядом с вишневою эмалью ордена запеклась темно-красная струйка крови, которую каплю за каплей отдал отважный чекист в борьбе с ненавистным врагом за нашу Победу.

Неразлучными друзьями были два оперуполномоченных Особого отдела 191-й стрелковой дивизии старший лейтенант Матвей Иванович Мальцев, рекомендованный для работы в чекистские органы Ленинградским горкомом партии еще до войны, и лейтенант Михаил Афанасьевич Беспалов, ставший армейским чекистом в июле 1941 года. Стрелковые батальоны, в которых они работали, располагались рядом, и поэтому на доклад к руководству они зачастую ходили вместе.

В ночь на 4 августа 1941 года один из батальонов начал разведку боем. В случае успеха предполагалось отбить у врага деревню Монастырскую. Но поставленную задачу выполнить не удалось. 7 августа ее стали выполнять уже два батальона.

Получив в связи с предстоящими действиями необходимые указания от начальника Особого отдела, Мальцев и Беспалов возвращались в свои части. Идти было недалеко, но в пути следования чекисты неожиданно натолкнулись на засаду гитлеровцев, просочившихся в тыл наших войск.

Началась перестрелка. Она продолжалась до подхода поднятого по тревоге подразделения. Фашисты понесли немалый урон. Часть вражеских солдат была перебита, других взяли в плен. Лишь некоторым удалось уйти через линию фронта в расположение своих войск.

Были потери и на нашей стороне. Неразлучные боевые друзья молодые чекисты М. И. Мальцев и М. А. Беспалов сражались с гитлеровцами плечом к плечу, как говорят, до последнего патрона. После боя их нашли рядом с пистолетами в руках. В обоймах действительно не было ни одного патрона: все пули чекисты выпустили по врагу.

При аналогичных обстоятельствах погиб и старший оперуполномоченный Особого отдела 311-й стрелковой ди-

визии капитан Афанасий Елисеевич Заяц. Это случилось в начале декабря 1941 года. Капитан Заяц направлялся со служебным заданием к месту ожесточенного боя, который дивизия вела в районе Войбокала, не давая возможности противнику выйти к Ладожскому озеру.

В пути следования капитан натолкнулся на группу гитлеровских солдат, проникших через линию фронта. Он, в прошлом учитель, директор школы на Киевщине, а затем армейский чекист, погиб в неравном бою с жестоким врагом. Ему было в ту пору всего двадцать три года.

Оперативный уполномоченный Особого отдела 122-й стрелковой дивизии Карельского фронта Александр Павлович Веселов участвовал в советско-финляндской войне 1939—1940 годов. За успешное выполнение боевых заданий командования был удостоен ордена Красной Звезды.

В первые месяцы Великой Отечественной войны 122-я стрелковая дивизия сражалась с частями немецко-фашистской армии «Норвегия», пытавшимися овладеть Кандалакшей. 12 сентября 1941 года гитлеровцы предприняли попытку окружить одну из частей дивизии.

Собрав группу бойцов-артиллеристов, лейтенант Веселов повел их в атаку на врага. Фашисты отступили. В этом бою молодой армейский чекист пал смертью героя.

Сотрудника армейской контрразведки капитана Петра Мартыновича Матюхина хорошо знают и помнят на Кировском заводе. Еще до войны, выступая на партийном собрании в турбинном цехе, он говорил:

— Я рос вместе с нашей страной. В двадцатых годах шесть лет батрачил у кулака в деревне. Уехал в Москву, работал на стройке. В период срочной службы в Красной Армии вступил в партию. После армейской службы пришел на Кировский завод.

Коммунисты турбинного цеха избрали П. М. Матюхина секретарем партийного комитета. В 1939 году Ленинградский горком партии рекомендовал его на работу в органы военной контрразведки.

С первого дня Великой Отечественной войны капитан Матюхин пошел на фронт. Но воевать ему долго не пришлось. В боевом допесении Особого отдела 1-й горнострелковой бригады сказано:

«13 октября 1941 года в тяжелом бою с фашистами смертельно ранен П. М. Матюхин. Пуля, пробив медаль «За трудовую доблесть», орденскую и записную книжки, попала в область сердца... За мужество и отвагу он представлен к награждению орденом...»

Комсомольский работник Петр Иванович Лапко пришел в чекистские органы еще до войны. В первые месяцы фашистского нашествия он возглавил чекистскую группу в отдельном партизанском отряде В. Б. Савченко, действовавшем в тылу гитлеровских войск, наступавших на Ленинград. В составе боевых групп отряда участвовал в разгроме немецкого гарнизона в селе Паревичи и вражеской колонны у деревни Горушко.

Установив связь с патриотами из местного населения, Лапко узнал о фашистском ставленнике, который доносил гитлеровским карателям про места сосредоточения партизан и жителей, оказывавших помощь отряду. После проверки этих данных предателя постигла справедливая кара народных мстителей.

Осенью 1941 года П. И. Лапко стал оперативным работником Особого отдела 286-й стрелковой дивизии, сдерживавшей врага, рвавшего к южному берегу Ладоги и Волховской ГЭС.

20 декабря 1941 года капитан Лапко в составе батальона участвовал в штурме вражеских позиций. Преодолев проволочное заграждение, батальон достиг противотанкового рва. Но сильный огонь гитлеровцев остановил наступавших. Многие из наших бойцов погибли в этом бою. Среди них был и доблестный защитник Родины чекист Петр Иванович Лапко.

О 111-м отдельном лыжном батальоне на Карельском фронте ходили легенды. В зимнее время почти невидимые в своих маскировочных халатах, физически крепкие, хорошо подготовленные к ходьбе на лыжах, бойцы этой части проникали в глубокий тыл противника, где громили штабы, взрывали склады, выводили из строя транспортные средства. И внезапно исчезали. Вместе с бойцами в этих рейдах участвовал и оперуполномоченный Особого отдела, сибиряк Никандр Васильевич Жуйков.

Весной 1942 года лыжный батальон принимал участие в боевых действиях против фашистов в составе оперативной группы наших войск. В жестоком бою были ранены

командир и комиссар батальона. Чекист Жуйков, находившийся в это время на командном пункте, взял руководство боем на себя.

Враг предпринимал одну атаку за другой, но бойцы батальона стойко удерживали свои позиции. Противник обстреливал их из всех видов оружия. Они отвечали огнем. Вражеская мина разорвалась возле командного пункта. Ее осколок сразил боевого чекиста. Это было 24 апреля 1942 года.

В декабре 1941 года в кабинет начальника отдела кадров Управления особых отделов вошел рослый, могучего телосложения человек, представился:

— Бригадный комиссар Шашков.

— Здравствуйте, Александр Георгиевич. Когда мне рассказали о проведенных вами операциях, я усомнился, может ли человек выдержать такое. Ведь у вас перебиты два ребра, пробито легкое, разбита кисть руки, а сколько из вас тогда пулю извлекли? — спросил начальник отдела.

— Врачи после операции показали мне шесть.

Александр Георгиевич припомнил всю картину схватки с бандитами, терроризировавшими население многих сел, зверски убивавшими сельских активистов. Бандитов выслеживали долго и тщательно. Наконец узнали место сборища, но операция прошла не так, как планировали. Сложилась ситуация, при которой Шашков, руководивший группой чекистов, был вынужден один сразиться с четырьмя вооруженными до зубов бандитами. Он застрелил двоих, в том числе главаря банды, но и сам был тяжело ранен. Это произошло в 1926 году на Украине.

— Хочу вас обрадовать, Александр Георгиевич, — сообщил ему начальник отдела кадров. — Вашу просьбу решено удовлетворить. Военная контрразведка очень пужается в опытных работниках. А вам посчастливилось работать еще при Феликсе Эдмундовиче.

В этот же день, получив документ, удостоверяющий назначение на должность начальника Особого отдела 2-й ударной армии, Александр Георгиевич Шашков отбыл из Москвы на фронт.

Он знал, что такое война. С 1919 года — доброволец Красной Армии. В том же году вступил в ряды ленинской партии. Воевал против банд Петлюры и Махно на Украине. За храбрость и отвагу, проявленные в боях с белополяками, Реввоенсовет 14-й армии наградил молодого адъютанта полка золотыми часами.

На Туркестанском фронте А. Г. Шашков участвовал в жарких схватках с басмачами. Сохранилась запись, датированная 1922 годом: «За умелое руководство оперативно-боевыми действиями и личную доблесть в разгроме басмачества и других контрреволюционных формирований Ревком Восточной Бухары наградил т. Шашкова Серебряным орденом III степени».

В 1923 году по рекомендации армейских партийно-политических органов А. Г. Шашков стал чекистом. За его плечами — большой, полный опасностей боевой путь борьбы против контрреволюции, политического бандитизма, агентуры империалистических разведок. В 1936 году Шашков был удостоен ордена Красной Звезды.

Перед войной, работая заместителем начальника Управления госбезопасности по Черновицкой области, Шашков вел борьбу против бандитских выступлений украинских буржуазных националистов, многие из которых уже в те годы являлись агентами гитлеровской военной разведки.

Прибыв на Волховский фронт, бригадный комиссар Шашков сразу же занялся подготовкой чекистов 2-й ударной армии к предстоящим боям с фашистскими захватчиками.

В начале января 1942 года войска Волховского фронта начали активные боевые действия с целью деблокация Ленинграда. Прорвав оборону противника в районе Мясного Бора, 2-я ударная армия развернула наступление в сторону Любани. Навстречу ей двигались войска 54-й армии Ленинградского фронта.

Вместе с войсками 2-й ударной армии шли и чекисты, возглавляемые Шашковым. Он твердо и умело направлял их на борьбу против агентов вражеской разведки, на оказание всемерной помощи командованию. В сложных условиях непрерывных боев показывал пример стойкости и мужества. Эти высокие качества с особой силой проявились, когда войска армии оказались в сложном положении.

Чтобы сорвать Любанскую операцию советских войск, гитлеровское командование направило в район действий 2-й ударной армии дополнительные силы. К середине мая она оказалась почти в полном окружении. Наше командование приняло решение об отводе войск армии на правый берег Волхова.

Продолжая спокойно и уверенно руководить коллективом армейских чекистов, бригадный комиссар А. Г. Шашков вместе с членом Военного совета 2-й ударной армии

дивизионным комиссаром И. В. Зуевым помогал командирам и политработникам под огнем противника выводить войска из окружения.

В конце июня гитлеровцам удалось замкнуть кольцо окружения. Бойцы и командиры 2-й ударной армии, не успевшие выйти из него, оказались в исключительно трудном положении. Лишенные боеприпасов и продовольствия, непрерывно обстреливаемые противником, они пробивались к своим группами, предпочитая смерть позорному плену.

Вышедший из окружения начальник связи 2-й ударной армии генерал А. В. Афанасьев в своих воспоминаниях пишет: «Вперед шли политотдельцы и особисты во главе с И. В. Зуевым и А. Г. Шашковым... продвигались под непрерывным огнем пулеметов, минометов и артиллерии в густом дыму и огне. Один снаряд упал совсем рядом. Два командира были убиты. Шашков получил тяжелое смертельное ранение и двигаться не мог...»

Истекая кровью, Александр Георгиевич обратился к своим боевым товарищам:

— Заберите и сохраните мой партбилет...

Отдав партийный билет, бригадный комиссар потянулся к пистолету: он понимал сложность ситуации, в которой находились его товарищи. Раздался одиночный выстрел. Перестало биться сердце отважного чекиста.

Оставил последний патрон для себя и его боевой друг, тридцатичетырехлетний член Военного совета 2-й ударной армии дивизионный комиссар Иван Васильевич Зуев, при выходе из окружения столкнувшийся с группой гитлеровских карателей. На месте, где пролилась его кровь, сооружен семиметровый мраморный памятник-монумент. Неподалеку могила героя. На плите высечены слова: «Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером!»

В полной мере эти пламенные слова можно отнести и к верному сыну партии и народа, мужественному чекисту Александру Георгиевичу Шашкову.

19 августа 1942 года войска Ленинградского и Волховского фронтов начали наступление под Синявином. Гитлеровцы оказывали упорное сопротивление. Бой носил исключительно ожесточенный характер.

В составе войск Волховского фронта находилась 33-я стрелковая бригада. Чекистский коллектив ее возглавлял подполковник Александр Сергеевич Кустов — старый

член ленинской партии, опытный чекист, участник советско-финляндской войны 1939—1940 годов, награжденный орденом Красной Звезды.

В юные годы Кустов был пастухом, почтальоном. Позднее работал председателем райкомкома, служил в пограничных войсках, возглавлял правление колхоза и, наконец, по партийной путевке был направлен в чекистские органы.

Теми наступления 33-й стрелковой бригады был невелик, но каждый метр территории, отвоеванной у гитлеровцев, оплачивался дорогой ценой. За сутки удавалось продвинуться не более километра.

Шел десятый день наступательных боев. До Невы оставалось семь-восемь километров. Стремясь ликвидировать опасный прорыв наших войск, гитлеровцы, не считаясь с потерями, бросали в бой свои резервы.

Подполковник Кустов находился на переднем крае, когда в рядах наступавших выбыли из строя командиры рот, а затем и командир стрелкового батальона. Передав по цепи: «Беру командование на себя», он крикнул:

— Нас ждут ленинградцы. Вперед, за мной! Ура!

Бойцы поднялись, продвинулись вперед, закрепились на взятом рубеже. Для некоторых из них это был последний бой. Стал он последним и для чекиста Александра Сергеевича Кустова.

Вражеская пуля оборвала жизнь у Синявинских болот и еще одного чекиста — смертью храбрых пал в бою начальник Особого отдела 294-й стрелковой дивизии Волховского фронта капитан Владимир Васильевич Каретин, член партии с 1931 года.

В. В. Каретин начал свой трудовой путь рабочим, затем был освобожденным секретарем комитета ВЛКСМ, заместителем директора техникума. В 1939 году по партийной рекомендации пришел в органы военной контрразведки.

С первых дней войны контрразведчик в дивизии пародного ополчения. Неоднократно участвовал в боях против фашистских захватчиков на ближних подступах к Ленинграду. В одном из боев возникла угроза окружения противником штаба полка. Проявив выдержку и смекалку, чекист организовал отпор врагу. Гитлеровцы были отброшены на прежние рубежи.

В 1942 году капитан Каретин стал начальником Особого отдела 294-й стрелковой дивизии. 6 октября во вре-

мя ожесточенного боя в районе Снявипа он паходился на передовой. Бойцы стрелкового батальона, потеряв командира, залегли под сильным огнем противника недалеко от его траншей. Капитан Каретин поднял над головой автомат, с которым никогда не расставался, и, увлекая за собой бойцов, бросился к вражеским траншеям. Мощное «ура!» покатилося следом. Фашисты не выдержали атаки наших воинов, с ходу занявших вражеские окопы. Но капитана Каретина уже не было среди бойцов. Он пал, сраженный вражеской пулей.

В Снявинской наступательной операции принимал участие молодой армейский чекист лейтенант Владимир Васильевич Буряк.

Начальник Особого отдела 19-й гвардейской стрелковой дивизии Волховского фронта в боевом донесении указал: «В неоднократных боях на Снявинском направлении оперуполномоченный В. В. Буряк лично уничтожил 15 гитлеровцев. В бою 30 августа 1942 года погиб смертью храбрых».

Оперативный уполномоченный Отдела контрразведки 310-й стрелковой дивизии Волховского фронта старший лейтенант Алексей Федорович Калмыков постоянно помогал командованию стрелкового батальона, в котором он работал.

В январе 1944 года войска Волховского фронта перешли в решительное наступление на врага. Перед стрелковым батальоном была поставлена задача овладеть деревней Осней. Бойцы несколько раз штурмовали деревню, но, натолкнувшись на сильное сопротивление противника, отходили обратно.

Оценив обстановку, старший лейтенант Калмыков сказал командиру батальона:

— Дайте в мое распоряжение группу бойцов и радиста. Мы постараемся обойти противника и ударить с тыла.

Командир батальона одобрил дерзкий замысел чекиста. Храбрецам сопутствовала удача. Неожиданный удар с тыла вызвал в рядах фашистов панику. Многие из них были убиты. Оправившись от замешательства, гитлеровцы стали окружать группу Калмыкова. Организовав круговую оборону, чекист приказал радисту передать командиру батальона:

— В деревне примерно батальон солдат. Мы окружены в центре деревни. Фашисты по радиусу в пятидесяти метрах от нас. Вызываем огонь на себя.

Ожидание было томительным. Боеприпасы кончались. Калмыков передал по цепи:

— Патроны беречь. Вести только прицельную стрельбу.

Через несколько минут на окраине деревни разорвались первые снаряды, выпущенные нашей батареей. А потом разрывов стало больше и больше. Когда бойцы батальона освободили деревню, они обнаружили в ней не менее трехсот убитых гитлеровцев.

За успешное выполнение боевой задачи и проявленные при этом мужество и отвагу старший лейтенант Алексей Федорович Калмыков был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

После освобождения Ленинграда от вражеской блокады в начале 1944 года войска фронта продолжали очищать от фашистских захватчиков советскую землю.

Перед началом наступления на Красногвардейск офицеры Отдела контрразведки 123-й стрелковой дивизии получили указание проверить, не оставлены ли в поселках Сиверском и Лампово, где дислоцировались органы гитлеровской военной разведки, вражеские агенты. Капитан Павел Ильич Клевцов установил связь с местными жителями и получил от одного из них важный сигнал: «К заброшенному сараю недалеко от деревни по снегу идут следы. Мой сосед говорил, что в сумерках видел человека, который тайком пробирался туда».

Осмотрев сарай, оперативная группа во главе с капитаном Клевцовым обнаружила там тщательно замаскированный радиопередатчик. Выставили засаду. Прошло немало времени, и агент вражеской разведки был задержан с поличным.

Наступление войск Ленинградского фронта продолжалось. Стрелковый батальон, в котором находился капитан Клевцов, вырвался вперед. Гитлеровцы перешли в контратаку. В этом бою 6 марта 1944 года чекнет Павел Ильич Клевцов пал смертью храбрых.

6 марта 1944 года на подступах к Нарве погиб во время атаки вражеских позиций оперативный работник Особого отдела 378-й стрелковой дивизии старший лейтенант Иван Андреевич Донин.

До войны он работал электромонтером, затем техником на одном из ленинградских заводов. Окончил совпартшколу. С первых дней войны — армейский чекист. Как сказано в его служебной характеристике, старший лейтенант Допин «был смелым, храбрым, волевым, являлся образцом для других».

За успешную работу по борьбе с фашистской разведкой и участие в боях с гитлеровцами он был удостоен ордена Красной Звезды, медалей «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда».

Первое боевое крещение армейский чекист Кузьма Леонтьевич Андрющенко принял в августе 1941 года. В те тревожные дни он в составе батальона курсантов Ново-Петергофского военно-политического училища имени К. Е. Ворошилова участвовал в жестоких боях с гитлеровцами на подступах к Ленинграду.

Уже тогда курсант Андрющенко отличался смелостью, пахотчивостью, инициативой. В одном из боев несколько вражеских автоматчиков преградили наступавшим курсантам путь вперед. С разрешения командира роты Андрющенко зашел в тыл гитлеровцам и, по очереди уничтожив их, возвратился с трофейными автоматами.

В декабре 1941 года по рекомендации командования и парторганизации училища К. Л. Андрющенко стал полковым оперативным уполномоченным Особого отдела 98-й стрелковой дивизии. Он умело решал задачи контрразведывательной работы, часто находился на передовой. Проявляя храбрость и мужество, с автоматом в руках участвовал во многих схватках с врагом, был шесть раз ранен. 13 марта 1944 года в кровопролитном бою под Нарвой отважный чекист старший лейтенант Андрющенко получил седьмое, оказавшееся смертельным, ранение.

В органы государственной безопасности комсомолец Петр Дмитриевич Бабиков пришел в 1939 году из вуза, ныне именуемого Ленинградским институтом культуры имени Н. К. Крупской. Энергичный, собранный, он быстро освоил новое дело.

В 1943 году капитан Бабиков работал в группе армейских контрразведчиков при штабе Ленинградского фронта. Проявив высокую бдительность и чекистское мастерство, он сумел предотвратить проникновение в штаб фронта опасного агента абвера.

Капитан Бабинов был участником многих боев за Ленинград, в которых он проявил себя смелым, мужественным защитником Родины. Он был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Старший оперуполномоченный Отдела контрразведки 120-й стрелковой дивизии капитан П. Д. Бабинов погиб в бою под Парвой 29 марта 1944 года.

Оперативный уполномоченный Отдела контрразведки 63-й гвардейской стрелковой дивизии старший лейтенант Виктор Ильич Потапов участвовал во многих боях на Карельском перешейке. Дисциплинированный, исполнительный работник, отважный воин — таким помнят его фронтовые товарищи. В служебной характеристике старшего лейтенанта Потапова отмечено: «...показал себя смелым, стойким. Он не только оберегал часть от враждебных элементов, но и сам шел на врага с оружием в руках. 4 июля 1944 года, невзирая на пулеметный, артиллерийский огонь и бомбежку с воздуха, батальон пошел в атаку. В рядах атакующих был и В. И. Потапов. В 10.00 он был тяжело ранен, а в 14.00 скончался».

За проявленную доблесть и отвагу старший лейтенант Виктор Ильич Потапов был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В боях за освобождение островов Выборгского залива вместе с другими соединениями 21-й армии принимала участие 224-я стрелковая дивизия. В одном из ее батальонов работал армейский чекист старший лейтенант Федор Михайлович Шамшин. В 1942 году он разоблачил и обезвредил агента финистской военной разведки, сумевшего проникнуть в расположение батальона для сбора шпионских сведений о подготовке войск Ленинградского фронта к наступлению.

4 июля 1944 года батальон получил приказ освободить от неприятеля один из островов Выборгского залива. Ранним утром 5 июля под покровом легкого тумана катера и лодки бесшумно двинулись к острову. При подходе их к берегу противник обнаружил десант, открыл массированный огонь. Но неудержимый боевой порыв наших воинов решил судьбу операции. Вот первая группа бойцов уже на берегу. За ней — вторая, третья.

Враг пытался сбросить десантников в море. Командир батальона тяжело ранен. Находившийся рядом с ним

старший лейтенант Шамшин взял командование на себя.

— Вперед на врага! — призвал он воинов.

Бойцы поднялись в атаку, по огнем были прижаты к земле. Повторные атаки вражеских позиций тоже не принесли успеха. Пришлось занять оборону.

Все попытки противника выбить десантников с занятого ими рубежа ни к чему не привели. Наши бойцы стойко оборонялись до прибытия подкрепления. Остров был освобожден от врага. Но этого отважный чекист уже не видел. Он погиб от вражеской пули во время последней контратаки противника.

На окраине Таллина находится мемориальное кладбище. На мраморной плите одной из могил высечены слова:

«Старший лейтенант Саркисян Г. Т.

Погиб в бою за освобождение Советской Эстонии».

Сын солнечной Армении Георгий Тачатович Саркисян участвовал в боях с фашистскими захватчиками под Сталинградом. В 1943 году стал армейским чекистом, прибыл на Ленинградский фронт. Работая в Отделе контрразведки района авиабазирования, разоблачил и обезвредил двух гитлеровских агентов, сумевших проникнуть в наши авиационные подразделения.

После освобождения советскими войсками Таллина старший лейтенант Саркисян получил сообщение, что в доме священнослужителя скрывается участник националистической банды. 10 октября 1944 года он направился по известному ему адресу для изучения обстановки и решения вопроса о проведении операции по задержанию бандита. Когда проходил мимо дома священнослужителя и поравнялся с подвалом, оттуда раздалась автоматная очередь, сразившая чекиста.

Родина наградила старшего лейтенанта Г. Т. Саркисяна орденом Отечественной войны II степени (посмертно).

В школьном музее «Чекисты» хранится расчетная книжка старшего лейтенанта Антона Акимовича Яковлева, оперативного работника Отдела контрразведки 42-й армии, пробитая тремя осколками вражеского снаряда. Он носил эту книжку в нагрудном кармане до дня своей гибели — 19 января 1945 года.

Все девятьсот дней вражеской блокады старший лейтенант А. А. Яковлев активно защищал Ленинград, был четырежды ранен. В период наступления войск Ленинградского фронта в 1944 году лично задержал и разоблачил агента фашистской разведки. За успешную борьбу против вражеской агентуры был награжден орденом Красной Звезды. Он погпб, сражаясь с ненавистным врагом на земле Советской Латвии.

* * *

Многие чекисты Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов не вернулись с войны. Они отдали свои жизни в борьбе против фашистских захватчиков за нашу Великую Победу, за счастье своего народа. Память о них живет и будет вечно жить в сердцах советских людей.

Д. Д. ТАЕВЕРЕ,
полковник в отставке

ВЫСЕЧЕНЫ НА ГРАНИТЕ

В музее «Чекисты» 481-й средней школы Ленинграда хранится сообщение разведчика Николая Кузьмина, датированное 19 сентября 1944 года. На нем пометка: «Доложено т. Жукову. Куприн». Генерал армии Георгий Константинович Жуков был тогда командующим Ленинградским фронтом. Комиссар госбезопасности 3-го ранга П. Т. Куприн — начальником Особого отдела фронта, рядовой Кузьмин — разведчиком, только что вернувшимся из вражеского тыла.

Происходило это в тревожное время, когда отборные гитлеровские полчища, выйдя на ближние подступы к Ленинграду, ожесточенно атаковали наши позиции, стремясь любой ценой прорваться к городу. Их усилия активно поддерживали авиация и дальнобойная артиллерия, с первых дней сентября начавшие варварские разрушения Ленинграда. В тех условиях каждое разведывательное сообщение о противнике представляло большую ценность для командования. Вполне закономерно, что в те напряженные дни наряду с войсковыми разведчиками по ука-

занию Военного совета фронта уходили в тыл вражеских войск и разведчики чекистских органов — Ленинградского областного управления госбезопасности, Особых отделов Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота.

Мне, пришедшему в чекистские органы по партийной путевке в 1928 году и в первые дни войны назначенному начальником подразделения Особого отдела фронта, довелось руководить подготовкой разведчиков и направлением их в тыл врага. Как правило, наши разведчики смело и бесстрашно действовали на коммуникациях гитлеровских войск и приносили командованию ценные сведения о противнике. Одним из них был комсомолец Николай Кузьмин, уже успевший повоювать с фашистами.

Разумеется, далеко не каждое сообщение и не о каждом разведчике начальник Особого отдела докладывал командующему фронтом. Нетрудно убедиться, что сведения, которые передавал Кузьмин, имели особо важное значение. Вот только некоторые из них.

...Пройдя по тылам противника из района Колинна до Любани, Кузьмин сумел обнаружить на бывшем трехпроечном аэродроме у деревни Бородуллино более 70 тщательно замаскированных фашистских самолетов. По приказу командующего фронтом наша авиация нанесла по аэродрому удар, уничтожив и повредив большое число вражеских самолетов.

Разведчик установил, что гитлеровцы используют аэродром у деревни Апракси Бор и приступили к строительству аэродрома между деревнями Большое и Малое Переходное. Из этого сообщения следовало, что фашисты стремились совершить внезапные палеты на Ленинград с прифронтовых аэродромов. Учитывая это, командование фронта приняло срочные меры к перестройке системы ПВО.

В конце суток 18 сентября разведчик наблюдал движение большого количества вражеской пехоты, артиллерии и постонов от Любани в сторону Колинна. Эти данные свидетельствовали о стремлении противника после захвата города Пушкина сконцентрировать войска и боевую технику правее Колинна и отсюда прорваться к Ленинграду, что вскоре и подтвердили события, разыгравшиеся на этом участке фронта.

Кузьмин сообщил, что в двух километрах от Сабина по направлению к Красному Бору с правой стороны шоссе у леса, около отметки «470», расположены дальнобойные орудия. Эти сведения были учтены командованием

при организации контрбатарейной борьбы против фашистской артиллерии, обстреливавшей Ленинград...

За время с 6 сентября и по 7 октября 1941 года семь раз переходил Николай Кузьмин линию фронта: четыре раза в тыл врага, три обратно, к своим. В свой последний, четвертый рейд мы проводили его 29 октября 1941 года. Он ушел к врагу с двумя папашниками — семнадцатилетним Иваном Голубцовым, добровольцем народного ополчения, и Петром Петровым, которому только что исполнилось четырнадцать лет, но, несмотря на это, совершившему не один разведывательный рейд во вражеский тыл.

Помню, что спокойный, выдержанный Коля Кузьмин выделялся смуглым лицом, иссиня-черным цветом волос. Скромный Ваня Голубцов по облику своему напоминал девушку, а шустрый Петя Петров отличался малым ростом.

Срок возвращения разведчикам был установлен точно: 15 ноября, район станции Погостье. И в этот, и в следующий день, и еще долгое время мы ждали их, но разведчики не вернулись.

Война есть война, и на ней гибнут люди: в открытом бою, от бомбежек и снарядов, от разрывов мины или пули снайпера, в жестокой и скоротечной рукопашной схватке. Разведчик, попавший в руки врага, гибнет в одиночку. Смерть его скрывают враги, о ней нередко не знают друзья.

Не одного разведчика в годы мпнувшей войны проводжали мы, армейские чекисты, в тыл врага, и с каждым из них как бы сами отправлялись через линию фронта, отдавая ему часть своего ума и сердца. Успех разведчика был нашим успехом, гибель его — нашим горем.

Окончилась война. Сразу же был начат розыск Николая Кузьмина и участников его разведывательной группы. Но положительных результатов он не принес. Долгие годы о разведчиках ничего не было известно.

В 1974 году Особый отдел КГБ СССР по ордену Ленина Ленинградскому военному округу предложил совету ветеранов-чекистов Ленинградского фронта возобновить поиск не вернувшихся с задания разведчиков, выяснить все обстоятельства их гибели. Учитывая мое участие в подготовке разведгруппы Кузьмина и направлении ее в тыл врага, возглавить поиск было поручено мне.

Вскоре в моих руках оказались ценные документы военного времени — написанные рукой Николая Кузьмина сообщения о разведывательных рейдах, совершенных им

во вражеский тыл осенью 1941 года, а также краткая автобиография и характеристика разведчика. Сведения о его родственниках в этих материалах не было.

Я решил разыскать родственников Коли Кузьмина, родившегося в Сестрорецке. Обратился за помощью в адресный стол Ленинграда, съездил в Сестрорецк, где побывал в райвоенкомате. Но успеха не добился. Тогда попросил опубликовать заметку о Н. И. Кузьмине в ряде ленинградских газет с просьбой отозваться всех, знавших его. Ответа долго не было, но не зря говорится: кто ищет, тот всегда найдет.

И вот первая весточка — телефонный звонок и последовавший за ним разговор, из которого я с радостью узнал, что в Ленинграде и Сестрорецке проживают родные Николая Ивановича Кузьмина: брат Иван Иванович — старый коммунист, бывший мастер Сестрорецкого завода имени Воскова, ныне находящийся на заслуженном отдыхе, брат Константин Иванович — участник Великой Отечественной войны, главный инженер Центрального научно-исследовательского института топливной аппаратуры, сестра Тамара Ивановна — старший контролер ОТК завода имени Воскова.

Несколько раз встретился с родственниками Николая, рассказал им об отважных рейдах его в тыл врага. Они, в свою очередь, сообщили мне много интересного о его жизни до призыва в армию.

Отец Николая — Иван Васильевич Кузьмин, кадровый рабочий завода имени Воскова, где он проработал более полувека, дружил с рабочим-большевиком Н. А. Емельяновым, который в 1917 году скрывал от пидеек буржуазного Временного правительства вождя партии В. И. Ленина.

В семье Ивана Васильевича и его жены Анны Константиновны было пятеро детей. Старший сын Василий до войны работал на заводе имени Воскова технологом, участвовал в обороне Ленинграда, был тяжело ранен и скончался.

Николай был достойным продолжателем рабочей династии Кузьминых, работящим, скромным, смелым юношей, активным комсомольцем. Он любил наружный спорт, играл за юношескую команду в хоккей с мячом. У родных сохранилась фотокарточка Николая. На ней он запечатлен накануне ухода на действительную службу.

Получив эти сведения, я активизировал поиск, привлёк к нему многих людей. Моими первыми помощниками стали красные следопыты пионерской дружины имени

отважного чекиста Героя Советского Союза В. А. Лягина из школы-интерната № 18 Кировского района Ленинграда.

В школьном музее «Чекисты» хранится любовно оформленный альбом в зеленой обложке. На первой странице — портрет разведчика, теплые слова: «Колле Кузьмину посвящается». Далее указана тема задания: сбор материалов о героической жизни отважного разведчика Коли Кузьмина. Поиск ведут следопыты 6-а и 6-б классов.

Начав поиск, следопыты направили письмо в газету Тоспенского района с обращением к местным жителям. В нем просили сообщить, не располагает ли кто-либо из них данными о гибели разведчиков. Вскоре нашелся первый свидетель — один из жителей деревни Новая Малукса. Я выехал туда. Свидетель рассказал:

— В начале декабря сорок первого года на льду реки Мги около деревни Виляголово, в четырех километрах от станции Погостье, гитлеровцы расстреляли группу советских патриотов в возрасте семнадцати — двадцати лет. Про расстрелянных в то время говорили, что они были задержаны фашистами при попытке перейти линию фронта на сторону советских войск.

После этого я разыскал нескольких местных жителей, которые переселились в различные места после того, как фашисты сожгли деревню Виляголово. Они дополнили рассказ первого свидетеля.

От очевидцев удалось узнать, что перед расстрелом патриоты содержались в охраняемой гитлеровцами деревенской бане. Один из расстрелянных выглядел старше двадцати лет. Он был одет в пальто коричневого цвета, отличался чернотой своих волос. Второй, помоложе, был светловолос, имел нежное девичье лицо.

Это были очень важные сведения, так как, по словам родных и близких погибших, брэнет Николай Кузьмин ушел на задание в коричневом пальто, а блондин Иван Голубцов был похож на девушку. Таким они запомнились и мне, когда уходили на задание.

Теперь надо было найти место захоронения патриотов. Некоторые из бывших жителей деревни Виляголово показали его, правда, не очень точно. Оно оказалось в болотистой низине на окраине деревни.

Предстояла большая работа. Я обратился за помощью в местные партийные и советские органы, к армейским чекистам. Мне помогали. Прибывшие на берег реки Мги саперы проверили, нет ли в указанном свидетелями месте

ми и перазорвавшихся снарядов. Мелпораторы прислали бульдозер. Однако из-за повышенной влажности удалось снять только верхний слой почвы.

В 1977 году поиски места захоронения патриотов были возобновлены. Однако могилу расстрелянных найти не удалось. И только летом следующего года, когда обмелела река и подсох топкий берег, поиск увенчался успехом. 14 августа 1978 года паша поисковая группа, в составе которой были пионеры-следопыты, обнаружила и вскрыла место захоронения патриотов.

Извлеченные из земли останки погибших были направлены на судебно-медицинскую экспертизу. Врачи-криминалисты под руководством профессора Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова, доктора медицинских наук В. Н. Петрова провели большую исследовательскую работу. Они установили, что захоронение погибших произведено без гробов, при беспорядочном укладывании трупов друг на друга. В месте захоронения находились останки шести человек мужского пола, имевших возраст более пятнадцати лет и рост выше 159 сантиметров. На некоторых костях обнаружены огнестрельные отверстия.

По предложению экспертизы, в целях более глубокого исследования участники поиска произвели повторный осмотр места захоронения. В результате тщательного судебно-медицинского исследования всех обнаруженных останков с учетом биографических данных и характерных примет разведчиков Кузьмина, Голубцова и Петрова был решен вопрос, находились или отсутствовали в месте захоронения их останки.

Путем фотосовмещения одного из найденных черепов с фотографией Н. И. Кузьмина экспертиза установила: «С учетом результатов определения пола, возраста и роста погибших и произведенного фотосовмещения следует считать вполне вероятным, что среди присланных останков шести человек имеются костные останки трупа Кузьмина Н. И.... Окончательное решение вопроса о личности погибшего (Н. И. Кузьмина) должно быть сделано с учетом всех остальных известных обстоятельств (показания свидетелей, места гибели, пути группы и др.)».

Учитывая возраст и рост разведчика И. Г. Голубцова, а также показания свидетелей, экспертиза сделала вывод, что его останки вполне могли находиться в обнаруженном месте захоронения погибших.

Экспертиза вынесла заключение и в отношении разведчика Петра Ивановича Петрова, родившегося 26 сен-

тября 1927 года. Оно гласит: «В связи с тем, что возрастные изменения всех костных останков соответствуют возрасту более 15 лет, в их числе, очевидно, не могут находиться останки трупа П. И. Петрова, которому к 5 декабря 1941 года исполнилось 14 лет и два месяца».

Еще до вынесения этого заключения некоторые чекисты, и я в их числе, высказывали предположение, что разведчик Петр Петров, ранее не раз выполнявший специальные задания в тылу врага, сумел вырваться из охраняемой фашистами бани, в которой перед расстрелом содержались задержанные разведчики, перешел линию фронта и добрался до Ленинграда. Для такого суждения имелись весьма убедительные основания.

Сестра П. И. Кузьмина — Тамара Ивановна Худякова рассказала мне:

— В пятидесятом году, возвратившись из эвакуации в Сестрорецк, я встретила ныне покойную невесту моего брата Николая. Она рассказала мне о подростке двенадцати-четырнадцати лет, который посетил ее в декабре сорок первого года. Он находился среди схваченных фашистами разведчиков на территории Тосненского района, и они устроили ему побег из бани, где они содержались. Подросток сообщил невесте Николая, что тот дал ему ее адрес и просил передать: пусть она мужается и не ждет его, так как утром их расстреляют.

Это важное свидетельство дополнила двоюродная сестра разведчика Ивана Голубцова Т. И. Гетманец.

— Хорошо помню, — рассказала она мне, — что в конце сорок первого года, когда Ленинград сильно бомбили, родных Ваши Голубцова разыскивал прибывший из-за линии фронта подросток. С его слов, разведчик Иван Голубцов содержался в какой-то бане.

Теперь, когда судебно-медицинская экспертиза установила, что среди расстрелянных гитлеровцами советских патриотов разведчика Петра Петрова не было, наше предположение переросло в твердую уверенность: несомненно, что к родным и близким Коли Кузьмина и Ваши Голубцова, выполняя последнюю волю своих боевых друзей, приходил с прощальным приветом их верный товарищ, которому удалось бежать из охраняемой фашистами бани.

Как это произошло, сведений, к сожалению, не имеется: после посещения им невесты Коли Кузьмина и родных Ваши Голубцова следы юного разведчика затерялись.

По окончании войны армейские чекисты упорно разыскивали Петра Петрова, но безрезультатно. Несмотря на многолетний поиск, мне также не удалось ничего узнать

о его судьбе. Едва ли могут быть сомнения в том, что Петя Петров стал одной из многочисленных жертв вражеской блокады Ленинграда.

Когда четырнадцатилетний разведчик, вырвавшись из фашистского плена и преодолев линию фронта, оказался в осажденном Ленинграде, горожане получали самую низкую норму питания. Гитлеровцы ежедневно обстреливали и бомбили жилые кварталы города. Участники поиска убеждены, что в те безмерно тяжкие дни Петя Петров погиб, как погибали в ту суровую блокадную зиму многие тысячи ленинградцев.

Кого фашисты расстреляли вместе с разведчиками Кузьмичим и Голубцовым в деревне Виняголово в декабре 1941 года, установить пока также не удалось.

Много сил вложили в поиск невозвратившихся разведчиков ветераны-чекисты, красные следопыты и все, кто им помогал. Сложную, трудоемкую работу проделали судебно-медицинские эксперты. Однако для завершения поиска требовалось еще решение судебных органов.

20 декабря 1980 года Фрунзенский районный народный суд Ленинграда, рассмотрев представленные документы, установил, что многолетними розысками следопытов школы-интерната № 18 и ветеранов Особого отдела Ленинградского фронта было найдено место захоронения расстрелянных разведчиков. Актом судебно-медицинского исследования установлено, что среди костных останков шести человек, извлеченных из могилы, имеются останки трупов Н. И. Кузьмина и Н. Г. Голубцова. Из показаний свидетелей видно, что 5 декабря 1941 года в указанном месте было расстреляно фашистами шесть человек.

На основании представленных доказательств, руководствуясь статьями 247, 251 ГПК РСФСР, суд решил признать факт смерти Николая Ивановича Кузьмина, 1920 года рождения, и Ивана Григорьевича Голубцова, 1924 года рождения, расстрелянных 5 декабря 1941 года в деревне Виняголово Госпесковского района Ленинградской области. Многолетний, длившийся несколько лет поиск был завершен.

...21 января 1981 года. Зал музея «Чекисты» в ленинградской школе-интернате № 18. Около стенда, посвященного контрразведчикам Ленинградского фронта, отдавшим жизнь за победу в Великой Отечественной войне, среди венков и цветов — урна с прахом Николая Кузьмина, Ивана Голубцова и четырех неизвестных советских патриотов. В траурных рамках — портреты славных разведчиков.

В почетном карауле — школьники, красные следопыты пионерской дружины имени Героя Советского Союза В. А. Лягина, убеленные седной ветераны армейской контрразведки. Звучит траурная музыка.

Отдавая последний долг отважным патриотам, мимо урны в скорбном молчании с приспущенным знаменем пионерской дружины проходят школьники, за ними — ветераны войны, родные погибших.

...Сестрорецкое мемориальное кладбище. Здесь под сенью молодых сосен покоятся воины Советской Армии и бойцы-пограничники, павшие смертью храбрых в сражениях с врагами нашей Родины. Недалеко — завод имени Воскова, на котором до войны работал Николай Кузьмин.

На захоронение советских патриотов, расстрелянных гитлеровцами в декабре 1941 года, собрались ветераны войны и труда, молодые рабочие завода имени Воскова, пионеры и школьники Сестрорецка, красные следопыты ленинградской школы-интерната № 18, родные и близкие погибших. Прибыло подразделение воинов-пограничников, чтобы воздать последние воинские почести героям-разведчикам.

Под звуки траурной мелодии урна с прахом погибших устанавливается у подножия статуи воина-победителя. Начинается траурный митинг.

Секретарь Сестрорецкого райкома ВЛКСМ Анатолий Морев, ветераны-чекисты А. А. Богданов и П. М. Краснов говорят о жизни, подвиге и гибели замечательного разведчика Николая Кузьмина и его боевого друга Ивана Голубцова.

Член комитета ВЛКСМ завода имени Воскова Зинаида Латынина заверяет присутствующих, что жизнь павших героев-комсомольцев останется для советской молодежи ярким примером беззаветного служения делу коммунизма, будет звать на доблестный труд и подвиги во славу нашей любимой Родины.

Ветеран-разведчик контр-адмирал Д. Э. Эрдман опускает урну с прахом Николая Кузьмина, Ивана Голубцова и четырех неизвестных советских патриотов. Раздается троекратный залп прощального салюта. Устанавливается гранитная плита с высеченными на ней и покрытыми золотом именами погибших чекистов. На могилу отважных героев-комсомольцев возлагаются венки. Торжественным маршем проходит подразделение бойцов-пограничников, отдавая последние воинские почести верным сынам Родины.

Ленинградская земля, за которую они отдали свои жизни, как мавзолеей, вечно будет хранить память о павших разведчиках. А в наших сердцах с новой силой как клятва звучат святые слова: «Никто не забыт, ничто не забыто!»

И. Я. ЛЕОНОВ,

полковник в отставке,
председатель совета ветеранов-чекистов
Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов

НАМ ЗАВЕЩАНО...

18-я школа-интернат Кировского района Ленинграда 9 Мая 1976 года принимала почетных гостей — ветеранов войны, армейских чекистов. Их приехало более четырехсот человек из многих городов нашей страны. Вихрастые мальчишки, кажется, больше всех были рады прибывшим. С завистью и восторгом глядели они на сверкающие в лучах весеннего солнца боевые награды. Нет-нет да и слышится:

— А можно потрогать ордена?

Конечно! Сбегаются у глаз ветеранов лучики морщин, губы трогают ласковые улыбки. Да и как иначе?! Ведь благодаря школьникам ветераны армейской контрразведки, участники Великой Отечественной войны, собрались вместе.

Начиналось это так. Ветераны-чекисты Ленинградского фронта А. Богданов, Г. Власов, Б. Иванов, Б. Лебин, Н. Павлов с помощью других военных контрразведчиков, воссавших на Ленинградском фронте, написали, а издательство Министерства обороны СССР выпустило в 1968 году книгу «В поединке с абвером» — документальную повесть о борьбе чекистов Ленинградского фронта с немецко-фашистской разведкой в годы Великой Отечественной войны. Общество страны, многочисленные читатели встретили ее с большим интересом. Заинтересовала книга учеников и учителей 18-й школы-интерната Ленинграда. Школьникам, педагогам хотелось узнать о дальнейшей судьбе героев книги, и они решили пачать поиск. Так родилась идея, которая вскоре воплотилась в жизнь.

Преподаватели Е. Мирошникова, П. Травкина, В. Сафонова, В. Кричевский стали инициаторами создания от-

ряда красных следопытов. Свою благородную работу энтузиасты начали с того, что обратились за помощью к авторам книги, к ветеранам органов ВЧК — КГБ. Красные следопыты поставили перед собой цель узнать не только подробности подвигов героев книги — армейских чекистов и разведчиков, много сделавших для защиты родного Ленинграда, для разгрома фашистов, но и найти их, пригласить в школу.

И вот первая радость. На запрос откликнулся почетный чекист Михаил Андреевич Поспелов.

Когда началась Великая Отечественная война, сын потомственного рабочего Путиловского (ныне Кировский) завода молодой коммунист Михаил Поспелов добровольно пошел в народное ополчение. Через несколько дней в составе партизанского отряда он был переправлен в тыл врага. В отряде был политруком, затем комиссаром батальона, командиром разведывательной группы. Более десяти раз переходил Поспелов линию фронта. В апреле 1942 года стал армейским чекистом.

В 1944 году Михаилу Поспелову поручили ответственную операцию: надо было с группой бойцов из шести человек батальона охраны Управления контрразведки фронта проникнуть в тыл врага и в штабе фашистской разведки, находившемся в Риге, захватить секретные документы и списки вражеской агентуры. Это сложнейшее задание капитан Поспелов выполнил блестяще. За операцию в Риге его представили к ордену Красного Знамени. Но Михаил Андреевич не смог тогда получить высокую награду: выполняя задание, он был тяжело ранен и находился на излечении.

Значительно позже, после выздоровления, друзья советовали М. А. Поспелову поинтересоваться судьбой награды. Но, будучи человеком скромным, он считал, что беспокоить кого-либо по такому поводу неудобно.

Когда красные следопыты встретились с Михаилом Андреевичем, они уже многое знали о героях книги «В последний с абвером» — ветеранах войны чекистах Д. Д. Тавере, Д. И. Маркове, Н. И. Александрове, П. М. Краснове, П. А. Соснихине, Н. С. Качалове, В. И. Горбушине, М. П. Шкитиной и многих других, познакомились с ними, организовали ряд встреч. Во время одной из них и выяснились обстоятельства рижской операции. Вновь обретенные друзья Михаила Андреевича помогли ему получить заслуженную награду. И с тех пор многие годы по линии совета ветеранов-чекистов М. А. Поспелов оказывает большую помощь следопытам школы.

Как-то в садике перед школой ребята встретили немолодого, слегка прихрамывающего человека с орденом Красного Знамени на груди. Спросили у него, кого он разыскивает.

— Да вот пришел к вам в школу, — последовал ответ. — Хочу на себя молодого посмотреть, встретиться со своими фронтовыми друзьями, с кем довелось пройти по трудным дорогам минувшей войны.

Через несколько минут вся школа знала, что к ним пришел человек легендарной судьбы — бывший советский разведчик, а позднее профессор Ленинградского университета Мелетий Олегович Малышев. Состоялась теплая задушевная беседа. Малышев стал частым гостем ребят.

На одной из традиционных встреч в День Победы Мелетий Олегович через 25 лет встретился с советским разведчиком Василием Капитоновичем Ющенко, который, выполняя задание армейских чекпостов, проник в разведывательный орган врага. Там же действовал и Малышев. Успешно выполнив задание, В. К. Ющенко был удостоен ордена Отечественной войны I степени.

В школе состоялась и еще одна незабываемая встреча. Степан Дмитриевич Гоменюк, более двух лет находившийся в стане врага, встретился с ветеранами-чекистами, своими наставниками С. И. Холевым и П. Т. Смирновым, которые готовили и направляли разведчика за линию фронта.

С большой теплотой встречали пионеры, все учащиеся школы отважную разведчицу Особого отдела Ленинградского фронта Надежду Ивановну Александрову. Она рассказала ребятам, как в суровые годы войны армейские чекпосты направили ее вместе с подругой Олей Большаковой в тыл врага с заданием проникнуть в гитлеровскую разведку. Несмотря на тяжелые испытания, разведчица достигла цели и принесла чекистам важные сведения о фашистских разведывательных и карательных органах, за что была награждена орденом Красной Звезды.

Постепенно вместе с ростом знакомств школьников увеличивалось и количество документов о делах армейских чекпостов. Руководители школы выделили красным следопытам две комнаты для музея «Чекпосты». В его создании участвовали ветераны-чекпосты М. А. Поспелов, М. П. Мельникова, А. М. Чижевская, А. А. Муратов, С. И. Дмитриев, П. М. Бездольнова, В. Ф. Бездольнов. Позже к ним подключились их коллеги П. А. Сосихин, Д. Д. Таверне, П. С. Качалов, Д. Г. Голчаров, А. М. Нестеров, Д. И. Марков, П. П. Кузнецов и другие.

И вот огромный успех! Если первое время на встречи приходили пятнадцать — двадцать ветеранов войны, то с 1976 года в День Победы стали собираться по несколько сот ветеранов-чекистов со всех концов нашей необъятной Родины.

В школьном музее «Чекпсты», экспозиция которого все время пополняется новыми экспонатами, помещены фотографии, документы, реликвии чекистов старшего поколения — участников Октябрьской революции и гражданской войны, работавших еще под руководством Ф. Э. Дзержинского. Рядом фотографии военных контрразведчиков Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов.

Перед нами фотография ветерана органов ВЧК — КГБ полковника в отставке Ивана Григорьевича Бусько. Член ленинской партии и чекист с 1920 года, он успешно выполнил ряд сложных и опасных заданий по борьбе с контрреволюцией в первые годы Советской власти, встречаясь с Ф. Э. Дзержинским. Молодой чекист лично уничтожил главаря бандитской шайки в Петрограде Леньку Пантелеева, о чем рассказано Л. Ф. Дмитриевым в сборнике «Чекпсты», выпущенном Лениздатом в 1977 году. В годы Великой Отечественной войны И. Г. Бусько находился на руководящих должностях в армейской контрразведке Ленинградского, Сталинградского и других фронтов. Войну закончил в Берлине. Был дважды ранен. За мужество награжден восемью боевыми орденами и многими медалями. Иван Григорьевич и сегодня в строю. Он ведет большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Рядом фотография полковника в отставке Леонида Федоровича Дмитриева. Еще в 1919 году он, доброволец Красной Армии, воевал против белогвардейцев. В составе батальона особого назначения ВЧК участвовал в подавлении контрреволюционного кронштадтского мятежа, был контужен. За отвагу награжден орденом Красного Знамени. Пионеры затанцевали и слушали рассказ Леонида Федоровича, как после выполнения очередного боевого задания в комнату дома № 2 по Гороховой улице (ныне улица Дзержинского), где отдыхали чекпсты, зашел председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский и тепло поблагодарил их за выполненное задание, пожелал им хорошего отдыха и дальнейших успехов в борьбе с врагами Советского государства. В годы Великой Отечественной войны Л. Ф. Дмитриев сражался с фашистами на Оранпенбаумском плацдарме, на Дороге жизни, в блоки-

рованном Ленинграде. За многолетнюю самоотверженную работу в органах ВЧК — КГБ он награжден орденом Ленина, многими другими высокими наградами Родины.

Видное место в музее занимают стенды с фотографиями и копиями документов, которые рассказывают о жизни и подвигах Героя Советского Союза, знаменитого чекиста-разведчика, ленинградца Виктора Александровича Лягина, чье имя носит пионерская дружина школы. В музее поступают книги, памятные подарки из различных городов страны. Здесь же макет железнодорожного вагона, подаренного пионерам бригадой железнодорожников имени Рихарда Зорге из Германской Демократической Республики. Несколько фотографий и личных вещей В. А. Лягина подарила музею дочь героя — Татьяна Викторовна. Много реликвий привезли следопыты, побывавшие на Всесоюзных слетах лягинцев в Клеве, Херсоне, Николаеве.

Музей не мыслится без поиска, без личного прикосновения ребят к свидетельствам огненных лет, без встреч с участниками войны. Именно поэтому важнейшим направлением своей работы ветераны считают общение с пионерами, организацию поисковой работы красных следопытов. И постоянно оказывают им в этом помощь. Сам процесс поиска материалов о подвигах участников войны, о погибших чекистах и его результаты имеют большое воспитательное значение. Хотелось бы показать это на примере поиска данных о разведчике Николае Кузьмине, судьба которого оставалась неизвестной.

Все началось с упомянутой выше книги «В поединке с абвером». Прочитав ее, ребята хорошо запомнили слова отважного комсомольца, который в своей просьбе в Особый отдел в сентябре 1941 года писал: «Пошлите меня в разведку. Я хорошо знаю район Любани и Тосно: два года был там вожатым в пионерлагере, все окрестности исходил».

После соответствующей подготовки Николай Кузьмин стал разведчиком. В книге больше ничего не упоминалось о его боевых делах и дальнейшей судьбе. Ребятам заинтересовала судьба Коли, и они по рекомендации совета ветеранов обратились к полковнику в отставке Дмитрию Дмитриевичу Таеверу, который лично готовил Кузьмина для разведывательной работы в тылу врага и встречал его после выполнения ряда заданий.

Ветеран-чекист рассказал красным следопытам, что Николай Кузьмин трижды ходил в тыл врага и приносил нашему командованию очень ценные сведения о против-

нике. Последний раз он ушел за линию фронта во главе разведгруппы, в которую входили комсомольцы Иван Голубцов и Петр Петров. С задания группа не вернулась.

О ее судьбе долгие годы не было никаких известий. Красные следопыты вместе с Д. Д. Тасвере начали поиск. И многолетний труд увенчался успехом.

Красные следопыты разыскивают материалы и о других героях книги. Они, в частности, нашли семью Мани Пузыревой: мать, сестер, брата. Комсомолка Маша Пузырева была секретарем Особого отдела дивизии. Во время боя, когда враг окружил воинское подразделение, Маша не растерялась, первой поднялась под вражеским огнем и увлекла за собой бойцов. Подразделение прорвалось к своим, а Маша героически погибла. И сколько же было взаимной радости у ребят и у матери Мани — Василисы Даниловны при первой их встрече в музее. Василиса Даниловна со слезами на глазах, по-матерински тепло и нежно обняла каждого из ребят и без конца повторяла: «Спасибо вам, родные мои, спасибо за все доброе, хорошее, незабываемое, что вы делаете». А затем Василиса Даниловна и пионеры долго молча стояли у портрета Машки. Василиса Даниловна подарила ребятам фотографии дочери и много рассказала им хорошего, интересного о ней. Мать Мани стала частым гостем музея и ребят.

Так в результате поисков, проведенных красными следопытами и ветеранами войны, в музее «Чекисты» появились альбомы с документами и фотографиями Николая Кузьмина, Машки Пузыревой, Степана Гомешюка и других чекистов и разведчиков.

Священным местом в музее является мемориал памяти погибших армейских чекистов — защитников Ленинграда. Здесь помещено более двухсот фотографий с указанием дат и обстоятельств гибели отважных патриотов Родины. Все чекисты, фотографии которых помещены в музее, погибли смертью храбрых на поле боя или в схватке с врагом на незримом фронте. У мемориала проводятся прием учащиеся в пионеры, вручение комсомольских билетов. Здесь всегда живые цветы.

Музей «Чекисты» посещают не только учащиеся школы-интерната. С большим интересом знакомятся с его экспонатами молодые рабочие ленинградских предприятий, воины Советской Армии, учащиеся школ и профтехучилищ, студенты. Здесь проводятся сборы директоров школ, комсомольского актива, старших пионервожатых школ города и района по обмену опытом патриотического воспитания учащихся. В книге отзывов музея оставили

свои взволнованные записи люди самых различных профессий: ученые, военнослужащие, чекисты, комсомольские работники, студенты, старшие пионервожатые, учащиеся многих школ и ПТУ Барнаула, Новосибирска, Харькова, Херсона и других городов.

В 1980 году в музее состоялся Всесоюзный слет пионеров-лягинцев.

Актальный зал школы в праздничном убранстве. Под грохот барабанов, с развернутыми знаменами своих пионерских дружин в зал входят одна за другой делегации Ленинграда, Николаева, Брянска, Бреста, Сельца и других городов. Среди почетных гостей слета — соратница В. А. Лягина по подпольной работе в Николаеве Галина Адольфовна Келем, дочь легендарного героя гражданской войны Сергея Лазо — Ада Сергеевна Лазо, писатель, автор книги о В. А. Лягине «Право на бессмертие» Г. П. Лисов, ветераны-чекисты Л. Ф. Дмитриев, И. Г. Бусько, П. М. Краснов, А. Г. Товстуха, П. В. Речкалов и другие. Пионеры преподносят гостям цветы.

Наступает волнующая минута открытия слета. Это право предоставлено пионерам-лягинцам из города Сельца Брянской области, где родился В. А. Лягин. С огромным вниманием участники слета слушают рассказы пионеров о их нелегкой и благородной поисковой работе. Звучат слова: «Герои не умирают, они вечно с нами, являясь ярким примером бесстрашия, преданности Родине, своему народу!»

Красные следопыты школы-интерната № 18 включились во Всесоюзную поисковую экспедицию комсомольцев и молодежи, пионеров и школьников «Летопись Великой Отечественной». Одна из главных задач ее — воскресить во всей полноте героическое прошлое нашего народа, записать воспоминания участников, свидетелей, очевидцев беспримерного подвига советских людей на полях сражений Великой Отечественной войны и в трудовом тылу.

Идут следопыты Ленинграда по местам, где сорок лет назад были разгромлены фашистские войска и на весь мир прозвучали долгожданные волнующие слова: «Блокада Ленинграда снята!» Идут следопыты снегами Карелии, продолжая лыжно, которая так и названа: «Тыжия героев».

Труден поиск следопытов. Безмолвны павиние, да и живые, когда дело касается лично их, не всегда разговорчивы. Не о себе, не о собственных заслугах вспоминают фронтовики, а прежде всего о своих боевых друзьях, с

гордостью за содеянное ими и с болью в сердце, что не все они дожили до Победы.

В патристическом воспитании молодежи большую роль играют книги, статьи, написанные ветеранами-чекистами о борьбе военных контрразведчиков с фашистской разведкой в годы минувшей войны. Читатели с интересом ознакомились с очерками и воспоминаниями ветеранов-чекистов А. Богданова, Г. Власова, В. Горбушина, П. Кошелева, Б. Лебина, Н. Павлова, помещенными в книге «Военные контрразведчики», вышедшей в 1978 году к шестидесятилетию особых отделов. По этой книге проводятся читательские конференции с участием авторов помещенных в ней очерков. Одна из читательских конференций была проведена в Ленинградском окружном Доме офицеров.

В конце 1982 года Лениздатом выпущена волнующая книга Г. Лисова «Право на бессмертие», в основу которой положен обширный материал, собранный красными следопытами школы-интерната № 18 о В. А. Лягине.

Все написанное ветеранами бережно хранится в созданной при музее библиотеке чекистской и партизанской литературы и с интересом читается учащимися школы и учителями. Совет ветеранов при активной помощи однополчан и пионеров-следопытов создал и вручил ветеранам войны, семьям погибших контрразведчиков и многим музеям памятный альбом «Армейские чекисты на защите Ленинграда». В нем помещено более шестисот портретов и групповых фотографий армейских чекистов с пояснительным текстом.

Вот фотография полковника в отставке Петра Осиповича Люткевича, члена партии и чекиста с 1919 года. В том же 1919 году ему было поручено сложнейшее задание — внедриться в контрреволюционную организацию бывших офицеров царской армии, узнать ее цели и задачи, состав, кто ее возглавляет, места сборки и хранения оружия. Полученное задание он успешно выполнил. Затем Петр Осипович был направлен в Особый отдел Первой конной армии С. М. Буденного, где мужественно сражался с белогвардейцами, был ранен и награжден орденом Красного Знамени. В период Великой Отечественной войны П. О. Люткевич возглавлял коллективы ряда особых отделов стрелковых и артиллерийских соединений Ленинградского и других фронтов, вновь был тяжело ранен. Родина высоко оценила его заслуги. Петр Осипович Люткевич награжден восемью орденами, в том числе орденом Ленина и тремя орденами Красного Знамени. До

последних дней своей жизни он вел большую работу по патриотическому воспитанию молодого поколения советских людей.

На другом снимке запечатлен генерал-майор в отставке Василий Иванович Горбушин, член партии с 1932 года, бывший мастер Кировского завода. Находясь на руководящей работе в органах контрразведки Ленинградского и Волховского фронтов, он принимал личное участие в разоблачении вражеских шпионов и диверсантов, участвовал в операциях по прорыву блокады Ленинграда, освобождению Польши, взятию Берлина. Руководил чекистскими мероприятиями по розыску главных военных преступников — Гитлера, Геббельса и по задержанию Гимmlера. Его подпись стоит на акте, засвидетельствовавшем позорную смерть Гитлера и Геббельса.

Нельзя без волнения смотреть на фотографии и знакомиться с материалами о подвигах советских разведчиков Н. Андреева, Н. Александровой, С. Гомеюка, М. Караченко, М. Малышева, Б. Соломахина, В. Юценко, В. Элбакидзе и других. Проявляя стойкость и мужество, эти славные советские патриоты, отважные бойцы незримого фронта сумели проникнуть в школы и оперативные подразделения фашистской разведки и успешно выполнить полученные задания.

Вот фотография легендарного пограничника Тойво Вякя (И. М. Петров) — одного из героев книги В. Никулина «Мертвая зыбь» и кинофильма «Операция „Трест“». И. М. Петров, член Союза писателей СССР, побывал в школьном музее и рассказал много интересного учащимся и молодым рабочим Кировского завода. Тойво Вякя подарил красным следопытам свою новую книгу «Мои границы» с добрыми пожеланиями успехов в поисковой работе. Делясь своими впечатлениями о пребывании в Ленинграде и в музее школы-интерната, Тойво Вякя написал: «Встреча с ветеранами-чекистами Ленинграда для меня, человека на склоне лет, была большой и неожиданной радостью. И она усилилась тем, что мне удалось встретиться со славными кировцами, побывать в музее «Чекисты», при активной поддержке советских и партийных организаций созданного усилиями ветеранов-чекистов, и встретиться там не только с бывальными чекистами, но и с молодежью — школьниками, пионерами, следопытами, нынешними собирателями и будущими хранителями чекистской славы. Особенно благодарен Ленинградскому телевидению за предоставленную мне возможность побывать на реке Сестре, на том месте, на котором с мая

1924 по сентябрь 1925 года волею старших чекистов мне было доверено заведывание «окном в Европу», завершившееся захватом Сидней Рейли, в те годы опаснейшего из врагов Страны Советов.

Ленинградские встречи с кипровцами, ветеранами-чекистами и их юными друзьями, возможно и последователями, в музее «Чекисты» вызывают глубокую признательность...»

В музее школы-интерната и в альбоме отражено участие сотрудниц армейской контрразведки в борьбе против фашистских захватчиков. Помещены фотографии женщин, которые вместе с мужчинами переносили все трудности войны и блокады, своим самоотверженным трудом обеспечивали четкую работу многих звеньев чекистского аппарата, а в ряде случаев участвовали в операциях по разоблачению вражеских агентов.

Среди них — оперативный работник военной поры Екатерина Алексеевна Логинова и переводчица Полина Николаевна Георгиевская. Здесь же фотографии других женщин, достойно отмеченных Родиной за их самоотверженный труд: С. Б. Никитиной и Е. П. Филипповой, награжденных тремя орденами, М. П. Мельниковой, Е. А. Тихомировой, Н. М. Бездольновой, К. С. Сахаровой, А. М. Чижевской, Н. П. Клевцовой, И. А. Лукьяновой, Т. Н. Михневич, Е. В. Шиляевой, В. Б. Гафт и других.

Биографии этих сотрудниц армейской контрразведки характерны для большинства советских женщин той поры. Так, Екатерина Алексеевна Логинова росла и училась в Ленинграде. До войны окончила Институт иностранных языков, вступила в партию. В начале Великой Отечественной молодая учительница немецкого языка Е. А. Логинова добровольно ушла на фронт. Была переводчицей, затем находилась на оперативной работе в Особом отделе дивизии, в Управлении контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта. Участвовала в разоблачении агентов фашистской разведки, за что была награждена орденом Красной Звезды.

После войны Е. А. Логинова вернулась на преподавательскую работу. Успешно защитив диссертацию, стала кандидатом педагогических наук. Многие годы работала заведующей кафедрой иностранных языков в одном из ленинградских институтов, получила звание доцента. Имеет тридцать три научные публикации. Принимает активное участие в работе по патриотическому воспитанию молодежи.

Поллина Николаевна Георгиевская окончила отделение финно-угорских языков Петрозаводского государственного университета. В период советско-финляндской войны 1939—1940 годов служила переводчицей в разведывательном отделе штаба армии. В составе лыжного батальона участвовала в разведывательном рейде в тыл противника на Ухтинском направлении.

С началом Великой Отечественной войны добровольцем ушла на фронт. Работала переводчицей и инструктором в разведывательном подразделении Особого отдела Ленинградского фронта, позднее — в Отделе контрразведки «Смерш» 23-й армии. За успешное выполнение заданий командования награждена медалью «За боевые заслуги». С января 1945 года до 1982 года она — сотрудница Ленинградского управления госбезопасности. За самоотверженный труд удостоена ордена «Знак Почета». П. Н. Георгиевская ведет большую работу в школьном музее «Чекисты», часто выступает перед молодежью.

В схватке с врагом погибла Маша Нузырева. Не вернулась с боевого задания из тыла врага переводчица Софья Шварц. В сентябре 1941 года в боях на подступах к Ленинграду погибли сотрудницы Особых отделов: 16-й стрелковой дивизии — А. В. Холина и 10-го стрелкового корпуса — В. И. Перетрухина. Совет ветеранов и следопыты школы принимают меры к тому, чтобы восстановить и сохранить для потомков вклад в победу каждого чекиста — участника войны. С этой целью в музее «Чекисты» ведется рукописный журнал «Подвиг», где записываются воспоминания армейских контрразведчиков, защитников города Ленина. Художник Х. Г. Сайбатов вдохновенно работает над портретами чекистов и разведчиков — участников Великой Отечественной войны.

Конечно, в музее «Чекисты» и в альбоме отражены боевые дела далеко не всех ветеранов-чекистов Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов. Пока еще не полностью собраны данные о чекистах, проявивших героизм на фронте и в тылу врага и павших смертью храбрых. А таких более трехсот человек. Совет ветеранов-чекистов, однопольчане и красные следопыты школы продолжают активный поиск новых материалов о них. Уже установлено более ста родственников погибших чекистов. В музей начали поступать от родственников погибших чекистов уникальные документы войны. В их числе — расчетная книжка чекиста А. А. Яковлева, в трех местах пробитая осколками вражеского снаряда. Ведется подготовка к открытию еще одного зала музея.

Армейские чекисты с беспримерным мужеством боролись с врагом, защищали нашу любимую Родину, город Ленинград в годы Великой Отечественной войны. Наступило мирное время — и большинство из них с присущей ветеранам страстью отдают все свои силы, знания и огромный опыт делу коммунистического строительства. Они и сегодня в строю. Многие из них за свой мирный труд награждены орденами и медалями Советского Союза. Докторами наук, профессорами стали В. Н. Демин, М. О. Малышев, И. А. Майзель, Я. С. Смусин, кандидатами наук — Е. А. Логинова, А. И. Караушева, В. Д. Лебин.

Владимир Николаевич Демин в 1942 году окончил медицинский институт и был направлен в Особый отдел Ленинградского фронта для работы по выявлению вражеских агентов, пытавшихся проникнуть в части действующей армии через военно-медицинские учреждения. Участвовал в боях с гитлеровцами. Награжден орденом Красной Звезды.

После войны майор запаса В. Н. Демин окончил аспирантуру, стал кандидатом, а затем доктором медицинских наук, профессором. Много лет работал главным онкологом Ленинграда, более двадцати лет заведует кафедрой онкологии в Ленинградском государственном институте усовершенствования врачей. Имеет более двухсот научных публикаций. Ведет научную и общественную работу. Поддерживает постоянную связь с ветеранами армейской контрразведки.

Многие годы был заведующим кафедрой судебной медицины в Ленинградском санитарно-гигиеническом институте профессор, доктор медицинских наук Яков Сергеевич Смусин. В годы войны он, как и В. Н. Демин, вел контрразведывательную работу в военно-медицинских учреждениях Ленинградского фронта.

Исаак Александрович Майзель с ноября 1941 года по 1943 год служил в частях Красной Армии на Ленинградском фронте. С января 1943 года — сотрудник контрразведывательного подразделения Особого отдела Ленинградского фронта. Награжден орденом Красной Звезды. После войны И. А. Майзель стал профессором, доктором философских наук, заведующим кафедрой философии и научного коммунизма в Ленинградском кораблестроительном институте. Ведет большую работу по патристическому воспитанию молодого поколения.

Иван Иванович Павловский в годы войны был армейским чекистом. За мужество в борьбе с врагом награж-

ден двумя орденами Красной Звезды и двумя медалями. После войны И. И. Павловский возвратился на родной завод имени М. И. Калинина, где вырос до главного инженера производственного объединения. За успехи в труде награжден четырьмя орденами, удостоен Государственной премии СССР.

Николай Иванович Родионов в период войны был следователем. В послевоенное время избирался первым секретарем Кисловодского горкома партии, затем работал в Ставропольском крайкоме КПСС.

Оперативный работник армейской контрразведки Я. В. Смолянец — секретарь Корсунь-Шевченковского райкома партии Украины.

Партийными и советскими работниками в Эстонской ССР стали после войны чекисты И. Я. Тиннер, А. А. Кикас, Э. Я. Меттус, Р. Я. Лиллепурм.

Немало ветеранов-чекистов работает на Кировском заводе в Ленинграде. Более тридцати лет в конструкторском бюро завода трудился полковник в отставке Павел Иванович Кузнецов. За успехи в труде в 1980 году он награжден орденом Трудового Красного Знамени. П. И. Кузнецов ведет большую работу в совете ветеранов-чекистов Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов.

Высоких наград Родины за мирный труд удостоены ветераны армейской контрразведки И. Г. Бусько, И. Г. Варьян, Г. Ф. Гончаров, Н. М. Кругликов, И. Я. Ляпунов, Б. М. Пидемский, Н. Т. Смирнов и многие другие.

В 38-ю годовщину Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне на традиционной встрече ветеранов-чекистов Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов красные следопыты школы-интерната № 18 в связи с временным закрытием школы торжественно передали музей «Чекисты» и эстафету поиска ленинградской средней школе № 481 с наказом умножать их славные дела. Наказ принят. Комсомольцы и пионеры школы дали слово с честью оправдать оказанное им доверие и с помощью ветеранов-чекистов продолжить поиск. Эстафета поиска продолжается.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ АЛЕКСАНДРОВ по партийной путевке в 1932 году начал службу в органах госбезопасности. Работал в Средней Азии и на Украине. В годы Великой Отечественной войны занимал руководящие должности в органах контрразведки Южного и Ленинградского фронтов. Был заместителем начальника Отдела контрразведки 23-й армии. Участвовал в операции по освобождению Карельского перешейка.

После войны Н. И. Александров работал в органах госбезопасности на Дальнем Востоке. Награжден шестью орденами, в том числе орденами Ленина и Красного Знамени. Заместитель председателя совета ветеранов-чекистов Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ АЛЕКСЕЕВ работал на станкостроительном заводе имени Ильича. В 1938 году Выборгским райкомом партии Ленинграда был рекомендован на работу в Особый отдел Ленинградского военного округа. Принимал участие в советско-финляндской войне. В годы Великой Отечественной войны был начальником Особого отдела стрелковой дивизии, заместителем начальника Отдела контрразведки 8-й, затем 59-й армий Волховского фронта. Участвовал в боях с фашистскими захватчиками на Невском «вытяжке», в Новгородской наступательной операции 1944 года.

По окончании войны С. М. Алексеев находился на руководящей работе в органах армейской контрразведки. Награжден четырьмя боевыми орденами, многими медалями. После выхода в отставку работал в народном хозяйстве. Проживает в Харькове.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ АЛОВ в первые дни Великой Отечественной войны добровольно вступил в Ленинградскую армию народного ополчения. В качестве бойца, а затем командира минометного взвода участвовал в боях против фашистских захватчиков на подступах к Ленинграду. С 1942 года — сотрудник органов контрразведки Ленинградского фронта. Занимался подготовкой, подготовкой и направлением в тыл врага разведчиков со специальными заданиями. Принимал участие в операции по освобождению Ленинграда от вражеской блокады.

А. М. Алов награжден двумя боевыми орденами, многими медалями. Один из авторов сборника «Военные контрразведчики».

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ БОГДАНОВ по комсомольскому набору в 1937 году был направлен в чекистскую школу, по окончании которой получил назначение в контрразведку Ленинградского военного округа. В составе Особого отдела танковой бригады участвовал в советско-финляндской войне. В годы Великой

Отечественной войны находился на руководящей работе в органах контрразведки Ленинградского фронта. Принимал участие в операции по освобождению Ленинграда от вражеской блокады и в Выборгской операции. Награжден семью боевыми орденами, в том числе двумя орденами Красного Знамени, многими медалями, знаком заслуженного работника НКВД (1942 год).

А. А. Богданов — один из авторов книги «В пешинке с абвером», автор очерков о подвигах военных чекистов, помещенных в пяти сборниках. Член Союза журналистов СССР, Член совета ветеранов-чекистов.

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ БОЙКИНЯ по окончании срочной службы в Красной Армии в 1938 году получил назначение в органы военной контрразведки. Участвовал в советско-финляндской войне. Был контужен и обморожен. За успешное выполнение ответственного задания командования награжден орденом Красного Знамени. Начало Великой Отечественной войны встретил на полуострове Ханко. Позднее находился на руководящей работе в органах контрразведки Ленинградского фронта. Участвовал в операциях по прорыву и снятию вражеской блокады Ленинграда, взятию Кенигсберга. Награжден четырьмя боевыми орденами, многими медалями.

После войны В. А. Бойкия многие годы работал в народном хозяйстве. Проживает в городе Измаиле.

ГЕОРГИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ВЛАСОВ по образованию журналист. До войны работал сотрудником «Ленинградской правды». В 1939 году по рекомендации райкома партии был направлен в органы военной контрразведки. В составе Особого отдела стрелковой дивизии принимал участие в советско-финляндской войне. В период Великой Отечественной войны работал в Управлении контрразведки Ленинградского фронта.

В послевоенные годы до выхода в отставку Г. Г. Власов находился на руководящих должностях в органах армейской контрразведки. Награжден четырьмя боевыми орденами, многими медалями, знаком почетного сотрудника госбезопасности. Один из авторов книги «В пешинке с абвером», автор ряда очерков о борьбе чекистов против фашистской разведки. Член совета ветеранов-чекистов.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ГОРБУШИН работал на Кировском заводе мастером механического цеха. В 1938 году Ленинградский горком партии направил его на службу в органы государственной безопасности. В период Великой Отечественной войны Горбушин находился на руководящей работе в Особом отделе Ленинградского фронта, затем был заместителем начальника Управления контрразведки Волховского фронта. Войну закончил в Берлине. Принимал участие в выполнении задания советского командования по розыску главных военных преступников — главарей фашистского рейха.

В. И. Горбушин награжден четырьмя боевыми орденами и многими медалями. Заместитель председателя совета ветеранов-чекистов Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов.

СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ ИСАЕВ начал службу в органах госбезопасности в 1937 году. С первых дней Великой Отечественной войны, будучи начальником Особого отдела 115-й стрелковой дивизии, принимал участие в боях против фашистских захватчиков на дальних подступах к Ленинграду, затем на Невском «спячке». Позднее участвовал в наступательных операциях по прорыву и снятию вражеской блокады Ленинграда. Был контужен. После войны С. Г. Исаев продолжал находиться на руководящей работе в органах военной контрразведки, имел звание полковника. Награжден четырьмя боевыми орденами и многими медалями СССР, золотой медалью Вооруженных Сил ГДР. Выйдя в отставку, принимал участие в работе по патристическому воспитанию молодежи.

С. Г. Исаев скончался в 1984 году.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ЛЕОНОВ в 1938 году окончил пединститут, работал учителем. В начале Великой Отечественной войны после непродолжительной учебы стал сотрудником органов военной контрразведки Карельского фронта. Участвовал в обороне советского Заполярья и Карелии. Затем более двадцати пяти лет находился на руководящей работе в Центре и в Особом отделе Ленинградского военного округа. В 1956 году заочно окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1969 года находится на административной и партийной работе в одном из центральных издательств в Ленинграде.

И. Я. Леонов награжден двумя боевыми орденами, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», знаком почетного сотрудника госбезопасности. Ведет большую партийную и общественную работу, является председателем совета ветеранов-чекистов Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МУРАТОВ начал свой трудовой путь учителем средней школы. Великую Отечественную войну встретил, проходя срочную службу в Советских Вооруженных Силах. В первые дни войны был направлен на учебу в Ново-Петергофское военно-политическое училище. В составе батальона курсантов участвовал в боях против фашистских захватчиков на подступах к Ленинграду. Был тяжело ранен. После длительного лечения в декабре 1941 года получил назначение в Особый отдел Ленинградского фронта. В период вражеской блокады вел чекистскую работу в частях Ленинградского гарнизона. Позднее был начальником Особого отдела авиационной дивизии. Награжден тремя боевыми орденами и многими медалями.

А. А. Муратов — член совета ветеранов-чекистов. Ведет большую работу по сбору материалов о подвигах погибших армейских чекистов и увековечению их памяти.

ТИМОФЕЙ АНДРЕЕВИЧ ПАЛЫВАЙЧЕНКО в начале Великой Отечественной войны в составе батальона курсантов Ново-Петергофского военно-политического училища принимал участие в боях против гитлеровцев на подступах к Ленинграду. Был тяжело ранен. С декабря 1941 года Т. А. Палывайченко — оперативный сотрудник контрразведки Ленинградского фронта. Весь период войны находился в частях переднего края. Участвовал в

наступательных операциях по прорыву и снятию блокады Ленинграда, освобождению Карельского перешейка и Эстонской ССР.

После войны Т. А. Паливайченко до 1959 года продолжал работать в органах армейской контрразведки. Награжден двумя боевыми орденами и многими медалями. Автор ряда публикаций о подвигах чекистов. Живет и работает в Волгограде.

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ НЕСТЕРОВ до призыва на службу в органы государственной безопасности (1939 год) работал инженером в Челябинске. В годы Великой Отечественной войны — сотрудник армейской контрразведки Северо-Западного, Волховского, Карельского, 1-го Дальневосточного фронтов. Принимал участие в ряде наступательных операций советских войск против фашистских захватчиков. В 1945 году в составе десанта выполнял специальное задание в тылу Квартунской армии. Награжден шестью боевыми орденами и многими медалями.

По окончании войны А. М. Нестеров находился на ответственных должностях в военной контрразведке. Закончил путь армейского чекиста в звании генерал-майора. После выхода в отставку участвовал в работе совета ветеранов-чекистов, ДОСААФ и общества «Знамя». Умер в 1978 году.

ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ НОВОХАТЬКО с 1940 до 1966 года служил в органах государственной безопасности. В октябре — декабре 1941 года в составе Московской дивизии особого назначения принимал участие в обороне Москвы. С 1942 года до конца войны работал в контрразведке Волховского, затем Ленинградского фронтов. Участвовал в операциях по прорыву и снятию вражеской блокады Ленинграда, освобождению Прибалтики. Был ранен и контужен.

В. Г. Новохатько награжден тремя боевыми орденами и многими медалями СССР, знаком почетного сотрудника госбезопасности Болгарии. Член совета ветеранов-чекистов.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ПАВЛОВ по рекомендации политотдела войскового соединения в 1937 году был направлен на работу в органы государственной безопасности Белоруссии. В первые недели Великой Отечественной войны выполнял специальное задание Центра в тылу врага. С сентября 1941 года — на руководящей работе в органах контрразведки Ленинградского, затем 3-го Прибалтийского фронтов. Участвовал в операциях по прорыву и снятию вражеской блокады Ленинграда, освобождению Прибалтики, взятию Кенигсберга.

По окончании войны Н. С. Павлов до 1956 года продолжал работать в органах госбезопасности. Награжден орденом Ленина, пятью боевыми орденами, многими медалями, знаком заслуженного работника НКВД (1942 год). Один из авторов книги «В подлинке с абсбрем». Член совета ветеранов-чекистов.

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ПОНКОВ начал службу в органах армейской контрразведки по комсомольскому набору. Участвовал в освобождении Западной Белоруссии и в советско-

финляндской войне. Был ранен. С первых дней Великой Отечественной — оперативный работник Особого отдела 7-й отдельной армии, защищавшей северные подступы к Ленинграду. Летом 1943 года при выполнении специального задания командования по разгрому вражеской диверсионной группы, выброшенной в тыл армии, получил тяжелое ранение. После ампутации ноги и длительного лечения в 1946 году уволен в отставку.

А. В. Попков награжден орденом Отечественной войны 1 степени, многими медалями. Более сорока лет работает краснодеревщиком в Ленинградском объединении «Реставратор». Ветеран труда.

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ ПОСПЕЛОВ с первых дней Великой Отечественной войны добровольно ушел в партизанский отряд. Более десяти раз переходил линию фронта. Был дважды ранен. С 1942 года — сотрудник органов военной контрразведки. В октябре 1944 года руководит чекистской операцией по захвату документов вражеской разведки в Риге. При этом получил тяжелое ранение.

По окончании войны М. А. Поспелов работал в Особом отделе Ленинградского военного округа. Награжден тремя боевыми орденами, в том числе орденом Красного Знамени, двумя медалями «За боевые заслуги», знаком почетного сотрудника госбезопасности. Член совета ветеранов-чекистов. Ведет большую работу по патристическому воспитанию молодого поколения.

НИКОЛАЙ ТРОФИМОВИЧ СЕРЕДИН встретил Великую Отечественную войну, проходя срочную службу в войсках НКВД. В июле 1942 года по рекомендации партийно-политических органов он был направлен на оперативную работу в военную контрразведку Карельского фронта. Принимал участие в чекистско-войсковых операциях по пресечению подрывной деятельности вражеской разведки.

После войны П. Т. Середин продолжал трудиться в органах военной контрразведки на ответственных должностях. Награжден четырьмя орденами, в том числе орденом Красного Знамени, многими медалями, знаком почетного сотрудника госбезопасности. Закончил боевой путь армейского чекиста в звании генерал-майора.

Николай Трофимович Середин скончался в январе 1985 года.

НИКОЛАЙ ТИХОПОВИЧ СМЕРНОВ до начала Великой Отечественной войны служил в органах милиции города Москвы. В августе 1941 года стал оперативным сотрудником контрразведки Карельского фронта. Вел работу по подбору, подготовке и направлению разведчиков в тыл врага. Принимал участие в операциях по освобождению Карелии и советского Заполярья, по взятию Кенигсберга.

По окончании войны П. Т. Смирнов работал в органах госбезопасности, затем в МВД СССР. Награжден четырьмя орденами, в том числе орденами Ленина и Красного Знамени, медалью «За отвагу» и другими медалями, знаком заслуженного работника МВД. Умер в январе 1985 года.

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ТАЕВЕРЕ начал службу в контрразведке по партийной путевке в 1928 году. Участвовал в советско-финляндской войне. В годы Великой Отечественной войны находился на руководящей работе в органах контрразведки Ленинградского фронта. Был заместителем начальника Отдела контрразведки 67-й армии, затем Ленинградской армии ПВО. Принимал участие в операциях по прорыву и снятию вражеской блокады Ленинграда. Получил контузию.

В послевоенный период Д. Д. Таевере принимал участие в ликвидации националистического подполья в Эстонии. Награжден восемью орденами, в том числе тремя орденами Красного Знамени, многими медалями, знаком заслуженного работника НКВД (1942 год), трижды — боевым оружием. Член совета ветеранов-чекистов. Автор ряда публикаций о борьбе чекетских органов против врагов Советского государства.

ТИМОФЕЙ АНИСИМОВИЧ ЧИЖЕВСКИЙ работал заведующим производством на одном из ленинградских заводов. В 1938 году по решению Дзержинского райкома партии был направлен на оперативную работу в Особый отдел Ленинградского военного округа. Принимал участие в советско-финляндской войне, был ранен. С первых дней Великой Отечественной войны находился на руководящей работе в Особых отделах 14-й армии, затем 7-й воздушной армии Карельского фронта. В 1945 году участвовал в наступательной операции по разгрому Квалтууской армии. Награжден тремя боевыми орденами, в том числе орденом Красного Знамени, многими медалями.

В послевоенный период Т. А. Чижевский работал в Центре и в Особом отделе Северного флота. В 1956 году заочно окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Член совета ветеранов-чекистов.

СОДЕРЖАНИЕ

Генерал-майор П. Т. Середин. Во пмя победы над фа- шизмом	3
ПЕРВЫЕ УДАРЫ ПО АБВЕРУ	
П. С. Павлов. Где-то под Лугой...	13
С. Г. Исаев. 65 дней на Певском «пяточке»	21
Т. А. Паливайченко. Сквозное ранение	35
А. М. Нестеров. Горбун и его команда	50
А. А. Муратов. Родимое пятно	68
Т. А. Чижевский. Пресчет капитана Ройтера	81
П. С. Павлов. На ложном аэродроме	99
Г. Г. Власов. Битая карта	111
А. В. Понков. Ночной бой у озера	129
ЗА ЛИШНЕЙ ФРОНТА	
А. А. Богданов. Тропинка к «Марсу»	136
П. Т. Смирнов. Трудный выбор	166
А. А. Богданов. Без права на ошибку	173
И. Я. Леонов, Н. Т. Смирнов. В логове врага	191
В. И. Горбушин. Фейерверк к юбилею	216
А. М. Алов. Друг или враг?	231
В РЕШАЮЩИХ БОЯХ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ	
В. Г. Повохатько. Сражение в эфпре	242
В. А. Бойкия. Операция «Возвращение»	254
С. М. Алексеев. На Повгородском направлении	269
Н. И. Александров. Конец шиповского гнезда	285
Г. Г. Власов. Удар за ударом	292
М. А. Носелов. С тремя неизвестными	314
РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ	
А. А. Муратов. Память о них нетленна	326
Д. Д. Таеверс. Высечены на граните	340
И. Я. Леонов. Нам завещано...	349
Коротко об авторах	362

Составители:

Александр Андреевич Богданов, Иван Яковлевич Леонов

АРМЕЙСКИЕ ЧЕКИСТЫ

Воспоминания
военных контрразведчиков
Ленинградского, Волховского
и Карельского фронтов

Заведующий редакцией Ю. А. Расялск. Редактор Н. К. Новиков. Младший редактор Е. Б. Пиканорова. Художник Е. Б. Большаков. Художественный редактор А. К. Тимолевский. Технический редактор Г. В. Преснова. Корректор Г. В. Мельникова
ИБ № 3193

Сдано в набор 13.12.84. Подписано к печати 11.04.85. М-17584. Формат 84×108^{1/2}. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкн. нов. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32 вкл. Усл. кр.-отт. 21,17. Уч.-пзд. л. 21,79+1,61=23,40. Тираж 100 000 экз. Заказ № 751. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Генерал-майор А. А. Исаков
(фото 1945 г.).

Генерал-майор Ф. И. Гусев
(фото 1951 г.)

Полковник И. С. Качалов
(фото 1945 г.).

Подполковник Д. Д. Рымарь
(фото 1945 г.).

Руководящие работники Управления контрразведки Ленинградского фронта (слева направо): А. Т. Корячкин, И. Я. Лоркиш, П. А. Соснихин, Ф. И. Веселов (фото 1944 г.).

Генерал-майор Н. Т. Середин
(фото 1982 г.).

Полковник Н. Н. Ключев
(фото 1945 г.)

Группа руководящих работников Управления контрразведки Карельского фронта. Сидят (слева направо): П. И. Поликарпов, Г. И. Андрианов, А. В. Никитин, М. М. Портнягин, Ф. К. Сурмач, П. В. Чуцин; стоят: П. В. Алексеев, Е. А. Лавров, А. М. Алексеев, В. Н. Пуминов, С. И. Холево (фото 1943 г.).

Полковник А. В. Оленичев
(фото 1941 г.)

Генерал-майор А. М. Нестеров
(фото 1976 г.).

Руководящие работники Управления контрразведки Волховского фронта. Сидят (слева направо): С. И. Григорьев, Д. И. Мельников, В. А. Скардип; стоят: С. В. Вахрушев, С. М. Выползов, В. В. Иванчкин (фото 1944 г.).

Группа чекистов Управления контрразведки Ленинградского фронта (слева направо): Г. Г. Власов, Н. С. Павлов, П. М. Березин, П. В. Спиридонов (фото 1944 г.).

Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Н. К. Клыков, начальник Особого отдела армии бригадный комиссар А. Г. Шашков (в центре) на Волховском фронте (фото 1942 г.).

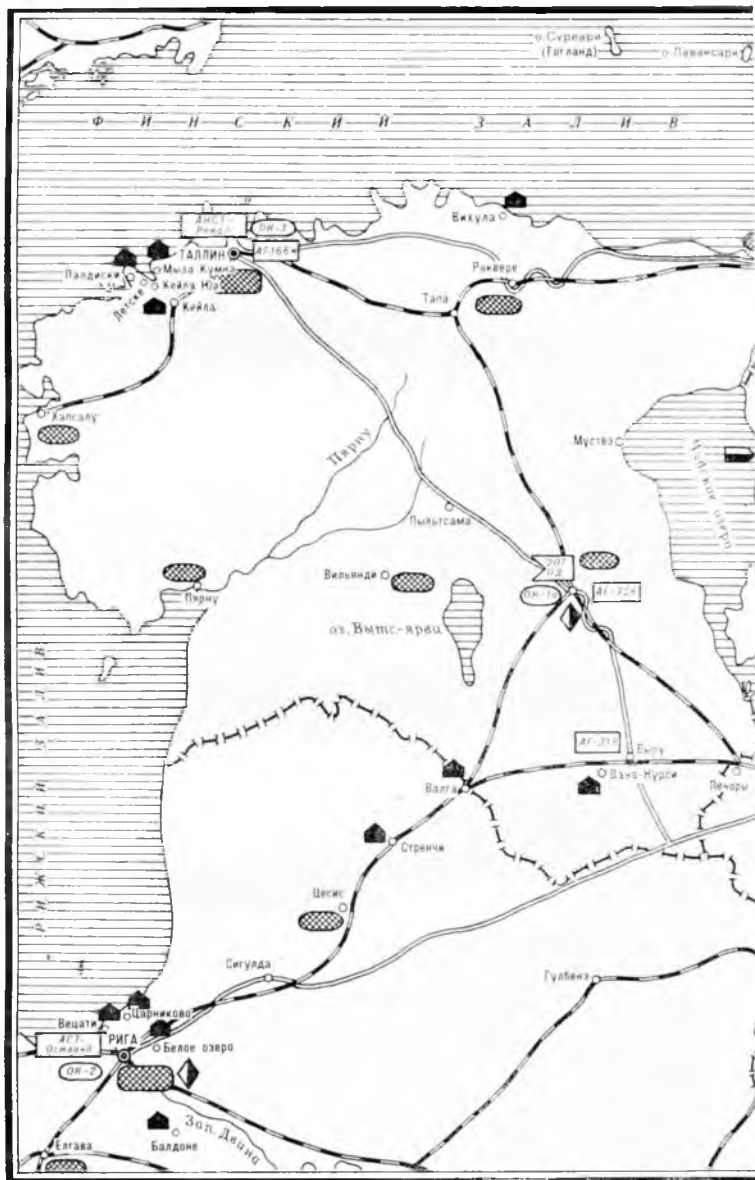
Чекисты Управления контрразведки Волховского фронта. Сидят (слева направо): Л. Г. Суриков, Г. А. Балдичев, С. В. Вахрушев, А. М. Нестеров. Стоят: В. И. Степанов, К. В. Маслов, С. М. Краснопоясовский, И. В. Гусев (фото 1943 г.).

Группа чекистов Управления контрразведки Ленинградского фронта. Сидят (слева направо): Г. Ф. Трубин, А. А. Овсянников, А. А. Богданов; стоят: П. Е. Наливайко, Я. Б. Короткий, А. В. Железняков, В. П. Набоков, И. М. Чистяков, В. Ф. Блохин (фото 1945 г.).

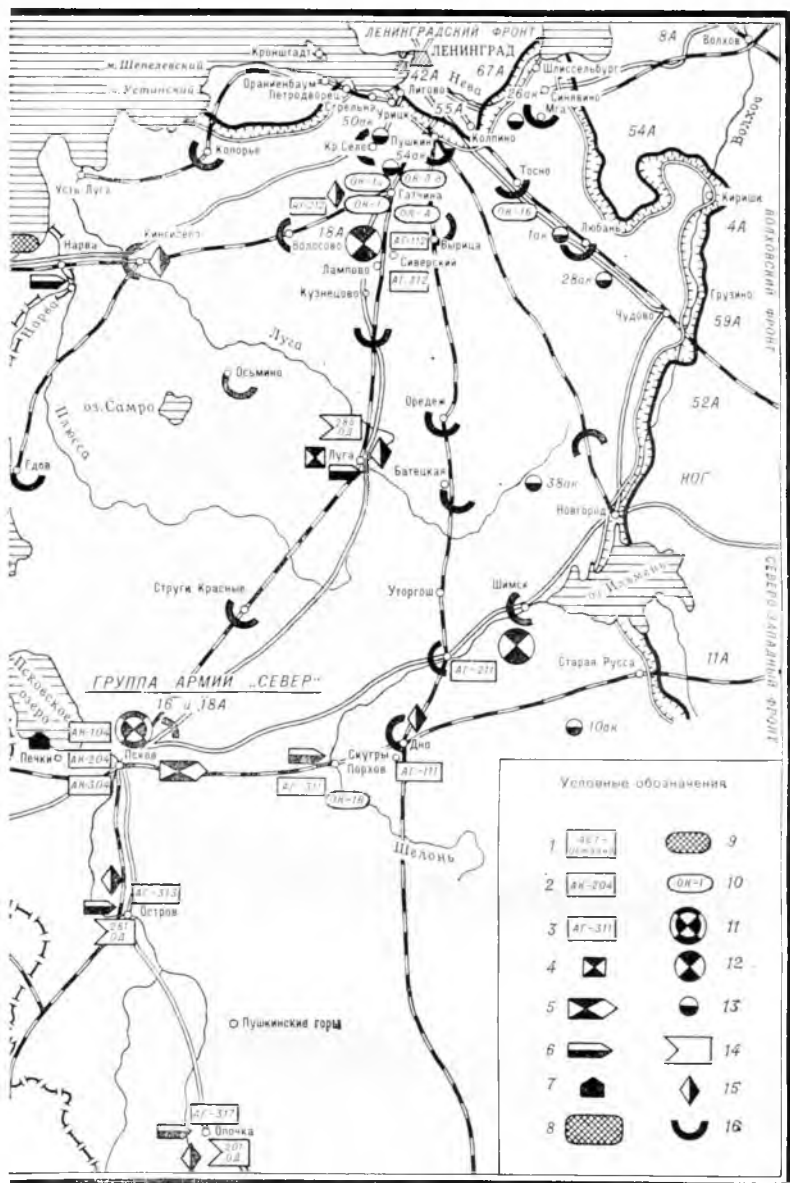

Руководящий состав Особого отдела 42-й армии. Слева направо: А. С. Мельников, Д. И. Марков, К. А. Михневич (фото 1942 г.).

Дислокация основных германских разведывательных против Ленинградского

1. Территориальные органы абвера: «Абверштелле — Остланд» (АСТ) команды. 3. Абвергруппы. 4. Полк дивизии «Бранденбург». 5. Предведывательные и диверсионные школы. 8. Управление полиции безопасности и особые команды СД. 11. Отдел III штаба групп армийные дивизии. 15. Группы тайной полевой

и контрразведывательных органов, действовавших фронта, на 1 января 1943 г.:

—Остланд) и «Абвернебенштелле—Ревал» (АНСТ—Ревал). 2. Абвер-ставительство зондерштаба Р. 6. Эмиссары зондерштаба Р. 7. Разности и СД. 9. Отделения полиции безопасности и СД. 10. Опера-«Север». 12. Отделы ИЦ армий. 13. Отделы ИЦ корпусов. 14. Охран-полицей (ГФП). 16. Отряды полевой жандармерии.

Группа сотрудников Отдела контрразведки 109-й стрелковой дивизии (фото 1944 г.).

Чекисты Отдела контрразведки 12-го отдельного учебного танкового полка. В первом ряду (справа налево): А. А. Муратов, М. С. Истратов, Б. Л. Вихмац; во втором ряду: М. А. Щеников, И. И. Малофеев (фото 1943 г.).

Сотрудники Особого отдела 70-й стрелковой дивизии. Слева направо: П. Н. Шведов, А. Т. Романов, Т. А. Наливайченко (фото 1942 г.).

Начальник Отдела контрразведки 7-й воздушной армии Карельского фронта полковник С. Н. Ландышев (справа) и его заместитель подполковник Т. А. Чижевский (фото 1944 г.).

Капитан В. В. Каретин
(фото 1941 г.).

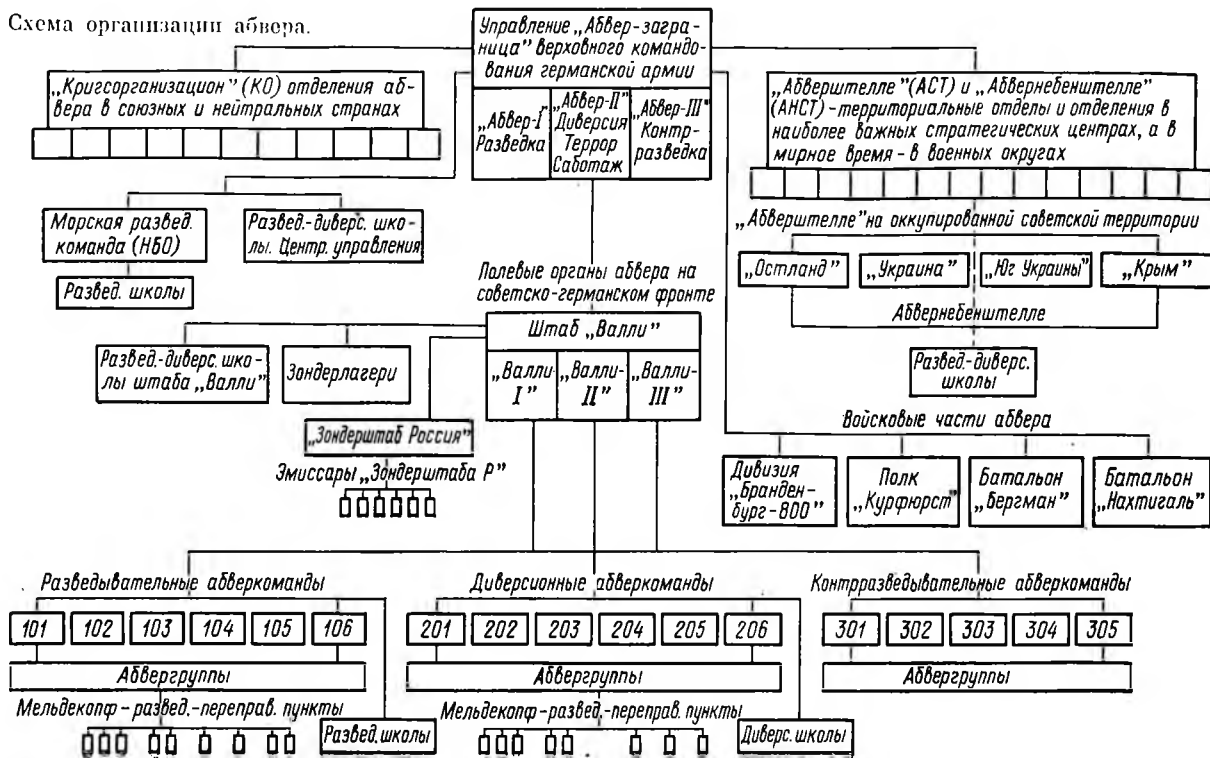

Капитан А. В. Попков
(фото 1942 г.).

Группа чекистов Особого отдела 48-й стрелковой дивизии. Сидят (слева направо): Н. Г. Соколов, А. С. Русяев, П. Ф. Карнухов; стоят: А. Я. Пятницкий, П. П. Латонов (фото 1942 г.).

Схема организации абвера.

Подполковник А. С. Русьев
(фото 1944 г.).

Разведчик М. О. Малышев
(фото 1941 г.).

Группа чекистов Особого отдела Карельского фронта (слева направо): Н. Т. Смирнов, П. А. Катала, С. И. Холево, И. С. Калинин (фото 1942 г.).

Разведчик Н. С. Андреев
(фото 1944 г.).

Разведчик М. Д. Карашенко
(фото 1941 г.).

Разведчица Н. И. Александрова
(Мешзулова) (фото 1941 г.).

Разведчик С. Д. Гоменюк
(фото 1945 г.).

Полковник М. П. Недрига
(фото 1944 г.).

Партийное собрание в одном из подразделений Управления контрразведки Ленинградского фронта. Обсуждаются задачи чекистов в наступлении (фото 1944 г.).

Генерал-майор В. И. Горбушин
(фото 1970 г.).

Полковник А. М. Московских
(фото 1969 г.).

Полковник С. М. Алексеев
(фото 1945 г.).

Полковник Д. Г. Гончаров
(фото 1944 г.).

Руководящий состав Отдела контрразведки 30-го гвардейского стрелкового корпуса. Справа налево: А. П. Кабанов (начальник отдела), Н. И. Токарев, А. Д. Толкачев (фото 1944 г.).

Заместитель начальника Отдела контрразведки 23-й армии подполковник Н. И. Александров (в центре) с пограничниками после ликвидации шпионской группы (фото 1944 г.).

Генерал-майор С. П. Принцев
(фото 1981 г.).

Капитан Н. И. Родионов
(фото 1945 г.).

Группа чекистов Отдела контрразведки 8-го эстонского стрелкового корпуса (фото 1944 г.).

Полковник П. В. Блинов
(фото 1952 г.).

Полковник Н. Я. Тишнер
(фото 1945 г.).

Группа партизан на боевом задании в тылу врага. Впереди —
М. А. Поспелов (фото 1941 г.).

Подполковник В. А. Бойкия
(фото 1979 г.).

Полковник Н. И. Александров
(фото 1952 г.).

Сотрудники и бойцы взвода охраны Отдела контрразведки 275-й
истребительной авиадивизии (фото 1945 г.).

Сововершенно секретно.

Д О К Л А Д

разведчика 00 НКВД КУЗЬМИНА Н.И.

19/11/41
Всего
Т. Кузьмину
19/11/41

19.09.41 года в 14 часов, по Вашему заданию, был на-
шлен тренировочный аэродром, около деревни Бородулино,
Веретье и Погоост /от. Либани/.

На этом аэродроме стояло около 80-ти самолетов. Среди
них были "Мессершмитты", "Какары-77 и 88" и трехмотор-
ные, названная которых не знаю.

Окраина аэродрома была забита автомашинами, в се-
верной ее части видел три радиостанции. Аэродром охра-
няется винными батареями, одна батарея винных ору-
дий расположена в юго-западной части деревни Бородулино
/при входе в деревню/, другая батарея винных орудий -
расположена вправо от дороги, ведущей из деревни Веретье
на Ильинский Погоост.

Самолеты подвешены к самой юго-восточной окраине
деревни. Часть из них замаскирована досками.

Немец строят новый аэродром между деревнями: Малый и
Большой Переход, в строительстве аэродрома участвуют
пленные красноармейцы, там я видел только 5 разведчиков.

В Либани я видел полет бомбардировщиков /две группы
по 35 самолетом/, которые летели со стороны Гдова на
Ленинград.

В е р н о:

НАЧ-К 6 ОТД. 00 НКВД ЛЕН. ФР.
Лейтенант государственности:

Кузьмин
19/11/41

19 сентября 1941 года
г. Ленинград.

Данные подтверждены убитыми.
14 - повреждено 25-30

Фотокопия отчета разведчика Н. И. Кузьмина от 19 сен-
тября 1941 г. о выполнении задания в тылу врага.

Полковник Д. Д. Тавере
(фото 1950 г.)

Разведчик Н. И. Кузьмин
(фото 1940 г.)

Полковник Л. Ф. Дмитриев
(фото 1968 г.)

Полковник Б. И. Иванов
(фото 1967 г.)

Подполковник А. А. Муратов
(фото 1975 г.).

Полковник И. Г. Бусько
(фото 1945 г.).

Полковник П. О. Люткевич
(фото 1945 г.).

Старший лейтенант И. И.
Павловский (фото 1980 г.).

Лейтенант Е. А. Логинова
(фото 1944 г.).

Лейтенант А. М. Чижевская
(фото 1944 г.).

Капитан М. П. Мельникова
(фото 1944 г.).

Младший лейтенант П. Н. Георгиевская
(фото 1945 г.).

Майор С. И. Дмитриев
(фото 1945 г.).

Полковник В. Г. Новохатько
(фото 1955 г.).

Полковник Г. Г. Власов
(фото 1957 г.).

Писатель Иван Михайлович
Петров (легендарный погранич-
ник Тойво Вякя). (Фото
1977 г.)

Школьный музей «Чекисты».

**Пионеры в почетном карауле у урны с прахом разведчиков
Н. И. Кузьмина и И. Г. Голубцова в музее «Чекисты»
(фото 1981 г.).**

Заседание совета ветеранов-чекистов Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов. В президиуме — слева направо: Н. Н. Кошелев, И. Я. Леонов, В. И. Горбушин (фото 1983 г.).

Ветераны-чекисты, прибывшие в Ленинград на традиционную встречу Дня Победы, возлагают цветы к мемориалу памяти павших товарищей по оружию в годы Великой Отечественной войны. Справа налево: И. А. Ядров (Новосибирск), В. В. Фролов с супругой (Москва), И. А. Иванов (Рига). (Фото 1983 г.)

Ветераны военной контрразведки рассказывают пионерам о своих товарищах по оружию. Перед ними фотоальбом «Армейские чекисты на защите Ленинграда» (фото 1981 г.).

Ветераны-чекисты участники боев на Невском «пяточке» Н. Н. Коселев (слева) и С. Г. Исаев, участник боев на Ораниенбаумском плацдарме М. К. Михайлов (в центре). (Фото 1980 г.)

Ветеран-чекист, член Союза журналистов СССР М. И. Буканов знакомит ветеранов М. А. Поспелова и П. Н. Георгиевскую со своей выставкой журналистских работ в школьном музее «Чекисты» (фото 1983 г.).

Разведчик Особого отдела Карельского фронта С. Д. Гоменюк на Ленинградской студии телевидения (фото 1979 г.).

1904